

Т. Н. Третьякова
Историко-культурное
наследие региона

Часть 1

Министерство образования и науки РФ
ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет»
Кафедра туризма и социально-культурного сервиса

Ч 518.14:С5
Т 666

Т.Н.ТРЕТЬЯКОВА

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ РЕГИОНА**

**Учебное пособие
Часть 1**

Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ
2014

ББК Ч 518.14:С5

УДК 94 (470.55)

Т 666

*Одобрено учебно-методической комиссией
Института спорта, туризма и сервиса ЮУрГУ*

Рецензенты:

Климова Т.Е., д.п.н., профессор

Липская Л.А., д.п.н., профессор

Т666 **Историко-культурное наследие региона. Учебное пособие в 3-х частях. Ч.1:** учебное пособие для студентов и магистрантов туристских специальностей/ Т.Н. Третьякова. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2014. – 293 с.

Учебное пособие адресовано студентам и магистрантам туристских специальностей.

Ч 518.14:С5

© Издательский центр ЮУрГУ, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Раздел 1. Теоретические основы региональной культурологии	7
Глава 1. Понятие и сущность историко-культурного наследия региона	7
1.1. Понятие культуры.....	8
1.2. Функции культуры.....	15
1.3. Понятие культурного наследия.....	19
1.4. Историко-культурное наследие как особый ресурс туристского региона.....	23
1.5. Понятие культурологии.....	42
Глава 2. Теоретико-методологические аспекты изучения региональной культуры	48
2.1. Основные подходы к изучению региональной культуры.....	48
2.2. Культура как интегратор регионообразующих факторов.....	59
2.3. Региональная идентичность и региональное самосознание.....	64
Глава 3. Историческое формирование региональной культуры Урала	68
3.1. Понятие региональной исторической культурологии.....	68
3.2. Исторические предпосылки становления региональной культуры Урала.....	73
3.3. Горнозаводской Урал как социокультурный феномен.....	94
3.4. Культура заводского поселения XVIII-начале XX в.....	106
3.5. Освоение Сибири Ермаком.....	128
3.6. Восстание Емельяна Пугачева.....	149
3.7. Роль декабристов в формировании культуры Урала.....	164
Глава 4. Памятники древнейшей и средневековой культуры Урала	241
4.1. Соотношение понятий природы и культуры.....	241
4.2. Понятие цивилизации.....	244
4.3. Памятники эпохи каменного века.....	246
4.4. Памятники эпохи неолита на Урале.....	257
4.5. Памятники эпохи бронзового века.....	268
4.6. Памятники эпохи железного века.....	276
4.7. Памятники эпохи средневековья.....	283
Заключение	292
Список литературы	293

ВВЕДЕНИЕ

Понятие *наследие* в настоящее время активно внедряется в научный лексикон и систему функциональных категорий жизни современного общества. Это понятие все шире используют отечественные политики и государственные деятели, законодатели, исследователи и академические структуры, преподаватели высшей и средней школы и т.д. Еще активнее используется это понятие (англ. – *heritage*, франц. – *patrimoine*, испан. – *patrimonio*) в зарубежных странах. Синхронность появления этого понятия в качестве инновационной категории во многих странах мира позволяют увидеть закономерность этого явления.

Историческое развитие России с конца XVI в. было тесно связано с расширением страны на восток: за полвека русские землепроходцы прошли от Уральского хребта до Тихого океана, покорив территорию свыше семи тысяч километров, примерно равную по площади европейскому континенту. Тем не менее, даже в 1721 г., после того, как вся страна вплоть до Тихого океана стала официально именоваться Российской империей, ее продолжали воспринимать как состоящую из двух частей – Европейской России и Сибири.

На осваиваемых территориях русская культура сталкивается с новыми для себя условиями существования – природно-географическими, хозяйственно-экономическими, этнокультурными. Процесс адаптации русской культуры и ее взаимодействие с культурами коренных народов приводит к формированию специфической ситуации. Следствием присоединения Сибири стала трансформация России в евразийское государство, многонациональное, многоконфессиональное, мультикультурное по своему составу. С этого времени регионализм становится постоянно действующим фактором внутреннего развития страны.

Под региональной культурой понимают специфическую форму существования социума и человека, имеющую выраженную пространственно-географическую очерченность, опирающуюся на собственную историческую традицию и систему ценностей, продуцирующую определенный тип личности. Уникальное местоположение Уральского хребта между двумя основными очагами мировых цивилизаций – Европой и Азией, создавало возможность для постоянного взаимодействия Востока и Запада; разнообразие природно-географических условий Урала, приводило к пестроте культурно-хозяйственных укладов, возникших здесь

еще в эпоху неолита и оказавших воздействие на весь дальнейший ход исторических событий.

Петровская индустриализация на несколько столетий превратила Урал в промышленный анклав внутри крестьянской страны (к концу XVIII в. на территории края было 176 железоделательных заводов, а на всей остальной бескрайней территории Российской империи – около двух десятков). Здесь складывается своя горная система управления, формируется особое сословие мастеровых. Специфические черты имела и духовная жизнь края.

Всероссийское и мировое признание Уралу принесли камнерезное и ювелирное искусство, кушвинское и каслинское чугунное художественное литье, суксунские изделия из меди, златоустовская гравюра на стали, нижнетагильская роспись по металлу. Неповторимым архитектурным обликом отличаются уральские города-заводы. Здесь сложился самобытный горнозаводский фольклор. Высокие духовные традиции допетровской Руси, в том числе и привнесенные старообрядцами, оказались вплетены в логику промышленного развития края.

В начале XX века формируется представление об Урале как особом географическом пространстве со специфическими формами социальной и культурной жизни.

Объекты историко-культурного наследия Урала являются частью историко-культурного наследия Российской Федерации. Выявленные на территории региона объекты историко-культурного наследия отражают жизнь народов, населявших наш край в разные исторические периоды. Научные данные свидетельствуют, что Урал был освоен еще в ледниковый период. Историческим источником в изучении историко-культурного наследия края этого периода являются археологические памятники, которых на территории региона более 3 тысяч, среди них наиболее древние и известные – археологический комплекс Аркаим, входящий в Страну городов, палеолитическая живопись Игнatieвской и Каповой пещер, некрополи, стоянки древних жителей и многие другие. Значительным памятником средневекового периода является архитектурно-археологический комплекс с мавзолеем Кесене.

С началом освоения Урала русскими строились военные крепости, появились города-заводы. Сохранились фортификационные сооружения на территории бывших крепостей. В XVIII-XIX веках было построено более 50 заводов, многие из них являются памятниками промышленной архитектуры. Также к памятникам архитектуры можно отнести дома заводладельцев и управляющих предприятиями горных округов, купе-

ческие дома, сохранившиеся в городах Свердловской, Тюменской, Челябинской областей.

Особый интерес представляют памятники культовой архитектуры, которых сохранилось свыше 150, многие из них находятся под охраной государства. Уникальными сооружениями культовой архитектуры являются: Свято-Николаевский мужской монастырь в Верхотурье, Далматов монастырь, Свято-Знаменский Абалакский монастырь, Свято-Троицкий собор в Верхотурье, Знаменский кафедральный собор в Тюмени, Новотихвинский женский монастырь в Екатеринбурге, Храм на крови в Екатеринбурге, церковь Святителя Николая Чудотворца в Кыштыме и многие другие. На Урале сохранились памятники барокко и классицизма, среди которых можно назвать Невьянскую наклонную башню, Строгановские палаты в Усолье, усадьбы Демидовых, Расторгуевых, Малахова и др. Многие памятники истории и культуры связаны с жизнью и деятельностью известных людей – ученых, писателей, государственных и политических деятелей. Большую ценность представляют сохранившиеся памятники деревянного зодчества, музеи под открытым небом.

Наличие на территории края уникальных ансамблей культовой, промышленной и гражданской архитектуры позволило включить наш регион в число регионов, обладающих обширным историко-культурным наследием, многие города Урала имеют статус исторических городов.

Музыкальный потенциал региона является одним из привлекательных элементов культуры. В некоторых странах музыка выступает как основной фактор привлечения туристов. Известные музыкальные фестивали ежегодно собирают тысячи участников.

Изучением и систематизацией историко-культурного наследия занимаются музейные работники, краеведы и др. Ежегодно на территории края в результате научно-поисковых и исследовательских работ выявляются все новые и новые объекты историко-культурного наследия, многие из которых уникальны или относятся к редким, малоизученным видам памятников. Памятники истории и культуры служат важным информационным источником по истории материальной и духовной культуры, играют значительную роль в просвещении и патриотическом воспитании. Большинство археологических, исторических и архитектурных памятников, имеющих синкретический характер, представляет интерес для ученых России и других стран.

Одним из важнейших моментов достижения культурной целостности нравственного сознания личности является приобщение к культур-

ному наследию. Овладевая современной культурой, человек не должен отрываться от культурно ценных пластов прошлого. Воспитание бережного отношения к сохранению культурных традиция будет носить творческий характер, если основываться на интересе к содержательной стороне застывших форм – мифов, обрядов и ритуалов, этикета и т.д.

Цель данного пособия: создать системное представление об историко-культурном наследии региона как составной и неотъемлемой части общероссийской и мировой культуры, как ресурсном потенциале развития познавательного туризма.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

История уральской культуры – яркий пример становления и развития региональной культуры. В целом представляя культуру России, она, вместе с тем, являет собой относительно самостоятельное явление, обладающее собственными закономерностями и логикой развития. В этом выражается одна из специфических особенностей исторического пути российской культуры.

Изучение регионального историко-культурного наследия отвечает потребностям изучения одной из ключевых проблем современной российской культурной ситуации. Обозначившиеся сложности политических, экономических, этнических и религиозных отношений между различными территориальными образованиями Российской Федерации требуют по-новому понять исторически сложившееся единство национальной культуры, осознать ее как сложную систему, единство многообразия, включающее в себя неповторимый облик каждого из составляющих его элементов.

ГЛАВА 1 ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА

В последние время наблюдается повышенный интерес к региональной специфике российской, появились исследования, посвященные феномену регионалистики, ее геополитической и социально-экономической составляющим. Однако, системных работ по историко-культурному наследию региона чрезвычайно мало.

Регион мы рассматриваем как конкретное географическое и культурное пространство, закрепленное в сознании людей.

Постепенно на единой территории России, в единых административных границах русского государства выделяется из общего мира русской культуры, формируется и начинает существовать, не порывая с ним, особая культура – региональная. Достаточно длительное время носители этой культуры не осознают ее как нечто особенное.

1.1 ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРЫ

Культура – (от лат. *cultura* – возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание) – совокупность искусственных порядков и объектов, созданных людьми в дополнение к природным, заученных форм человеческого поведения и деятельности, обретенных знаний, образов самопознания и символических обозначений окружающего мира. Культура есть «возделанная» среда обитания людей, организованная посредством специфических человеческих способов (технологий) деятельности и насыщенная продуктами (результатами) этой деятельности; мир «возделанных» личностей, чье сознание и поведение мотивируется и регулируется уже не столько биологическими, сколько социальными интересами и потребностями, общепринятыми нормами и правилами их удовлетворения; мир «упорядоченных» коллективов людей, объединенных общими экзистенциальными ориентациями, социальными проблемами и опытом совместной жизнедеятельности; мир особых нормативных порядков и форм осуществления деятельности и образов сознания, аккумулярованных и селектированных социальным опытом на основании критериев их приемлемости по социальной цене и последствиям, их допустимости с точки зрения поддержания уровня социальной консолидированности сообществ и воплощенных в системах социальных целей, ценностей, правил, обычаев, социальных стандартов, технологий социализации личности и воспроизводства сообществ как устойчивых функциональных целостностей, опредмеченных в специфических чертах технологий и продуктов любой социально значимой и целенаправленной активности людей; мир символических обозначений явлений и понятий, сконструированный людьми с целью фиксации и трансляции социально значимой информации, знаний, представлений, опыта, идей и т.п.; мир творческих новаций – способов и результатов познания, интеллектуальных и образных рефлексий бытия и его практического преобразования с

целью расширения объемов производства, распределения и потребления социальных благ. Культура является продуктом совместной жизнедеятельности людей, системой согласованных процедур и способов их коллективного существования, деятельности и взаимодействия, обозначений и оценок, консолидации во имя достижения общих целей, упорядоченных правил и социально приемлемых технологий удовлетворения групповых и индивидуальных интересов и потребностей (как материальных, так и познавательных, символических, оценочных), реализуемых в формах человеческой деятельности.

Вместе с тем культура не является механической суммой всех актов жизнедеятельности людей. Культура – прежде всего свод «правил игры» коллективного существования, выработанная людьми система нормативных технологий и оценочных критериев по осуществлению тех или других социально значимых практических и интеллектуальных действий (при различной степени жесткости их нормативной регуляции). В отличие от биологических свойств и потребностей человека нормы культуры не наследуются генетически, а усваиваются только методом научения, и потому вопрос об уровне культуры в обществе сводится к проблеме эффективности такого рода «научения» (т.е. механизмов социализации и инкультурации личности).

Характеризуя основные параметры культуры, следует учитывать и то, что человечество, будучи единым биологическим видом, никогда не являлось единым социальным коллективом. Разные популяции людей обитают на Земле как автономные сообщества в заметно различающихся природных и исторических условиях. Необходимость в адаптации к этим условиям привела к сложению столь же разнообразных специфических способов и форм осуществления коллективной жизнедеятельности людей, постепенному формированию целостных системных комплексов подобных форм, своеобразие которых отличает одно сообщество от другого. Такие комплексы специфических способов и форм жизнедеятельности получили название культуры соответствующих сообществ (народов).

Таким образом, обобщающее понятие культуры есть не более чем умозрительная категория отмечающая определенный класс явлений в социальной жизни людей, опр. аспект их совместного существования. Реально на Земле существовало в истории и существует поныне множество локальных культур отдельных человеческих сообществ как системных комплексов исторически сложившихся форм их социального бытия. Некоторые из этих культур похожи друг на друга в силу их генетическо-

го родства или сходства условий возникновения и истории, другие различаются настолько, насколько разнятся условия жизни породивших эти культуры народов. Но «ничейной» культуры или «культуры вообще» в принципе быть не может. Каждая культура воплощает специфический набор способов социальной практики какого-либо конкретно-исторического сообщества. Со временем к такого рода популяционной (этнической) дифференциации форм жизнедеятельности добавилось их размежевание по социальным, политическим, конфессиональным и иным параметрам; локальные системы превратились в чрезвычайно сложные и полуфункциональные системы по обеспечению коллективного существования и деятельности людей. Основные социальные функции подобных культурных систем связаны с решением задач интеграции и консолидации людей в целях совместного удовлетворения их индивидуальных и групповых потребностей и интересов (или обеспечения условий для такого рода действий); организации людей (структурирования и разделения социальных функций по направлениям деятельности, группам исполнителей и пр.), нормирования и регуляции практики их совместной жизнедеятельности, технологий и результатов их труда, межличностных и групповых взаимодействий и пр.; обеспечения процессов познания окружающего мира, формирования представлений, верований, идей и т.п.; накопления и обобщения социального опыта коллективной жизни, выработки критериев оценки полезности и значимости тех или иных явлений для человека и общества, построения иерархии экзистенциальных ценностных ориентаций; формирования стандартов социальной адекватности членов сообщества, образов социальной идентичности и престижности, средств социального вознаграждения или наказания; осуществления социальной коммуникации между людьми, символического обозначения предметов, явлений и процессов окружающего мира, выработки языков и способов обмена информацией, технических средств ее фиксации, хранения, тиражирования, трансляции и пр.; разработки механизмов воспроизводства сообщества как социальной целостности посредством межпоколенной трансляции социального опыта, воплощенного в формах и традициях (вербальных и невербальных текстах) данной культуры и т.п.

К числу важнейших функциональных особенностей культуры как системы следует отнести и такие ее свойства, как способность к самообновлению, постоянному порождению новых форм и способов удовлетворения интересов и потребностей людей, адаптирующих культуру к меняющимся условиям бытия (прежде всего историческим), порожден-

ным творческой инициативой отдельных личностей или логикой развития технологий в той или иной специализированной сфере деятельности: постоянную селекцию и отбор форм культуры, оказавшихся наиболее эффективными как с точки зрения утилитарных функций, так и наиболее приемлемыми по своей социальной цене и последствиям, способствующим повышению уровня взаимопонимания и консолидированности членов сообщества и потому обретающим статус общепринятых норм по осуществлению соответствующих функций, включаемых в систему ценностных установок и социального опыта данного сообщества и транслируемых следующим поколениям в качестве традиций культуры: способности к саморазвитию, т.е. усложнению структурно-функциональных и организационных параметров всей системы культуры, углублению специализированности ее отдельных элементов и уровня их взаимосвязи и взаимодействия, повышению универсальности и интенсивности функционирования как системы в целом, так и ее отдельных наиболее важных подсистем, что в конечном счете ведет к общему повышению сложности социальной организации и форм жизнедеятельности данного сообщества и называется историческим прогрессом. Перечисленные свойства систем культуры заложены в них потенциально и реализуются далеко не всегда, а лишь при благоприятном сочетании определенных условий. Поэтому прогресс (эволюция, развитие) в исторической динамике культуры возможен, но отнюдь не обязателен. История свидетельствует, что большинство существовавших на Земле народов, достигнув определенного уровня развития культуры, вступает в состояние гомеостаза со своим природным и социальным окружением, при котором процессы изменчивости культуры продолжаются на микроуровне и не ведут к общему усложнению системы в целом. И лишь в сравнительно редких случаях некоторые сообщества (например, народы Западной Европы и ряд других) совершают последовательную прогрессивную эволюцию в своих основных социокультурных характеристиках от архаичной до постиндустриальной стадии развития.

Культура по природе своей изменчива. В ее динамике можно выделить несколько основных типов порождения и существования феноменов культуры. Во-первых, культурогенез – процессы порождения новых форм К. и интеграции их в социальную практику, а также формирования новых систем и конфигураций культуры, протекающие постоянно на протяжении всей истории человечества и отражающие прежде всего адаптивную пластичность культуры. Во-вторых, наследование традиций – процессы межпоколенной трансляции и воспроизводства, а также от-

мирования (утраты социальной актуальности) уже существующих и интегрированных в социальную практику явлений, что определяет преемственность исторического социального опыта людей и позволяет осуществлять воспроизводство их сообществ как устойчивых социальных целостностей. В-третьих, диффузия культуры – процессы пространственно-временного распространения образцов культуры, их заимствования и внедрения в новые, еще не практиковавшие эти формы системы культуры, ведущие к обмену элементами социального опыта, взаимодействию и взаимопониманию между разными сообществами. В-четвертых, трансформация форм культуры – процессы их модернизации, прогрессивного развития или деградации, вплоть до исчезновения из практики. В-пятых, реинтерпретация форм культуры – процессы изменчивости смысловых и символич. характеристик форм и связей между ними, происходящие в течение их существования. И наконец, в-шестых, системная трансформация культуры – процессы исторической изменчивости (эволюции, деволуции, волновой изменчивости, распада, слияния и пр.) самих систем культуры за время их существования, а также ряд иных видов динамики культуры.

Хотя культура и представляет собой порождение коллективной жизнедеятельности людей, ее практическими творцами и исполнителями являются отдельные личности. Всякий индивид выступает по отношению к культуре одновременно в нескольких ипостасях: как «продукт» культуры, введенный в ее нормы и ценности, технологии деятельности и этику взаимодействия с другими людьми в процессе своей инкультурации и социализации, осуществляемой при воспитании в детстве, при получении общего и специального образования, в ходе контактов со своим социальным окружением (семьей, друзьями, коллегами и пр.), получая повседневную информацию обыденного и специализированного характера, осмысливая художественные образы и нравственные коллизии в произведениях литературы и искусства и т.п., что прямо или опосредствованно работает на формирование личности, социально и культурно адекватной обществу ее проживания, и постоянную корректировку параметров этой адекватности на протяжении всей жизни человека; как «потребитель» культуры, использующий нормы и правила усвоенной им культуры в своей социальной практике и особенно во взаимодействии с др. людьми, пользующийся языками и символами коммуникации, знаниями, оценочными стандартами, типовыми этическими формами и пр. как данными ему уже в готовом виде инструментами и способами личностной самоидентификации и социальной самореализации в данном

сообществе; как «производитель» культуры, творчески порождающий новые формы культуры, либо интерпретативно воспроизводящий или оценивающий в суждениях имеющиеся формы, что уже по самому факту индивидуального интерпретирования (собственной оценки) может быть квалифицировано как акт творчества; как транслятор культуры, ибо, воспроизводя какие-либо образцы культуры в практических действиях и суждениях, человек тем самым передает информацию о них другим людям.

Важнейшим свойством культуры является ее функционирование в качестве основания для самоидентификации общества и его членов, осознания коллективом и его субъектами своего группового и индивидуального (в группе) Я, маркирования себя самобытными формами своей культуры, различения «своих» и «чужих» по признакам культуры и т.п.

Процесс исторического происхождения культуры был одним из аспектов становления человека как существа социального. В ходе антропогенеза, по всей видимости, происходила и постепенная эволюция биол. механизмов адаптации к природному окружению посредством изменения морфологических видовых характеристик гоминидов, к их адаптивным реакциям посредством изменения стереотипов сознания и поведения, разработки и применения искусственных средств деятельности (орудий), совершенствования социальной организации популяций, развития приемов регулирования совместных действий, механизмов обмена информацией и иных форм активности, уже социокультурных по своему характеру. Жизненные интересы эволюции предков человека мало чем отличались от животных, но реализовались уже совсем иными, гораздо более эффективными, а главное – более пластичными и универсальными средствами. Темпы развития подобных поведенческо-деятельностных средств обеспечения существования еще более ускорились, когда к адаптируемым условиям природного окружения добавились и исторические обстоятельства контактов и соперничества с другими человеческими популяциями. Начиная с эпохи становления первых городских цивилизаций фактор взаимодействия сообществ со своим социальным окружением превратился в один из наиболее значимых стимулов социокультурного развития.

Историческая эволюция культуры прошла несколько стадий (каждое сообщество проходило их в своем собственном темпе и ритме): первобытную, где складывалась основная «низовая» ячейка социальной организации – семья, а основным механизмом социальной регуляции были

нормы и ритуалы брачных и кровно-родственных отношений; архаическую, где формировался этнический, территориально-соседский тип социальной организации и культуры, а главным средством социальной регуляции являлась племенная мифология и детерминируемые ею традиции; доиндустриальную, где преобладали в основном сословно-идеологические и политико-конфессиональные формы социокультурного жизнеустройства (цивилизационные), а в средствах социальной регуляции доминирующую роль играло религиозно санкционированное насилие; индустриальную, где основными организационными и культурными структурами общества стали национальная государственность и специализированные социально-функциональные страты, а главным регулятором – социально-экономические интересы и конвенции; и наконец, постиндустриальную, где формы социальной организации эволюционируют к транснациональным политико-экономическим объединениям, а ведущая регулятивная функция переходит к разнообразным видам информационной деятельности, формирующим новый тип культуры – массовый.

Таким образом, культура характеризуется как присущий всякому устойчивому сообществу людей системный комплекс специфических и более или менее нормированных способов и форм социальной интеграции, организации, регуляции, познания, коммуникации, оценки и самоидентификации, образных рефлексий и интерпретаций, механизмов социализации личности и т.п., обладающий способностью к социальному и историческому самовоспроизводству, адаптивной изменчивости и прогрессивному саморазвитию по пути структурно-функционального усложнения. Эмпирически этот комплекс опредмечен в создаваемой людьми искусственной среде их обитания, составленной из произведенных ими материальных объектов, символических продуктов (знаний, идей, языков и пр.), технологий осуществления всякой целенаправленной и социально нормированной деятельности (от высокоспециализированной до обычаев образа жизни) и оценочных критериев (ценностных ориентаций), как совокупность «социальных конвенций», выраженных в вербальных и невербальных «текстах», аккумулирующих социальный опыт сообществ, накапливаемый и систематизируемый в ходе их истории.

Литература

1. Давидович В.Е., Жданов Ю.А. Сущность культуры. Ростов н/Д., 1979;
2. Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1995;

3. Каган М.С. Человеческая деятельность. Опыт системного анализа. М., 1974;
4. Культура: теории и проблемы. М., 1995;
5. Маркарян Э.С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973;
6. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука: Логико-методологический анализ. М., 1973;
7. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973;
8. Морфология культуры: Структура и динамика. М., 1994;
9. Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика социального прогресса). М., 1995.
10. Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. М., 1994;
11. Флиер А.Я. Культурогенез. М., 1995;

1.2 ФУНКЦИИ КУЛЬТУРЫ

Совокупность ролей, которые выполняет культура по отношению к обществу людей, порождающих и использующих (практикующих) ее в своих интересах; совокупность селектированных историческим опытом наиболее приемлемых по своей социальной значимости и последствиям способов (технологий) осуществления коллективной жизнедеятельности людей. При этом все функции культуры социальные, т.е. обеспечивают именно коллективный характер жизнедеятельности людей, а также определяют или корректируют почти все формы индивидуальной активности человека в силу его связанности с социальным окружением. Число такого рода функций культуры весьма велико, и они могут быть выстроены в иерархическую структуру от наиболее общих до сравнительно частных, обеспечивающих функции культуры более высокого уровня.

Наиболее общей и универсальной функцией культуры следует признать обеспечение социальной интеграции людей: формирование оснований их устойчивого коллективного существования и деятельности по совместному удовлетворению интересов и потребностей, стимулирование повышения уровня их групповой консолидированности и эффективности взаимодействия, накопление социального опыта по гарантированному социальному воспроизводству их коллективов как устойчивых сообществ.

Ко второму уровню рассматриваемой иерархии можно отнести функции культуры, обеспечивающие основные формы интегрированного существования сообществ людей, такие как организация людей в их совместной жизнедеятельности посредством их структурной дифференциации на различ-

ного рода относительно самодостаточные группы: социально-территориальные соседские общины (племена, этносы, нации), социально-функциональные (производств., военные, учебные и прочие коллективы, специальности, профессии, проф. констелляции, классы), социально-бытовые (семьи, кланы, социальные страты, сословия), коммуникативные (по диалектам, языкам, языковым семьям), религиозно-конфессиональные (религиозные общины, секты, деноминации, конфессии) и т.п.; регуляция процессов взаимодействия между людьми посредством исторической селекции, нормирования и стандартизации наиболее удачных элементов социального опыта в этой области и реализации их в работе регулятивных механизмов конвенционального (ценностные ориентации, мораль, нравственность, обычаи, этикет и пр.) или институционального (право, политика, идеология, церемониал и т.п.) свойства; консолидация и самоидентификация людей в коллективе посредством выработки общих целей и идеалов их совместного существования, групповых интересов и потребностей, чувства солидарности личности с коллективом и защищенности им, удовлетворенности действующими нормами и правилами совместного общежития и взаимодействия, формирования системы образов групповой идентичности (этнических, социальных, конфессиональных, государственных и иных маркеров) и оснований личной самоидентификации человека в коллективе и самоотождествления с ним, заинтересованности членов коллектива в его социальном воспроизводстве как процессе, отвечающем их индивид. и групповым интересам.

Третий уровень – функции культуры, обеспечивающие основные средства совместной жизнедеятельности людей. К ним можно отнести: культуру демографического и социального воспроизводства членов сообщества, функционирующую посредством выработки норм сексуальных отношений, брачно-семейных и родственных обязательств, норм соседского общежития, стандартов физического развития индивида и охраны его репродуктивных возможностей, а также системы форм и средств целенаправленной межпоколенной трансляции социального опыта (воспитание, просвещение, образование, традиции, обряды и ритуалы и пр.), выработки норм и стандартов социализации и инкультурации личности, ее социальной и культурной адекватности обществу проживания, стимулирования ее заинтересованности в приемлемых для общества формах социальной самореализации, в т.ч. в творческой и инновативной деятельности, в превращении индивида из «продукта и потребителя» культуры в ее «производителя»; культуру адаптации сообщества к природным и историческим. условиям его обитания, реализуемую посредством накопления опыта и воплощения его в нормах, правилах и формах непосредственного жизнеобеспечения (прежде всего в обеспечении продовольствием, теплом, жильем, в методах и традициях охраны здоровья и межличностной взаимопомощи людей), обеспечении коллективной безопасности сообщества (оборона) и индивид. безопасности членов сообщества, их имущества и леги-

тимных прав интересов (правоохранительная система); культуру развития искусственной материально-пространственной среды обитания сообщества и обеспечения его членов социальными благами, выраженную в формировании принципов, норм, правил и стандартов построения территориальной инфраструктуры зоны проживания (населенных пунктов и их внутренней структуры, транспортных коммуникаций, размещения наиболее важных производств и иных функциональных зон и пр.), развития системы энергообеспечения и производства средств производства (инструментария), обеспечения производства и распределения товаров потребления и услуг и т.п.; культуру собственности, власти и социальной престижности, связанную с развитием приемлемых для сообщества технологий и форм властно-собственнических претензий и отношений, способах обретения богатства, формированием иерархии социальных статусов, порядка статусного роста и его символической маркировки (титулатура, регалии, престижные образцы одежды, украшений, обстановки быта, стилистики поведения, этикета и пр.); культуру социального патронажа, проявляющуюся в традициях оказания материальной и иной поддержки людям, оказавшимся в ситуации неконкурентоспособности (по возрасту, увечью, врожденным физическим недостаткам, пострадавшим от войны или стихийного бедствия и т.п.), благотворительности, милосердия, помощи терпящим бедствие, идеологии гуманизма и абсолютизации ценности человеческой жизни, мифологии социальной справедливости, «уравниловки», патронажа коллектива над личностью и т.п.; культуру познания и мировоззрения, накопления и кумуляции социально значимых знаний, представлений и опыта: рациональных (наука и обыденные рациональные наблюдения), иррациональных (религия, мистика, эзотерика, суеверия), логико-метафизических (философия, здравый смысл, народная мудрость), образных (искусство, метафоричность мышления и суждений, игровые формы поведения и пр.); культуру коммуницирования и обмена информацией и социальным опытом между людьми, реализуемую в виде процессов: символизации объектов и явлений (формирование обозначающих понятий, слов, знаков, символов и пр.), сложение языков обмена информацией («естественных» устных и письменных вербальных, невербальных языков жестов и телесной пластики, символических и церемониальных действий, искусственных специализированных языков служебных и технических символов – математических, естественнонаучных, компьютерных, топографических, чертежных, нотных и пр., разнообразных систем указательных знаков, звуковых сигналов, знаков различия, функциональной атрибутики, языков цифрового, графического и звукового кодирования объектов и продуктов и т.п.), сложение систем фиксации информации (в графической, звуковой, видовой и иной технической форме), ее тиражирования и трансляции (синхронной и диахронной, непосредственной и дистантной, механическими и электронными средствами и т.п.), а также институтов, занимающихся накоплением, сохранением и обеспечением доступа к соци-

ально значимой информации (архивы, библиотеки, музеи, хранилища, информационные банки данных, картотеки и пр.); культуру физической и психической реабилитации и релаксации человека, включающую принятые в обществе нормы и формы охраны здоровья и личной гигиены, традиции кулинарии, социальные нормы отдыха (системы выходных, отпусков, освобождения от активной деятельности по возрасту и состоянию здоровья), традиции физической культуры и спорта, оздоровительного и культурно-просветительного туризма и иных форм активного отдыха, традиции общенационального и народных праздников, карнавалов, массовых гуляний, разнообразные формы развлекательного, игрового и интеллектуального досуга, систему институтов организованного досуга и т.п. Следует подчеркнуть, что во всех рассматриваемых случаях функции культуры речь идет не о практических технологиях по достижению утилитарного результата (созданию продукта потребления), а о социальных нормах, регулирующих допустимость и предпочтительность тех или иных способов осуществления этой деятельности.

Четвертый и последующие уровни функций культуры связаны уже с дифференциацией культуры на специализированные функциональные сегменты («экономическая культура», «военная культура», «культура торговли», «религиозная культура», «педагогическая культура» и т.п.) и системы критериев качества осуществления тех или иных социальных функций («культура труда и потребления», «культура быта», «культура языка», «культура научного мышления», «культура художественного творчества» и пр.). В обоих случаях здесь имеется в виду прежде всего уровень соответствия применяемых технологий (а отсюда и качественные параметры результатов) в той или иной сфере жизнедеятельности общепринятым технологическим нормам в соответствующей сфере, которые сложились в процессе исторической селекции такого рода технологий по признакам их приемлемости и допустимости с точки зрения социальной цены и долговременных социальных последствий (критерий утилитарной эффективности в данном случае менее значим) и закрепились в ценностных комплексах специфические свойства, называемых обычно «профессиональной культурой» и «культурой образа жизни».

Таким образом, во всем многообразии функций культуры можно выделить такие «профильные» направления, как социально-интегративное, организационно-регулятивно-нормативное, познавательно-коммуникативное, рекреационное и оценочное.

Литература

1. Александрова Е.Я., Быховская И.М. Апология культурологии // Обществ. науки и современность, 1997. № 2.
2. Александрова Е.Я., Быховская И.М. Культурологические опыты. М., 1996

3. Морфология культуры. Структура и динамика. М., 1994
4. Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. М., 1994
5. Соколов Э.В. Понятие, сущность и основные функции культуры. Л., 1989
6. Токарев С.А. Разграничительные и объединительные функции культуры. М., 1973

1.3. ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Понятие наследие в наше время приобретает черты обыденного. Однако такая ситуация не может не восприниматься как парадоксальная, хотя бы потому, что оно до сих пор не имеет общепринятого определения или толкования.

Изначально понятие наследие включало в себя такие категории, как исторические здания и сооружения, а также ценности сельской местности, и относилось к сфере культурной политики, а в дальнейшем распространилось и на сферу экологической политики. Именно в таком понимании наследие становится объектом особого общественного внимания и заботы в ряде европейских стран и в Северной Америке в XIX веке.

В 1844 году в Норвегии учреждается по-видимому первая в мире национальная общественная организация по сохранению наследия. Аналогичная ей организация – Массачусетский национальный траст, первая в Новом Свете, – создается спустя 45 лет на северо-востоке США. В 1895 году создается английский Национальный траст с двумя региональными комитетами по Шотландии и Ирландии, ставшими со временем самостоятельными национальными трастами.

Пример американского и британского трастов оказался настолько привлекательным, что подобные организации начинают создаваться в материковой Европе, Австралии, Океании, южной и юго-восточной Азии. Несомненные успехи в деятельности первых в мире национальных трастов по сохранению и использованию наследия способствовали популяризации самого понятия наследие и все большему вниманию к нему, в том числе и на международном уровне.

Впервые в мировой практике вопрос об ответственности государств за сохранение ценных объектов мировой истории и культуры был поднят, по-видимому, в рамках работы обеих Гаагских (Нидерланды) мирных конференций (1899 и 1907 гг.), созванные, как известно, по

инициативе России. Тогда впервые была признана необходимость защиты памятников от военных действий. Тогда же выявились отсутствие научных идей и рекомендаций по сохранению памятников прошлого и острая потребность в них.

Самостоятельную и неосцимемо важную роль в деле охраны наследия на глобальном уровне сыграла подвижническая деятельность выдающегося деятеля культуры Н.К. Рериха, ставшего в 1930-е годы признанным лидером широкого международного движения в защиту ценностей культуры. Он сыграл свою историческую роль в последующем формировании идеологии отношения к наследию, которая смогла реализоваться после окончания Второй мировой войны в деятельности ЮНЕСКО.

Одной из первых наиболее значительных акций ЮНЕСКО в рассматриваемой сфере стало принятие в 1954 году в Гааге «Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта». Общеизвестно, что эта конвенция положила начало современному мировому движению за сохранение культурного наследия. С принятием Гаагской конвенции стала складываться международная система охраны памятников культуры прошлого на основе принятия понятия «культурные ценности», введенного в международную практику именно в этом документе. Гаагской конвенцией, в числе прочего предусматривалось ведение «Международного реестра культурных ценностей», ставшего прообразом будущего Списка Всемирного наследия.

В России, как и в других странах, формирование идеологии наследия опиралось на культурные традиции проживающих в ней этносов. Выдающуюся роль в этом процессе сыграли православные монастыри, в течение веков бывшие подлинными творцами и хранителями культурных ценностей. Очень многие из них закономерно стали восприниматься в обществе в качестве объектов общенационального наследия задолго до вхождения этого понятия в обиход.

В новейшее время развитие идеологии наследия и соответствующей ей практики происходило в России практически синхронно с такими в других странах мира, формировалась сеть охраняемых территорий природного и культурного наследия – заповедников, национальных парков, музеев-заповедников и др. Создавались органы государственного управления ими, учреждались структуры научного обеспечения политики в области наследия и т.д. В вузах страны с начала 1990-х годов преподаются курсы по наследию, эти вопросы с недавнего времени присутствуют и в школьных программах. Россия постепенно наращивает

свое присутствие в Списке Всемирного наследия, в котором по состоянию на начало 2005 года представлен 21 объект, в том числе 12 – культурного и 9 – природного наследия.

Культурное наследие

Историко-культурное наследие, культурно-историческое наследие, одно из ключевых понятий современной культурологии и памятниковедения. Под культурным наследием понимают:

- совокупность связей, отношений и результатов духовной деятельности прошлых исторических эпох;
- совокупность объектов окружающего человека мира, признаваемых на основе культурного опыта человечества и его предпочтений культурными ценностями.

Согласно Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО 1972 под культурным наследием понимаются:

- памятники: произведения архитектуры, монументальные скульптуры и живописи, элементы и структуры археологического характера, надписи, пещеры т.п.;
- ансамбли;
- достопримечательные места: произведения человека или современные творения человека и природы, а также археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки. Недвижимые памятники, входящие в состав культурного наследия, нередко называют недвижимым культурным наследием.

Интерес к культурному наследию как особой категории проявился в 1950-60-е гг. Заметный вклад в разработку проблемы культурного наследия внес Э.А. Баллер, давший наиболее полный на сегодня анализ этого явления. В настоящее время внимание ученых все более привлекает рассмотрение состава ценностных объектов, его составляющих: памятники, источники знания, средства общения и воспитания, произведения искусства, философские и политические идеи (системы), религиозные системы, обычаи, традиции, достижения и науки и техники и т.п.

Культурное наследие – ценностная категория, включающая в себя все богатство предшествующего культурного опыта человечества. Его объем находится в прямой зависимости от достигнутого уровня развития культуры.

Культурные ценности

Культурные ценности, предметы материального и духовного мира, имеющие, в представлении общества, культурную значимость. Совокупность культурных центров того или иного народа, общества, государства составляет их культурное наследие. Понятие «культурные ценности» складывалось постепенно, с конца 19 в. Впервые отражено в документах Гаагской конвенции (1954) о защите культурных ценностей во время вооруженных конфликтов.

Культурные ценности формируются под влиянием проявляемого к ним обществом интереса и предпочтений, основывающихся на стремлении к познанию, удовлетворению эстетических потребностей, сохранению и продолжению традиций, духовной идентификации народностей и наций, общественных и религиозных групп. В настоящее время существует два понимания культурных ценностей. Расширительное включает в себя такие категории, как языки, религиозные и философские системы, традиции и обычаи, фольклор и литературу, изобразительное и сценическое искусство, произведения музыкального творчества, архитектуру, кинематограф, памятники культуры, как движимые так и недвижимые, реликвии и т.п. В узком смысле под культурными ценностями понимаются в основном только памятники культуры. Именно так культурные ценности определяются в документах ЮНЕСКО: движимые и недвижимые памятники, музеи, библиотеки, архивы, а также комплексные памятники и памятные места. В отечественной мысли с конца 1970-х гг. понятие «Культурные ценности» трактуется преимущественно в расширительном плане.

Таким образом, к историко-культурному наследию относятся объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и другими предметами материальной культуры, возникшие в ходе исторического развития и представляющие ценность с точки зрения истории, археологии, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры.

Литература

1. Баллер Э.А., Преемственность в развитии культуры, М., 1969
2. Богуславский М.М., Международная охрана культурных ценностей, М., 1979

3. Сергеев А.П., Гражданско-правовая охрана культурных ценностей в СССР, Л.,1990
4. Дьячков П.Н., Актуальные проблемы сохранения и использования памятников культуры, в сб.: Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры, М.,1992
5. Дьячков А.Н., Памятники в системе предметного мира культуры, в кн.: Вопросы освоения историко-культурного наследия. Сб. научных трудов НИИ культуры, М., 1987
6. Дьячков А.Н., К вопросу о концептуализации дела сохранения и использования памятников культуры, в кн.: Культурное наследие народов России. Опыт и проблемы подготовки Свода памятников истории и культуры. (Материалы научной конференции), М., 1990.
7. Конвенции и рекомендации ЮНЕСКО по вопросам охраны культурного наследия, М.,1990

1.4. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ОСОБЫЙ РЕСУРС ТУРИСТСКОГО РЕГИОНА

Современные тенденции использования памятников региональной истории и культуры в туристической индустрии свидетельствуют о все большем внимании к изучению историко-культурного наследия в целом, в его совокупности с другими явлениями традиционной культуры, природным наследием, историческим ландшафтом. Особое внимание привлекает идея формирования историко-культурных территорий, которыми могут стать исторические города, усадебные и монастырские комплексы, поля исторических сражений, исторические пути и дороги, исторические производственные территории и др. Такие территории уже создаются либо в форме музеев-заповедников, либо других пространственных образований, включая даже специфические административно-территориальные единицы. В ряде случаев их деятельность способна определить будущую хозяйственную специализацию региона в целом, перспективы его социально-экономического развития. Историко-культурное наследие постепенно осознается в качестве специфического ресурса территории, выступает как активное явление экономической жизни.

Культура в современной России переживает сложный и противоречивый период. С одной стороны, финансовое положение этой сферы продолжает оставаться очень незавидным, не хватает средств на рестав-

рацию многих памятников истории и культуры, на реализацию интересных проектов, на поддержание в нужном состоянии памятников истории и культуры, используемых в качестве туристских ресурсов, экскурсионных объектов, культурно-досуговых центров.

Остаются нереализованными в связи с отсутствием финансирования. Не удалось реализованными и планы туристского развития многих территорий, которые были связаны с возрождением исторических городов, старинных усадеб, освоением забытых исторических мест, восстановлением памятников культуры.

С другой стороны, для современного периода характерно обращение к ранее сокрытым пластам исторического прошлого, развитию новых тенденций в культурной жизни регионов как туристских центров России. В последние годы по-новому происходит оценка исторического наследия, возвращаются из небытия многие ранее забытые имена и исторические события, восстанавливаются религиозные памятники и святыни. Заметным фактором в жизни регионов России стало появление большого числа изданий по истории, краеведению, изучению природы родного края. Особую значимость обрело понятие «наследие», еще полтора десятилетия назад почти не употреблявшееся в региональном туризме.

В конце XX в. Д.С.Лихачевым была выдвинута идея перехода от охраны отдельных памятников к сохранению всего историко-культурного наследия в его целостности и многообразии [Лихачев 1982], охватывающего как сами объекты наследия, среду, в которой они существуют, так и человека как носителя наследия. Это обусловило деятельность по выявлению всей совокупности наследия, охватывающей не только выдающиеся памятники истории и культуры, но и другие важнейшие элементы: народную культуру, традиции, ремесла и промыслы, историческую городскую среду, сельскую застройку и систему расселения, этнокультурную среду, природное окружение и пр.

Все эти компоненты являются необходимым фоном или условиями сохранения памятника; они представляют собой непосредственную и существенную часть национального культурного достояния, определяя самобытность культуры страны или ее региона.

Подобная тенденция получила активное развитие в поиске и инвентаризации памятников истории и культуры. В их число были включены выдающиеся памятники архитектуры, истории, монументального искусства, а также многочисленные архитектурные сооружения конца XIX – начала XX в., рядовая застройка исторических городов, фабрики,

станционные здания и другие объекты промышленной архитектуры, жилые дома, хозяйственные постройки в сельской местности и пр. Особое внимание обращается на единство архитектурного или исторического ансамбля, когда, например, охранять следует не только центральный памятник ансамбля (собор в монастыре или церковь на старинной улице), но и окружающие его жилые или хозяйственные постройки, сооружения более позднего времени. Это дает возможность начать работу по сохранению общего культурно-ландшафтного облика территории, по сохранению исторической среды, а не отдельного вырванного из нее памятника.

Дополнительного выявления и постановки на государственный учет и охрану требуют памятники традиционной городской среды (малоэтажная застройка городских улиц, архитектура малых форм), объекты промышленной архитектуры, памятники архитектуры XX столетия. Очень мало детальных работ по изучению памятников в сельской местности, описанию традиционного облика сельского дома и его хозяйственного окружения в различных российских регионах. Недостаточное внимание уделяется сохранению исторической планировки сельских поселений, сохранению и возрождению исторических типов сельского расселения.

Необходим новый подход к выявлению памятников истории, основанный на терпимости и толерантности в отношении религиозного мировоззрения и понимание значимости любой исторической фигуры. Важным представляется восстановление забытых ранее страниц истории и имен, внимание к необъективно замалчиваемым ранее историческим событиям. В рамках исторического наследия важно изучение роли не только выдающихся личностей, но и обыкновенных крестьянских фамилий, имен горожан, ремесленников, купцов, учителей, врачей, которые сохранились в архивах или в памяти людей.

Серьезный объект для изучения и сохранения – исторические технологии и традиционные формы природопользования. Их нельзя отнести непосредственно к памятникам истории и культуры, поскольку зачастую они не материализованы в какие-либо предметы, которые можно было бы сохранить в музейных коллекциях, а выступают в виде своеобразных алгоритмов, способов обработки или воздействия на то или иное вещество, материал. Однако социокультурная роль этих элементов несомненна и может оказать большое влияние на развитие отдельных регионов.

Это и аспекты крестьянского природопользования в различные периоды развития различных регионов страны, и природопользование в помещичьих хозяйствах, и монастырское природопользование, и особенности природопользования в малых исторических городах. Между тем это наследие не только активно влияло на формирование культуры различных региональных и социальных групп, но и заложило в себе факторы экологического хозяйствования, что особенно важно в современных условиях.

Неисследованными остаются исторические технологии. Именно технологические особенности во многом определяли не только самобытность того или иного производства, но и всероссийскую специализацию того или иного региона. Нижнетагильский расписной поднос, Таволожская керамика, уральские самоцветы, Златоустовская гравюра на стали, Каслинское художественное литье – их известность заслужена не только благодаря художественному облику изделий, но и во многом, технологическим приемам, традиционно используемым при их изготовлении.

Местные особенности проявляются в технологиях приготовления глины и глиняных изделий, красителей из естественного сырья и крашения тканей или других предметов, в традиционных приемах обработки металла, дерева, в народной живописи; в традиционных способах приготовления различных блюд и напитков народной кухни.

Сохранение исторических технологий является важнейшим условием возрождения традиционных школ в живописи, народных ремесел (гончарство, ткачество, искусство краснодеревщиков и др.). Большинство технологий (например, использование растительных красителей для окраски тканей) являются экологически чистыми и обладают антисептическими свойствами, в этом также заключена значимость их возрождения в современных условиях.

Важной тенденцией современного культурного развития является формирование системы историко-культурных территорий, основанной на территориальном подходе к сохранению наследия. Такое пространство необходимо с точки зрения не только восприятия памятника, но также и его жизнеспособности, будь то природная система или архитектурный комплекс. Современное функционирование памятников и объектов историко-культурного наследия региона невозможно без подключения окружающей территории не как охранной зоны, а как естественной, традиционной природно-исторической среды. Поэтому создание особо охраняемых историко-культурных территорий призвано одновременно

решить вопросы и охраны, и рационального использования памятников истории, культуры и природы.

Само пространство, насыщенное исторической и природной памятью, становится объектом наследия.

Понятие историко-культурных территорий

Историко-культурная территория может быть определена как особый целостный пространственный объект, где в традиционной природной и социально-культурной среде находятся природные и историко-культурные объекты исключительной ценности и значимости. Она создается на основе комплекса памятников и территории, объективно связанной с ними в силу этнических, экономических, исторических, географических факторов. Ее уникальность определяется наличием и сочетанием комплекса мемориальных, архитектурных, археологических объектов, памятников науки, инженерных сооружений, исторической застройки, традиций народных промыслов и хозяйственной деятельности, фольклора и обрядовой национальной культуры, природных достопримечательностей или исторических форм природопользования, представляющих исключительную ценность с точки зрения истории и культуры народов туристских регионов страны или даже мирового культурного наследия.

Под историко-культурными территориями мы понимаем такие объекты, как, например, малый исторический город с окружающими его старинными селами, архитектурными памятниками и природными угодами; старинные усадебные или монастырские комплексы; островные уникальные территории, такие, как Нижняя Синячиха и Хохловка, Коптелово, остров Веры, Аркаим, Троицк, Ирбит, где природа, архитектура и человек составляют единое целое; поля знаменитых сражений; этноэкологические ареалы проживания малочисленных народов и т. д.

В рамках проведенных исследований историков и культурологов выделяются следующие типы историко-культурных территорий:

- исторические города;
- исторические сельские поселения и сельские территории;
- монастырские комплексы;
- усадебные комплексы;
- этноэкологические районы проживания малочисленных народов; поля сражений;
- исторические производственные территории;
- исторические пути и дороги;

– археологические территории.

Исторические города. Исторический город представляет целостную территорию, в которой важна сохранность и памятников архитектуры, истории культуры, исторической планировки, археологического культурного слоя, и естественного природно-культурного ландшафта. В качестве особо охраняемой историко-культурной территории выделяют как весь малый или средний исторический город с его окружением, так и небольшую часть среднего или крупного города.

Комплекс архитектурных и исторических памятников, особенно сохранившийся в рамках малого исторического города, имеет очень тесную сопряженность с его природным окружением (долиной реки, протекающей через город, окрестными полями, лесными массивами и пр.). Сохранившийся естественный рельеф подчеркивает живописность и своеобразие планировочной структуры малого города, открывает особые точки восприятия архитектурных памятников. Окраины города вплотную подходят к полю, реке, лесу, могут сливаться с соседними деревнями. Естественные зеленые массивы, соединяясь с приусадебными садами, формируют особый облик малого города в его единстве с окружающей средой.

Особым типом подобных территорий можно назвать исторические центры крупных городов или их исторические части: кварталы, слободы, улицы.

Исторические сельские поселения. К категории особо охраняемых историко-культурных территорий возможно отнести те сельские поселения, которые сохранили свой планировочный и архитектурный облик, традиционные виды землепользования, элементы народной культуры в повседневной жизни и творчестве людей. Например, достаточно ярким примером можно назвать село с. Фершампенуаз Нагайбакского района Челябинской области – типичное нагайбакское поселение; с. Калинино Пермского края – типичное старообрядческое поселение. Помимо сохраненной планировки и архитектурного облика, его отличают нетронутость природы и живые культурные традиции.

Это может быть, например, сельский административный район с центром – малым историческим городом, вобравший в себя интересные сельские поселения, монастырские комплексы, природные достопримечательности, сохранивший традиционную систему сельского расселения. Подобной территорией можно назвать Суздальский район, где помимо исторического малого города Суздаля сохранилось еще более 50 старинных сел с церквями и памятниками гражданской архитек-

туры, где сохранился и сам облик сельскохозяйственного района Суздальского ополья.

Целесообразно и возможно сохранение целостной структуры исторической системы сельского расселения. Самобытность различных регионов России отчетливо проявляется также и в характере сельского расселения. Это, например, особый архитектурный и планировочный тип поморской сельской деревни, а точнее групп северных деревень вдоль рек или морского побережья. Особый тип представляет мелкоселенная сельская система Нечерноземной зоны, за последние десятилетия практически исчезающая в этой части России. В противоположность ей можно отметить крупноселенную сеть хуторов и станиц на территории бытования российского казачества. Свои интересные примеры представляют особенности сельского расселения у других народов России.

Монастырские комплексы. Наиболее ярким примером подобных уникальных историко-культурных и природных территорий являются Соловецкие острова и Валаам, где монастырская архитектура и природное окружение составили целостное неразделимое явление духовной и культурной жизни (Белогорский мужской монастырь, Абалакский монастырь, Далматово, Меркушино, Верхотурье).

Однако этот тип может охватить и многие другие монастыри, не обязательно островные или изолированные от другой территории. Единый замысел освоения региона соединяет в этом случае монастырские постройки, отдаленные скиты, многочисленные хозяйственные сооружения, сельскохозяйственные угодья, близлежащие поселения. Эта территория объединена, как правило, не только хозяйственным, но и духовным единством через символику архитектуры, топонимики, специально создаваемых человеком природных урочищ.

Усадебные комплексы. Часть из них уже сейчас имеет охраняемый статус отдельного памятника или музея-усадьбы, музея-заповедника. Однако, для значительной части усадеб представляется возможным и более эффективным принцип развития их как особо охраняемых историко-культурных и природных территорий (Усадьба Сведомских – Пермский край, Белый дом Демидовых-Растргуевых (г. Кыштым Челябинской области), Усадьбы Растргуевых-Харитоновых, А.А.Железнова, Тарасова (г.Екатеринбург), .

Усадебная территория может включить не только архитектурный комплекс, усадебный парк и хозяйственный двор, но и распространиться на бывшие сельскохозяйственные угодья, леса, включить в свой состав территории окрестных деревень. Все это историческое пространство од-

новременно создает своеобразную экономическую базу для дальнейшего развития территории, возможность возрождения былой производственной специализации, развитие музейного, научно-образовательного, туристского комплекса. На таких принципах возможно даже объединение «куста» близлежащих усадеб.

Этноэкологические районы проживания малочисленных народов. Это пока недостаточно исследованный и довольно специфический тип, имеющий, однако, не только право на существование, но и нуждающийся в незамедлительном принятии специального охранного статуса.

Данные территории могут быть представлены в основном землями народов севера или местами проживания небольших этнографических групп. На этих территориях не так много выдающихся памятников культуры (основное ее богатство – археологические памятники), но специфический тип взаимодействия здесь человека и среды насытил природные объекты особым содержанием. Многие природные объекты здесь имеют исторический или мифологический характер, имеют одушевленное значение для коренного населения (ими могут быть реки, возвышенности, даже отдельные деревья и пр.) (нагайбакские казаки, куединские удмурты).

Вся эта территория хранит историю народа, а ее нетронутость является залогом сохранения традиционной культуры, традиционных форм хозяйствования, залогом использования национального языка, сохранения самобытности местного населения.

Поля сражений. Это также особый тип исторической территории, что уже вытекает из ее названия. Как показывает практика, для таких объектов главным является сохранение именно исторического ландшафта, связанного с конкретным событием – историческим сражением, вошедшим в историю страны. Бородинское и Куликово поле являются примерами уже созданных охраняемых территорий данного типа, они охватывают пространство в несколько сотен квадратных километров (Концепция). Многие поля исторических сражений еще нуждаются в мемориализации и специальных мерах по постановке на учет и охрану исторических земель.

Исторические производственные территории. Этот тип может быть представлен бывшими промышленными или иными производственными участками, сохранившими интересный комплекс производственных памятников старого времени. В настоящее время в нашей стране они практически не выделяются, однако, существуют достаточные предпосылки

для выделения исторических производственных зон не только общероссийского, но и мирового значения (Касли, Нижний Тагил).

В качестве таких регионов могут быть названы старинные горно-заводские территории Урала, районы интенсивной добычи полезных ископаемых, судостроительные верфи и пр. В Свердловской области создан музей-завод в Нижнем Тагиле. Одним из таких районов является территория Челябинской области, где сохранились старинные рудники и горные выработки, старинные заводские комплексы (заводы с прилегающими поселками), есть возможность воссоздания старинных механизмов и технологий (урочище Пороги, Каслинский завод художественного литья).

Немало подобных территорий локального значения можно выделить практически в каждом регионе (разработки полезных ископаемых, старинные заводы, комплексы технологического оборудования).

Исторические пути и дороги. Это очень интересный и необычный тип именно пространственного объекта. Исторические пути могут сохраниться именно как мемориальный объект в виде реально существующей исторической дороги (примером можно назвать знаменитую древнеримскую Аппиеву дорогу, ставшую своеобразным музеем). Но интересные участки исторических путей существуют и в нашей стране – это, прежде всего, Кругобайкальская железная дорога – уникальное инженерное сооружение и исторический памятник. Это участки других исторических путей: Бабиновская дорога – путь в Сибирь через Средний Урал в XVI – XVIII вв., участки Сибирского тракта, знаменитой «Владимирки», Великий чайный путь, Транссиб и пр.

Исторические пути и дороги могут быть выделены и как общекультурное свидетельство общечеловеческих связей, проявляясь на отдельных своих участках сохранившимися памятниками, например, Великий шелковый путь, Путь «из варяг в греки».

Археологические территории. Необходимость их выделения также связывается с тенденцией перехода от охраны и изучения отдельных археологических памятников к исследованию археологического наследия в целом. Эти территории представляют именно археологические земли (комплекс уже известных памятников и еще не изученных, но потенциально богатых археологическими объектами участков) в их единстве с природным окружением. Это Аркаим и Страна городов, остров Веры, каменные палатки.

Охрана именно всей этой территории чрезвычайно важна с точки зрения обеспечения ненарушенности земель и сохранности естественных природных факторов: рельефа, растительности и пр.

Исследования по данной тематике показали наличие и такого интересного типа территории, как мертвые города. Наглядным их примером может быть назван Пустозерск в низовьях Печеры. Попытки музеефикации, создания своеобразного исследовательского и туристского центра в этом известном когда-то историческом городе и уникальном месте могли бы найти эффективное воплощение в рамках стратегии создания особо охраняемых историко-культурных территорий.

Таким образом, что система историко-культурных территорий интересна не только как историко-культурный феномен, но и как возможная форма и механизм сохранения наследия народов России.

Историко-культурные территории: административный и правовой статус. Европейским Сообществом (Декларация Евроэкосети, 1999) принято понятие «экологический каркас» которое используется в России. В это понятие входят природные районы (не только особо ценные, но и наиболее типичные для данной страны), которые необходимо сохранить с целью обеспечения экологической чистоты лесов, рек, воздушного бассейна и сохранения природного наследия. По мнению ученых подобное представление об «историко-культурном каркасе страны (региона)» необходимо ввести и для культурного наследия. Это важно и в связи с тем, что сейчас практически не существует представления о ценных исторических территориях как целостных пространственных объектах, а тем более объектах единого хозяйственного и правового регулирования.

Развивается система особо охраняемых природных территорий, в структуре которых ключевую роль играет разветвленная сеть национальных и природных парков. На их территориях расположены также памятники архитектуры, археологии, старинные села с проживающим там населением.

Однако, практика деятельности национальных парков в России узковедомственная (как природоохранных организаций), где почти не прослеживается четкая программа сохранения и использования культурного наследия.

Для ряда территорий, не располагающих значительным промышленным или аграрным потенциалом, ориентация на культурное богатство района становится одной из реальных возможностей социального подъема. Причем возможностью, не несущей угрозу экологии или соци-

альной среде, а, наоборот, позволяющей восстановить традиционные формы природопользования, отношения между людьми, культуру, которые представляют собой туристский потенциал региона.

Такой подход непосредственно отвечает положению, содержащемуся в ст. 5 Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия и рекомендуящему государствам-участникам «проводить общую политику, направленную на придание культурному и природному наследию определенных функций в общественной жизни и на включение охраны этого наследия в программы общего планирования».

Статус историко-культурных территорий должен содержать два основных положения. Первое касается признания ценности историко-культурного наследия на данной территории и законодательное определение системы мер по его охране (выявление, постановка на учет, зонирование территории и режимы использования земель, осуществление охранных и реставрационных работ, экологический и архитектурный контроль и т. д.).

Второе положение направлено на создание экономических условий сохранения и использования наследия. Это предполагает как прямую федеральную помощь в форме средств на восстановление объектов наследия и на проведение социально-культурной политики, так и осуществление особой налоговой политики, способствующей вложению средств на реализацию программы развития территории.

Такой подход отражает объективные особенности развития туристских регионов, специфическое место земель особо ценного наследия в системе территориального разделения труда. Основные принципы территориального подхода к решению проблем сохранения и использования национального наследия впервые были заявлены в постановлении Правительства Российской Федерации № 266 от 22 апреля 1992 года «О мерах государственной поддержки культуры и искусства в период экономических реформ», в котором даны рекомендации местным органам по разработке региональных программ развития культуры и по созданию системы историко-культурных и природных территорий как наиболее действенной меры сохранения и использования наследия. В том же году Указом Президента Российской Федерации была создана первая особо ценная историко-культурная и природная территория на Валаамском архипелаге. Сходные проблемы были поставлены в ряде других регионах России.

Комплексные региональные программы сохранения и развития историко-культурных территорий. Актуальной задачей для реализации предложений о создании системы историко-культурных территорий становится разработка конкретных предложений в форме комплексной региональной программы, определяющей перспективы развития культуры, социальной среды и хозяйства конкретного региона. Разрабатываемые материалы такой программы включают концептуальную модель будущего развития территории, методические положения, способствующие выявлению и использованию историко-культурного и природного потенциала, экономические расчеты и обоснование перспективных показателей по основным элементам социальной сферы и хозяйства, рекомендации по характеру организационно-управленческих решений.

1) Первый раздел программы призван определить и оценить историко-культурное и природное наследие территории во всей его полноте.

Подобный комплекс исследований целесообразно обобщить проведением специального культурно-ландшафтного районирования территории. Этот этап работы представляет собой выявление историко-культурной и природной ценности различных земель. Он позволяет подойти к функциональному зонированию земель, определить территории, нуждающиеся в том или ином режиме охраны наследия. Но одновременно эта работа позволяет провести и дополнительную оценку стоимости земли, причем оценку, основанную не на кадастровой ее стоимости (например, по возможным условиям ведения сельскохозяйственного производства), а на дополнительном учете исторических, эстетических, рекреационных особенностей того или иного участка.

2) Следующий важнейший раздел программы – разработка и обоснование системы мер по сохранению и использованию наследия.

Программа развития отрасли культуры – включает как детальное рассмотрение вопросов развития музейного комплекса на выделяемой территории, так и вопросов совершенствования других видов культурной деятельности (театрально-зрелищные учреждения, сфера традиционной и современной народной культуры), взаимодействие с образовательным комплексом и пр.

Программа туристско-рекреационного развития – тесно связана с деятельностью отрасли культуры. В то же время важно учесть и специфику развития туризма на современном этапе. Помимо различных форм экскурсий, познавательного туризма это могут быть также формы научного, экологического, этнографического туризма. Рассматриваются возможности создания туристских деревень, туристского использования

усадебных комплексов, частного жилого фонда в малых исторических городах. В программе уделяется внимание и организационным вопросам по созданию местной туристской инфраструктуры и местных туристских организаций.

Программа развития производственной деятельности – предполагает возможность возрождения традиционных и исторических производств и промыслов, традиционных форм природопользования, очень перспективных для экологического ведения сельского хозяйства.

3) Частью осуществляемой программы является и определение социальных факторов существования наследия. К ним относятся общий уровень социального развития региона и его социальные проблемы. Особое внимание уделяется социальному развитию сельской местности, сохранности сельских поселений, степени освоенности территории. Программа социального развития включает рассмотрение проблем, связанных с демографической и социальной структурой населения, проблем занятости, особенно актуальных в малых исторических городах и на селе. Специально исследуется функциональная структура сельских поселений, их возможные агрорекреационные функции, вопросы развития малых сел. При разработке этого раздела социальные и экономические процессы рассматриваются не просто как фон, а как часть процесса охраны и использования наследия.

4) Заключительной частью программы является проработка экономических, правовых и организационных условий ее реализации. В ней ставятся конкретные задачи перед администрациями разного уровня и органами охраны наследия. Особая роль уделяется статусу историко-культурных и природных территорий, правовым и организационным формам деятельности в сфере охраны наследия, зачастую готовятся проекты решений местных и областных органов управления по данным вопросам.

Комплексный подход к разработке программы позволяет полно и грамотно решать поставленные задачи сохранения и использования историко-культурного наследия, привлекать специалистов смежных отраслей (экология, градостроительство, экономика и др.). Межведомственный характер программы открывает путь для привлечения дополнительных финансовых средств с использованием ресурсов, направляемых, например, на экономические проекты развития производства, региональные целевые программы, средств общественных фондов и благотворительных организаций. В отдельных случаях такие программы выходят и на уровень целевого федерального финансирования.

В качестве примера разработки и реализации комплексной региональной программы подобного типа можно привести стратегию небольшого сибирского исторического города – Ялуторовска, разработанную в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва. Этот город является самым малым среди исторических городов Тюменской области (около 30 тыс жителей) и, хотя он имеет интересные отдельные памятники архитектуры и сохранившуюся деревянную историческую застройку, тем не менее, остается малоизвестным и обычно вспоминается лишь как место ссылки декабристов.

В 1996–1997 гг. была разработана «Комплексная программа сохранения и использования историко-культурного и природного наследия исторического города Ялуторовска и его окружения». Данная программа включала вопросы выявления историко-культурного и природного наследия города и его окрестностей, изучения культурных и хозяйственных традиций, вопросы современной стратегии культурной жизни, музейного строительства, туристского развития, систему организационных и хозяйственных мероприятий.

Подобный подход был предпринят и при разработке перспективной программы развития усадьбы «Ясная Поляна». Она разрабатывалась как программа деятельности существующего музея-заповедника. Однако уже с самого начала в ней был заложен принцип комплексного регионального подхода к решению проблем как музеефикации, так и хозяйственного использования территории.

Выдвигаемые положения могут рассматриваться как принципиально новый механизм функционирования особо значимых охраняемых историко-культурных территорий страны. Предлагаемый подход позволяет отказаться от сложившейся практики мертвой музеефикации и заповедования, от стремления к сохранению внешних атрибутов памятника при утрате его жизненности. Он позволяет включить наследие в современную жизнь общества, видеть в нем основу будущего развития ряда территорий. Особую актуальность приобретает такой подход при определении стратегии развития малых исторических городов, сельских исторических территорий, мест расселения малочисленных народов, различных этнографических групп.

Историко-культурное наследие регионов – социальный и экономический ресурс России, который представляет чрезвычайную важность для развития страны как в социальном, так и в экономическом смысле. Наследие дает возможность представить уникальную ценностную ха-

рактику страны в рамках развития мировой цивилизации, но одновременно оно представляет и особую часть ее ресурсного потенциала. Наследие является частью национального богатства государства (в экономической трактовке данного термина) – совокупности материальных благ, которыми располагает общество, и которые в конечном итоге определяют последующее развитие и влияние этого государства на мировой арене.

Социальная значимость историко-культурного наследия понимается и признается достаточно широко. Роль наследия неопределима в развитии культуры и образования, она является главенствующей в определении национальной самобытности страны в целом и ее отдельных регионов. В 1990-е годы Россия вышла с презентацией и номинацией отдельных своих уникальных достопримечательных объектов как части всемирного культурного и природного наследия.

Международное сообщество уже давно озабочено состоянием своего культурного наследия и сохранением уникальных участков естественной природной среды. Помимо принятия национальных списков наиболее ценных и охраняемых объектов во второй половине двадцатого века была поставлена задача сохранения и оказания помощи памятникам культуры и природным территориям в рамках межгосударственных программ. Своего рода реестром наследия общечеловеческого значения с 1972 г. стал список объектов всемирного наследия, составляемый в рамках международной конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия.

В настоящее время Россия достойно представлена в этом списке. К 2003 г. от Российской Федерации в качестве наследия, имеющего общемировую ценность, были занесены 17 объектов, из них 11 – по номинации «культурное наследие» и 6 – по номинации «природное наследие». Среди них, в частности, уникальные памятники исторических городов России – Москвы, Санкт-Петербурга, Новгорода, Владимира, Казани, монастырские комплексы Соловецких островов, Троице-Сергиевой лавры, Ферапонтова монастыря, озеро Байкал, вулканы Камчатки и др. Для включения в этот список представлены и рассматриваются многие другие значимые объекты национального наследия России. С 1991 г. в стране также составляется национальный список особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации, который в настоящее время насчитывает более 60 объектов.

Наследие является очень важным и еще недостаточно оцененным экономическим фактором развития как страны в целом, так и ее регио-

нов. Наследие – это существенная часть национального богатства, которое имеет реальное стоимостное выражение и его ресурсный потенциал вполне сопоставим с другими ресурсами страны.

Детальные оценки стоимости историко-культурного наследия в целом, как и отдельных памятников истории и культуры практически не проводились, не разработана общепризнанная методика оценки памятников, а отдельные предложения вызывают больше споров, чем согласия. Вместе с тем, используя российский и зарубежный опыт оценок, можно приблизительно оценить ресурсный потенциал наследия и сопоставить его с другими экономическими показателями.

В настоящее время в Российской Федерации состоит на государственном учете и охране более 86 тыс памятников истории и культуры (под этим термином понимаются памятники археологии, архитектуры, истории и монументального искусства). Самая приблизительная оценка их стоимости, основанная на восстановительных затратах и не учитывающая в достаточной мере художественную ценность и уникальность объектов, дает величину, примерно равную 230 млрд. долларов.

Эту оценку следует считать минимальной, в сторону ее увеличения указывают следующие факторы:

- заниженное количество памятников истории и культуры в стране, так как многие памятники еще находятся в стадии постановки на государственный учет и охрану;
- необходимость индивидуальной оценки многих памятников, причем не на основе восстановительной стоимости, а с учетом эстетических качеств и мемориального значения памятника;
- комплексная оценка памятника с учетом естественноисторического ландшафта и окружающей его территории.

Реальную экономическую оценку наследию может дать только развитый рынок, который сможет заявить о востребованности наследия, как особого рода ресурса для экономического развития территории, развития туризма, городской инфраструктуры, образовательных и социальных программ и пр.

В последние годы XX столетия экономика страны начала формировать рынок в области историко-культурного наследия, что называют одним из новых экономических явлений. Это проявляется не только в спросе на что-то старинное, но и во многих других тенденциях. Прежде всего это значительное увеличение стоимостных котировок объектов недвижимости и земельных участков, непосредственно связанных с историческими центрами городов и историческими местами в целом (при-

чем, зачастую это превышение не соответствует прямо инфраструктурному обеспечению района исторической застройки или современному экономическому развитию исторического места). В конце 1990-х годов началась приватизация первых памятников истории и культуры, и в настоящее время появляется достаточно активный рынок спроса на исторические памятники и земли с точки зрения как их аренды, так и приобретения. Следует привести интересные примеры, когда исключительно только исторические названия («Ясная Поляна» и «Куликово Поле» в Тульской области) оказались разобраны многими предприятиями на названия для конфет, напитков, иной продукции, на вывески для различных фирм и компаний. Потребность в историческом «бренде» для развития экономической деятельности превзошла все мыслимые ранее ожидания.

Официально возможность вовлечения наследия в экономический рынок была предоставлена после опубликования Указа Президента Российской Федерации от 26 ноября 1994 г., которым разрешалась приватизация памятников истории и культуры местного значения. При этом объекты, являющиеся недвижимыми памятниками истории и культуры местного значения, подлежат приватизации с обязательным условием содержания их собственниками в надлежащем порядке в соответствии с требованиями охранных обязательств.

Поиск такого хозяина, способного восстановить и поддержать старинное сооружение, поиск надежного собственника для памятника сейчас становится одной из главных забот местных органов охраны культурного наследия.

В последние годы Министерство культуры Российской Федерации получило десятки запросов по переводу федеральных памятников в местное подчинение, чтобы иметь возможность их приватизировать.

Процесс приватизации памятников истории и культуры начался в Москве и Санкт-Петербурге, прошли конкурсы в других крупных городах (Ярославль, Нижний Новгород, Екатеринбург).

Существует еще один очень важный фактор использования наследия в качестве экономического ресурса. Он связан с тенденциями развития ряда малых исторических городов и поселений и выражается в становлении сферы наследия как своеобразной ведущей отрасли хозяйства этих исторических мест. Данная тенденция захватывает не только такие общепризнанные исторические города как Суздаль или Ростов Великий, она проявляется и в других исторических пунктах. Например, Тотма в Вологодской области, Верхотурье в Свердловской, Ялуторовск в Тю-

менской, Каргополь в Архангельской и ряд других малых городов делают в стратегии перспективного развития главную ставку на сохранение и использование своего наследия, на создание музеев-заповедников, развитие туризма.

Подобная стратегия предполагает сохранение наследия исторического города и региона в его многообразии, сохранение ландшафтного своеобразия территории, воссоздание традиционного природопользования и исторических производств с органическим вхождением их в современные социальные и экономические процессы. Намечается активное развитие рекреационной сферы и туризма, музейной деятельности, научно-образовательного комплекса, активизации на этой основе других сопряженных хозяйственных структур. Фактически такой путь находит своеобразное выражение в региональной политике – он проявляется в особой специализации ряда регионов на сохранении и использовании природного и культурного наследия.

Таким образом, наследие выступает как важный фактор социального и экономического развития отдельных городов и территорий. Оно может обеспечить развитие территории именно на базе использования этого специфического ресурса. Для ряда территорий историко-культурное и природное богатство региона становится одной из реальных возможностей их экономического и социального подъема. Можно сказать, что в последние годы историко-культурное наследие выступает как новый фактор в социальной и экономической жизни многих территорий и как особый фактор развития региональной экономики.

Литература

1. Веденин Ю.А., Шульгин П.М. Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России // Известия академии наук. Сер. геогр. № 3. 1992. С. 90–99.

2. Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов. М.: Институт Наследия, 1999.

3. Глаголев А.И. О ценности памятника культуры и ее экономическом выражении // Памятниковедение. Теория, методология, практика. М.: НИИ культуры, 1986. С. 86–97.

4. Декларация Еврозосети (Маастрихтская декларация) // Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов. М.: Институт Наследия, 1999. С. 221–224.

5. Исторический город Ялуторовск: материалы к программе сохранения и использования историко-культурного наследия города и

его окружения. М.: Институт Наследия, 1997.

6. Комплексные региональные программы сохранения и использования культурного и природного наследия. М.: Институт Наследия, 1994.

7. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия, принятая Генеральной конференцией на семнадцатой сессии, Париж, 16 ноября 1972 г. Париж: ЮНЕСКО, 1973. С. 36.

8. Концепция комплексной программы сохранения и использования историко-культурного и природного потенциала исторического города Каргополя и Каргопольского района // Экология культуры. Информационный бюллетень. Архангельск: Комитет по культуре и туризму администрации Архангельской области, 1998. № 4 (7). С. 44–68.

9. Культура и культурная политика в России / Отв. ред. И.А. Бутенко, К.Э. Разлогов. Серия «Научные доклады». № 115. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. С. 90–133.

10. Лихачёв Д.С. Экология культуры // Памятники Отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М., 1982. № 2. С. 10–16.

11. Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития / Под ред. Шульгина П.М. М.: Институт Наследия, 1999.

12. О создании территориальной единицы с особым статусом в Центральном административном округе г. Москвы. Вестник мэрии Москвы, 1996. №10. С. 12.

13. Об образовании в Юго-Восточном административном округе Территориальной единицы с особым статусом «Кузьминки-Люблино». Вестник мэрии Москвы, 2001. №21. С. 8–11.

14. Положение об особо охраняемом эколого-курортном регионе Российской Федерации – Кавказских Минеральных Водах Ставропольского края и его администрации. Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации, 1992. №3. С. 153–160.

15. Сборник материалов I всесоюзной конференции по сохранению и развитию Уникальных исторических территорий. М.: Советский Фонд культуры, 1990.

16. Старо-Татарская слобода от прошлого к будущему. Казань, Префектура историко-культурной заповедной территории «Искер Татар бистэсе» («Старо-Татарская слобода»), 2001.

17. Степенев В.И. Современная аграрная реформа в России: актуальность исторического наследия в природопользовании // Наследие

и современность. Вып. 8. М.: Институт Наследия, 2002. С. 138–158.

18. Уникальные территории в культурном наследии регионов / Под ред. Ю.Л. Мазурова. М.: Институт Наследия, 1994.

19. Шульгин П.М. Экономическое возрождение русской усадьбы // Русская усадьба на пороге XXI века (Хмелитский сборник, выпуск 3). Смоленск: СГПУ, 2001. С. 166–177.

20. Ялуторовские культурные инициативы. Ялуторовск, Администрация города Ялуторовска, 2002.

21. Ясин Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

1.5. ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Культурология – наука, формирующаяся на стыке социального и гуманитарного знания о человеке и обществе и изучающее культуру как целостность, как специфическая функцию и модальность человеческого бытия.

Хотя происхождение термина культурология принято связывать с именем американского культурантрополога Л.А. Уайта, в западной науке это название не прижилось, но за последние 2-3 десятилетия прочно закрепилось в России. Прямой аналог отечественной культурологии в принятых за рубежом классификациях наук выявить сложно, поскольку в отличие от российской традиции, связывающей понятие культуры прежде всего с художественной и просветительской практикой и проблематикой, в западной научной традиции феномен культуры понимается преимущественно в социально-этнографическом смысле. Отсюда основными науками о культуре в Европе и Америке являются социальная и культурная антропология (по российской классификации – нечто среднее между социологией, этнографией и психологией, собственно социология, структурная антропология (в России это назвали бы этнопсихоллингвистикой), новая культурная история (синтез истории быта с исторической этнопсихологией), семиотика и постструктурная лингвистика (постмодернизм) и пр.

Современная российская культурология стремится к объединению названных и некоторых иных направлений и методологий изучения культуры с отечественными традициями исследований истории обыденности, мифологической и культурно-филологической реконструкций, концепций культурно-исторических типов, философией и идеологией

просветительских функций культуры, идеями философии «русского космизма» и т.п. Известное влияние на становление российской культурологии оказывает и опыт отечественного востоковедения, решающего схожие задачи синтеза социально-научного и гуманитарного знания, но преимущественно в узко страноведческом ракурсе.

В связи с расширением международных научных и образовательных контактов возникает проблема эквивалентного перевода принятого у нас термина культурология на европейские языки и объяснения его содержательного наполнения. Российская культурология безусловно шире западной *Anthropology*, но не охватывает полностью понятия *Humanitarians*. Определения типа: *Cultural research* или *Cultural studies* точнее по форме, но мало что объясняют по существу. На сегодняшний день проблема международной верификации российской культурологии остается еще не решенной.

Многообразие существующих в мире философских и научных дефиниций культуры не позволяют сослаться на это понятие как на наиболее очевидное обозначение объекта и предмета культурологии и требует более четкой и узкой его конкретизации: «культура, понимаемая как...». В этой связи культуру как объект познания культурологии можно обозначить как исторический социальный опыт людей по селекции, аккумуляции и применению таких форм деятельности и взаимодействия, которые помимо утилитарной эффективности оказываются приемлемыми для человеческих коллективов также и по своей социальной цене и последствиям, отбираются на основании соответствия критерию ненанесения вреда социальной консолидированности сообществ и закрепляются в системах их культурных ценностей, норм, паттернов, традиций и т.п., то есть представляют собой систему определенных «социальных конвенций», прямо или опосредствованно обеспечивающих коллективный характер человеческой жизнедеятельности. Этот социокультурный опыт воплощается в системе непосредственно регулятивных установлений – обычаев, законов, канонов, морали и нравственности, этикета и т.п.; опредмечивается в специфических чертах технологий и продуктов (результатов) деятельности людей по удовлетворению их групповых и индивидуальных интересов и потребностей (определяющих допустимые в данном сообществе способы осуществления той или иной деятельности и параметры получаемых при этом результатов); является основным содержанием всех видов коммуницирования между людьми и формирует особенности языков и «культурных кодов» такого рода коммуницирования; определяет содержание и методiku процессов социализации и ин-

культурации человеческой личности; рефлектируется и интерпретируется в «культурных текстах» философии, религии, социальных и гуманитарных наук, литературы и искусства, общественной мысли, права и идеологии, обрядов и ритуалов и пр.; транслируется от поколения к поколению в виде традиций, обычаев, ценностных ориентаций, экзистенциальных установок и пр.; является содержательной основой процессов социального воспроизводства сообщества, конкретно-исторических локальных черт их культурных систем и конфигураций. Это и есть культура в том смысле, в котором ее изучает культурология.

В таком случае исследовательским предметом культурологии является изучение содержания, структуры, динамики и технологий функционирования этого социокультурного опыта в ракурсах его генезиса, селекции и аккумуляции, системной упорядоченности, регулятивной практики, изменчивости, семантической выраженности, практики освоения, исполнения и нарушения индивидами его нормативного воспроизводства и творческого развития, конвенциональных и авторских рефлексий и интерпретаций и пр., то есть, в конечном счете познание того, как порождаются, функционируют, транслируются и интерпретируются стихийно и целенаправленно выработанные «социальные конвенции» по интеграции людей и регуляции форм их совместного существования и деятельности.

В отличие от большинства социальных и гуманитарных наук, изучающих те или иные сферы человеческой жизнедеятельности, дифференцированными по специализированным предметам этой деятельности, – экономические, юридические, политические, военные, искусствоведческие, педагогические и иные науки, культурология относится к группе наук, исследующих в качестве объектов все виды и формы целеориентированной человеческой жизненной практики (как специализированной, так и обыденной), но в строго определенных аспектах. К этой группе относятся исторические науки (генетико-хронологический аспект коллективного человеческого существования), психологические (мотивационный аспект человеческих самопроявлений), социологические (структурно-функциональный и деятельностно-ролевой аспекты социальной активности людей), а также культурологические науки (ценностно-регулятивный и коммуникативный аспекты коллективной и индивидуальной жизнедеятельности людей).

Подобный составной характер как объекта, так и предмета культурологии детерминирует и столь же сложную структуру самого культурологического знания. Иерархически в культурологии можно выделить

два основных профиля познания: собственно культурологию (в узком смысле) – как интегративное знание о целостном феномене культуры в реальном историческом времени и социальном пространстве ее существования – и культуроведение – как совокупность частных научных дисциплин, изучающих отдельные подсистемы культуры по специализированным областям деятельности (экономическая, политическая, религиозная, художественная и прочие культуры). При этом философию культуры как методологию осмысления метафизической сущности культуры и формирования мировоззренческих оснований ее понимания ряд культурологов не включает в структуру собственно культурологические науки, а относит к области именно философские знания, преследующего иные познавательные цели, нежели социальные науки и в том числе культурологию. Разумеется, критерии разграничения здесь весьма условны; немалое число теоретических исследований в области культуры выполняется на стыке философии культуры и культурологии, основывается на синтезированных методологиях и включает в себя элементы обеих областей и способов познания и интеллектуальной рефлексии. Тем не менее собственно культурология является вполне эмпирической наукой, исследующей конкретно-исторические явления культуры и выявляющей универсальные закономерности порождения, функционирования и изменчивости этих явлений.

Возможна также и такая классификация основных направлений культурологии, которая выделяет в ней социальную культурологию, исследующую преимущественно функциональные механизмы, процессы и формы социокультурной организации и регуляции коллективной жизни людей (ценности, нормы, обычаи, образы жизни, технологии деятельности, языки коммуницирования, инструментарий социального воспроизводства личностей и сообществ и пр.), и гуманитарную культурологию, концентрированную на изучении процессов и форм самопознания культуры – интеллектуальных и образных творческих рефлексий и интерпретаций природных и социальных явлений бытия, воплощаемых в различных вербальных и невербальных «текстах культуры». Эти два направления культурологии заметно различаются и по основным методологиям познания: рационально-объяснительным в первом случае и описательно-интерпретативным во втором. При этом следует различать собственно культурологический метод познания, направленный прежде всего на аналитическую реконструкцию «правил игры» («социальных конвенций», ценностных ориентаций и пр.), определяющих принятые в изучаемом сообществе формы осуществления жизнедеятельности лю-

дей, и культурно-контекстуальный анализ, исследующий выделенные объекты в их культурно-историческом окружении, но в рамках традиционно исторических описательно-интерпретативных методологических подходов. Несмотря на уже сложившуюся в отечественной науке традицию квалифицировать именно культурно-контекстуальный анализ как культурологический, это представляется методологически не вполне корректным.

Помимо дифференцирования по объектам и методологиям культурология может быть структурирована еще и по специфическим целям, предметным областям и уровням познания и обобщения. Здесь прежде всего имеет место разделение культурологии на фундаментальную, изучающую культуру с целью теоретического и исторического познания этого феномена, разрабатывающую категориальный аппарат и методы исследования и т.п., и прикладную, ориентированную на использование фундаментальных знаний о культуре в целях прогнозирования, проектирования и регулирования актуальных культурных процессов, на разработку специальных технологий трансляции культурного опыта и механизмов достижения соответствующего культурным нормативам уровня развития тех или иных форм социальной практики. При этом в рамках фундаментальной культурологии могут быть выделены такие более или менее сформировавшиеся предметные направления, как социальная и культурная антропология, исследующая культуру как социальный феномен и социальную микродинамику порождения и функционирования культурных явлений; историческую культурологию, изучающую макродинамику порождения и функционирования «социальных конвенций» коллективной жизнедеятельности людей, а также культурно-историческую типологию сообществ; психологическая антропология, рассматривающая человеческую личность как «продукт», «потребителя» и «производителя» культуры, а также психологию социокультурных мотиваций, самоидентификаций и взаимодействия людей; культурная семантика, исследующая знаково-коммуникативные черты и функции культурных явлений, использующая методы лингвистики и филологии для «дешифровки» и реконструкции культурных объектов как смысло-несущих текстов (в конечном счете именно на это и ориентировано абсолютное большинство гуманитарных исследований культуры, хотя культурная семантика как область науки не ограничивается одними лишь гуманитарными методологиями), а также ряд иных более частных направлений изучения культуры. В каждой из этих дисциплин фундаментальной культурологии могут быть выделены несколько уровней по-

знания и обобщения материала: общетеоретический, системных объектов, паттернов (образцовых форм, норм и пр.), единичных артефактов культуры. В прикладной культурологии формируются такие направления исследований, как управление культурой, социокультурное проектирование, культуроохранная деятельность, социокультурная реабилитация, социокультурные аспекты образования, культурно-просветительская и досуговая работа, музееведение, информационно-библиотечное и архивное дело и др.

В отличие от собственно культурологии культуроведческий профиль исследований обусловлен тем, что во всякой специализированной области человеческой деятельности помимо основных утилитарных целеустановок и технологий достижения результата действует также и система норм и регуляторов экстраутилитарного свойства, определяющих социально приемлемые формы осуществления данной деятельности и параметров ее результатов, ее допустимые социальную цену и последствия, профессиональную этику и корпоративные традиции в среде специалистов, структуру и методику профессионального образования, критерии профессионализма, служебные языки обмена информацией и т.п. Эта совокупность черт образует такое явление, как «профессиональная культура» в той или иной области специализированной практики («экономическая культура», «культура управления», «философская культура» и т.п.), аккумулирующая в себе основные параметры социальной значимости данной сферы деятельности, ее социально-ценностный аспект, профессиональные нормы владения технологиями и пр., что требует изучения в качестве самостоятельного предмета, а также обучения этой «профессиональной культуре» подготавливаемых кадров.

Социальные перспективы культурологии видятся прежде всего в том, что в ходе «информационной революции», охватившей человечество во второй половине XX в. и затрагивающей главным образом технологии управления производственными, коммуникативными и иными процессами жизнедеятельности людей, неизбежно наступит этап «революции» в области прогнозирования и проектирования, которая должна поднять на новый уровень эффективности методику управления любыми процессами. В числе наиважнейших при этом окажутся и задачи социального и культурного проектирования регуляции социокультурных процессов общественного развития, расчета социокультурных последствий управленческих решений и применяемых технологий, поддержания техно-гуманитарного баланса в системах ценностных ориентаций и социальных стандартов, поиск новых методов социализации и инкульту-

рации человеческой личности, более эффективных методов социального воспроизводства сообществ и сохранения их специфических культурных черт в условиях общей социокультурной модернизации и стандартизации и т.п. Именно для решения этих задач специалисты-культурологи со знанием закономерностей социокультурного развития, порождения и внедрения инноваций, методологий и методов социокультурного проектирования и регулирования, а также исторического опыта социальной самоорганизации и саморегуляции сообществ окажутся востребованными в наибольшей мере.

Литература

1. Александрова Е.Я., Быховская И.М. Культурологические опыты. М., 1997;
2. Морфология культуры: Структура и динамика. М., 1994.
3. Орлова Э.А. Социальная и культурная антропология. М., 1997;
4. Флиер А.Я. Современная культурология: Объект, предмет, структура//Обществ. науки и современность. 1997. № 2

ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

2.1. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Региональная культурология находится в состоянии становления и определения собственного проблемного поля. Данное научное направление занимается исследованием региональных особенностей социальной, экономической, культурной, политической жизни отдельных регионов, являющихся составными компонентами национальных культур.

До сих пор не выработано методологическое пространство данного научного направления, недостаточно обоснована дифференциация региональной культурологии, исторического краеведения, этнопсихологии, зачастую использующих в качестве объектов исследования одни и те же феномены.

Однако, в последнее время определились два направления исследовательских дискурсов в региональной культурологии: региональной культурологии зарубежных стран и региональной культурологии России.

В XIX-XX вв. в культурологических исследованиях появились некоторые аспекты осмысления логики развития мировой истории культуры: линейные, не учитывающие специфику культур разных народов («теории прогресса», европоцентристские по своей сути); «циклические», опирающиеся на представление о замкнутости и непроницаемости культур (О. Шпенглер); синергетические, связанные с представлением о культуре как о саморазвивающейся системе (М. Каган).

В некоторых исследованиях проанализированы отдельные аспекты типологии культуры регионов. В этой логике мировая культура рассматривается одновременно как целостность (единство всех существовавших, существующих или будущих культур) и дискретность (то, что Н. Данилевский называл культурно-историческими типами, а А. Тойнби – «самозамкнутыми дискретными культурно-историческими единицами»).

Эти исследования опираются на реальную множественность культур, присутствующих в едином пространстве мировой культуры. Это разнообразие форм, видов и типов культур обусловлено различными факторами: географическими, историческими, этническими, религиозными, социально-экономическими, политическими.

Сложность описания феномена мировой культуры во многом кроется в его известной двойственности: быть одновременно формой существования отдельных этносов, народностей, социумов и создавать поле для их взаимного сосуществования. Мегауровень (мировой культуры), спроецированный на уровень развития национальной культуры (мезоуровень), не упрощает ситуацию. Обратившись к национальной культуре, мы вновь сталкиваемся с единством многообразия, связанного уже с социокультурными различиями, возникающими на разных исторических ступенях развития. Если обратиться к географическим и историческим факторам, то мы обнаруживаем, как на одной и той же территории в разные исторические эпохи возникают разные культуры, иногда генетически связанные с предшествующими, иногда отрицающие их. В рамках одного политического и социально-экономического целого сосуществуют, вступая в противоречия или сглаживая их, различные культурные миры, с особыми этническими историями, конфессиональной принадлежностью. Более того, говоря о мире национальной культуры, мы постоянно сталкиваемся с дифференциацией на уровне индивидов, обусловленной социальным опытом, системами воспитания, способами самореализации.

Создание моделей функционирования национальной культуры вступает в противоречие с практикой конкретного бытия, обусловлен-

ной наличием сложных связей между отдельными социальными или этническими группами, их притяжением-отталкиванием, общностью и различием исторических судеб, разновекторностью ценностных ориентации. И, может быть, особую трудность вызывает анализ культуры России, которая по разнообразию культурно-исторических типов, живших и живущих на ее территории, типологически близка мировой культуре в целом.

Обращаясь к культуре России, ученые выделяют несколько плоскостей исследования, в современной социокультурной ситуации приобретающих особую актуальность: Россия как многонациональное единство (с акцентом на рассмотрение проблем межкультурной коммуникации), Россия как многоконфессиональная страна (с акцентом на толерантное отношение к представителям иной, нежели твоя собственная, системы верований), Россия как общее пространство для жизни представителей многих народов (с акцентом на исторически сложившемся территориальном единстве). Доминантой анализа в любой из названных плоскостей становится представление о единстве многообразия, о необходимости преодоления межэтнических и межконфессиональных противоречий, о ценности каждой культуры, возникшей на территории огромной страны. Представление о культуре России как сложной гетерогенной системе тесно связанных между собой элементов приводит к тому, что ее можно описать как исторически сложившуюся целостность, взаимосвязь и взаимообусловленность элементов которой приводят к признанию множественности существующих (или существовавших) моделей культурного развития.

Исследование региональной специфики имеет свою историю. Процессы регионализации, происходящие в разных странах мира, становились объектом изучения в политической, социологической, исторической, философской литературе.

В последней трети XX века к проблемам регионализации обратились геополитики, социологи и экономисты, поскольку данный феномен тесно связан с глобализацией и происходящими в связи с этим изменениями в социально-политической и экономической сферах. Особое место в исследованиях регионализма занимают вопросы политического устройства отдельных территорий (вопросы федерализма), получившие дополнительный импульс в связи с новыми политическими реалиями последнего времени (в частности, с распадом СССР, Югославии, созданием Евросоюза).

В последнее время изучение региональных проблем в России последних десятилетий также велось в контексте политологических исследований, что во многом обусловлено первоначальной неопределенностью развития страны постсоветского времени. В науке утверждается термин «региональный вызов», связанный с множественностью возможных политических дискурсов, равной возможностью прямо противоположных разрешений сложившихся и складывающихся ситуаций, анализом деятельности региональных политических элит. В работах А. Сергунина, В. Долгова, В. Алексеева, А. Рыжкова, Ю. Голика, В. Карасева, А. Попова и других утверждается связь проблем регионального развития с проблемами политико-административного развития страны. Не отрицая продуктивности такого рода исследований, отметим, что они принадлежат плоскости «прикладной политики» и не рассматривают закономерности развития регионов, констатируя лишь их современное состояние.

Новый уровень анализа региональных систем связан с осмыслением этнокультурных различий. Двухнаправленный процесс (описание и осмысление этнического разнообразия исследователями, принадлежащими данным этнокультурам, и попытки создания типологических исследований) обогащает процесс анализа региональной специфики России (не случайно в связи с этим появившееся определение «Россия как десять стран», отличающихся географически и культурно). Особую актуальность приобретает анализ национальных отношений в регионах, в том числе и как определенный фактор нестабильности социальной жизни.

Собственно этнологические исследования в очень большой степени носят констатирующий характер, фиксируя этнокультурные различия, рассматривая культуру либо как замкнутую систему, либо сосредоточиваясь на кроссэтнических связях, нашедших свое воплощение в артефактах, способах коммуникации, взаимных оценках представителей различных этнических групп.

Интерес представляют исследования в области этнопсихологии и антропологии. Обращаясь к проблемам «этнической картины мира», «этнических констант» в контексте осмысления специфики традиционной культуры, этнопсихологи фиксируют особенности механизмов этнической самоидентификации, рассматривают адаптационно-деятельностные модели человеческого поведения, анализируют механизмы самоструктурирования этноса (наиболее перспективными направлениями исследований в этнопсихологии становятся междисципли-

нарные – связывающие собственно проблемы этнологии и психологии с проблемами функционирования культуры. Такой подход в отечественной науке характерен, в частности, для работ С. Лурье, которая, опираясь на европейскую и американскую традицию, пытается обозначить новые рубежи для науки: единое философско-культурологическое поле составляют исследования этнической культуры как целостности (Ф. Боас), изучение культуры и психологии в комплексе (М. Мид), исследование личностных структур (А. Кардинер, Дж. Уайт), психоаналитическая антропология (Г. Рохейм, Ж. Дерево), исследования национального характера и картины мира в контексте ценностного подхода (К. Клакхон, Р. Редфильд).

Историческая составляющая исследований регионов России в современной науке занимает все более значительное место. И если в прежнее время историческая наука тяготела к масштабным исследованиям, связанным с осмыслением макропроцессов (движущих сил истории, истории государств и политических систем), то в настоящее время акцент делается на анализ микросообществ, локальных явлений, входящих в контекст мировой истории необходимым составным элементом: особое внимание уделяется введению новых фактов, осмыслению истории повседневности, введению в научный оборот новых документов, характеризующих процессы, происходившие в «местной» истории. Историко-краеведческие исследования смыкаются с этнологическими, когда происходит осмысление кроссэтнических процессов, обуславливающих специфику развития региона. Наряду с историографической работой, связанной со сбором материалов, интерпретацией архивных источников и музейных артефактов, делаются попытки осмысления методологии исследования местной истории, акцентируется специфическое понимание региона не столько как «территории», сколько как «микросообщества», совокупности людей, осуществляющих определенную историческую деятельность. Особое место занимают исследования локальной истории.

Наиболее продуктивными являются исследования в сфере научной, образовательной, эстетической деятельности людей, проживающих в конкретном регионе. Изучение региональных научных школ и образовательных систем в настоящее время ведется в рамках истории образования и науки. В работах Л. Андрюхиной, А. Кислова, Н. Рыбакова и других разрабатываются проблемы регионального образования, определяются его специфика, цели и задачи. Художественная составляющая региональной жизни в современных исследованиях находится, преимущественно, в плоскости изучения местных художественных и литера-

турных школ, творчества отдельных художников, пытаюсь вписать их в контекст национальной культуры.

В современной географической науке появилось новое направление – гуманитарная география. Происходит становление нового подхода к «описанию земли» – геокультурного. Работы таких западных и российских исследователей, как К. Зауэр, К. Солтер, Р. Кабо, И. Валлерстайн, Ю. Веденин, Р. Туровский, А. Дружинин, Д. Замятин, И. Корнев и других, позволяют говорить о продуктивности целостного анализа природно-географических условий жизни и форм культуры, которые возникают в конкретном пространстве и обуславливают идентичность людей, здесь живущих.

Для создания целостной картины жизни отдельных регионов страны необходимы междисциплинарные исследования, интегрирующие различные аспекты изучения, опирающиеся на представление о культуре как уникальной форме бытия человека в конкретных историко-географических условиях. Эти исследования находятся в поле региональной культурологии.

С середины 1960-х гг. в отечественной науке проблемы, связанные с изучением культуры, приобрели особую значимость, актуализируя такие аспекты, как анализ социокультурных процессов в обществе, осмысление роли и места культуры в формировании личности и социума, связи культуры и природной среды, рассмотрение систем ценностных ориентаций различных социальных групп. Особое место в исследовании культуры занимает деятельностный подход, определяющий культуру как совокупность форм, способов, средств и результатов человеческой деятельности. Дополнительным элементом в исследовании культуры в логике данного подхода становится историческая составляющая, позволяющая рассматривать культуру как продукт человеческой деятельности, возникший в определенных исторических условиях.

Изучение культуры как сферы человеческой деятельности велось разными путями, однако на первый план выдвигались проблемы, связанные с содержанием культуротворческой деятельности и характерным для нее свойством быть системообразующим фактором человеческого бытия. В целом культуру рассматривают как сложную систему взаимосвязанных элементов, представляющих собой исторически сложившуюся естественную целостность, как некий единый мир. Культура понимается как система внебиологически выработанных средств и механизмов, благодаря которым мотивируется, направляется, координируется, реализуется и обеспечивается человеческая деятельность.

Понятие региональной культуры до самого последнего времени применялось к локальным общностям, живущим на определенной территории, в большей степени – по отношению к культурам зарубежных стран. При этом слово «регион» использовалось в узком значении – «территория, на которой возникла и развивается данная культура» (исследования, посвященные культурам Тихоокеанского региона или странам Магриба, Латинской Америки или Тропической Африки).

Рассмотрение региональных культур на территории России первоначально велось в ключе этнологических исследований, фиксирующих сохранившиеся до современности элементы традиционной культуры отдельных народов. В последнее время появляются работы, связанные с обращением к культуре Сибири, Урала, Дона, Русского Севера, рассматривающие отдельные города-мегаполисы – Москву и Санкт-Петербург – как специфические, продуктивные в культурном отношении, феномены (А. Быкова, В. Рыженко, Л. Шамес). Однако, эти исследования носят разрозненно-разобщенный характер, свидетельствующий о процессе становления новой области научного знания.

Исследование региональной художественной культуры в силу сложившейся традиции можно рассматривать как индикатор происходящего в региональной культурологии потому, что именно явления искусства и художественная жизнь зачастую репрезентируют всю культуру целиком. Отличительными особенностями становятся, с одной стороны, феномены, несущие на себе так называемый местный колорит; с другой, то, что повторяет достижения «столичного искусства» на провинциальной почве. Об особом сибирском стиле – «сибиряке» – в профессиональном искусстве говорит, в частности, Р. Боровикова в работе «Типологические черты художественной культуры Сибири» (Новосибирск, 1999), подчеркивая, что он нашел свое воплощение, по преимуществу, в сюжетах произведений; рассматривая культуру Дона, ее исследователи акцентируют внимание на работах, посвященных казачеству (Т. Абрамова). При всей ценности таких исследований, они, к сожалению, не выходят на новый качественный уровень, связанный с осмыслением логики развития региона как специфической формы существования локальной культуры внутри культуры страны.

Различные аспекты бытия региональной культуры исследовались в работах ряда ученых: аспекты микрорегионального типа культуры, связывающие социокультурный и хозяйственно-экологический аспекты ее бытия (Е. Шаповалова), проблему соотношения универсального и идиоэтнического (Л. Даниленко), локальные варианты внутри региональной

культуры как целостности (Г. Казакова), вопросы, связанные с архитектурой культурного пространства (Т. Ляпкина). Региональная культура – это особое бытие общенациональной культуры и самосознание регионального сообщества.

Под региональной культурой понимают вариант общенациональной культуры и одновременно самостоятельное явление, обладающее собственными закономерностями развития и логикой исторического существования. Ее отличает наличие своего набора функций, продуцирование специфической системы социальных связей и собственного типа личности, способность оказывать влияние на общенациональную культуру в целом. Существуют формы и механизмы, которые превращают культуру региона в региональную культуру. Это позволяет включить понятие региональной культуры в типологический ряд историко-культурных явлений.

В основе осмысления региональной культуры лежит представление о культуре как единстве мира человека и мира социума, т.е., опредмеченного исторического опыта человечества, преломляющегося в конкретном бытии индивидуального мира человека. Опосредующей системой становится социальный мир во всем многообразии его связей (в его историческом и современном бытии, существующий в определенных географически закрепленных координатах). Единство этих миров позволяет описывать культуру как социально-личностный феномен, развивающийся в истории. В работах отечественных философов и культурологов А. Ахиезера, Л. Баткина, Г. Гачева, П. Гуревича, Б. Ерасова, М. Кагана, Л. Когана, И. Кондакова, А. Флиера и других предлагаются методологические основы анализа культуры как социальноличностного феномена, акцентируются связи «человек – общество», «мир культуры – мир природы». Сущностно значимым в анализе культуры становится понятие ценности (П. Сорокин), которое лежит в основании культуры и является смыслообразующим фактором ее развития.

Для понимания характера культуры важным является исследование типа культуры, характера продуцируемого культурой типа личности, аспектов самоидентификации человека в культуре и систем самосознания культуры. Каждый из этих аспектов так или иначе оказывался в поле зрения современной культурологии. В частности, А. Гуревич обращался к средневековому типу культуры; характер и специфику типа личности в культуре Возрождения рассматривал Л. Баткин; проблемы художественного сознания исследовал Л. Закс; феномен идентичности и механизмы самоидентификации проанализированы в работе

Е. Трубиной; к проблемам региональной идентичности обращались С. Сверкунова, Р. Туровский, В. Богомяков; в работе Е. Черепанова, посвященной австрийскому региону, рассматривается проблема философии как формы самосознания региона.

Исследование региональных культур в России находится в стадии становления. И. Мурзина предложила *методику анализа региональной культуры*, которая является одним из ключевых элементов исследовательского дискурса региональной культурологии.

В процессах осмысления региона как специфического историко-географического пространства необходимо учитывать, как происходит процесс его «выделения» из общего мира национальной культуры. Особую роль играют «адаптивно-адаптирующие» механизмы культуры, действие которых можно обнаружить, если обратиться к историческому опыту отдельных людей и микросообществ. Содержательный анализ географической среды дает материал об адаптации к конкретным природным условиям, сложившимся на протяжении исторического развития отдельной культурной общности и нашедшем свое воплощение в формах духовного освоения мира и в материальных артефактах; обращение к исторической географии позволяет проанализировать феномен межкультурной коммуникации; описание ценностно-нормативной системы, транслируемой обществом индивиду и усваиваемой (или не усваиваемой) им, делает возможным связать воедино «ядро» культуры и его актуальное состояние; обращение к социально-психологическим особенностям личности открывает способы самоидентификации личности и формы ее самоактуализации в конкретной исторической ситуации.

Освоение новой территории дает обширный материал, иллюстрирующий механизмы адаптации человека и создания новых форм культуры, обусловленных новыми условиями бытия.

Для понимания данного явления необходимо знать сущность и значение «материнской культуры», который в региональной культурологии используется как синоним «культуры центрально-европейской России», и «региональной культуры», который традиционно использовали для обозначения культур, находящихся на определенных территориях, по преимуществу – в других странах. Специфика региональной культуры связывается с региональной спецификой конкретной историко-географической области (культура Востока, культура Запада, или – анализ особенностей отдельных культур, например, Латинской Америки или Франции). В современных источниках этот термин используется для описания многообразия культур, находящихся внутри единой страны.

Региональная культура генетически связана с национальной культурой, соотношение национальной культуры и ее регионального варианта может быть рассмотрено как связь общего и особенного.

Для того чтобы сложилась региональная культура, она должна пройти несколько этапов в своем развитии.

Первый этап. Включение данного географического пространства в поле освоения «материнской» культуры (ситуация «открытия» в той или иной степени характерна для многих регионов России: осваиваются Урал, Сибирь, Дальний Восток, Юг России, в более позднее время – территория Восточной Пруссии – Калининградская область).

Второй этап. Освоение новой родины переселенцами (миграция населения из Центральной России и Русского Севера на Урал и дальше в Сибирь, освоение южнорусских земель казаками, украинцами, белорусами).

На этом этапе происходит физическое и символическое включение территории в состав России. «Физическое» – включение территории в административный состав русского государства -намного предшествует «символическому». «Символическое» – обретение смысла существования людей, связанного с местом их жизни, с представлением о роли, которую призвана играть данная территория в судьбе страны (быть «кладовой» природных богатств, как Урал или Сибирь, выполнять функцию охраны рубежей, южных, восточных или западных) – приходит позже, тогда, когда люди активно осваивают территорию в ходе практической деятельности и начинают ее осознавать как «свою» .

Жители из разных областей страны, являясь носителями, с одной стороны, «материнской культуры», с другой, привнесенных в нее особенностей, связанных с местом прежнего проживания (это лучше всего представить на примере языка, существующего как единый, общий для всех носителей, и диалектный, характерный для данной местности), стремятся адаптироваться к конкретным формам существования, однако сохраняют в различных культурных формах (от одежды и жилища до языка и обрядности) черты прежней жизни.

Третий этап. Начинает осознаваться «связь с местом», выражающаяся в определенных способах хозяйствования, в организации социальной жизни. Вступая в межкультурную коммуникацию с коренными народами и переселенцами из других регионов, люди начинают осознавать собственную идентичность именно как людей, живущих в данном пространстве. На этом этапе формы жизни еще несут особенные черты

тех мест, из которых переселились люди. Этот этап можно рассматривать как переходный от культуры региона к региональной культуре.

Четвертый этап. Отличается тем, что люди, живущие в конкретной территории, воспринимают ее как свою родину, происходит обретение региона как «смысла для себя». Характер производства и социальной жизни, осознание собственной особенности и значимости в судьбе страны, сформировавшийся этнос и нашедшие свое воплощение эстетические ценности – все это дает право называть культуру жителей конкретного региона региональной.

Пятый этап. Связывает национальную и региональную культуру новыми по характеру связями: не представляя себя вне «большого целого», регион ощущает собственную значимость и стремится влиять на судьбу «целого». Таким образом, он на этом этапе превращается в форму существования национальной культуры, одновременно обеспечивая ее развитие, сохранение внутреннего динамизма. Другой формой влияния региона может быть исполнение им специфической хозяйственно-экономической роли (например, обеспечение выхода к Балтийскому морю или к Тихому океану), иногда с политическим оттенком («уральский» или «петербургский» след в политической истории современной России). Еще одно проявление подобной тенденции связано со стремлением представителей региональных культур оказывать влияние на изменение духовного климата в стране в целом. Например, такой феномен русской культуры 70-х гг. XX в. как появление сибирских писателей-«деревенщиков» стал не только явлением в искусстве, но и выступил индикатором нравственного состояния общества.

Не всякий регион продуцирует свою, региональную культуру. Так, можно говорить о региональной культуре применительно к Уралу, Сибири, Югу России. Однако области центральной России не могут быть рассмотрены как феномены региональной культуры, исторически они находятся в рамках «материнской» русской культуры. Отдельными территориями можно назвать Русский Север, который воспринимается как квинтэссенция русской культуры, связанный с другим древнерусским центром – Новгородом, и собственно столичные центры – Москву и Петербург.

Принадлежащие региональной культуре личности и произведенные в ее рамках артефакты становятся определенным образом маркированными: они получают статус атрибутов данной культуры. Не отрицая их национальной принадлежности (феномены русской культуры), они становятся еще и региональными репрезентантами, что можно обнару-

жить и в личностных характеристиках (сравните закрепленные в обыденном сознании – «москвич», «петербуржец», «сибиряк», «донской казак») и в артефактах (камнерезное искусство как «визитная карточка» Урала).

Региональная культура, таким образом, становится интегрирующим началом жизни конкретной территории, определяемая условиями существования людей и определяющая формы их существования.

2.2. КУЛЬТУРА КАК ИНТЕГРАТОР РЕГИОНООБРАЗУЮЩИХ ФАКТОРОВ

Изучение исторического развития и географических особенностей отдельных регионов России в большей степени преломляется в анализ наиболее значимых проблем политики и экономики конкретной территории и относится к сфере складывающейся сегодня внутренней регионалистики, уделяя крайне малое внимание категории региональной культуры.

Обращение к культуре позволяет изменить видение региона, осознать его роль в трансляции ценностей национальной и общероссийской культуры, понять его уникальность и одновременную вписанность в культурное пространство страны и мира, открыть особенности сформировавшегося типа личности, способов коммуникации, форм духовного освоения мира.

Географы, экономисты, социологи выделяют разнообразные факторы (экономические, политические, социально-психологические, демографические и др.), которые позволяют увидеть регион как целостную систему социальных связей, характерных для данной территории. Для того, чтобы это единство состоялось, необходимо, чтобы жителями региона место их жизни было освоено как собственное и значимое, чтобы выработался определенный способ связи с местом жизни, выкристаллизовался определенный тип мироотношения и миропонимания. Таким интегратором социальной жизни конкретного региона становится культура. Она позволяет не только осознать регионообразующие факторы, но наполняет их дополнительным значением.

Географическая составляющая при анализе региона включает в себя описание природно-климатических условий и природных ресурсов, характерных для данной территории, но уточняется за счет включения в описание символов и кодов, проецируемых культурой данного региона на освоенное ею пространство.

Пространство, характеризующее структурность и протяженность материальных объектов, является одной из универсальных категорий, позволяющих более или менее целостно описать окружающий человека мир. На протяжении XX в. философами и культурологами были предложены модели, связанные с осмыслением пространства: земное или географическое пространство рассматривалось как проявление архетипов сознания (М. Элиаде); «близкое», освоенное человеком географическое пространство (Г. Башляр); определяются связи физического и социального пространства, механизмы «присвоения» (П. Бурдьё); само пространство философской рефлексии стало «географизироваться» (М. Фуко, Ж. Делез, Ф. Гваттари), наполняя дополнительными смыслами пространство жизни; анализ семантики пространственных образов («топос» и «логос» семиотической школы) дал еще одну возможность к пониманию взаимообусловленности мира культуры и мира природы. Особое место заняли исторические исследования, связавшие географическое пространство и культуру, возникающую в его координатах (А. Тойнби, Л. Гумилев).

Другой вектор изучения пространства представлен в географической науке, где само «описание Земли» также претерпевает значительные изменения: от конкретных описаний «места» (работы, написанные в жанре путевых заметок) до попыток осмыслить географию как некий «образ пространства», в его целостности и взаимообусловленности частей. Создание «географического образа мира» тесно связан с картой как его зримым воплощением, с одной стороны, и сближается с почти художественной задачей созидания целостного представления о реальности, с другой (примером может служить геоисторическое описание Франции, сделанное Ф. Бродезем). «Культурная география», или геокультурный подход в науке позволяет говорить о продуктивности целостного анализа природно-географических условий жизни и форм культуры, возникающих в конкретном пространстве, обуславливающих идентичность людей, здесь живущих.

Исследования в области «культурного ландшафта» позволяют современным исследователям анализировать природу и культуру в их единстве и тесном взаимодействии. Р. Туровский, в частности, отмечает: «...человек и его культура формировались во взаимодействии с природой, и исключать природу из культурного ландшафта столь же некорректно, как исключать из природного ландшафта человека. Многие обычаи, нравы населения разных земель возникли в результате адаптации человека к природным условиям. Природа оказывает непосредственное

воздействие на традиционную систему ведения хозяйства, на представление о мире, мифологию и фольклор, на быт, одежду, питание, жилище и другие этнографические особенности. Природные условия ставят пределы возможностям культурного развития и корректируют ассимиляцию заимствованных элементов. <...> Под влиянием природы формируется национальный характер, привычки и ценностные ориентации культурных групп. Природа является ареной для человеческой деятельности, а ее внешний облик становится неотъемлемым компонентом культурного ландшафта и формирует эстетические представления человека». Символическое насыщение географического пространства в ходе освоения его человеком также позволяет осознать его как «культурное», делает его семантически наполненным и значимым.

Таким образом, анализ регионального пространства как геокультурной общности позволяет описать специфику культуры, возникающей и развивающейся в отдельно взятой территории.

Историко-культурная составляющая включает историю заселения и освоения региона, сформировавшийся в данном регионе тип культуры и доминирующий тип личности, закрепившиеся в общественном сознании.

Опыт описания историко-культурного пространства в контексте проблем истории заселения и формирования устойчивых общностей особенно активно развивается в исторической географии. Однако, обращаясь к истории взаимоотношений человека и окружающего ландшафта, исследователи исторической географии в большей степени акцентируют аспекты, связанные с историей изменения географической среды в связи с деятельностью человека. Смещение акцента в сторону антропологии, позволяющее соотнести актуальное существование культуры и ее историю, дает возможность рассмотреть феномен трансляции культуры, обусловленность конкретного «образа» культуры историческими реалиями, тем самым, создавая новый контекст для изучения проблемы освоения географического пространства в ходе исторического развития России, анализируя место России в мировом сообществе цивилизаций и осознание роли конкретных «мест» и их значения в русской истории, связывая геополитические и общенациональные интересы.

В логике историко-культурного анализа возможно обращение к типу личности, сформировавшемуся на определенной территории в определенное время. Само представление о типе личности позволяет связать воедино внешние условия существования человека (географическое измерение и историческую обусловленность) с внутренним миром

(«присвоение» мира и активная деятельность в соответствии с ценностными ориентациями), обнаружить востребованность человеческого типа в определенных условиях функционирования культуры.

Рассмотрим психологический, личностно-ориентированный аспект исследований в сфере региональной культурологии.

Понятие «личность» в психологии включает два аспекта: первый понимает под личностью человека деятельного (субъекта общественных отношений и сознательной деятельности), второй обнаруживает в личности некоторую устойчивую систему социально-значимых черт, характеризующих индивида как члена определенной общности. В данных определениях культурная составляющая присутствует в разной степени – как потенциальная возможность для самореализации индивида и как актуальная система ценностей, ориентирующая человека в конкретном социальном пространстве. Более того, именно последняя характеристика дает возможность говорить о формировании в культуре определенного типа личности с особой системой мировоззрения, нравственными основаниями, эстетическими принципами, политическими и экономическими ориентациями, с определенными стереотипами поведения и стилем жизни (например, работы об итальянских гуманистах или человеке тоталитарной эпохи).

Историко-культурный анализ дает возможность не только «вписать» личность в определенный исторический контекст, но и связать (или – противопоставить) индивидуальный опыт человека и социально детерминированную модель.

Демографическая составляющая наряду с традиционными проблемами расселения населения и размещения трудовых ресурсов, динамики миграций, сформировавшихся агломераций населенных пунктов, обращаясь к функционированию культуры, включает исторический анализ миграций, связанный с перемещением народов (например, в ходе индустриализации), обусловивший те или иные формы организации социальной жизни и способы освоения природного мира.

Этнокультурная составляющая связывает воедино рассмотрение культур отдельных этнических групп (системы ценностей, язык, религиозные верования, обряды, традиции), проживающих на данной территории и процессы межкультурного взаимодействия этносов.

Социально-психологические факторы обуславливают региональную идентичность (как национальную, так и наднациональную, связанную с той культурой, которая развилась в данном регионе) и влияют на формирование регионального самосознания. Они во многом оказывают-

ся связаны с теми социальными мифами, которые существуют в актуальном сознании жителей региона.

Аксиологическая или ценностно-ориентирующая составляющая позволяет рассмотреть региональную систему ценностей как один из вариантов общекультурной системы, проанализировать, какие ценности, воспринятые личностью, связывают ее (личность) с местом ее жизни и что становится значимым в каждый конкретный период развития культуры региона.

Политико-экономические факторы обращают к типу административно-территориального деления, статусу территории, позволяют проанализировать систему органов социального управления, взаимоотношения различных политических партий и организаций и их роль в жизни региона, состояние экономики, интеграционные и дезинтеграционные процессы, происходящие в регионе и обусловленность внутрирегиональными и общегосударственными проблемами развития, а также связать деятельность отдельных политических и экономических систем с тем типом культурного взаимодействия, который сложился в данном регионе.

Регионообразующие факторы составляют определенное единство, интегрирующим началом которого и становится региональная культура.

В качестве интегратора регионообразующих факторов культура может быть рассмотрена как система, раскрывающая, с одной стороны, специфику жизнедеятельности людей, с другой, ценностное отношение к социальным связям, которые возникают как внутри территории, так и в ее отношении к другим регионам и «центру». Такой подход позволяет не только описать механизмы адаптации национальной культуры к региональным особенностям, но оценить степень продуктивности и качество культуры, ее воздействие на личность человека и региональное общество.

Региональная культура становится серьезным фактором существования локального социума тогда, когда члены этого социума осознают себя как некое единство, идентифицируют себя с конкретной территорией, ощущая себя связанными с нею не только производственными связями, но и транслируемыми ценностями, среди которых значимость места жизни в судьбе ее жителей и судьбе страны ощущается как доминантная.

2.3. РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И РЕГИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Обращение к культуре как регионообразующему фактору позволяет ввести понятия региональной идентичности и регионального самосознания.

Сам термин «идентичность» первоначально использовался в эгопсихологии (Э. Эриксон) «для описания как субъективно переживаемого «чувства непрерывной самотождественности», основывающейся на принятии личностью целостного образа своего «Я» в его неразрывном единстве со всеми своими социальными связями».

Исследования идентичности в отечественной и зарубежной науке обнаружили многослойность самого понятия, увязывая его не только с психологическим состоянием субъекта, но и с проблемами личностного роста, с его социальными ролями. Как отмечает Е. Трубина в обобщающей работе «Рассказанное Я: проблема персональной идентичности в философии современности», существуют классическая и постклассическая философские традиции в понимании идентичности.

В классической философской традиции идентичность рассматривается по модели «вещь и ее свойства». Постклассическая традиция, анализируя современный мир как сложное единство многообразных коммуникаций и проявлений, обращает свое внимание на субъекта, действующего и переживающего, а не только как объект внешних воздействий (в терминах современной психологии – «Я» как «действующее начало» и как «ментальная репрезентация»). Многоплановость личности может быть представлена как единство множественных «Я», проявляющихся в разного рода связях, действиях и саморефлексии. Отсюда следует, что понятие идентичности включает и самого субъекта, и контекст его самопроявлений, и его представление о себе самом и окружающем мире.

Среди необходимых социально-психологических характеристик идентичности называются самоосуществленность личности, ее жизненная реализованность и пр. Идентичность характеризует уникальную природу человека, и представляет антропологический контекст человеческой сущности, и как результат реализации внутренней сущности во внешних условиях. Современные исследования в области этнопсихологии стали акцентировать представление об этнической идентичности. Идентичность – это самоидентификация и самоосуществление личности в определенных исторически сложившихся условиях.

Идентичность формируется под воздействием внутренних и внешних условий. Внутренние условия связаны с миром личности, с теми

смыслоразножизненными ориентациями, которые для нее характерны, иначе говоря - с миром «Я». Идентичность носит ценностно-ориентационный характер и может рассматриваться как одна из форм включенности человека в социальное пространство. На формирование самоидентичности воздействуют различные факторы, среди которых особо значимыми нам кажутся оценки и мнения других людей о человеке. Внешними характеристиками идентичности могут служить атрибуты данного индивида как принадлежащего к определенной национальной культуре, социальной или профессиональной группе и т. п. (идентичность такого рода можно рассматривать в оппозиции «Я Другой»). По сути, идентичность является интегрирующим началом личности, обеспечивая его тождественность самому себе и тому образу, на который он ориентируется.

Региональная идентичность представляет собой внутреннее самоощущение человека (в логике «Я – такой»). Как правило, обнаруживается тесная связь внутренних качеств личности с местом жительства – в типологическом ряду, где самоощущение человека передается через его принадлежность к определенной территориальной целостности (москвич, петербуржец, помор, донской казак, уралец, сибиряк, северянин и др.). В этих названиях соединяются воедино принадлежность к определенному региональному сообществу и набор личностных качеств, закрепившихся в обыденном сознании (например, традиционный для культуры советской эпохи образ петербуржца как «старого интеллигента», или сформировавшийся в ходе освоения Западной Сибири и Севера тип северянина – грубоватого «работяги» и отзывчивого человека, готового прийти на помощь).

В последнее время в разных регионах стали появляться исследования, посвященные «региональной идентичности». Изменение политического строя существенно повлияло на картину мира. Многие ученые и публицисты констатировали «кризис идентичности» как характерную черту перемен в социальной жизни. При этом в процессе смены ориентиров и кризисе ценностей все большее внимание стало уделяться проблемам региональным, что при огромной территории страны и отсутствии четко сформулированной объединяющей весь народ идеи не могло не произойти.

Стали появляться исследования, посвященные по проблемам персональной идентичности, затрагивающие разные группы «идентичностей», в том числе региональную. В контексте проблемы региональной идентичности возникает представление об исторически сложившихся региональных общностях (Сибири и сибиряков, Дона и донских казаков,

Урала и уральцев). В работе В. Богомякова «Региональная идентичность «земли тюменской»: мифы и дискурс» (Екатеринбург, 2007) рассматриваются образы региона в массовом сознании и их отражение в региональных политических мифах.

Говорить о региональной идентичности в отрыве от представления о принадлежности более широкой общности – россиянам – некорректно. Соотношение региональной идентичности и идентичности общероссийской соотносятся как частное и общее. Человек, ощущая себя гражданином страны (россиянин), осознает свою связь с локальной целостностью, которая для него репрезентирует большое целое. Вместе с тем, он ощущает свою принадлежность локальному как составному элементу единого целого. Эта связь является неразрывной и взаимообусловленной, дающей представление о так называемой «двойной идентичности».

Ученые говорят о двух уровнях: идентичности первого порядка – региональной, и идентичности второго порядка (принадлежности большей общности) – общероссийской. В ряде регионов с этнически относительно однородным населением региональная идентичность может совпадать с этнической (двухступенчатая система); в тех регионах, где население этнически разнородно, региональная идентичность занимает более «высокий этаж», чем этническая (трехступенчатая система). Идентичность, присутствующая в сознании современного человека, соединяет региональный и общероссийский уровни.

В современной социокультурной ситуации феномен региональной идентичности более отчетливо заявляет о себе. Внешние признаки региональной идентичности выходят сегодня на первый план. Оппозиция «Я – Другие» позволяет описать человека, принадлежащего к определенной региональной общности, как определенный тип (с набором антропологических и социальных и личностных характеристик).

Представитель другой региональной культуры – это «среднестатистический», унифицированный и стандартизированный «одномерный человек» (Г. Маркузе). Он не принадлежит ни русской, ни какой бы то ни было национальной культуре, он «массовый человек», похожий на всех, но не имеющий индивидуального лица. Сравнение с ним дает возможность обнаружить «непохожесть» людей, принадлежащих различным культурным сообществам.

В постсоветском пространстве эта тенденция нашла свое выражение в культивировании противопоставления «массового советского человека» – человеческой индивидуальности.

Традиционно человек осознает себя частью целого. Кризис идентичности современного человека разрешается, в том числе и ощущении принадлежности некой устойчивой целостности.

Таким образом, региональная идентичность создает возможность для человека осознать собственную значимость, в том числе и как части определенного сообщества, ощутить свою принадлежность малой и большой родине.

Связь понятий идентичность и самосознание настолько тесная, что зачастую не удастся эти понятия развести. В самом общем виде терминологическая дифференциация может быть осуществлена на уровне «ощущение-осознание». Понимая под ощущением первый шаг на пути к познанию себя и мира, а под осознанием целостную оценку человеком самого себя, можно предположить, что идентичность в большей степени связана с самоощущением человека, в то время как самосознание тяготеет к рефлексивно-осознанной деятельности.

Психологами (А. Леонтьевым, С. Рубинштейном, И. Чесноковой, И. Коном, В. Столиным, Э. Эриксоном, У. Джемсом и др.) и философами (А. Спиркиным, И. Кондаковым, К. Юнгом, Ч. Тейлором, Э. Гидденсом, Ю. Хабермасом и др.) предлагались методологические основы рассмотрения проблемы самосознания, делались попытки осмыслить его уровни, исходя из представления, что и отдельный человек и социум в целом представляют собой сложную систему взаимосвязанных и при этом относительно самостоятельно развивающихся элементов.

При анализе самосознания существуют два сущностно-значимых вектора: соотнесение знания о себе как «присвоенного человеком сознания его другими» (Д. Мид) и знания о себе, сложившегося в процессе автокоммуникации.

Для отдельной личности проблема регионального самосознания не стоит, она сливается с представлением региональной идентичности. В то же время для региона – определенного социального целого, не сводимого к сумме индивидов его составляющих, самоосознание является необходимым условием существования, поскольку оно опредмечивается в формах духовной деятельности людей и воплощается в артефактах: во многом о развитости той или иной культуры мы можем говорить, обратившись к представлению социума о самом себе (от мировоззрения до повседневности) и оценке его «другими».

Анализ феномена региональной культуры приводит к постановке существенной проблемы – проблемы самосознания региональной куль-

туры. Ее можно рассматривать в разных плоскостях: анализа философских концепций, видов и форм искусства, научных школ и образовательных систем, сформировавшихся на данной территории.

«Опыт искусства как наиболее симптоматичный вид человеческой деятельности, особенно чуткий к состоянию человеческого духа» (Р. Гальцева) позволяет осмыслить феномен региональной культуры как целостное явление. Анализ региональной идентичности и регионального самосознания дает основания говорить о связи индивидуального образа человека, живущего в данной территории и ощущающего себя составной частью регионального сообщества, и региональной культуры в целом как формы самосознания регионального сообщества и позволяют осмыслить место региональной культуры в системе общенациональной культуры.

ГЛАВА 3. ИСТОРИЧЕСКОЕ ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УРАЛА

3.1. ПОНЯТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Область науки, исследующая динамику происхождения, функционирования, пространственно-временной локализации, воспроизводства и изменчивости социально-культурных комплексов исторического сообщества (локальных культур и их культурно-исторических типов), а также их отдельных системообразующих составляющих (форм, процессов, порядков, функциональных подсистем и пр.); осуществляющая методологически корректное описание исторических культур как устойчивых системных целостностей, самоорганизующихся, саморегулирующихся и самовоспроизводящихся на основе упорядоченных комплексов «социальных конвенций», выработанных практикой коллективной жизнедеятельности людей; разрабатывающих основания для классификации, типологизации и реконструктивного моделирования исторических культурных систем; выстраивающая объяснительные модели исторической динамики становления и изменчивости их локальных и универсальных черт и характеристик.

Элементы исторической культурологии регионов имплицитно всегда присутствовали в исторической науке, однако в самостоятельное направление стали выделяться лишь с развитием историко-философского направления мысли (Вико, Гердер, Гегель, Энгельс и др.). Мощное

влияние на историческую культурологию регионов оказали работы социальных антропологов классического эволюционизма (Спенсер, Л.Морган и др.) и их идеи об адаптивном характере исторической изменчивости культуры. Отечественная историческая культурология формировалась под большим влиянием философов «русской идеи» (П.Я. Чаадаев, В.С. Соловьев, Карсавин, Бердяев, Федотов и др.). Исследованиями собственно историко-культурологической направленности явились разработки в области теории цивилизации (Данилевский, Шпенглер, Тойнби, Сорокин, Л.Н. Гумилев, С. Хантингтон), изучение «истории ментальностей» во французской исторической школе «Анналов» (Февр, Блок, Бродель, Ле Гофф) и их последователей в разных странах, а также работы многих археологов, этнографов, социологов, историков, психологов, рассматривавших исторические культуры как системные образования и искавших объяснения закономерностям, обуславливающим такого рода организационно-регулятивно-коммуникативную системность в осуществлении социальной практики и формировании образов сознания людей.

В отличие от «классической» истории культуры как отрасли исторической науки, изучающей не столько социальные реалии минувших времен, сколько интеллектуальные и образные рефлексии эпохи – вербальные и невербальные «тексты» культуры, авторские интерпретации социально-нравственных, мировоззренческих, экзистенциальных и прочих проблем, воплощенные прежде всего в произведениях – философских, религиозных, мифологических, художественных, эпистолярных и т.п., по определению уникальных в своей исторической конкретике и являющихся частно-субъективными образцами картин мира людей прошлого, Историческая культурология обращена, прежде всего к социальным реалиям – наиболее типичным «социальным конвенциям», разделяемым людьми в массовом порядке и являющимся практическими регуляторами коллективных форм их существования, – ценностей, норм, правил, обычаев, ритуалов, ментальностей, законов, канонов, стандартов, социальной адекватности и престижности, мод, этикета, механизмов социализации и инкультурации личности и иных каналов трансляции и способов организации использования социального опыта и культурных ценностей.

Историческая культурология исследует как макродинамику историко-культурных процессов в масштабах исторических эпох, формаций, цивилизаций, этносов, государств, конфессий, социальных классов и сословий и т.п., так и системообразующие по своей значимости микроди-

намические процессы культурного формообразования, трансляции, диффузии и изменчивости культурных форм, деятельности культуротворческих институтов и пр. Разрабатывает философские, социальные и антропологические основания познания культурно-исторических процессов, методологию и методику этого познания, а также общие объяснительные теории и концепции исторической динамики культуры в гносеологическом, онтологическом, генетическом, структурном, функциональном, факторном и семиотическом аспектах. Изучает социально значимые формы существования исторических сообществ людей в искусственно созданной ими культурной среде, особенности социокультурной мотивации деятельности и самоорганизации людей, формирования их мировоззренческих и ценностных ориентаций, норм и стандартов социального и индивидуального бытия, картин мира, образов жизни и идентичности, способы и результаты рефлексии универсума и собственного бытия в нем.

В числе основных проблемных областей исторической культурологии можно перечислить: исследование природных и исторических обстоятельств (условий) существования изучаемых сообществ и особенностей социокультурных технологий их адаптации к этим условиям, т.е. выявление комплексов внешних факторов, обуславливающих специфику социального и культурного бытия этих сообществ; изучение процессов накопления сообществами опыта социальной интеграции и поддержания необходимого уровня консолидированности людей при осуществлении ими всех форм коллективной жизнедеятельности (удовлетворения групповых и индивидуальных интересов и потребностей), а также процессов селективного отбора наиболее эффективных приемов решения этих задач, т.е. выявление критериев приемлемости тех или иных форм социальной практики и образов сознания с точки зрения их соответствия принципу ненанесения вреда социальной целостности сообщества; анализ процессов аккумуляции и закрепления в сознании и социальной практике людей этих селектированных принципов и допустимых форм деятельности, в качестве ценностных ориентаций, норм, образцов, правил, обычаев и т.п., т.е. выявление комплекса «социальных конвенций», идейных императивов и табу, на основании которых осуществляются процессы регуляции коллективного существования людей, формируются их картины мира; исследование воплощения социокультурного опыта сообществ в практических формах их социальной организации и механизмах регуляции, в параметрах образа жизни и балансе коллективного и личностного начал в нормах социальной активности, в опреде-

чивании ценностных императивов культуры (допустимых по своей социальной цене и последствиям форм деятельности) в специфических чертах технологий и продуктов (результатов) этой деятельности и пр., т.е. выявление системы механизмов практического упорядочения форм жизнедеятельности сообществ по социально-ценностным основаниям и нормативных параметров функционирования этих механизмов; изучение воплощения социокультурного опыта сообществ в преобладающих формах рационального и образного познания окружающего мира, в культивируемых формах рефлексий, интерпретаций и аккумуляции этого знания, в формировании институтов по производству «культурных текстов» (религиозных, политических, художественных и пр.), в специфике образов самоидентификации сообществ в своем социальном окружении и личности в сообществе и т.п., т.е. выявление нормативных параметров регуляции сознания и мировоззрения членов сообщества; исследование воплощения социокультурного опыта сообществ в нормах социальной адекватности их членов, механизмах стимулирования социальной активности личности, в системе образов социальной престижности, в средствах социального вознаграждения или наказания, в механизмах социализации и инкультурации индивида и пр., т.е. выявление нормативных характеристик системы социальных стандартов, доминирующих в различных стратах сообщества, и допустимых границ индивидуальной интерпретации этих стандартов в поведении и суждениях, интересах и потребностях личности; изучение воплощения социокультурного опыта сообществ в функционировании механизмов социальной коммуникации, трансляции культурного опыта, в формировании семантических кодов, языков и текстов культуры, консолидирующих образов сознания, обрядов и ритуалов и всей системы технологий социокультурного воспроизводства самих сообществ как устойчивых в пространстве и времени социальных целостностей, т.е. выявление нормативных параметров формирования и функционирования информационных полей существования сообщества; исследование динамики генезиса и исторической изменчивости перечисленных норм социокультурного устройства исторических сообществ, т.е. выявление оснований для их историко-стадиальной типологизации, периодизации их социокультурной истории и установления критериев для определения уровней их развития; компаративный анализ форм социокультурного устройства разных сообществ и динамики их локализации, т.е. выявление оснований для их региональной (или цивилизационной) типологизации; реконструктивное аналитическое моделирование социокультурного устройства исторических со-

обществ как динамических, структурно и функционально упорядоченных систем, способных к самоорганизации, саморегуляции и самовоспроизводству, а также к адаптивной изменчивости во времени и пространстве.

Историческая культурология структурно включает несколько основных направлений научных исследований. Среди них можно выделить: теорию познания исторической динамики культуры, разрабатывающую философские и социальные основания, методологию и методику познания истории культуры, а также общие объяснительные теории и концепции исторической динамики культурных процессов: историческую антропологию, исследующую антропологию основания исторической изменчивости культуры и осуществляющую реконструктивное моделирование исторических явлений культуры и их систем; культурогенетику, разрабатывающую теоретические модели процессов порождения новых культурных явлений и ведущую эмпирические исследования генезиса конкретно-исторических форм и культурных систем; культурологическое народоведение, изучающее истории национальных культур как системных целостностей, разрабатывающее методику этнокультурологических исследований культурной динамики в ее комплексном и социально стратифицированном аспектах; историю специализированных областей культуры, разрабатывающую методологию и методику культурологических подходов к изучению специализированных областей человеческой деятельности (экономической, правовой, политической, научной, философской, религиозной, художественной, образовательной и пр.) и видов социального взаимодействия (этики, обрядов и ритуалов, вербальных и невербальных языков коммуникации, ценностных и символических систем и т.п.); культурную компаративистику, разрабатывающую теории и концепции культурного локализма, основания и принципы типологизации различных системных культурно-исторических явлений и ведущую сопоставительное изучение разных культурных систем, конфигураций, цивилизаций и т.п.; историографию истории культуры, ведущую исследования по истории самой историко-культурологической науки, а также ряд иных направлений.

Историческая культурология регионов занимает важное место в системе образования, составляя основу общекультурологического и гуманитарно-культурологического образования, а также преподавания культурологи, краеведения, историко-культурного наследия региона как общеобразовательной и общепрофессиональной дисциплины. В ряде зарубежных стран на основе подходов исторической культурологии ведет-

ся преподавание общеобразовательной истории в средних и высших учебных заведениях.

Литература

1. Ерасов, Б.С. Предисловие: О статусе культурно-цивилизационных исследований // Цивилизации и культуры. В. I. Россия и Восток: Цивилизационные отношения. М., 1994;
2. Новикова, Л.И. Цивилизация как идея и как объяснительный принцип исторического процесса // Цивилизация. Вып. I. М., 1992;
3. Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг франц. школы «Анналов». М., 1993;
4. Флиер, А.Я. Культурогенез. М., 1995.
5. Флиер, А.Я. Основания исторической культурологии // Культура России на рубеже столетий. Тезисы докладов. В. I. М., 1996;

3.2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УРАЛА

Согласно современным географическим представлениям Урал – это территория между Восточно-Европейской и Западно-Сибирской равнинами, в состав которой входит Уральская горная система, протянувшаяся с севера на юг от берегов Карского моря до среднего течения р. Урал. Исходя из географического положения, Урал делится на Полярный, Приполярный, Северный, Средний и Южный, западные предгорья носят название Предуралья, восточные Зауралья.

Исторически то, что мы сегодня называем «Уралом», меняло географическую определенность своих границ. В древности выделяли, прежде всего, сам горный хребет, значительность и местоположение которого казалась людям наполненной особым смыслом. Древние греки называли его Рифейскими (Рипейскими) горами («отец истории» Геродот в V в. до н.э. писал, что за этими горами на севере Скифии начинаются земли мифической страны гипербореев). Есть сведения о горном хребте у арабских и персидских авторов (IX-X вв.), средневековые русские историки и землепроходцы именовали его Земным, или Каменным Поясом.

Как отмечают лингвисты, тюркское по происхождению слово «Урал» первоначально использовалось для обозначения южной части современного Урала, остальную часть русские называли «Камень», как

это делали коренные жители Урала – ненцы, ханты, манси, коми. Только со второй половины XVII в. появляется понятие «Уральские горы», а с XVIII в., со времен В. Татищева под словом «Урал» стали понимать весь Уральский хребет с прилегающими к нему районами. Эти изменения в названиях в условиях массовой «народной колонизации» в период XV-XVII вв. – после вхождения в состав Руси Перми Великой и других уральских земель, а особенно после походов Ермака в Сибирь, отражали потребность в фиксации местоположения района, прежде всего, в географическом отношении как части бескрайней Сибири («сибирской украини»). Лишь на протяжении последующих двух столетий постепенно формируется представление об Урале как о некоем геокультурном образовании. Он все больше предстает как район, в котором его географические особенности и природные богатства выступают составной частью человеческой жизнедеятельности, «претворяющих» их в новое качество.

Признание этого факта означало, что Урал обладает собственной ролью в социально-экономическом и духовном пространстве России. Конечно, данное обстоятельство напрямую связано с превращением Урала с начала XVIII в. в ходе петровских преобразований в край горно-заводской промышленности, сделавшей его ведущим промышленным регионом России. Хотя само население Урала, как и те, кто смотрел на него со стороны, по-прежнему видели край в качестве составной части Сибири, выделяющейся в силу сложившейся его промышленной специализации.

Этому способствовало административно-территориальное деление. На протяжении почти всего XVIII в. уральские горнозаводские округа входили в состав Сибирской губернии, охватывавшей огромную территорию от Вятки до Камчатки с центром в Тобольске, а затем до 20-х гг. XX в. территориально являлись частью Пермской, Оренбургской Уфимской и Вятской губерний. Во многом данное обстоятельство обуславливало формирование уральского самосознания, происходившее с запозданием и заметно проявляющее себя лишь с последней трети XIX в.

Говоря об истории Урала до XVIII в., подразумевают существование с древнейших времен различных культур на территориях, сопряженных с Уральским хребтом. Заселение этого района начинается около 200 тыс. лет назад. Первые обитатели региона – охотники и рыболовы древнекаменного века (палеолит). Начиная со II тыс. до н.э., Урал становится одним из ведущих очагов металлургического производства на территории Северной Евразии. С развитием металлургии, как считается,

было связано становление на территории Южного Урала протогородской цивилизации древних индоариев.

Первые контакты древних русичей с народами Северного Урала зафиксированы еще с XI в. С XII в. начинается продвижение славян в земли Перми Вычегодской и освоение бассейна р. Вятки. В XIV-XV вв. активную борьбу за Уральские земли развернули московские князья. Переселенческое движение и освоение русскими Урала, прежде всего верхнекамских земель, активизировалось со второй половины XVI в. с присоединением к России Казанского ханства. Поход Ермака в Сибирь (1581 г.) дал мощный толчок к заселению русскими восточных частей Урала. На колонизируемых территориях строятся первые города, получают развитие ремесла и торговля.

В целом период XVII в. связан с аграрным освоением края. По мере освоения Урала русскими осуществлялась активная христианизация края, поддерживаемая правительством. На осваиваемых землях в среде русских поселенцев воспроизводится культура в ее северорусском варианте, включая не только формы повседневности, но и стиль религиозной жизни, художественные традиции допетровской Руси.

Поворотным в судьбе Урала стал XVIII в. Задачи государственного строительства, ход Северной войны, а главное – стоявшее перед Россией и ее народом национальное задание, как его понимал Петр I, подтолкнули к скорейшему строительству на Урале, в местах с уже открытыми залежами железной руды металлургических заводов. Богатые рудные месторождения, топливо, судоходные реки, удобные для транспортировки готовой продукции в центральные районы страны, создавали благоприятные условия для строительства здесь чугуноплавильных, железоделательных, медеплавильных заводов.

В первой четверти XVIII в. в крае действовало 23 железоделательных завода. К середине века в России выплавлялось чугуна уже в полтора раза больше, чем в Англии, а к концу столетия страна (на четыре пятых обязанная этим Уралу) занимала первое место в мире по выплавке чугуна и производству меди, что способствовало ее выдвижению в ряд ведущих экономически развитых мировых держав.

Создание горнорудной промышленности в таких масштабах в XVIII в. было явлением беспрецедентным. Оно происходило в форме «промышленной колонизации» целого края, включавшей массовое заселение Урала, строительство здесь сети населенных пунктов, борьбу с набегам кочевых калмыков и ногайцев, создание системы управления и устройство всей жизни в новых условиях. Металлургическая промыш-

ленность стала производственно-экономической основой жизни горно-заводского Урала. В качестве его поселенческой опоры выступали «города-заводы», с особым «горнозаводским населением»; административно-организационная роль принадлежала горной администрации, с подчиненными ей горной полицией, воинскими подразделениями, судами. В силу относительной замкнутости от остальной России в крае возникли неповторимый микроклимат и духовная атмосфера.

Постепенно на Урале складывается своеобразная горнозаводская культура. Основные структурные ее характеристики образуются прежде всего из того «промежуточного» в социокультурном отношении положения промышленного Урала, которое он занял между традиционной народной культурой и культурой индустриального общества.

Ученые рассматривают горнозаводский Урал как самостоятельный локальный исторический феномен протоиндустриального типа. Это же можно отнести и к характеристике горнозаводской культуры.

Искусственное положение промышленного Урала внутри страны обусловило известную замкнутость горнозаводской культуры, которую не следует абсолютизировать (продолжалось освоение западного технического опыта, в этой сфере поддерживались контакты с Германией и Англией). С другой стороны, Урал был поставлен перед необходимостью поддерживать постоянный диалог с крестьянской Россией, приспособившись к ее потребностям и вкусам. Это повлияло на характер и специализированность уральского производства, нацеленного на удовлетворение так называемого народного спроса.

На Урале древняя культурная традиция, которая была отвергнута петровскими реформами, продолжала существовать, получив здесь, в глубине России, в новых условиях свое дальнейшее развитие. Условия промышленного труда, колонизация новых земель, новые условия жизни потребовали предельного сосредоточения духовно-нравственных сил народа, одновременно дав мощный импульс раскрытию его творческих начал. Необходимость в освоении человеком окружающей действительности, потребность в обретении себя в новых реалиях вызвали взлет народного художественного творчества в том числе в его специфических «уральских» формах промышленного искусства и художественных промыслов, принесших Уралу всероссийское и мировое признание, значение которых стоит в одном ряду со значением края как исторически сложившегося металлургического центра.

Наиболее емкой итоговой оценкой промышленного Урала в XVIII-XIX вв. стало определение его как «горнозаводской цивилизации»

(П. Богословский). Действительно, если рассматривать цивилизацию как локальную культуру, возникшую на определенной технологической основе. Вся дальнейшая уральская история, так или иначе, связана с судьбой горнозаводской культуры.

Формирование промышленного Урала повлекло за собой изменение в представлении, существовавшем о нем в российском общественном сознании XIX в. Из сугубо географического образа «Урал» превращается в геокультурный феномен. Суровая природа могучих Уральских гор, богатство земных недр выступают в значительной степени в «переработанном», претворенном виде, как освоенные человеком в ходе его промышленного строительства. «Заводской Урал» словно становится выражением внутренней стороны жизни, присущей «природно-географическому Уралу» вообще. В качестве «края заводов» он оказывается прочно вписан в общее социально-экономическое пространство Российской империи. Более того, специфическая роль, которая ему была отведена в этом пространстве, делала Урал его необходимой составной частью.

Становление и формирование специфической культурной ситуации горнозаводского Урала происходит намного раньше, чем наступает осознание данного факта. Необходим был качественный скачок в восприятии окружающей реальности, чтобы в схожести условий жизни при заводах, знакомых чертах «заводского человека», близости в стиле произведений декоративно-прикладного искусства не знакомых между собой мастеров увидеть проявление единого начала, родственного мироощущения. Подобное, сначала скорее интуитивное открытие вело к изменению взгляда на всю картину уральской действительности. Если раньше она представляла собой мозаичное полотно из разбросанных по разным уральским губерниям и уездам множества заводов-поселков, каждый из которых являл собой довольно замкнутый мир, то теперь обнаруживалось, что все они связаны между собой невидимыми нитями, объединяющими их в единый социокультурный организм.

Как у целостного образования у уральской жизни начинали проступать общие очертания, единый неповторимый облик. Урал определяется не только как особая территория с конкретными географическими координатами, природно-климатическими условиями, производственной специализацией или административными границами, но и как территориальное образование, имеющего внутреннее основание своего развития, свою историю и индивидуальный облик.

Рост уральского самосознания становится заметным в пореформенное время, в последней четверти XIX в. Этому способствовало строительство в 1880-1890-е гг. железных дорог (особенно Транссибирской магистрали, связавшей Урал с Центральной Россией), расширение внешних связей и контактов края, втягивание его в переживаемый страной общий процесс модернизации, которые разрушали обособленность и известную изолированность его прежнего существования.

Рубеж XIX-XX вв. стал временем, когда Центральная Россия и столицы как будто заново начинали открывать для себя Урал. Край все больше представал перед остальной страной не только как часть бескрайней Сибири, «кладовая недр» или поставщик металлургической продукции, а как пласт незнакомой самобытной жизни. Это ощущение принципиальности изменений, происходящих в положении Урала, было всеобщим. «Я горжусь тем, что открыл Урал мировой литературе», – так позднее оценивал главное из сделанного им Д. Мамин-Сибиряк, который именно в этот период по-настоящему вступает в литературу («Приваловские миллионы» появляются в печати в 1883 г.).

Рефреном звучащие в этот период слова об «открытии» Урала не были слишком большим преувеличением. Достаточно указать на огромный резонанс беспрецедентной по значимости и масштабам Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки (1887). Настоящим открытием для столицы стали выставки «Урал и его богатства» (1902, 1911), организованные в Петербурге художником А. Денисовым-Уральским. Не менее важны были подобные акции и для самого Урала, может быть, впервые получившего возможность увидеть себя со стороны.

Насущной потребностью Урала становилось стремление глубже понять себя, особенности своей исторической эволюции, свое прошлое и настоящее. Постепенно осознавая себя как специфическое не только в экономическом, но и историческом, культурном отношении образование, край стремился разглядеть проявление своего действительного внутреннего единства.

Атмосфера ожиданий, неопределенность будущего вызывали подъем общественной инициативы на Урале. В крае возникают всевозможные общественные организации, растет число библиотек, типографий, периодических изданий, проходят съезды уральских горнопромышленников, врачей, духовенства, учителей, горных инженеров. Появившиеся в первые полтора десятилетия XX в. газеты спешили объявить себя «уральскими»: «Уральский край» (позднее «Зауральский край»), «Слово Урала», «Голос Урала», «Уральская жизнь» и так далее.

Историки и краеведы, объединявшиеся вокруг архивных комиссий, развернули большую исследовательскую и общественную деятельность. В этот период создается ряд промышленных и горнотехнических заводских музеев. Все научные изыскания, культурные акции, выставки, другие общественные начинания в различных областях жизни края складывались на рубеже веков в единую тенденцию становления уральского самосознания.

Проблема заключалась в том, что более тесное знакомство Центральной России с Уралом в конце XIX в. начало развиваться в тот период, когда край, его горнорудная промышленность уже давно находились в полосе затяжного кризиса. Урал все сильнее втягивался в конкурентную борьбу на всероссийском рынке, должен был соотноситься с общенациональными тенденциями социально-экономического (читай: буржуазного) и политического развития, пытаться примериться к характеру культурного состояния русского общества.

В центре внимания правительства и общества было состояние уральской горнорудной промышленности и поиск путей выхода из кризиса. Дискуссии того времени, на фоне всех изменений происходивших в пореформенной России, приводили к выводу о том, что уральская горнорудная промышленность стала, как писали, «чужеродным образованием» «на теле молодого буржуазного российского организма».

Вместе с тем, представление об отсталости уральской горнорудной промышленности, сохранявшейся архаичности ее организации подталкивало внешних наблюдателей к тому, чтобы и в культурном своеобразии Урала видеть, прежде всего, проявления той же отсталости, «задержки в историческом развитии».

Те, кто пробивал дорогу молодому российскому капитализму, понимали происходящее на Урале лишь как «смену экономических укладов» (имея в виду прежде всего горную промышленность). В социальном вопросе «уральский кризис» связывали с начавшейся болезненной трансформацией традиционного, патриархального сознания не превратившихся в пролетариев уральских рабочих. Соответственно, принципиальным условием осуществления модернизационных преобразований горнозаводского Урала российскими либералами признавалась необходимость решительной ломки не только всей «феодальной» организации горнорудной промышленности с ее отсталыми производством и технологиями, но и радикальное изменение всей системы исторически сложившихся вокруг них социальных отношений.

Трудности, с которыми сталкивался в крае процесс модернизационных преобразований, были обусловлены не только сохранением «поместного» строя уральской горнорудной промышленности, но и существованием в крае особого уклада горнозаводской жизни.

Все это было воплощено в исторически сложившемся уникальном облике горнозаводского Урала. Поэтому в первую очередь следовало бы говорить о значении социокультурной составляющей «уральского кризиса», о происходящей смене культурно-исторических и культурно-хозяйственных типов. Необходимо было думать о путях и возможностях целостного преобразования всей уральской жизни, а не отдельных ее фрагментов.

Именно понимание Урала как особого мира, особой реальности, обладающей собственной логикой и историческим опытом развития, становилось условием, от которого во многом зависело определение направления и характера преобразований, поиск форм, в том числе, хозяйственно-экономической деятельности и социальной организации. Но такое понимание не приходит само, оно является результатом сложного процесса самопознания. Однако горнозаводский Урал находился еще только в начале этого пути.

В ситуации формирования более тесных связей с Центральной Россией, когда стал возникать вопрос об интеграции края в общественную жизнь страны, единое духовное и общекультурное пространство, задачу создания масштабного образа Урала, выражающего его подлинный дух, особенности исторического пути могло решить только профессиональное искусство.

Еще немногочисленные профессиональные уральские писатели и художники к началу XX в. много сделали, чтобы историческое значение промышленного Урала получило достойное признание в стране. Они в значительной степени успели зафиксировать, описать горнозаводский Урал как особую реальность, обладающую неповторимым обликом. Но время не позволило процессу самопознания края стать до конца очевидным, насущным, позволяющим увидеть в нем некую отправную точку для будущего.

С другой стороны, в науке еще не существовало адекватных социологических теорий общественной модернизации. Только опыт всего XX в. показал, что ломка традиционных структур общественной жизни, отрицание исторически сложившихся социокультурных норм и регуляторов, грубое насилие над традиционным сознанием, попытка волевым усилием вырвать человека из его культурной ситуации являются неэф-

фективным путем модернизации. Напротив, залогом успешных общественных преобразований становились постепенная адаптация и приспособление традиционной культуры к условиям, диктуемым требованиями индустриального (постиндустриального) общества и современных высоких технологий.

Характер реконструкции горнозаводского Урала и судьба горнозаводской культуры были во многом предрешены. Природа «уральского феномена» к началу XX в. не была по-настоящему понята, а история создания промышленного Урала словно бы осталась вне исторического сознания русского общества. Урал не вписывался в общую картину жизни крестьянской России, существуя где-то на ее периферии, едва ли не выпадая из нее (характерно, что своеобразный облик горнозаводского края практически не запечатлен в русском искусстве). Хотя Урал – во многом уже по инерции – привлекал к себе внимание правительства как старопромышленный район, во всем же остальном он оставался для столиц и Центральной России лишь одной из задержавшихся в своем развитии провинциальных территорий Российской империи.

Край нуждался в переменах, которые изменили бы положение основной массы горнозаводского населения, раскрепостили созидательную энергию народного Урала, опирались на трудовые традиции, зародившиеся в исторически сложившейся здесь системе хозяйствования. С такими ожиданиями восприняли на Урале Февральскую и, в значительной степени, Октябрьскую революции. Однако последующие события и политика большевиков привели к Гражданской войне.

Важно обратить внимание на уникальную для уральской истории ситуацию в целом. Дело в том, что в отдельные моменты, особенно во второй половине 1918 г., горнозаводский Урал вместе с Екатеринбургом до некоторой степени оказывался предоставлен себе. Ввергнутый вместе с другими российскими регионами в пучину социального эксперимента Уральский регион должен был, опираясь на достигнутый уровень регионального самосознания, искать свой путь к самоопределению.

Кризис единого российского централизованного государства начался уже после Февральской революции и углублялся вместе с продолжавшимся распадом старой политической системы. В ходе Гражданской войны на территории России и, в частности, на Урале и Сибири возник целый ряд временных правительств. Среди них серьезностью притязаний отличалось, например, Временное сибирское правительство, появление которого выглядело логическим завершением более чем полувековой истории развития сибирского областничества.

Уральское областничество к этому времени не имело столь же глубоких корней и оформившейся идеологии, не выработало такого же мощного, сравнимого с сибирским, обоснования своеобразия положения края внутри российского государства. Однако в специфических условиях, когда центральная власть утратила легитимность, право и возможность распоряжаться страной, Урал (как и многие другие территориальные и национальные образования) оказался в ситуации, требующей от него политического и административно-организационного самоопределения, проявления способности принять ответственность за свою судьбу. Это резко активизировало процессы роста уральского регионального самосознания.

Способность Урала как части России опереться на собственные силы, кроме прочего, решала задачу поиска конкретных форм будущего устройства всего государства. Сменявшие друг друга за эти годы и большевистские Советы, и Временное областное правительство во главе с кадетом П. Ивановым, и сибирское колчаковское правительство, и все прочие политические силы объективно вынуждены были заниматься этими проблемами.

До 1917 г. попытки внутриуральской консолидации в том или ином виде на основе решения общих задач предпринимались городскими думами, земствами, Уральским отделением съезда горнопромышленников. Усилия по созданию Областного Уральского комитета снабжения уже прямо исходили из понимания необходимости регуляции промышленности Урала в областном масштабе. При этом все заинтересованные силы исходили из фактического признания Урала как особого географического, территориально-хозяйственного и промышленного района.

После захвата власти большевиками эта тема не исчезла, а напротив, приобрела еще большую остроту. Изменения начались уже с утверждением уездного Екатеринбурга в качестве нового центра, «красной столицы» Урала (или «столицы красного Урала»). Проходивший в январе 1918 г. в Екатеринбурге III Уральский областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов объявил город «центром Урала». Было заявлено, что «Екатеринбургский Совет может смотреть на Уральский Совет как на свое детище..., чем Петроград является для всей России, тем стал Екатеринбург для Советов всего Урала». В состав созданной Уральской области, находившейся под управлением областного Совета, входили прежние губернии: Пермская, Вятская, Уфимская и Оренбургская. Фактически же точные границы области не были установлены и на практике

зависели от распространения на конкретные районы влияния областного Совета.

В это время еще продолжала работать возглавляемая большевиками Екатеринбургская городская дума. Из ее деятельности видно, как в масштабах одного города реализовывалась идея сильной местной власти, чью инициативу не сковывают ограничениями. Продовольственный комитет думы организовал обмен железа и других промышленных изделий на хлеб и сельскохозяйственные продукты. Из Кургана в город стало поступать масло, из Троицка -мясо и мука, из Омска – хлеб. Обсуждались вопросы о проектировании и строительстве городского водопровода и новой городской электростанции. Для новых пекарен городская управа закупила оборудование в Швеции. Решались вопросы с обеспечением топливом и многие другие.

За полгода своего существования в Екатеринбурге Областной Совет Урала в обстановке политической борьбы, хозяйственной анархии также упорно занимался созданием на базе местных Советов единой подчиненной советскому правительству областной власти. Этот процесс происходил не только в борениях с тем, что называлось «местническими тенденциями» отдельных районов Урала, но и с далеко не однозначным пониманием перспектив развития Уральского региона самими коммунистами и их соратниками.

Острота имевшей место полемики нашла свое отражение в проходивших весной 1918 г. работе екатеринбургской городской конференции РКП (б) и II съезде по управлению национализированными предприятиями Урала. Обсуждались вопросы экономического переустройства страны. В ходе дискуссий «левый» коммунист Преображенский выступил с предложением выделить из подчинения ВСНХ уральскую промышленность и централизовать ее в рамках Уральского экономического района. А другой «левый» коммунист Корякин заявил, что ВСНХ вообще не может быть для Урала руководящим органом. На том же II съезде «левый» эсер Ерошкин ратовал за образование новой уральской республики, которая представляла бы собой единое независимое хозяйство.

После занятия Екатеринбурга белочехами 13 августа 1918 г. кадетами и умеренными социалистами было образовано коалиционное Временное областное правительство Урала во главе с П. Ивановым. В своей декларации правительство заявило о необходимости создания в стране демократического государства на принципах, провозглашенных в России Февральской революции. Направленность и характер этого государственного строительства конкретизировались на примере Урала.

Как и чем должно было определяться положение Урала в будущем российском государстве? Давая ответ на этот вопрос, правительство исходило из признания хозяйственного и культурно-бытового своеобразия Урала, его внутренней нераздельности. Из неоспоримости этого факта вытекало, что наилучшая организация жизни края может быть достигнута только на принципах самоуправления.

Понимая ответственность такого заявления, Временное областное правительство Урала издало (позднее конфискованную при Колчаке) официальную записку, в которой попыталось всесторонне аргументировать свою позицию. Необходимость подчинения Урала областной власти обосновывалось в ней несколькими принципиальными обстоятельствами.

Во-первых, исторически сложившаяся общность и отличительные особенности четырех «уральских губерний» (Пермской, Вятской, Уфимской, Оренбургской) обусловлены, с одной стороны, развитием горнозаводской промышленности, а с другой, посессионным правом на землю, создавшим своеобразные земельные, и как следствие, все прочие отношения.

Во-вторых, богатства Урала – это его недра. Однако ввиду отсутствия хорошего коксующегося угля, производство недорогого металла, особенно чугуна, в достаточном для России количестве возможно только при согласованном использовании в рамках единого комплекса горнозаводского и лесного хозяйства на всей территории края.

В-третьих, объединение Урала важно не только с точки зрения руководства его хозяйственно-промышленным комплексом, но и особыми условиями жизни огромного большинства уральских рабочих, являющихся одновременно и рабочими и земледельцами, имеющими или арендующими землю.

В-четвертых, к ведению областной власти должна быть отнесена забота о продовольственном снабжении населения края. Горнозаводский Урал нуждался в привозном хлебе. Во время войны, как показала практика, одна центральная власть оказалась не в состоянии справиться с задачей снабжения региона хлебом и фуражом.

В-пятых, уровень образования и грамотности на Урале не отвечает промышленному развитию края, тем более его перспективам. Постановка учебного дела не отвечает потребностям и специфике областных особенностей. Тем самым тормозится, в частности, развитие кустарной промышленности.

Завершалась записка Временного областного правительства Урала таким выводом: «Центральная власть, существовавшая в России до революции, в достаточной мере показала неспособность справиться с задачами управления Россией из одного центра. Вопрос о необходимости автономии отдельных областей не нов и несомненно, что Урал, в частности в силу перечисленных выше условий, имеет все права на автономию. Если на Урале вообще необходима автономия, то теперь она более необходима, чем когда бы то ни было. Правительство Урала, существующее под контролем общественного мнения, не могло бы долго существовать без формального и прямого контроля населения. При правильном областном законодательстве власть может иметь твердую опору для проведения всех нужных безотлагательных мер в жизни Урала в пределах ее компетенции».

Из необходимости предоставления Уралу правового статуса, гарантирующего определенную самостоятельность его положения внутри российского государства, прямо вытекал вопрос о границах края. К чести Областного правительства следует сказать, что к решению этого вопроса оно подошло с позиции государственных интересов, полагая, что им в наибольшей мере как раз и отвечает эффективное культурное и хозяйственно-экономическое развитие Урала как составной части России.

Для определения границ Урала была создана специальная комиссия, которая приняла за основу проект уральца К. Носилова. Сохраняющаяся научная значимость предпринятой тогда попытки определения территории области заключается в том, что она изначально была ориентирована шире, чем предполагает географический или формально-административный подход. Внимание было направлено на то, чтобы дать всестороннее качественное описание Урала как исторически сложившейся реальности, представляющей собой не только хозяйственно-экономическое единство, но и имеющей свой неповторимый культурно-бытовой облик, отражающий, в свою очередь, специфику уклада уральской жизни и ее социальной структуры.

Хотя Временное правительство Урала не имело достаточно средств для реализации намеченной программы, его «областнические» устремления вызвали сочувствие и поддержку екатеринбургской общественности. Рупором уральского областничества стала газета «Урал», в редакцию которой вошли представители меньшевиков, эсеров, анархистов, независимых демократических сил. Когда сразу же после колчаковского переворота в Омске это печатное издание было закрыто, его редакция почти в том же составе начала выпускать газету «Горный

край», продолжавшую упорно отстаивать принципы уральского областничества.

Временное областное правительство Урала просуществовало только два с половиной месяца. 10 ноября 1918 г. оно было упразднено Уфимской директорией.

Произошедшее не заставило отказаться от провозглашенных принципов и Временное областное правительство Урала. В прощальном воззвании Областное правительство по-прежнему настаивало на том, что «...считает необходимым ввести в организацию управления Уралом начала, соответствующие его экономическим особенностям, и принципиально признает возможным создание в будущем общеуральского представительного органа, объединяющего работу местного управления горнозаводского Урала».

После утверждения советской власти прежнее административно-хозяйственное деление страны было признано не соответствующим новым политическим и экономическим реалиям. Реформа районирования была задумана большевиками сразу после окончания Гражданской войны. Для перехода к новому административно-территориальному делению в стране в виде эксперимента и был выбран Урал в качестве одного из промышленных районов.

3 ноября 1923 г. ЦИК СССР принял постановление об образовании Уральской области с административным центром в Екатеринбурге. Территория огромной области, в состав которой вошли Екатеринбургская, Пермская, Челябинская и Тюменская губернии, растянулась, как говорили, «от океана до Казахстана» (то есть от Карского моря на севере, до казахских степей на юге). Таким образом, уже при советской власти состоялось административное выделение Урала в качестве отдельного региона.

Советская власть руководствовалась в этом эксперименте не интересами Урала, а решала в первую очередь задачи по укреплению централизованной государственно-партийной власти. Но вместе с тем возникали предпосылки для преодоления разобщенности губерний, существовавших на территории Урала, в интересах восстановления и развития хозяйственно-промышленного комплекса края.

Деятельность всей государственной промышленности была подчинена с 1924 г. Уралоблсовнархозу, в свою очередь подчиненного ВСНХ. К лету 1927 г. был разработан «Генеральный план развития хозяйства Урала», являющийся собой уникальный документ. Он представлял собой научно обоснованную попытку перспективного планирования развития

крупнейшего промышленного региона страны. План был рассчитан на 15 лет и предусматривал комплексное развитие Урала.

После провозглашения в середине 1920-х гг. курса на индустриализацию в стране, где основную массу населения по-прежнему составляло крестьянство, к Уралу как старопромышленному району оказалось привлечено всеобщее внимание.

В истории Урала происходит настоящий переворот. Речь идет даже не о смене технологической базы промышленности края. Изменяется буквально все: происходит новая колонизация Урала, формируется новая поселенческая сеть, создается новый образ жизни, культурный уклад, декларативно отрицающий какую-либо связь с прежним укладом горнозаводской жизни.

1930-е гг. – это время организации объявленного в стране «массового культпохода на уральские стройки». Коллективными усилиями и ускоренными темпами в 1930-е гг. создается образ сталинского «индустриального Урала», который впервые настолько зримо занимает свое место среди других регионов в общесоюзном пространстве.

Параллельно с этим решается задача создания нового (т.е. советского) уральского искусства. В значительной степени оно явилось развитием на Урале художественной практики двадцатых годов, связанной с попытками создания особой «пролетарской культуры», подчиненной целям «классовой борьбы пролетариата». Содержание уральского искусства с этого времени определяется и направляется создаваемым мифом об уральской истории, который в свою очередь становится формой исторического и регионального самосознания.

Укрепляя экономическую и промышленную мощь Урала, необходимо было в то же время накрепко привязать его к существующей власти. Для того, чтобы решить эту противоречивую задачу, надо было лишить Урал его внутренней опоры – связи с собственной историей. Надо было представить дело так, словно мечта о социалистической революции была заветным желанием всей уральской истории, словно сам Урал является творцом нынешней советской реальности.

Противоречия между интересами центра и регионов, между государственно-партийным аппаратом и народом разрешались раз и навсегда путем введения жесткого требования строго подчинения и отказа от любых попыток проявления самостоятельности, сохранения какой-либо своей внутренней жизни вообще. Складывавшийся в стране политический режим создавал новый Урал для себя и стремился полностью подчинить все его существование своим интересам.

В условиях окончательного оформления в стране административно-командной системы и усиления сталинской власти отношение к индустриальному Уралу меняется. Отброшены всякие разговоры о Свердловске как «индустриальной столице» СССР. В 1934 г. Уральская область разделяется на Свердловскую, Челябинскую и Обь-Иртышскую. В 1938 г. из состава Свердловской области выделяется Пермская область с центром в Перми. Эти области теперь составляют Уральский экономический район.

Война с фашистской Германией стала для Урала, как и для всей страны, тяжелейшим испытанием. Уралу пришлось взять на себя главную тяжесть снабжения фронта.

Потрясения войны, необычайное напряжение всех сил народа вызвали мощную общественную рефлексию по поводу роли Урала в жизни страны, его своеобразия, особенностей «уральского характера». Может быть впервые в отечественной истории власть обратилась к жителям края как к «уральскому народу», обладающему отличительными чертами. Резко поменялось отношение к изображению уральской истории.

В 1943 г. в Перми прошла межобластная научная конференция «Настоящее и прошлое Урала в художественной литературе». К ее началу было приурочено открытие выставки «Урал в изобразительном искусстве». На материале Молотовской областной картинной галереи по существу впервые делалась попытка дать в исторической ретроспективе представление о формировании в отечественном искусстве образа Урала, начиная с XVIII в. В каталоге к выставке обозначено, что обзор начинался с древнейших времен и включал упоминание о народной резной скульптуре, «чудском» орнаменте, «пермском зверином стиле». Теперь акцент ставился на значительности культурной традиции края, всячески подчеркивалась преемственность в его духовном развитии.

В 1944 г. в Свердловске состоялась выставка «Урал кузница оружия». Ее экспозиция состояла из двух разделов. Первый из них должен был рассказывать об историческом прошлом Урала. Здесь были представлены работы Худояровых, А. Денисова-Уральского, уральских камнерезов и каслинских литейщиков. Второй раздел, в создании которого приняли участие художники Свердловска, Перми, Челябинска, Нижнего Тагила и эвакуированные столичные живописцы, посвящался Уралу в Великой Отечественной войне. Один из организаторов этих выставок Н. Серебренников отмечал, что они призваны были отразить «значение Урала в Отечественной войне, <...> дать образное представление об Урале как замечательной и важнейшей части советского государства».

Всеми отчетливо ощущалась необходимость найти какое-то новое определение для Урала. Каждый говоривший о нем испытывал потребность предложить какой-нибудь из многочисленных вариантов: «сталинская линия», «один из главных опорных пунктов страны», «надежный арсенал доблестной Красной Армии» (И. Сталин), «кузница русского оружия», «становой хребет советской обороны (индустрии)». Край осознал себя как нечто единое, названное «сталинским Уралом».

Все испытанное и пережитое Уралом в эти годы дало ему другое, чем у прочих регионов страны, сознание. Он не просто стал «составной частью» страны, и не просто теперь «входил в состав» государства наряду с любой другой ее административно-территориальной единицей. С этой поры оказалось, что он целиком живет интересами «державы», рассматривая их как личные (в этом смысле у него больше не могло быть каких-то особых, собственных интересов).

Это усилило исторически сложившееся особое «государственное сознание» уральцев, их постоянную заботу об интересах «державы», ощущение ответственности за сохранение ее целостности и могущества. Урал действительно обрел сознание своей роли не просто как одного из важных для экономики регионов, оборонного комплекса страны, но именно как «опоры» государства, в том смысле, что он накрепко, напрямую оказался вовлечен вместе с центральной властью в исполнение «государственного дела».

С середины 1950-х гг. прежний политический режим начал утрачивать свою монолитность. Одним из знаков начавшейся «оттепели» стали хрущевские попытки реформирования государственной системы, направленные на преодоление прежней сверхцентрализации власти. В ходе реформы 1957 г. проводился переход от отраслевой системы управления к территориальной, предусматривающей возрождение территориальных Советов народного хозяйства. В каждой из областей Уральского региона были созданы свои совнархозы, позже укрупненные. Была начата перестройка планирующих органов, восстановлен ликвидированный в 1930-е гг. единый Уральский совет по координации и планированию работы на территории региона.

Ближе к концу 1960-х гг. официально история Урала, «выправленная» с «классово-выверенных» идеологических позиций, все больше принимала окончательный вид схемы:

– начало активного освоения русскими Урала с конца XVI в. после похода дружин Ермака в Сибирь;

– открытие «народными рудознателями» богатств подземных кладовых уральских гор, когда по восточному склону Уральского хребта поднялись «заводские трубы и копры, в каменную глубину вгрызлись шахты и рудники»;

– закладка в 1723 г. на реке Исети Екатеринбурга, ставшего центром горнозаводского края;

– создание в 1904 г. Уральской областной организации РСДРП, которую возглавил пламенный революционер, а пролетариат Урала стал «оплотом большевизма», надежной опорой ленинской партии;

– взятие после Великого Октября власти трудящимися, отстоявшими ее в жестоких боях с колчаковщиной и иностранными интервентами;

– начало великого похода за социалистическое переустройство края, возведение известных всей стране гиганты индустрии;

– превращение Урала в «опорный край державы», ставшего в годы Великой Отечественной войны ее главным арсеналом.

Все это, тем не менее, не могло заглушить появление интереса к дореволюционной уральской истории, оживления краеведческого движения. Признание за Уралом, как и другими регионами, права на собственное историческое прошлое было знаком демократизации и либерализации политического порядка в стране. Советское общество испытывало потребность в поиске новых «опорных точек», и преодоление острого чувства того, что «мы живем, под собою не чуя страны», становилось необходимой частью процесса внутреннего обновления.

В 1960-е гг. за Уралом одновременно закрепляется название «рабочего края» (в котором слились все его предыдущие определения как «кузницы страны», «мастерового» и «трудового» края). Оказалось, что именно в качестве «рабочего края» он лучше воспринимается как «опора» всей «державы».

Быть же «опорным краем державы» стало не только названием, но и самоназванием Урала, конструирующим и конституирующим принципом уральского самосознания, описывающим смысл, цели и способ его существования. Возникшее сначала как переживание и осознание своей ответственности за судьбу всей страны в конкретный исторический момент сверхнапряжения военного времени, оно распространилось на всю жизнь края, и на его историю в том числе. Последующие десятилетия (1970-1980-е гг.) положение Урала определялась тем, что он оставался крупнейшим промышленным регионом страны. В общественном созна-

нии он стал тождественным представлению о «рабочем крае», сознающим себя частью одного гигантского государственного механизма.

В 1985 г. к Уральскому экономическому району относились Свердловская, Челябинская, Пермская, Оренбургская, Курганская области, Башкирская и Удмуртская республики. В условиях полного господства отраслевого принципа организации экономики это выделение Урала как экономического района имело в значительной степени условный характер. Отсутствие единого территориального хозяйственного органа управления приводило к тому, что взаимодействие между уральскими областями и республиками шло через столицу.

В культурном отношении Урал также являлся частью советской «культурной провинции», ничем существенно не отличаясь от других регионов.

В ходе попыток реформирования советской политической системы в «перестроечный период» в обществе наряду с другими темами развернулось широкое обсуждение проблем, связанных с характером федеративных отношений, введением регионального хозрасчета, развитием местного самоуправления. С начала 1990-х гг. после крушения существовавшей идеократии и распада СССР эти вопросы приобрели особую остроту, во многом определив направление изменений всей системы государственной власти в Российской Федерации.

Ухудшение экономической ситуации в стране, усиление центробежных сил, разрушение прежней системы хозяйственных связей подтолкнуло области Урала к консолидации на местном уровне. В 1991 г. была создана Ассоциация экономического взаимодействия областей и республик Урала. Одновременно шла работа по изменению структуры местных органов власти внутри Уральского региона, целью которой было найти замену ликвидируемой системе партийно-хозяйственного управления.

Борьба региона за расширение своих прав, придание уральским областям статуса полноправных субъектов Российской Федерации привела к тому, что 1 июля 1993 г. Свердловский областной Совет провозгласил создание в границах Свердловской области Уральской республики. В основе намерения создания Уральской республики лежало не стремление Урала обособиться от остальной России, а потребность в решении задач эффективного развития производительных сил Уральского региона, укрепления внутреннего единства страны, достижения «реального федерализма» (в том числе через уравнивание в правах различных субъектов Российской Федерации). Развернувшаяся дискуссия во-

круг Уральской республики, обострение противостояния различных ветвей и уровней власти способствовали переходу страны от унитарной системы государственного управления к признанию необходимости укрепления принципов федеративного устройства новой России.

В изменяющихся условиях проявилось стремление российских регионов заявить о своих правах и интересах. Если раньше в существовании региональных образований, обладающих ярко выраженной локальной специфичностью, акцентировалась прежде всего их принадлежность к российскому государству, вследствие чего они не воспринимались как нечто обладающее самостоятельной ценностью, то теперь наружу вырвалась потребность регионов в самоутверждении, в отстаивании своей духовной состоятельности и культурной самодостаточности, необходимость в поиске себя, обновления своего образа, требующая переосмысления отношений с другими регионами и столицей, в конечном счете, реформирования внутрироссийского пространства на новых, демократических основах.

Поиск новой идентичности породил потребность регионов в поиске опоры своего нынешнего развития в собственном историческом прошлом. В 1990-е гг. происходит взрыв регионального мифотворчества. Регионы, выбирая из истории те или иные наиболее соответствующие сегодняшнему ее пониманию нити развития, в известном смысле, были увлечены придумыванием своей биографии. Каждый регион стремился представить свою биографию как составную часть исторической биографии страны в целом. Но в общем контексте попыток России определиться в процессах глобализации это неизменно сопровождалось стремлением региона увидеть свою локальную историю как часть общемировой истории, свою культуру – как часть общемировой культуры! Историки говорят о том, что в 1990-е гг. происходило своего рода «конструирование» российских регионов как особой реальности.

Происходящее способствовало подъему уральского регионального самосознания, заставило заговорить об «уральской идентичности». В 1997 г. был создан Координационный Совет по культуре и искусству республик и областей Уральского региона «Большой Урал» с целью выработки общей политики в сфере культуры и координации общих усилий. Огромный импульс получили исследования по уральской истории, включая историю культуры горнозаводского Урала. По существу, начался процесс возвращения уральцам их истории, формирование нового взгляда на «демидовский Урал». Региональное самосознание пытается

опереться на эту открывающуюся историческую линию, обнаружить в характере сегодняшнего Урала преемственную связь с прошлым.

Основой развития специфического уральского социума, по-прежнему соединявшего в единое целое людей разных национальностей, вероисповеданий и культурных традиций, являются не только географическая определенность региона и сложившиеся в его рамках экономические взаимосвязи, но и сформировавшееся культурное единство края, чувство общности исторической судьбы и особенностей жизни, прочно укоренившееся в сознании уральцев.

С другой стороны, именно на примере Урала видны трудности, с которым столкнулся процесс углубления регионального самосознания в 1990-е гг. Попытки как-то трансформировать формулу «Урал – опорный край державы», придав ей расширительное толкование в виде того, что Урал «все последние 300 лет» своего существования являлся основой металлургии российского государства, его «арсеналом», творцом оборонной мощи, «хребтом российской государственности», не смогли занять исключительного места в представлениях уральцев, особенно молодого поколения. Напротив, начинает пробиваться осознание того, что положение Уральского региона в качестве «опорного края державы» было тесно связано с существованием советского государства, его историей. Тем не менее, эта поэтическая формула сохранила свою силу и даже в качестве девиза попала на герб Свердловской области.

Урал продолжает динамично изменяться, Это касается и характера его производительных сил, и его социокультурного состояния, что подталкивает край к продолжению поисков нового образа, который открывал бы региону дорогу в будущее. Так, Челябинск – это не только «ядерный щит Родины», но и столица Южного Урала, связанная «памятью места» с уральской Троей – древним Аркаимом. Пермь хранит в историческом сознании то, что она была губернским городом Российской империи, для нее важно, что она хотя бы на время (в 2006 г.) стала культурной столицей Приволжского федерального округа. Пытаясь обрести себя в широком геокультурном контексте, Екатеринбург сегодня претендует не только на звание «третьей столицей России», но и хочет видеть себя «сердцем Евразии», «мостом между Европой и Азией».

Подобные попытки изменения собственного образа Уральского региона продолжают уже в несколько изменившихся обстоятельствах. После бурного и противоречивого периода 1990-х гг. федеральный центр начинает рассматривать отстаивание регионами своих прав и интересов как подпитку центробежных тенденций внутри страны, стрем-

ление к «регионализации» России, усиление всевластия местных элит. Задача по укреплению единства страны приобрела на новом этапе характер борьбы федерального центра за возвращение своего безусловного влияния в государстве, усиление «вертикали власти», повышение «управляемости» регионов, установление «жесткого» федерализма.

Сегодня в регионах, в том числе и на Урале, продолжается начавшийся в предыдущий период процесс осознания ими значения своей роли для страны, поиска своего места в едином внутрirosсийском пространстве, стремления нести ответственности за свою судьбу. Движение в данном направлении не было прервано, а лишь частично изменило форму, оставаясь в настоящее время принципиальным фактором развития регионов.

Новое внутрirosсийское пространство в начале XXI в. находится в стадии становления. Одним из направлений, на которых данный процесс проявляет себя особенно активно, является изменение административного устройства Российской Федерации. Заново определяется не только роль и место каждого из составляющих ее регионов. Подчиняясь существующим тенденциям (одной из которых является установка на уменьшение числа субъектов РФ через «укрупнение» регионов), изменяются очертания самих регионов, меняется их историческая «прописка». Примером может служить отнесение Пермской области и Башкортостана к Приволжскому федеральному округу, недавнее слияние Пермской области с Коми-Пермяцким автономным округом в Пермский край. В соответствии с современными концепциями экономического районирования Уральский регион в настоящее время включает в себя Пермский край, Свердловскую, Челябинскую, Оренбургскую, Курганскую области, Республику Башкортостан и Удмуртскую республику. Территория Уральского федерального округа объединяет Курганскую, Свердловскую, Тюменскую, Челябинскую области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО.

3.3. ГОРНОЗАВОДСКОЙ УРАЛ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

В конце XX века в условиях повышенного интереса к проблематике регионализма, повсеместного подъема краеведческого движения интерес к истории и культуре Урала заметно возрос. Происходило интенсивное накопление фактического материала по истории изобразительного искусства Урала, музыкальной и театральной культуре, уральскому

фольклору, художественным промыслам. Тем не менее, даже художественные явления, принесшие Уралу мировую славу, продолжали рассматриваться как выражение некоего своеобразия уральской жизни (производные от ее социально-экономического состояния), мало связанные между собой или связанные внешним образом, скорее хронологически, чем сущностно.

Несмотря на постоянный интерес исследователей к изучению конкретных явлений культуры, не существовало истории культуры Урала как самостоятельного предмета изучения. Продолжающееся накопление фактического материала и потребности преподавания культуры Урала начали вступать в противоречие с этим положением. Одним из препятствий на пути преодоления существующих трудностей является отсутствие соответствующей культурологической теории, способной изменить само отношение к вопросу изучения культуры Урала.

Среди различных подходов к решению стоящей проблемы следует выделить разработку теории региональной культуры и введение соответствующего понятия в научный оборот (в том числе применительно к культуре Урала). Утверждение видения Урала как региональной культуры исходило из представления о ней, как о целостном, относительно самостоятельном явлении внутри общенациональной культуры. В рамках данного направления уральская культура впервые как предмет научного исследования приобрела необходимую определенность, в отличие от круга разнородных явлений, которые обычно относят к «духовной жизни» русской провинции. Такой подход позволил подойти к вопросу исторической реконструкции уральской культуры, изучения закономерностей и своеобразия ее развития, что открыло широкие возможности перед исследователями.

В этой связи ретроспективный взгляд на предшествующую историю изучения культуры Урала продиктован не стремлением к переоценке сделанного в данной области в разные годы, а в том, чтобы понять, насколько реализован потенциал существующих (включая выработанные прежде) исследовательских позиций и подходов, и насколько он может быть актуализирован в русле формирующегося направления изучения культуры Урала.

Ученые отмечают, что жизнь горнозаводского Урала имеет не только специфические черты, но и свои конкретные очертания, культурную определенность, сформировавшиеся в последней трети XIX века. Со времени появления «Описания уральских и сибирских заводов» В. де Генина (1735) сложилась традиция рассматривать уральскую исто-

рию почти исключительно как историю развития горнорудной промышленности. Некоторые сведения об образе жизни и истории народов Урала, были собраны в XVIII в. путешественниками и членами научных экспедиций (Г. Миллером, П.С. Палласом, И. Лепехиным и др.).

Заметный след в изучении уральской истории оставили изданные в начале XIX столетия историко-географические труды Н. Попова, К. Модераха, представляющие собой описание социально-экономической жизни Урала на рубеже XVIII-XIX вв., в которых можно обнаружить отдельные сведения об укладе горнозаводской жизни.

В пореформенное время происходит расширение круга изучаемых тем, начинает расти число историко-этнографических и краеведческих работ. Местные историки и краеведы, объединявшиеся чаще вокруг архивных комиссий и краеведческих обществ, развернули большую исследовательскую и общественную деятельность. К числу наиболее выдающихся уральских историков этого времени принадлежит Н. Чупин, много лет занимавший пост директора Уральского горного училища. Он был автором множества трудов по истории и географии края, включая обширную работу «Географический и статистический словарь Пермской губернии». Важную роль в организации изучения края принадлежала созданному в 1870 г. Уральскому обществу любителей естествознания (УОЛЕ). УОЛЕ являлось центром притяжения всех научных сил края, будучи одновременно одной из наиболее значительных и авторитетных научных общественных организаций краеведческой направленности в России.

Этапной вехой в научной и культурной жизни Урала стало проведение в Екатеринбурге по инициативе УОЛЕ Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки (1887). Основной задачей выставки было, по словам известного российского географа проф. Д. Анучина, «содействовать ознакомлению русского общества с Уралом и Сибирью». Ее организаторы придали своему замыслу поистине всеохватывающий характер, стремясь представить российской и мировой общественности современное состояние не только горнозаводской и других отраслей промышленности Урала, но и уровень развития народного образования, науки, художественной культуры края. В выставке всероссийской по значимости и масштабам приняли участие почти 4 тыс. экспонентов.

Столь масштабное мероприятие стимулировало работу исследователей и краеведов. В связи с подготовкой к выставке были изданы капитальные труды о кустарных промыслах (Е. Краснопёров, П. Зверев). Позднее появился историко-статистический очерк В. Весновского «Ека-

теринбург в прошлом и настоящем» (1903).

Особое место занимает творчество Д. Мамина-Сибиряка. В своих произведениях писатель сумел в художественной форме показать, что горнозаводский Урал представляет собой целостный феномен, особый мир, сложившийся внутри российской культуры. Мамин-Сибиряк одним из первых почувствовал и выразил внутреннюю логику и закономерности исторического пути Урала. Речь даже не о многочисленных историко-краеведческих статьях и очерках писателя, а именно о его художественном творчестве.

Личности центральных персонажей писателя – это всегда конкретное воплощение и выражение времени, «родового начала», среды, «почвы», исторических обстоятельств. Сквозь развитие «человеческого типа» у Мамина-Сибиряка оказывается прослеженной история уральской жизни, если понимать под «созданием истории» не просто умение писателя выделить и связать между собой основные события, образующие вехи в историческом развитии края, придающие структурность его исторической памяти.

Писатель настойчиво стремился подступиться к самому ядру уральской жизни, ее главному противоречию. В романе «Приваловские миллионы» постепенная «порча характера» уральского заводчика связывается Маминим-Сибиряком с конкретными историческими условиями развития горнометаллургической промышленности на Урале. Устами Сергея Привалова писатель формулирует это так: «Горное дело на Урале создалось только благодаря безумным привилегиям и монополиям, даровым трудом миллионов людей при несправедливейшей эксплуатации чисто национальных богатств. Системой покровительства заводскому делу им [уральским заводчикам] навсегда обеспечены миллионные барыши... В таких понятиях и взглядах вырастает одно поколение за другим, причем можно проследить шаг за шагом бесповоротное вырождение самых крепких семей. Чтобы вырваться из этой системы паразитизма, воспитываемой в течение полутора лет, нужны нечеловеческие усилия...».

Творчество Д. Мамина-Сибиряка оказало мощное влияние на уральскую культуру, впервые представило с такой мощью Урал мировой литературе. В его произведениях можно найти основание для исследования истории уральской культуры, глубокое понимание ее коренных проблем, не утратившие своей актуальности по сей день.

Кризисное состояние уральской горной промышленности последних десятилетий XIX в. заставило правительство обратить внимание на

происходящее с Уралом. Появившиеся в результате работы носили концептуальный характер (Д. Менделеев, В. Белов, И. Озеров, А. Митинский). Уже тогда наиболее проникательным исследователям, изучавшим проблемы модернизации уральской горной промышленности, стало понятно, что ее состояние во многом определяется сложившимися особенностями уральской жизни (включая тесное переплетение производственных и социальных связей, особый культурно-бытовой уклад, духовную атмосферу).

Революционные потрясения дали новый толчок становлению уральского регионального самосознания, пробудили потребность глубже понять и выразить то, в чем состояло своеобразие горнозаводского Урала внутри России. К короткому периоду существования Временного областного правительства Урала во главе с П. Ивановым относится попытка организации общества по изучению Урала, первое собрание которого состоялось 18 декабря 1918 г. Соотнеся научные интересы исследования Урала с окружающей (в том числе и политической) обстановкой, данная организация оформилась как «Общество Уральских областников».

Принятый Обществом устав предусматривал: «а) достижение автономии Урала, как самобытной в экономическом, культурном и бытовом отношении Области с сохранением неразрывной общности и связи со всем Российским Государством; б) широкое распространение и укрепление идей автономии Урала; в) изучение Урала в отношении историческом, географическом, естественнонаучном, этнографическом, бытовом, экономическом, культурно-правовом и общественно-политическом; г) популяризация знаний и сведений об Урале; д) содействие свободному развитию экономических и культурных сил края на основе самостоятельности его населения; е) содействие правительственным и общественным организациям в разрешении вопросов о нуждах Урала и проведение в жизнь необходимых мероприятий, направленных к развитию края».

Эта программа осталась не реализованной, но само ее появление выражало важную тенденцию необходимости углубления изучения Урала со стороны специфики его не только промышленного, но и социокультурного состояния.

Следующий этап изучения Урала в данном направлении был связан с периодом, ставшим «золотым веком уральского краеведения», продолжавшимся по независящим от него причинам, лишь одно десятилетие с 1920 по 1929 гг. Это был невиданный подъем краеведческого

движения. Наряду с традиционным вниманием к естественнонаучным изысканиям, оно дополнилось теперь еще и активным интересом краеведов к гуманитарным исследованиям в истории, археологии, фольклоре, этнографии. Уральские краеведы внесли большой вклад в изучение истории и культуры Урала, уральских городов и заводов, горного дела.

Важнейший итог всей работы по исследованию Урала, обобщающий опыт поисков краеведов и аккумулирующий их лучшие достижения, можно было бы видеть в том понимании истории и культуры края, к которому пришел профессор П. Богословский. Он обосновал наличие на Урале «своеобразной горнозаводской цивилизации» с особой мировоззренческой сущностью, специфическим стилем художественного оформления и постулировал вытекающее из этих посылок «право Урала и Прикамья на особе внимание со стороны историков культуры».

Богословский со всей определенностью поставил вопрос о том, что промышленный Урал обладает своим неповторимым культурным обликом. Признание этого служило не только указанием на существование напряженной духовной жизни в крае, сложившихся здесь уникальных художественных традициях. Акцентируя принципиальную роль духовных факторов в регуляции социальной жизни, ученый стремился утвердить их значимость в качестве самостоятельной и самоценной сферы, без учета которой невозможно представить внутреннее содержание особого «уральского мира».

Впервые им было предложено рассматривать Урал как социокультурный феномен. Тем самым развитие горнозаводской промышленности и технологий, специфика посессионного землевладения, прочие коренные уральские вопросы должны были теперь заново анализироваться, но уже в единстве с духовным и культурным развитием края, в том числе в качестве факторов, повлиявших на формирование особого уральского мироощущения. При таком подходе уральская жизнь могла раскрыться в своей целостности: в каждом ее фрагменте следовало искать отблеск целого и, наоборот, уметь разглядеть целое как сложный синтез частей.

Стержнем единства, определявшим эту целостность, выступал особый тип фольклорно-религиозного миропонимания, сложившийся на горнозаводском Урале. Таким образом, исследователи получали ключ к проникновению во внутренний мир уральских мастеров, шанс соприкоснуться с теми смыслами, которыми они сами наделяли свои творения. Соответственно, уральская культура в целом могла начать раскрываться перед учеными как бы изнутри, в своем потаенном духовном измерении. Обратил внимание Богословский и на отличительные типоло-

гические черты «уральского мира», создав предпосылки, позволяющие найти ему место в истории культуры. Создание прочной основы, позволяющей сравнивать горнозаводский Урал с родственными явлениями в мировой культуре, давала возможность по-настоящему оценить его мировое значение и уникальность.

Если бы программа Богословского успела стать достоянием широкой общественности, направляющим началом коллективных усилий уральских краеведов, то без сомнения на качественно новый уровень поднялось бы все ураловедение, перед которым возникали новые горизонты, открывающие целостную картину исторического развития края и его культуры...

В 1930-1950-е гг. история Урала как часть истории России политизируется, рассматривается исключительно с классовых позиций, так, словно ее основные этапы – это этапы развития революционного движения. Историки едва ли не в большей степени, чем до 1917 г., сосредоточились на изучении горнометаллургической промышленности края, а также истории формирования рабочего класса и его социального протеста.

Сложившаяся ситуация не допускала возможности рассматривать Урал как сколько-нибудь значительное в культурном отношении явление. В этот период под давлением идеологических установок широко тиражируется представление об отсталости и дремучем провинциализме дореволюционной уральской культуры. С этих позиций изучаются состояние духовной жизни края, отдельные художественные явления.

То, что невозможно было в науке, сказалось в сфере художественного творчества. В 1936-1939 гг. появляются сказы «Малахитовой шкапулки» П. Бажова, непосредственным поводом к созданию которых стало участие писателя в подготовке сборника «Дооктябрьский фольклор Урала». Бажова возмутила позиция составителей сборника, по мнению которых рабочего фольклора на Урале не существовало. Обращаясь к горнозаводскому фольклору, писатель открывал для современного читателя историю Урала не в виде беспросветного каторжного существования уральских пролетариев, а как яркий, своеобразный, поэтический мир с богатыми духовными традициями.

Дочь писателя, А. Бажова вспоминала об отце, что «резко отрицательно относился он к роману Е. Федорова «Демидовы» в его первой редакции, считая, что первых предпринимателей петровских времен типа Никиты и Акинфия Демидовых надо рассматривать не только как жестоких крепостников, но и создателей металлургической базы страны.

Возмущали отца и многочисленные небрежности, искажения фактов, которыми изобиловала книга Федорова».

Благодаря признанию и известности, которую приобрели сказы Бажова, его позиция по отношению к истории Урала стала важным фактором, спасающим уральскую культуру от окончательного забвения, стимулирующим ее дальнейшее изучение.

С открытием Уральской консерватории (1934) активизировалась работа по сбору музыкального фольклора.

Появляются работы по истории некоторых театров на Урале (М. Незнамов, Ю. Курочкин).

В 1930-1950-е гг. происходит становление уральского искусствоведения. Большая роль в этом принадлежала Н. Серебренникову, активно занимавшегося собиранием и изучением уральского искусства, начиная с 1920-х гг. В книге «Урал в изобразительном искусстве» (1959) на основе обобщения собранного материала он попытался охарактеризовать особенности уральского искусства и истории его становления. Уделяя особое внимание формировавшейся с XVIII в. местной художественной традиции, Серебренников попытался одновременно дать представление о том, как и насколько уральское искусство к началу XX в. было включено в общероссийский культурный контекст, и дальше – как развивалось творчество уральских художников в советский период, вплоть до середины столетия. Кроме того, монография Серебренникова содержала большой объем сведений биографического характера о художниках Урала, о музейных коллекциях и художественных выставках в крае.

В это же время начинается активная научная деятельность Б. Павловского, последующие четыре десятилетия возглавлявшего уральское искусствоведение. Б. Павловский первым подошел к изучению уральского искусства с позиций современного научного искусствоведения, заложил основы изучения истории изобразительного и декоративно-прикладного искусства Урала. Ему принадлежит заслуга в том, что искусство промышленного Урала было оценено и получило широкое признание как явление мировой художественной культуры. В 1960 г. Б. Павловский создал в Уральском университете кафедру истории искусств, что позволило расширить круг тем и явлений в исследовании художественной культуры Урала.

В 1950-1960-е гг. вышли книги Б. Павловского «Камнерезное искусство Урала» (1953), Касли (1957), «Крепостные художники Худояровы» (1963), работы, посвященные творчеству уральских художников А. Денисова-Уральского (1953), Л. Туржанского (1953).

В 1960-1980-е гг. увеличивается число научных публикаций по камнерезному и ювелирному искусству (В. Копылова), истории уральских промыслов (В. Барaduлин, А. Максяшин), творчеству уральских художников. В этот период появляются главные монографические работы Б. Павловского: «Декоративно-прикладное искусство промышленного Урала» (1975); «Каслинский чугунный павильон» (1979); «Художественный металл Урала XVIII-XIX вв.» (1982).

Продолжается работа по сбору горнозаводского фольклора В. Кругляшовой, А. Лазарева, В. Блажеса и др. Внимание исследователей обращается на то, как под влиянием местных условий соединяются, сплавляются в нем различные фольклорные традиции (северорусская, среднерусская и др.). Сложилась традиция изучения творчества уральских писателей XIX и XX в. (И. Дергачев, Г. Щенников, Л. Слобожанинова, Н. Лейдерман и др.). Ведутся историко-этнографические исследования, касающиеся изучения материальной культуры уральских горнорабочих. Историками накапливается материал, свидетельствующий об особом укладе жизни рабочих в XIX – начала XX вв.

При значительном количестве материала по истории уральской культуры, введенном к этому времени в научный оборот, возникало ощущение, что история уже написана, хотя существует в виде совокупности разрозненных текстов. С другой стороны, попытки реально осуществить синтез имеющихся фактов о духовной жизни горнозаводского Урала, его фольклору, истории художественных промыслов, чтобы представить уральскую культуру в целом, наткнулись на прежние идеологические стереотипы, отсутствие необходимой методологической базы.

Это проявилось в первом томе академической истории Урала («История Урала с древнейших времен до 1861 г.», 1989). «Духовное производство», в соответствии с принятой концепцией материалистического понимания истории, представлено в данном труде как область, лишь отражающая этапы и характер экономического развития промышленного Урала. Отдельные наиболее яркие художественные явления, в частности уральские художественные промыслы, характеризуются как проявления местного «своеобразия». Культура Урала не рассматривается как явление, обладающее внутренними закономерностями развития, а представлена как одна из составляющих провинциальной жизни России.

С конца 1980-х гг. происходит деидеологизация общественных наук, обновляется их методологическая база, получают развитие новые

научные направления (культурология, регионалистика). На фоне бурных процессов в политической жизни страны 1990-х гг., одной из движущих сил которой стала борьба российских регионов, в том числе Урала, за утверждение подлинно федеративных отношений в стране, вновь проявляется огромный интерес к региональной проблематике, местной истории, уральской культуре. Возникла потребность не только в переоценки отдельных исторических фактов, но в пересмотре концептуальных основ понимания уральской истории и культуры.

В рамках широкого краеведческого движения заново создаются истории уральских городов, выходят книги в серии «Урал. XX век». Событием в искусствознании стало издание альбомов «Невьянская икона», «Уральская икона», «Сибирская икона», представляющих историю сложившихся на Урале иконописных традиций как самостоятельное и в значительной степени оригинальное явление, продолжавшее развиваться в то время, когда в Центральной России оно уже угасает. о региональном своеобразии – на своем материале приходят исследователи истории уральской архитектуры (Н. Алферов, А. Каптиков, А. Раскин, Н. Стариков, Л. Токмеинова, А. Берсенева и др.). Одновременно появляются работы об особенностях развития театральной и музыкальной культуры на Урале XVIII-XX вв. (С. Беляев, В. Загайнова, А. Костерина, Т. Калужникова и др.), о развивавшейся в течение нескольких столетий местной системе художественного образования (С. Ярков, А. Максяшин).

Параллельно с этим создаются первые обобщающие работы по истории художественной культуры горнозаводского Урала (И. Мурзина), отдельно – по истории художественной культуры Южного Урала (Г. Трифонова, Г. Казакова). Выходят работы по этнокультурной истории Урала (Г. Чагин, Н. Миненко), истории раскола и культуре старообрядчества (Р. Пихоя, В. Байдин, А. Мосин). В 1998 г. был издан объемный обобщающий труд – «Уральская историческая энциклопедия», содержащая много материалов по истории культуры и искусства края.

Сквозь проблематику регионалистики по-новому были поставлены многие вопросы уральской истории в трудах Института истории и археологии Уральского отделения РАН. Впервые в стране здесь была разработана программа «Исторический опыт регионального развития Урала и сопредельных территорий». Тенденцией в исследованиях уральских историков становится все большее признание того факта, что горнозаводский Урал представлял собой особое социальное и культурное пространство.

В 1990-е гг. общей чертой различных специализированных исследований, касающихся истории культуры горнозаводского Урала, все больше становится осознание ее специфичности как явления внутри российской культуры. Это заставляет поставить вопрос о том, имеем ли мы дело с модификацией того же самого явления (русской культуры на Урале) или характер «специфичности» (горнозаводской культуры) таков, что мы в действительности рассматриваем относительно самостоятельный феномен.

Некоторые историки пытаются разрешить данную проблему, выделив в качестве объекта изучения социально-культурную среду, сложившуюся в рамках горноокружной организации уральской промышленности (Н. Алеврас, С. Голикова). Жизнедеятельность горнозаводского населения рассматривается как совокупность культурно-бытовых форм (включая характер коммуникации в заводской среде, тип поселений и жилища, одежду, питание, домохозяйство, обряды, верования и пр.).

Подобный подход позволяет проследить, как конкретные условия существования горнозаводского населения продуцируют определенную социокультурную среду, обуславливают ее характер. Однако изучение культуры с позиций деятельностного подхода, ограничивает ее рассмотрение вопросами социального функционирования. Вся история формирования и развития культуры горнозаводского Урала сводится к процессу адаптации общенациональной культуры к местным уральским условиям. В результате такой подход в принципиальном вопросе возвращает исследователей к констатации «специфичности», «своеобразия» культуры горнозаводского Урала. Ее описание как «варианта» («ветви», «формы» и пр.) существования общерусской культуры носит скорее образный смысл, не открывая предмет для аналитического осмысления.

Достижение качественно нового уровня понимания культуры горнозаводского Урала стало возможным после теоретико-методологической разработки понятия «региональная культура» в контексте современной культурологии. Предложенная в монографии И. Мурзиной «Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания» (Екатеринбург, 2003) концепция региональной культуры как специфической формы существования социума и человека, имеющей выраженную пространственно-географическую очерченность, опирающаяся на собственную историческую традицию и систему ценностей, исходит из понимания специфического характера формирования структуры внутри-российского пространства, во многом оп-

ределившего особенности развития национальной культуры.

Центральное ядро будущей Российской империи к XVI в. успело сложиться в политическом, этническом, культурном отношении прежде, чем вслед за походом Ермака и присоединением «Сибирской земли», она начала стремительно разрастаться, однако и несколько веков спустя, по традиции, продолжала выступать как состоящая из двух частей: Европейской России и Сибири.

Особенности русской колонизации повлекли за собой возникновение специфических в экономическом, правовом, социально-культурном отношении феноменов в границах вновь осваиваемых территориальных образований. Одним из важнейших свидетельств, говорящих в пользу концепции региональной культуры, стало продуцирование локальной средой определенного типа личности (сибиряка, позже – уральца).

Уральскую культуру можно рассматривать как яркий образец региональной культуры. Именно на ее примере отчетливо прослеживаются все основные этапы развития последней: от зарождения и становления внутри общенациональной культуры, до своего рода «эмансипации» и обратного влияния на общерусскую культуру (когда региональная культура превращается в фактор ее развития, определяя ее полистилистичность).

Функциональный анализ уральской культуры как региональной позволил проследить, как, сохраняя неразрывную, глубинную связь с общенациональной традицией, региональная культура сосредоточивается на тех сторонах существования локального социума, которые в наибольшей степени определяются конкретными (природно-географическими, экономическими, социальными и пр.) условиями его существования. В этом следует видеть отличительную черту феномена региональной культуры.

Разработка теории региональной культуры сделала возможным концептуальное постижение закономерностей и логики развития истории уральской культуры. Свое объяснение получили такие ее узловые моменты, как: почему горнозаводский Урал, созданный «петровской индустриализацией» XVIII века, не стал переходным звеном в движении России к индустриальному обществу, но превратился на несколько веков в уникальную локальную культуру протоиндустриального типа; как сформировалась «горнозаводская культура», основные, структурные характеристики которой образовались из ее «промежуточного» положения между традиционной народной культурой и культурой индустриального общества; как возник феномен уральского промышленного искусства;

какое место занимала культура горнозаводского Урала внутри общероссийского пространства; в чем внутренний смысл тех радикальных трансформаций, которые пережила уральская культура в XX веке.

Введение в научный оборот понятия «региональная культура», использование методологических принципов современной культурологической теории, типологического и компаративистского анализа позволили наполнить конкретным содержанием понятие «горнозаводская культура», описать ее отличительные черты, обнаружить конкретные механизмы взаимодействия уральской культуры с общенациональной культурной традицией, синтезировать накопленные данные всех гуманитарных наук в рамках ураловедения.

Данный подход на протяжении нескольких последних лет явился теоретико-методологической основой для исследования конкретных явлений внутри уральской культуры: истории уральского костюма, истории становления городского самосознания жителей Екатеринбурга, бытия творческой личности в пространстве локальной культуры, особенностей истории культуры Южного Урала (Челябинской области) в контексте культуры Большого Урала как единого мегарегиона, региональных проблем культурного развития Западной Сибири.

3.4. КУЛЬТУРА ЗАВОДСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ XVIII – НАЧАЛА XX В.

Русские принесли с собой на Урал традиционные типы сельских и городских поселений, аналоги которым можно было найти и на севере, и в средней полосе, и на юге европейской части России. Однако, зарождение здесь в XVIII в. крупной горно-заводской промышленности привело к появлению качественно нового типа поселения – заводского поселка, который в литературе фигурирует также под названиями «заводского поселения», «завода», «города-завода», «горного города». Последние два термина чаще используются историками архитектуры (например,). Обосновывая правомерность отнесения заводов к городским поселениям, Н.С. Алферов, Р.М. Лотарева указывают на общие черты в их планировке, наличие в заводских поселках промышленных предприятий, на которых была занята подавляющая часть местного населения¹.

Типология архитектора С.А. Дектерева, основана на принципе картографирования поселений Урала, основными критериями которого являются «степень компактности плана поселения; степень относительной

удаленности друг от друга основных структурных элементов (жилище – общественный центр, жилище – завод, пристань, прииск и пр.); прием застройки жилой территории поселения, плотность застройки улиц». На основании этого он выделяет «заводские поселения (поселки, рудники, соляные промыслы, прииски и т. д.)» и «поселения, обслуживающие промышленность: пристани, заводские села, деревни и пр.»

Г.Н. Чагин, представляющий историко-этнографическое направление в историографии темы, рассматривает заводские поселки в числе сельских поселений Урала.

Исходной градостроительной основой заводских поселений, по мнению Р.М. Лотаревой, следует считать «функциональную организацию металлургического производства», которая, как известно, в условиях Урала приняла форму так называемой *окружной системы*. В этом контексте надо рассматривать и формирование местной селитебной структуры. Поселки возникали одновременно с сооружением производственных зданий или вслед за ними. В непосредственной близости от заводской площадки строились административные и культовые здания, жилые дома для администрации и рабочих завода. Следовательно, расположение заводских селений определялось особенностями размещения производства, для которого в качестве исходной основы были необходимы сырье (руда) и топливо (лес). Каждому заводу отводилась определенная местность, которая становилась его «дачей». Территория округа состояла из дач входивших в него заводов. При условии близкого расположения рудников и лесов местоположение завода определяла река, поскольку единственным источником энергии в условиях того времени была механическая энергия воды. Поэтому, как и большинство сельских селений края, все заводские поселения Урала располагались по берегам рек и прудов. Т.К. Гуськова утверждает, что заводские поселки нельзя относить к «азональному типу», поскольку географический фактор при их основании играл важную роль.

По мнению выдающегося исследователя Русского Севера М.В. Витова, в этнографических сочинениях нередко можно встретить описание планировки поселений, особенности расположения их на местности, но из поля внимания этнографов обычно выходит чрезвычайно важный аспект изучения поселений – группировка поселений». Однако, группировка уральских заводских поселений на местности имела свои особенности. Уровень развития строительной техники того времени не позволял возводить плотины на полноводных реках, запасов же воды относительно небольших рек и прудов не хватало, чтобы обеспечить движущей

силой весь технологический процесс в металлургическом производстве. Этот цикл вынуждены были делить между отдельными доменными и передельными заводами, представлявшими собой в сущности разбросанные по территории округа цеха одного крупного металлургического предприятия. Доменные заводы приходилось располагать рядом с рудниками, а передельные – с доменными, причем, по возможности, на одной реке. Заводы внутри каждого округа, как правило, разбрасывались по всей его территории на расстоянии менее 10 км. Таким образом, группировку заводских поселений определяли в основном ограниченность энергетики и рассредоточенность запасов сырья и топлива.

Из окружных уральских хозяйств лучше всего исследован Нижнетагильский округ. Поэтому на его примере можно показать формирование и освоение окружной территории, становление его поселенческой структуры. Строительство ведущих заводов будущего округа (Нижнетагильского и Выйского) с обслуживающими их передельными заводами (Лайским, Черноисточинским и Висимо-Шайтанским) происходило в 1720–1740-х гг. После раздела хозяйства А.Н. Демидова начинается непосредственное формирование территории округа и строительство нового тагильского горнозаводского комплекса. В 1760 г. был пущен Нижнесалдинский железоделательный, а в 1774 г. – Верхнесалдинский доменный заводы на реке Салде к северо-востоку от Нижнего Тагила. Прокладывается новый Салдинский тракт, соединивший эти заводы с центральным Нижнетагильским заводом. В непосредственной близости от тракта возникают две заводские деревни – Сиверная и Нелоба, к которым в начале XIX в. добавляются еще две – Акинфиева и Никитинская. В те же годы в окрестностях Нижнего Тагила появляются деревни Павлушина и Никольская, а около Черноисточинского завода – деревня Елизаветинская. К 1816 г. на территории Нижнетагильского округа имелось уже восемь заводских поселков и двенадцать заводских деревень. В их число вошли и три деревни Галашки (Малые, Средние и Большие), купленные Н.А. Демидовым в 1781 г. вместе с Галашкинской «дачей» у Строгановых, а также построенный в 1771 г. недалеко от этих деревень, на сплавной реке Утке, впадающей в Чусовую, Висимо-Уткинский железоделательный завод. Его соединяли с Нижнетагильским заводом и Усть-Уткинской пристанью два заводских тракта – старый, Висимский, являвшийся продолжением Черноисточинского тракта, и новый, прорубленный в виде просеки прямо через леса – «новая», или «Пристанская», дорога). Еще один тракт (Лайский) соединил Нижнетагильский завод с Лайскими заводами и прошел дальше на север, к Кушвинскому

казенному заводу». С устройством в устье реки Утки Усть-Уткинской пристани и пуском Салдинских и Висимо-Уткинского заводов «завершается начальный этап экономического освоения Тагильского края».

В первой половине XIX в. можно выделить следующие основные элементы поселенческой структуры округов:

- поселения при заводах;
- поселения при пристанях;
- поселения в местах добычи сырья (рудниках, приисках) ;
- деревни и села, которые с начала XIX в. стали называться *заводскими* или *подзаводскими*.

Главным структурообразующим элементом подобного расселения являлись заводы. Большинство из них было построено в XVIII в. В начале века строительство заводов развернулось на Среднем Урале в тех местах, где издавна велась разработка и плавка руд. На протяжении второй четверти XVIII в. сложились основные центры выплавки черного и цветного металла:

- крупные заводы (в частности, Кушвинские) продолжала строить казна,
- успешно развивались хозяйства:
 - на Среднем Урале – Демидовых,
 - на Западном Урале – Осокиных,
 - возникли первые предприятия в вотчине Строгановых,
 - «партикулярные люди» И.Б. Твердышев и И.С. Мясников приступили к освоению Южного Урала.

Если в первом десятилетии XVIII в. было построено 7 заводов, во втором – 5, то в третьем – уже 19, в четвертом – 21, в пятом еще 19 (всего 71 завод). Из них 33 предприятия выплавляли черный металл, а 38 – медь. Во второй половине XVIII в. продолжалось интенсивное промышленное освоение Южного Урала, началось строительство заводов на севере. С 1770-х гг. промышленное строительство резко сократилось. А всего во второй половине века было построено еще 101 предприятие.

Описания современников (в частности, составленное в начале XIX в. «Обозрение» берг-инспектора П.Е. Томилова). помогают воссоздать облик заводских поселений Урала. Сопоставление данных П.Е. Томилова со сведениями Х. Мозеля, относящимися к середине XIX в., дает возможность проследить динамику поселенческой структуры округов, планировку и размеры заводских поселков, состав их населения.

Находясь в разных климатических зонах края – Северном, Среднем, Западном и Южном Урале, – заводы имели отличия по характеру владения и делились на *казенные* и *частные* (*посессионные* и *вотчинные*). «Обозревая» расположенный на севере Урала Кушвинский казенный округ, П.Е. Томилов сообщал, что на главном (Кушвинском) заводе, который возник в 1737 г., к началу XIX в. находилось уже 391 «мастерская» и 93 крестьянских дома. Жилой фонд был разделен на две части, в каждой из которых имелось по два квартала. Казна владела восьмью «ветхими», двумя «новыми» и тремя «вновь строящимися» зданиями. Каменной в Кушве была только церковь. Госпиталь и училище оставались деревянными. Последнее успело прийти в «ветхое» состояние. В связи с отсутствием гостиного двора, жители обходились «при домах деревянными лавочками». Вторым по величине населенным пунктом в округе являлось селение при Серебрянском заводе. Здесь насчитывалось 290 «мастерских» и 4 казенных жилых строения, разделенных на два квартала. Две «ветхие» казармы, по замечанию П.Е. Томилова, предназначались «к сломке». Церковь и госпиталь были деревянными. В поселке при Баранчинском заводе имелось «мастерских 173... крестьянских домов 26», «закрывающихся в одной части». Его жители довольствовались деревянными зданиями церкви и конторы, обходясь без училища и госпиталя. Следующая часть Кушвинского округа – Верхнетуринский доменный и передельный и Нижнетуринский передельный заводы также имели при себе селения. О первом П.Е. Томилов, в частности, писал: «Госпиталь деревянный 1. Богадельни и училища еще не заведено. Церковь деревянная... Контора деревянная 1. Домов: казенных ветхих 2, новых 1, мастеровых 178, разночинцев 6 домов, крестьянских 76 домов. На кварталы еще не разделены... Гостиного двора нет, лавок деревянных 7» Второе поселение насчитывало «... казенных 6, мастерских 198, крестьянских 14» домов, которые также не были разделены на кварталы. Кроме деревянных церкви и госпиталя, здесь имелись два конторских здания: «ветхое деревянное и каменное двухэтажное».

Описания П.Е. Томилова позволяют судить о требованиях, предъявляемых к заводскому благоустройству того времени:

- наличие определенного набора общественных зданий – конторы, церкви, училища, госпиталя, богадельни, гостиного двора (по возможности – каменных);
- жилому фонду полагалось быть разделенным на кварталы.

К середине XIX в., по данным Х. Мозеля, Кушвинский округ насчитывал уже 6 заводов (прибавилось Верхнебаранчинское железодела-

тельное предприятие). На центральном Кушвинском заводе находились 3 церкви (две православные и одна единоверческая), магометанская мольня, гостиный двор, почтовая станция, этап, госпиталь на 70 кроватей, при нем два флигеля, аптека, богадельня, главная и заводская конторы («в которых помещается и полиция»), три школы, пожарный двор, казарма для военной команды из пяти отделений. Селение Серебрянского завода обзавелось заводской конторой, госпиталем на 40 кроватей, церковью и школой. Такой же госпиталь и школа были построены на Баранчинском заводе. В поселке при Нижнетурином заводе появились здания школы и госпиталя на 30 кроватей, а при Верхнетурином построили еще церковь, часовню, госпиталь на 40 кроватей и школу. На «новом» Верхнебаранчинском заводе была возведена только церковь. Таким образом, «старые» заводские поселения Кушвинского округа к середине XIX в. обладали общественными зданиями, «запланированными» в начале столетия, – заводскими конторами, госпиталями, школами. Богадельня с гостиным двором были только в центре округа.

В качестве «среднеуральского» варианта развития окружной поселенческой структуры может быть взят частный (принадлежащий Яковлевым) посессионный Верх-Исетский округ, включавший в начале XIX в. 8 заводов, 6 из которых описаны П.Е. Томиловым. Центральным заводом округа считался доменный и передельный Верх-Исетский, насчитывавший 401 «мастерский» дом и деревянную церковь. Заводчик имел здесь каменный и два деревянных здания и каменную двухэтажную контору. В Уткинском заводе проживали только государственные мастера-вые (имевшие 112 домов), в Верх-Нейвинском, напротив, – «собственные заводосодержателя» (в 311 домах). Шуралинский завод насчитывал 62 дома «мастеровых» и 12 «крестьянских», Верхнетагильский – 334 «мастерских» дома и 15 домов государственных крестьян. У мастеровых Режевского завода было построено 284 жилых дома.

Сопоставление сведений по Кушвинскому и Верх-Исетскому округам показывает, что в селениях последнего меньше имелось общественных сооружений. Были «еще не заведены» училища, госпитали, даже церкви (на Уткинском и Режевском заводах, а на Верх-Нейвинском и Шуралинском были только деревянные часовни). Однако во всех описанных поселениях имелись «господские дома» (признак частного владения), а здание конторы отсутствовало только в Режевском заводе. В селениях, за исключением Верхнетагильского и Шуралинского заводов, дома оставались еще не разделенными «на кварталы».

По данным Х. Мозеля, к 1860-м гг. Верх-Исетский округ заметно обстроился. Селение при центральном заводе имело три церкви, больницу на 50 кроватей, аптеку и школу. В поселке при Верх-Нейвинском заводе находились 2 церкви и часовня, целых 3 училища и госпиталь (также на 50 кроватей), а при Верхнетагильском – 2 церкви, 2 училища, госпиталь на 17 кроватей и аптека. В Шуралинском заводе появились церковь, училище, госпиталь и аптека, в Режевском – 3 церкви и госпиталь на 30 кроватей. Поселения при Шайтанском и Сылвенском заводах, описание которых у П.Е. Томилова отсутствует, к середине этого столетия также имели обустроенный облик: в первом имелись церковь, училище, госпиталь на 10 кроватей, аптека; во втором – 2 церкви, 2 часовни, 2 училища и госпиталь на 25 кроватей. На возникшем в первой половине XIX в. Нейво-Рудянском заводе, по данным Х. Мозеля, были построены только культовые сооружения – православная часовня, единоверческая церковь и раскольничья молельня. Таким образом, к середине XIX в. селения Верх-Исетского округа в обязательном порядке (кроме новостроек) наряду с конторскими и господскими домами имели церковь, госпиталь, училище. Чаще всего подобных зданий в заводских поселках насчитывалось не по одному.

В «Обзрении» П.Е. Томилова приведены сведения о южноуральских заводах. Так, о Богоявленском заводе он пишет: «Госпиталь деревянный, расположенный на 8 кроватей. Богадельни и училища нет. Церковь каменная... Заводская контора – 1. Господский дом – 1. Обывательских домов – 260. Дома на кварталы не разделены... Гостиного двора нет...». И далее – описание Верхотурского завода: «Церковь каменная – 1... Контора деревянная – 1. Господских домов – 2. Обывательских домов – 394. Дома на кварталы не разделены. Госпиталь деревянный, расположенный на 5 кроватей. При нем аптека – 1. Тут же и училище. Богадельни нет Гостиного двора нет...». Последний в будущем Богоявленском округе – Воскресенский завод – в эти годы представлял из себя следующее: «Каменная церковь... Контора деревянная – 1. Господский дом – 1 и при нем госпиталь, расположенный на 5 кроватей. Обывательских домов – 414». Следовательно, в начале XIX в. заводские поселки на юге края были такими же многолюдными, но, в отличие от Кушвинского и Верх-Исетского округов, имели больше общественных зданий.

Мало отличий наблюдалось у заводских поселений в «вотчинах». Так, расположенный на северо-западе Урала Лысьвенский округ включал три (возникших еще в XVIII в.) завода – Лысьвенский, Бисерский и Юго-Камский. На центральном – Лысьвенском – заводе к середине

XIX в. находились 2 церкви, приходское училище и госпиталь на 36 кроватей. В селении Бисерского завода, кроме церкви и приходского училища, располагались госпиталь на 25 кроватей и аптека. При Юго-Камском заводе имелись православная церковь и старый деревянный госпиталь на 25 кроватей (на смену ему возводили новый). И здесь присутствовал схожий набор общественных зданий: церковь, училище, госпиталь.

Поскольку заводы стремились строить около источников сырья (Нижнетагильский – у подножия горы Высокой, Кушвинский – возле горы Благодать, Полевской – у Гумешек и т. д.), то отдельных поселений в местах добычи руды долгое время не возникало. Исключением являлось селение Туринские Рудники в самом северном на Урале – Богословском округе. Расположенное в 12 верстах от Богословского завода, оно снабжало медной рудой его и частично Петропавловский завод. В начале XIX в. там находились «... госпиталь деревянный – 1. Церковь деревянная... Контора деревянная – 1. Домов: казенных – 27, заводчиных: каменный – 1, деревянных – 2, мастерских – 401». В 1860-е гг. это селение считалось «весьма обширным, превосходящим числом народонаселения многие города». По площади («5 верст 32 десятины 2380 сажень») оно превосходило все три заводских поселка округа (территория самого большого из них (Богословского) составляла «1 версту 56 десятин 1196 сажень»). В Туринских рудниках насчитывался 1101 частный дом, имелись две школы и госпиталь²⁰. Подобные им селения стали появляться с развитием в крае золотоплатиновой промышленности. Одно из ранних – Крестовоздвиженские прииски – возникло в Лысьвенском (вотчинном) округе, когда там (в 1825 г.) было построено «несколько господских домов». По свидетельству современников, приисковые и рудничные поселения в XIX в. не уступали чисто заводским ни по размерам, ни по обеспеченности общественными зданиями.

Важнейшим элементом в структуре округа являлись пристани, обеспечивавшие единственную в условиях того времени возможность вывоза продукции водным путем за пределы края – связь с внешним миром. Расположение этих объектов также зависело от наличия определенных географических условий, которые имелись далеко не в каждом округе: главными водными артериями Урала считались реки Чусовая и Белая. Богословские заводы, например, пользовались Ослянской пристанью, принадлежащей соседним Кушвинским. В 1860-е гг. Кушвинский округ для постройки судов «при впадении р. Илима в р. Чусовую, на западной стороне Уральского хребта, в 30 верстах от Серебрянского

завода», имел Илимскую пристань. А «железные» караваны отправлял с Ослянской, расположенной «при реке Чусовой на западной стороне Уральского хребта в 9 верстах от Серебрянского завода к югу, на 82 версты ниже Илимской». Главная, Усть-Уткинская, пристань Нижнетагильского округа обладала строительным комплексом с гаванью и верфью, осуществлявшими ремонт и строительство судов. Иногда пристань располагалась за пределами округа. Так, дача Уткинской казенной пристани была расположена в 73 верстах от «главной» дачи Екатеринбургских казенных заводов, к которым принадлежала.. Построена она была довольно рано – в 1718 г. А в округах (как показывает история Нижнетагильских заводов) подобные сооружения продолжали возникать по мере освоения территории. Пристанские поселения были небольшими. В 1820 г. Трекинская пристань (Верх-Исетских заводов) насчитывала «при себе» 28 домов.

Вопрос о заводских селах и деревнях ставит проблему взаимоотношения сельского и промышленного расселения в крае. «Закономерного» пути развития при переходе от аграрного общества к индустриальному, когда сельские поселения перерастают в промышленные, горнозаводской Урал почти не знал. Сельская колонизация началась раньше промышленной, но заводы чаще всего строили «на пустом месте», поскольку цели у той и другой были разные и богатства региона они осваивали каждая по-своему.

Исследователи выделяют две модели взаимоотношения промышленной и сельской колонизации. Первая наблюдалась во владельческих округах. Вотчины осваивались путем сельского расселения (исключая соляные варницы, при которых также возникали промышленные поселения). Строительство заводов на их территории началось позднее. Хотя оно происходило по правилам окружной системы, но округа в данном случае оказались «вписаны» в структуры вотчин. Это нашло отражение во внешнем облике некоторых заводских поселков. Описывая Юго-Камский завод Лысьвенского округа Бутеро-Родали, Х. Мозель считал нужным специально объяснить, что там «школ и училищ нет, а те, которые желают учиться... отправляются в село Верхнемулинское», бывшее центром вотчинных владений.

Опережение промышленного расселения по сравнению с аграрным четко прослеживается на Южном Урале, заводы которого в большинстве своем были построены во второй половине XVIII в., а русская крестьянская колонизация Оренбургской губернии развернулась в XIX – начале XX в. Из-за неблагоприятных климатических условий на севере Урала

дело ограничилось только промышленным освоением. Максиму Походяшину, по замечанию Н.И. Павленко, «пришлось не только строить завод, но и проявлять заботу о создании удобных к нему подъездов. Строительство было отдалено от населенных пунктов и уездных центров ближайших Соликамского, Чердынского и Верхотурского уездов непроходимыми лесами, горами и болотами, и поэтому необходимо было расчистить дороги для подвоза продовольствия, инструментов и разнообразных припасов, а также для прохода рабочих. Надо было, кроме того, построить дорогу к судоходной реке, способной связать завод дешевыми водными путями с важнейшими торгово-промышленными центрами Европейской России». Хотя самые северные заводы Урала вскоре стали казенными, положение с освоением их территории изменилось мало. По отзывам авторов 1860-х гг., «заселенность» Богословского округа была «самая бедная, кроме заводов Богословского, Петропавловского, Николаепавдинского, Турьинских рудников, в смежных землях на юг от заводских селений в 60–90 верстах селение Караульское, Коптяковское, Бусалова, Мелехина, а со стороны северных и восточных пределов живут вогулы небольшими селениями по берегам Сосьвы и Лозьвы». Еще при Походяшине на северных уральских заводах существовали такие своеобразные поселения, как зимовья, не потерявшие своей актуальности к середине XIX в. По сведениям Х. Мозеля, там проживали казенные мастеровые, «доставляющие пристанища для проходящих и проезжающих». Состояли они из 1–8 дворов и в деревни не переросли. Впрочем, населенные пункты этого округа, официально именуемые деревнями, мало чем от них отличались: в Филькиной было 9 дворов, в Чекленцовой – 3, в Еловской – 7.

Иная картина наблюдалась в Нижнетагильском округе. Т.К. Гуськова всячески подчеркивает «пустынную» этого края в начале XVIII в.: немногочисленные и малонаселенные государственные деревни были удалены от заводов на сто и более верст. За XVIII – первую половину XIX в. положение коренным образом изменилось: «...заводские поселки и деревни, расположенные по заводским трактам, превратились в крупные (с десятками и даже сотнями тысяч жителей) поселения, сосредоточившие основную массу населения региона (к 50-м гг. XIX в. – более 96%). Малонаселенные и удаленные от заводов деревни государственных крестьян, занимавшихся в основном земледелием, в 40-е гг. XIX в. насчитывали около 1000 ревизских душ, а в 1862 г. – 1337 против 26,7 тыс. ревизских душ крепостных заводских крестьян – основного горно-заводского населения Нижнетагильского округа». Таким образом,

сельское расселение стало подчиняться здесь целям и задачам промышленного (окружного), происходило по его правилам и в соответствии с его развитием.

Взаимодействие промышленного и сельского расселения на горно-заводском Урале можно разделить на два этапа: до отмены приписки (в начале XIX в.) и после. На первом заводчики и казна воспользовались уже имеющимися результатами сельского расселения, т. е. уже возникшими поселениями крестьян. «В “досмотрах рудных мест” 90-х гг. XVII в., одним из главных условий выбора мест для строительства заводов на Урале было названо наличие поблизости русских поселений». «Именно это определило расположение первых уральских заводов – Невьянского, Каменского, Алапаевского и других». «Порвав» с деревней, приписные крестьяне переселялись в это время, как правило, на сам завод. На втором этапе окружные власти стали создавать новые села и деревни. Именно в начале XIX в. подобные поселения становятся значимым явлением и по отношению к ним начинают применять термин «заводские».

Отмена приписки и формирование постоянных заводских вспомогательных кадров породила проблему расселения новых рабочих. В некоторых казенных округах непременных работников зачисляли «целыми селениями», т. е. используя старый способ. В других случаях их набирали подобно рекрутам и переселяли в новые деревни, расположенные в заводских «дачах». Отказавшись от непременных работников, Демидовы заменили их собственными крепостными из Европейской России, которых расселяли во вновь возникших деревнях на территории округа. Владельцы Верх-Исетского округа использовали все пути. По данным 1819–1820 гг. в деревне Фетковка при Шуралинском заводе проживали их крепостные крестьяне, в деревнях Вогулковой, Крыловой, Шигаевой при Сылвинском заводе – данные им непременные работники, а деревня Решеты при Верх-Исетском заводе начала заселяться рекрутами. С 1816 по 1834 г. число деревень, окружающих Нижнетагильский завод, возросло с 12 до 16, а численность их населения – в 3,3 раза. Деревни, населенные непременными работниками имелись также при Илимской пристани Кушвинского округа.

Заводские деревни стали *специфическим для Урала* типом промышленных поселений. Условиями промышленного, а не сельского расселения определялось не только время возникновения, но и место расположения заводских деревень: на трактах, при строительстве барок и сплаве на пристанях, в куренях вблизи лесосек. (Если относить заво-

дские тракты к трактам вообще, то промышленное расселение внесло свою долю в притрактовый тип заселения.)

Очередность появления на территории округа заводов, а затем заводских сел и деревень диктовалась эволюцией его освоения. До 1767 г. в Нижнетагильском округе возникали преимущественно заводы, позднее – поселения сельского типа. С середины XIX в. начался отток жителей с заводов округа, «тогда как в заводских деревнях на протяжении всей истории их существования наблюдался непрерывный рост численности населения». Это придавало устойчивость процессу формирования заводских сел и деревень

Главным различием между заводскими и сельскими поселениями принято считать особенности их планировки. Для уральских деревень издавна было характерно беспорядочное расположение домов – так называемая «свободная застройка». Что касается заводских поселений, то с самого начала в них соблюдалась «правильная планировка». Однако составители «регулярных планов» не учитывали дальнейшего развития поселения. В результате застройка быстро выходила за пределы запланированных первоначальных границ. Это привело к хаотичности в размещении домов, принцип линейного построения жилья соблюдался лишь в самых общих чертах. Так, П.С. Паллас заметил, что в Саткинском заводе «дома, коих до 600 счисляется, выстроены без всякого порядка и в неправильных улицах». В предписании Соликамского земского суда 1824 г. отмечалось, например, что в планировке и застройке поселка при Чермозском заводе, основанном в 1761 г., «... вот уже 60 лет безобразие». Даже после введения геодезической съемки территорий и маркшейдерской службы в 1760–1780-х гг. планы заводских поселков отличались большой упрощенностью. Только реформа 1806 г. поставила гражданское строительство под наблюдение и контроль архитекторов горного ведомства. Началось создание «генеральных планов» развития поселений и разбивка их на кварталы (улично-квартальная планировка в уральских селах начала вводиться только в 1880-е гг.). Первые результаты этой работы в границах всего горно-заводского Урала зафиксировал в начале XIX в. П.Е. Томилов. Территория 31 из обследованных им заводских поселений была «на кварталы еще не разделена». В 26 населенных пунктах эта работа была уже проделана. В Шуралинском, Троице-Петрокаменском, Баранчинском, Верхнеалapaевском, Верхнесусанском, Березовском и Пышминском заводах жилые дома «заклучались в 1 квартале», жилой фонд Верхнетагильского, Выйского, Серебрянского, Кыштымского, Миасского, Златоустовского, Саткинского, Катав-

Ивановского, Благовещенского, Уинского и Ашапского заводов был «разделен на 2 квартала», в Бымовском и Полазнинском – «на 3 квартала», в Нижнетагильском, Богословском, Иргинском – «на 4 квартала». Кушвинский завод «разделен на две части в каждой по два квартала». Дома в Невьянском и Юговском заводах были разделены «на 3 части

Построение генеральных планов исходило из крестообразного каркаса гидротехнических устройств заводов. Ось плотины обычно совпадала с главной магистралью поселения, а ось реки и пруда соответствовала направлению территориального развития. Параллельно им закладывалась улично-дорожная сеть. В начальный период жилую застройку представляли два-три десятка деревянных домов усадебного типа, размещенных «в линию». Так, две части поселка Чермозского завода, расположенные на разных сторонах реки, по мнению его жителей, соединяла плотина пруда, «ниже коего как бы в раздел селению» был расположен завод. Наиболее распространенной стала прямоугольная система плана (Ижевский, Очерский, Чермозский, Быньговский, Сысертский и др. заводы), которая к тому же отвечала градостроительным воззрениям времени, ориентированным на жесткость координат. Иногда прибегали к радиальной (Нижнетагильский, Невьянский заводы) планировке. В Невьянском заводе улицы южной стороны имели кривизну, повторяющую изгиб Нейвы. Радиальные улицы Нижнего Тагила, по мнению современных архитекторов, стали непосредственным следствием поисков жителями наикратчайшего расстояния к заводу

Особенностью заводских поселков являлась удлиненность кварталов, чаще всего в направлении рек, что приводило к вытянутости самих поселений. Они достигали 1–3 га и застраивались по длинной стороне. Ширина улиц (20–40 м) и переулков (10–15 м) примерно соответствовала нормативным требованиям – не менее 10 и 6 саженей соответственно. Параллельность сторон улиц и их самих соблюдалась не всегда. В Нижнесергинском заводе они были «не равны по сторонам». По данным середины XIX в. в селении Кушвинского завода «улицы тянутся с юга на север вдоль по кособоку западного склона Благодатки и на гору южного». Направление «продольных» улиц в Ижевском заводе (в «поперечных» почти не было жилых помещений) шло с севера на юг. Власти настойчиво воплощали в жизнь принципы генеральных планов. В 1820 г. контора Пожевского завода требовала от администрации Кизеловского «все по назначению правлением на план линии красной вновь заложенные дома перенести за счет того, кто таковую глупую застройку сделал», напоминая, что «на кварталы план прежде еще сделан и имеется в Кизе-

ловской горной конторе». В 1830-х гг. на каждый жилой дом составлялся проект, указывались размеры участка (документы, разрешающие постройку дома, в большом количестве сохранились в архивных фондах контор казенных заводов). Под надзором «начальства» и по планам, утвержденным конторой, строили жилье жители частных заводов. Вопросы планировки поселений, как и каменное строительство, находились под постоянным контролем самого генерала В.А. Глинки. В 1843 г. он писал: «Обозревая горные заводы, я не раз отмечал, что заводские мастеровые часто строят дома свои, отступая от всех правил самой простой архитектуры», требуя от подчиненных «принять меры, чтобы все дома в селениях... строились по фасадам, которые, соблюдая простоту, имели бы приличную наружность». Начальники округов передавали его распоряжения вниз по инстанциям в более грозной форме: «При построении мастеровыми домов строжайше наблюдай, чтоб ни малейшего отступления против сих фасадов не было, в противном случае всякая несообразность будет исправляема на счет виновных, сие допустивших».

К концу XIX в. усилия заводских властей по привитию у горнозаводского населения вкуса к «правильной» планировке начали приносить свои плоды. Планировка превратилась в один из атрибутов заводского образа жизни, в отличительный признак «прогресса» и получила положительную смысловую нагрузку. «И строянка у них в беспорядке. Не как у нас – улицы по ниточке, а кто где вздумал, тут и построился. На Большой улице и то порядок вывести не смогли: то она уже, то шире. В одном месте и вовсе на смех сделано. Идешь-идешь – в дома и упруешься... Пойдешь вдоль этих домов да и воротись близко к тому месту, откуда пошел. Штанами это место зовут. Штаны и есть», – так, по воспоминаниям П.П. Бажова, его отец отзывался о Полевском заводе. Беспорядок в планировке улиц здесь наблюдался больше в Заречной части, «по горе». Из Суксунского округа в 1859 г. сообщали, что дома всех его жителей построены «правильно». «Дома построены и строятся здесь, – писали в 1866 г. о Нижнесергинском заводе, – правильными улицами». Правильную линейную планировку улиц в заводских селениях бывшего Нижнетагильского округа отмечали участники этнографической экспедиции 1950-х гг.

Отступление от «правильности» далеко не всегда было результатом «упрямства» горнозаводского населения, а диктовалось здравым смыслом. В условиях Урала планировка могла не стать благом, даже если ею занимались такие авторитеты, как М.П. Малахов. В первой половине XIX в. горная администрация стала вводить «планты» в селениях

непременных работников. Современный архитектор «план Бобровского участка непременных работников обывательскому строению деревни Бобровы», выполненный им в 1832 г., оценил следующим образом: «В самом характере плана и в направлении улиц не учитывается наличие извилистой и значительной по ширине реки, холмистого рельефа, стихийно сложившейся застройки, не имеет ясного выражения положение главных улиц, не имеет видимых причин удаление от реки общественного центра. Прямоугольная сетка равных по ширине улиц и переулков ориентирована диагонально к меридиану, создав неравные, а для половины деревни неблагоприятные условия ориентации жилых домов, стоящих на противоположенных сторонах улиц». Поборники «правильной» планировки не учитывали местных климатических и бытовых особенностей жизни населения, механически подходили к приемам застройки, приводившим к созданию бытовых неудобств и ухудшению микроклимата поселений, а также стиранию своеобразия их внешнего архитектурного облика. В действительности на заводах довольно часто наблюдалось различное расположение. Если поселок «вырастал» из сельского поселения, то в нем, наряду с улично-поквартальной планировкой, сохранялась старая, присущая селам и деревням, – беспорядочная, линейная. Например, в Висимо-Уткинском заводе различали две основные части: старый поселок XVI–XVII вв. и «центр» («завод»). Вначале они были отделены друг от друга, но позже слились, и расположение дворов «кучей» соседствовало с правильными рядами улиц.

Наибольшее распространение в селе Молебка Красноуфимского уезда (бывшего Молебского завода) получила уличная система плана, но в отдельных случаях по берегам реки Сылвы и пруда встречалась рядовая. Учет рельефа помог избежать недостатков «правильной» планировки: «Сочетание системности построения и вариантов, обусловленных ландшафтом и рекой, способствовало созданию компактного и цельно воспринимаемого сельского поселения, казавшегося естественным явлением самой природы». В зависимости от местности заводское поселение могло представлять из себя глубокую чашу, раскрытую подобно амфитеатру в сторону водоема (Златоустовский завод), перемежающиеся холмы (Невьянский), склон горы (Кушвинский) или ее подножие (Богословский).

Производственное ядро главенствовало в застройке заводских поселков, было их архитектурно-планировочным центром. Как правило, оно совмещалось с административным центром и располагалось в центре жилой застройки (в Верхнеуфалейском и Быньговском заводах – по

одну сторону поселка). В планировочном отношении заводская площадка с плотиной и прудом и располагавшиеся на ее периферии административные и жилые здания составляли единое целое. По мнению архитекторов, выход производственных строений в центры поселений был новым для русского градостроительства и главным в характеристике заводских поселков. Производственную и селитебную зону объединяла предзаводская площадь, местоположение которой определялось кратчайшими связями жилых образований с металлургическими заводами. Эти возникавшие при рождении поселка части определяли его специфику как поселения. Им соответствовали «типологические виды застройки заводов» – производственные сооружения, общественные здания и жилые дома.

В заводских поселках встречались разнообразные инженерные сооружения: мосты, водозаборные устройства, эстакады. Обязательным элементом оставалась плотина. Каждое из них по-своему отражалось в облике поселений. На плотинах Воткинского, Кыштымского и других заводов устраивали бульвары, аллеи с деревьями и кустарниками. Они прерывались видовыми площадками, на которых устанавливались скульптуры и вазы, разбивались цветники. Плотина Очерского завода протяженностью в 500 м была обсажена тремя рядами берез и представляла из себя сплошную зеленую «стену». В 1830-х гг. над прорезом подобного сооружения в Верх-Исетском заводе был построен закрытый шатер с портиками из четырех дорических колонн и двух пилонов, которые завершались фронтонами, прорезанными арками и обработанными рустами. Рядом с ними были установлены чугунные литые решетки. Обеспечивая удобный парадный выход к воде, плотины снимали потребность в благоустройстве прибрежных территорий. К середине XIX в. существовали только небольшие каменные набережные в Кыштымском, Екатеринбургском и еще в некоторых заводах. Как и плотины, они ограждались чугунными решетками, вдоль которых тоже высаживались аллеи деревьев.

Предзаводские площади изначально служили функциональным целям – снаряжению и разгрузке обозов. Примыкая к плотинам, они присоединялись к водным просторам, и гладь пруда становилась частью центра поселка. Ансамбль зданий на площади был относительно постоянным. Как писал Д.Н. Мамин-Сибиряк, уральские горные заводы были «похожи один на другой как две капли воды: заводский пруд, фабрика, контора, господский дом, базар, дровяная площадь, угольные валы, а там ряд улиц с обывательскими строениями». Немаловажным элементом

планировки являлось присутствия в центре поселка культового сооружения. Обычно сразу же с возведением завода закладывали церковь или строили часовенку. На предзаводской площади они занимали «островное» положение. Конторы заводов нередко имели оригинальное архитектурное решение с портиками и завершениями в виде башен, предназначавшихся для сторожевой и противопожарной службы (Режевской, Кыновский, Очерский заводы). Наиболее богатыми в архитектурном отношении являлись личные резиденции заводладельцев (например дом Абамелек-Лазаревых в Чермозском заводе), представлявшие из себя барские усадьбы. На площади Невьянского завода стоял на пьедестале бюст С.Я. Яковлева. Поселок Нижнетагильского завода с 1846 г. украшал памятник Н.Н. Демидову. В центре Кыштымского завода находился большой чугунный фонтан. Единственным типом общественных зданий, который не только отсутствовал на площади, но, как правило, был удален за селение, оставался госпиталь, который ставили в стороне на возвышенности. Так, «вне черты селения» Березовского завода располагался «огромный, полукаменный, двухэтажный с мезонином и садом госпиталя».

Территориальная обособленность и формирование микроансамблей госпиталей сделали их важным элементом в застройке поселения

Украшало заводские поселки широкое применение художественного металла. Элементы кованой и литой пластики – решетки, кронштейны, орнаменты и монументально-декоративная скульптура – использовались при сооружении оград, балконов, ворот, входов, крылец; также делали чугунные опоры, колонны, капители, базы, террасы, лестницы, плиты. В первой половине XIX в. центры некоторых крупных заводских поселков имели, хотя и скудное, уличное освещение, тротуары, иногда – бульвары. К середине XIX в. крупные заводские поселения обладали уже разветвленной системой зеленых насаждений. Скверами и садами окружались церкви, конторы, госпитали, училища и другие общественные здания. Ижевский завод даже проектировался в XVIII в. как парк. К площади Златоустовского завода примыкал сад, разбитый у самого подножия холма. Садом была окружена больница Верх-Исетского завода.

С помощью заводских поселений в крае была решена «жилищная проблема»: каждая рабочая семья, как правило, имела собственный дом. Основным типом массовой застройки с самого начала существования заводов был деревянный одноэтажный жилой дом, ведущий свое происхождение с древних времен и модифицирующийся соответственно ре-

гиональным и климатическим особенностям. На заводах Урала возводились одинарные, двойные и тройные дома-срубы, четырех-, пяти-, шестистенные. При описании жилищного фонда некоторых заводов уже в XVIII в. наряду с частными упоминаются «казенные дома» и постройки казарменного типа. Строительства заводчиком жилья для рабочих в широких масштабах до эксперимента в Нижнетагильском округе в начале XIX в. горно-заводской Урал не знал. Тогда Демидовым заранее по единой планировке для переселенцев были возведены целые жилые районы. «До 60 домиков» для рабочих было построено по распоряжению владельца Шемахинского завода – Расторгуева. «Однотипные крестьянские дворики и домики с одним окошком на улицу» и вторым «маленьким окошечком», в которые «для светопрохождения» вставляли требуху, просуществовали здесь более 120 лет, будучи заселены до 1920-х гг.

Попытки стандартизации жилой застройки возникали уже на ранних стадиях развития поселков, что прослеживается в генеральных планах Екатеринбургского, Билимбаевского, Невьянского заводов. В большей степени этот процесс проявился в первой половине XIX в., когда из столицы стали присылать «образцовые» проекты домов. Дома этой категории, отражавшие приоритетные направления русской архитектуры, предлагались в разных вариантах – деревянные, деревянные-оштукатуренные «под камень», каменные, одно- и двухэтажные; их обычно строили в центре или вдоль главных улиц.

Дома обычно возводились в структуре усадеб с хозяйственными постройками и участками огородов. Сведения о пожаре 1837 г. в Быньговском заводе дают представление о «кусочке» поселка. На усадьбе длиной 29 и шириной 11 саженей, кроме избы, находился сарай со службами и навесом, у соседей участок был шире – 29 на 13 саженей. На нем располагалось аналогичное строение. Третья усадьба имела размеры 29,5 на 10 саженей и, кроме сарая с навесами, еще и амбар. К жилым постройкам, образуя вместе с ними двор, примыкали хозяйственные. На Урале дворы были либо открытыми (жилая часть отделена от хозяйственных построек, расположенных по периметру двора), либо закрытыми (жилая часть объединена с хозяйственными постройками в единый комплекс), либо сочетали в себе элементы и того и другого. Выбор типа двора зависел от климатических условий. По своему функциональному назначению хозяйственные постройки делились на три группы: 1) для хранения (продуктов, вещей, сена, инвентаря), 2) для содержания скота и 3) для проведения различных хозяйственных работ.

По данным Х. Мозеля, в середине XIX в. из надворных построек в домохозяйстве горно-заводского жителя преобладали сараи и помещения для содержания скота – конюшни, коровники, навесы. На «задах» огородов в усадьбах горно-заводских жителей часто встречались бани. Планировка двора и набор хозяйственных построек оказались наиболее консервативными и за пореформенный период почти не претерпели изменений. А набор основных «служб» придавал характерную особенность внешнему виду поселений. Так, И.И. Архангельский отмечал, что «овинов, разбросанных по селению сараев и хлебных амбаров – в заводах нет».

Расположение построек относительно улиц в заводах варьировалось. Дома жителей Кушвинского завода в середине XIX в. были ориентированы «везде по обычаю, в заводах принятому, концами в улицу». В Чермозском заводе они располагались вдоль по улице. Изба оружейника Ижевского завода «двумя или тремя окнами была обращена на улицу, остальными – на двор». Фасады домов с одной стороны улицы были обращены на запад, с другой – на восток. В Причусовье постройки располагались и перпендикулярно и параллельно к улице, но окнами обязательно к реке. В Нижнетагильском заводе избы ставили перпендикулярно улице, а дом «с заделом» (с восьмью окнами по фасаду) располагали, как правило, вдоль улиц. В южноуральских селениях со стороны улицы избы огораживались палисадником.

Несмотря на отсутствие в заводских поселках водопровода, канализации и других инженерных устройств, они производили вид уютных и опрятных поселений. «Повсюду видишь чистенькие домики, – писал о Верх-Нейвинском заводе Яковлева Я. Р[ого]в, – пространные дворы и огороды». «Строения во всех заводах хорошие, – сообщалось в 1855 г. о Нижнетагильском округе, – дома не только удобны, но и обширны». Исключение составляли те районы заводских поселков, которые находились в низинах. Расположенное выше и ниже самого производства селение Кушвинского завода было неоднородно по своему внешнему виду. «Лучшая и большая часть селения, – писал информатор РГО, – стоит на довольно крутом скате... улицы тянутся вдоль по косоугру... местоположение для постройки самое невыгодное... Но зато скоро стекает вода и не бывает больших грязей во время и продолжительных дождей. По другую же сторону реки местоположение более ровное, и во времена дождливые бывает грязь почти непроходимая». Про окраины других заводских поселков современники говорили то же самое: «...грязь страшная заставляет каждого неохотно отправляться к своим обязанностям,

особенно мастеровых, которым приходится ходить в дождь, слякоть и темную ночь». Аналогичное положение сложилось и в других горнозаводских районах. Ижевский завод в «возвышенной» части имел дома, «обшитые тесом», «в два этажа», пятистенки, а около болота ютились «жалкие избушки в два окошка». «В сырости» находилась также подгорная часть селения Чермозского завода. Быстрому разрушению зданий в Дедюхинском заводе «способствовало то обстоятельство, что всё селение, за ничтожным исключением, каждую весну подтопляется разливом Камы». Поэтому все постройки имели «далеко невзрачный» вид: «большая часть домов похожа на лачуги, содержится неопрятно, особенно дворы». Там, где это было необходимо и по возможности, горнозаводские жители принимали некоторые меры для благоустройства поселков. Например, в Ижевском заводе были вымощены все пешеходные пути. Делались канавы для стока воды по сторонам или середине улиц, как это рекомендовалось Положением для устройства селений 1830 г. «Во время помещичьего надзора, – сообщал в 1870 г. врач Чермозского завода, – во дворах и вокруг домов устроены были глубокие канавы для стока воды... волей-неволей они ежегодно были прочищаемы и все были направлены в речку».

Вспоминая дореформенное время, И.И. Архангельский писал: «... Все заводы Урала обстроены как нельзя лучше. Красивые, уютные дома мастеровых... далеко оставляли за собой в былое даже время постройки крестьян соседей-земледельцев. Большие заводы: Мотовилихинский, Невьянский, Кушвинский, Сергинский, Тагильский, отстроены не хуже, а лет 10–15 назад были и лучше таких городов, как Оханск и Красноуфимск». В пореформенный период, по мнению данного автора, рабочие поселки Урала сохранили особенности своего внешнего вида: «Завод выдает себя по наружному виду чистенькими постройками, скученными около прудов и речек». По мнению других авторов, «скученность» следует рассматривать скорее как недостаток пореформенных заводских поселков, «сплошные» дома которых «лезут один на другой». В описании Камбарского завода специально отмечалось, что «дома не скучены». «Довольно тесно» располагались строения в Нижнесергинском заводе. Редкий дом занимал здесь 14–20 саженей по улице и 40–50 саженей во двор и огород. Наряду с отсутствием или узостью переулков это приводило к ухудшению санитарно-гигиенического состояния поселений, в которых, как, например, в Березовском заводе, было «мало мест, где сухо, а более таких, где утонуть можно». В 1881 г. внешний вид этого поселения был далеко не презентабельным: «Скученные по-

стройки, тесные дворы, с накопленным во дворах доморощенным перегноем, лужи на улицах, появляющиеся с весны и существующие до зимы, вследствие странного обычая домохозяев проводить на улицы застоявшуюся и испорченную воду из погребов и других мест и выносить из домов на улицы же помои, наконец, огромные кучи навоза и других нечистот, нарочито сваливаемых как раз около реки».

Таким образом, можно констатировать наличие на Урале XVIII–XIX вв. заводского (окружного) поселения, которое имело свою специфику в типе заселения (завод – обязательно у пруда на реке, заводские деревни и села – на тракте, у завода, у пристани), в типе расселения (в соответствии с расположением промышленных объектов на территории округа), типе поселений (завод, заводские села и деревни, жители которых занимались обслуживанием металлургической промышленности края) и в форме поселений (наличие в застройке производственных, общественных и жилых зданий, выход производственных строений в центр поселений).

Литература

1. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 17. Л. 5;
2. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 17. Л. 5 об.–6;
3. Алферов Н.С. Зодчие старого Урала, первая половина XIX века. Свердловск, 1960. С. 16, 147–14; Лотарева Р.М. Города-заводы России. XVIII – первая половина XIX века. Екатеринбург, 1993. С. 3, 5–6, 16, 78, 130–131, 151, 154–155, 162, 164, 183, 184, 186, 189, 195, 197–198,
4. Андржеевский И. Ижевский оружейный завод // Военно-медицинский журнал. СПб., 1877. № 5. С. 5–6.
5. Архангельский И.И. Этнографические очерки горнозаводского населения Урала // Пермские губернские ведомости. 1890. (отдельный оттиск). С. 3, 11.
6. Бажов П.П. У старого рудника // Уральский современник. 1940. № 3. С. 179; Змиев И. Нижнес-Сергинский завод. С. 43.
7. Витов М.В. Этнография Русского Севера. М., 1997. С. 69.
8. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1155. Л. 7 об.
9. ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1148. Л. 2 об.–3, 6 об.–7.
10. ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1178. Л. 5 об.–8
11. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 578. Л. 22 об.
12. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 589. Л. 36;
13. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 623. Л. 101 об.
14. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 623. Л. 199 об

15. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 623. Л. 101 об., 199 об.–200 об
16. ГАСО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 72. Л. 28–29;
17. Говорливых З. Медико-топографический очерк Чермоозского завода // Медико-топографический сборник. СПб., 1870. Т. 1. С. 288; 289
18. Голикова С.В., Денисевич М.Н. Крестьянский двор // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург. 1998. С. 286.
19. Гусев В.Е. Из опыта этнографического изучения рабочих старых заводов Южного Урала // Уч. зап. Челяб. гос. пед. ин-та. 1956. Т. 1, вып. 1. С. 244.
20. Гуськова Т.К. Некоторые этнографические особенности населения б. Нижне-Тагильского заводского округа в конце XIX — начале XX в. // Советская этнография, 1958. № 2. С. 34, 36–37, 38
21. Гуськова Т.К. Заводское хозяйство Демидовых. в первой половине XIX в... С. 35, 54, 109, 112, 125,
22. Гуськова Т.К. О некоторых особенностях демографических процессов на Урале в эпоху феодализма (по материалам Нижне-Тагильского горно-заводского округа конца XVIII — первой половины XIX вв.) // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1990. С. 110; 121
23. Дектерев С.А. Климат и архитектура народного жилища. Свердловск, 1989, С. 31, 180.
24. Змиев И. Нижне-Сергинский завод // Пермские губернские ведомости. 1866. № 11. С.43.
25. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 260–273.
26. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX в.). М., 1971. С. 103–114;
27. Лотарева Р.М. Города-заводы России. С.17, 19-20, 36, 43, 71-72, 80-83, 97, 113-115, 122-123, .139, 141, 143, 145-146,
28. Мамин-Сибиряк Д.Н. Платина // Мамин-Сибиряк Д.Н. Статьи и очерки. Свердловск, 1947. С. 354.
29. Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба, Пермская губерния. Ч. 1. СПб., 1864., С. 165, 167, 168, 171, 173–174, 175, 178, 187, 210–216, 260, 262, 265, 302, 307–308 , 531,
30. Описания заводов хребта Уральского, составленные пермским берг-инспектором П.Е. Томиловым (1807–1809 гг.) // Горнозавод-

ская промышленность Урала на рубеже XVIII–XIX вв. Свердловск, 1956. С. 177, 179–180, 182, 184, . 156, 160, 162, 164, 197, 221

31. Очерки Среднего Урала и заводской на нем деятельности // Пермские губернские ведомости. 1854. № 34.

32. Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII века: Заводы и заводовладельцы. М., 1962. С. 244.

33. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1786. Ч. 2, кн. 1. С. 85.

34. Петухов Д. Горный город Дедюхин и окольные местности. СПб. 1864. С. 111;

35. Предтеченский В.Ф. Камбарский завод: Санитарно-статистический очерк. Пермь, 1901. С. 5;

36. Романов А. Ижевский оружейный завод // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. СПб, 1876. С. 2;

37. Топорков А. Березовский завод Екатеринбургского уезда (историческое и этнографическое описание) // Пермские епархиальные ведомости. 1881. С. 60, 106.

38. Устьянцев С.В. Организация производственного процесса в черной металлургии Урала первой половины XIX в. // Металлургические заводы и крестьянство: Проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период. Екатеринбург, 1992. С. 80–82, 85.

39. Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI — первой половине XIX века. Пермь, 1995. С. 107–108, 177, 178, . 94, 113.,

3.5. ОСВОЕНИЕ СИБИРИ ЕРМАКОМ

Л.М.Сонин в книге «Тайны Седого Урала» называет Ермака уральским конкистадором. С этим мнением можно согласиться.

Конкистадо́р (архаизм конквиста́дор, исп. *conquistador* – завоеватель) – в период конца XV – XVI веков испанский или португальский завоеватель территорий Нового Света в эпоху колонизации Америки, участник конкисты – завоевания Америки. Лидеры конкистадоров-первопроходцев именовались аделантадо.

Из всех авторов самые подробные сведения о переходе Ермака из Чусовских городков в Кашлык приводит в своей «Истории Сибирской»

С. Ремезов. Он сообщает о численности казачьего отряда последовательно, на всех отрезках пути, называет точные календарные даты прибытия его в разные пункты, описывает «зимовья» казаков.

Вольные русские колонисты явились пионерами в освоении новых земель. Опережая правительство, они обжили «дикое поле» в Нижнем Поволжье, на Тереке, Яике и Дону. Поход Ермака в Сибирь был прямым продолжением этого народного движения. То, что первыми русскими поселенцами здесь стали вольные люди, оказало большое влияние на исторические судьбы Сибири. Преобладание народной колонизации привело к тому, что феодально-дворянское землевладение и крепостное право никогда не утвердились на сибирской окраине.

Казачи Ермака сделали первый шаг. Следом за ними на Восток двинулись крестьяне, промышленники-звероловы, служилые люди. В борьбе с суровой природой они отвоевывали у тайги землю, основывали поселения и закладывали очаги земледельческой культуры.

Царизм нес угнетение коренному населению Сибири. Его гнет испытывали па себе в равной мере и русские переселенцы. Сближение трудового русского народа и местных племен благоприятствовало развитию производства, преодолению вековой разобщенности сибирских народностей, воплощая в себе будущее Сибири.

Кем же был Ермак Тимофеевич? Какую роль сыграл он в истории и культуре Урала?

Происхождение Ермака

Ермак Тимофеевич Аленин (1532/1534/1542 – 6 августа 1585) – казачий атаман, исторический завоеватель Сибири для Российского государства.

Происхождение Ермака неизвестно в точности, существует несколько версий. По одному преданию, он был родом с берегов Камы. Благодаря знаниям местных рек, ходил по Каме, Чусовой и даже переваливал в Азию, по реке Тагил, пока не забрали служить-казачить (Черепановская летопись), по другому – уроженцем Качалинской станицы на Дону (Броневский). В последнее время всё чаще звучит версия о поморском происхождении Ермака (родом «з Двины з Борку»), вероятно имелась ввиду Борецкая волость, центр которой существует по сей день – деревня Борок Виноградовского района Архангельской области.

Его имя, по мнению профессора Никитского, есть изменение имени Ермолай, а Ермак же звучало как сокращение. Другие историки и летописцы производят его от Германа и Еремея. Одна летопись, считая

имя Ермака прозвищем, дает ему христианское имя Василия. Эта же версия обыгрывается в сказе П. П. Бажова «Ермаковы лебеди». Существует мнение, что «Ермак» – прозвище, образованное от названия котла для приготовления пищи.

Существует гипотеза о тюркском (керайтском или сибирском) происхождении Ермака. В пользу этой версии приводят доводы о том, что имя Ермак тюркское и существует до сих пор у татар, башкир и казахов, но произносится как Ермак. Из источников известно, что среди первых казаков, донских и волжских, встречалось немало крещеных татар, и вообще сами казаки впервые упоминаются в русских летописях XV в. именно как «казаки-татары». Кроме того, мужское имя Ермак (Ърмаг) встречается у алан-осетин, широко населявших донские степи вплоть до XIII столетия и также принимавших участие в этногенезе казаков.

Версию о тюркском происхождении Ермака косвенно подтверждает описание его внешности, сохраненное Семеном Ульяновичем Ремезовым в его «Ремезовском летописце» конца XVII в. Согласно С. У. Ремезову, отец которого – казачий сотник Ульян Моисеевич – знал лично выживших участников похода Ермака, знаменитый атаман был «вельми мужествен, и человекен, и зрачен, и всякой мудрости доволен, плосколиц, черн брадою, возрастом (т.е. ростом) средней, и плоск, и плечист».

Ермак был сначала атаманом одной из многочисленных казацких дружин, на Волге защищавших население от произвола и грабежа со стороны крымских татар. Об этом свидетельствуют донесения, челобитные «старых» казаков, адресованных царю, а именно: Гаврила Ильин писал, что он 20 лет «полевал» (нёс военную службу) с Ермаком в Диком поле, ветеран Гаврила Иванов писал, что служил царю «на поле двадцать лет у Ермака в станице» и в станицах у других атаманов [5].

В 1579 дружина казаков (больше 540 человек), под начальством атаманов Ермака Тимофеевича, Ивана Кольцо, Якова Михайлова, Никиты Пана, Матвея Мещеряка, Черкаса Александрова и Богдана Брязги, была приглашена уральскими купцами Строгановыми для защиты от регулярных нападений со стороны сибирского хана Кучума, и пошла вверх по Каме, а в июне 1579 прибыла на реку Чусовую, в чусовские городки братьев Строгановых. Здесь казаки жили два года и помогали Строгановым защищать их городки от грабительских нападений со стороны сибирского хана Кучума.

К началу 1580 Строгановы пригласили Ермака на службу, тогда ему было не менее 40 лет. Ермак участвовал в Ливонской войне, командовал казачьей сотней во время сражения с литовцами за Смоленск. Сохранилось письмо польского коменданта Могилева Стравинского, отправленное в конце июня 1581 г. королю Стефану Баторию, в котором упоминается «Ермак Тимофеевич – атаман казацкий».

1 сентября 1581 дружина казаков под главным начальством Ермака, выступила в поход за Каменный Пояс (Урал) из Орла-городка. По другой версии, предложенной историком Р. Г. Скрынниковым, поход Ермака, Ивана Кольцо и Никиты Пана в Сибирь датируется 1582 годом, так как мир с Речью Посполитой был заключён в январе 1582 года, а в конце 1581 Ермак всё ещё воевал с литовцами [7].

Инициатива этого похода, по летописям Есиповской и Ремизовской, принадлежала самому Ермаку, участие Строгановых ограничилось вынужденным снабжением казаков припасами и оружием. По свидетельству Строгановской летописи (принимаемому Карамзиным, Соловьёвым и другими), Строгановы сами позвали казаков с Волги на Чусовую и отправили их в поход, присоединив к отряду Ермака (540 человек) 300 ратных людей из своих владений.

Важно отметить, что в распоряжении будущего противника казаков, хана Кучума, находились силы, в несколько раз превосходившие дружину Ермака, но вооруженные значительно хуже. Согласно архивным документам Посольского приказа (РГАДА), всего Кучум располагал примерно 10-тысячной армией, то есть одним «туменом», а общая численность «ясачных людей», которые ему подчинялись, не превышала 30 тыс. взрослых мужчин [10].

Хан Кучум из рода Шейбанидов был родственником правившего в Бухаре хана Абдуллы, и, по-видимому, являлся этническим узбеком. В 1555 г. сибирский хан Едигер из рода Тайбугинов, услышав о завоевании Россией Казани и Астрахани, добровольно согласился принять российское подданство и выплачивать русскому царю Ивану IV небольшую дань. Но в 1563 г. Кучум совершил переворот, убив Едигера и его брата Бекбулата. Захватив власть в Кашлыке, Кучум первые годы вел ловкую дипломатическую игру с Москвой, обещая подчиниться, но при этом всячески затягивая выплату дани. Согласно Ремезовской летописи, составленной в конце XVII в. Семеном Ремезовым, Кучум устанавливал свою власть в Западной Сибири с крайней жестокостью. Это обусловило ненадежность отрядов вогулов (манси), остяков (хантов) и пр. коренных

народов, насильно собранных им в 1581 г. для отражения казацкого вторжения.

Казаки поднялись на стругах вверх по Чусовой и по её притоку, реке Серебряной, до сибирского волока, разделяющего бассейны Камы и Оби, и по волоку перетасили лодки в реку Жеравлю (Жаровлю). Здесь казаки должны были зимовать (Ремизовская летопись). Во время зимовки, согласно книге Режевские сокровища, Ермак отправил отряд сподвижников разведать более южный путь по реке Нейва. Но татарский мурза разгромил разведывательный отряд Ермака. На месте, где жил тот мурза ныне находится знаменитое своими самоцветами село Мурзинка.

Лишь весной, по рекам Жеравле, Баранче и Тагилу, выплыли в Туру. Два раза разбили они сибирских татар, на Туре и в устье Тавды. Кучум выслал против казаков Маметкула, с большим войском, но и это войско было разбито Ермаком на берегу Тобола, при урочище Бабасан. Наконец, на Иртыше, под Чувашевым, казаки нанесли окончательное поражение татарам в битве при Чувашевом мысу. Кучум оставил засеку, защищавшую главный город его ханства, Сибирь, и бежал на юг, в Ишимские степи.

26 октября 1582 Ермак вступил в покинутую татарами Сибирь. В декабре военачальник Кучума, Маметкул, истребил из засады один казачий отряд на Абалацком озере, но следующей весной казаки нанесли новый удар Кучуму, взявши в плен Маметкула на реке Вагае.

Лето 1583 Ермак употребил на покорение татарских городков и улусов по рекам Иртышу и Оби, встречая везде упорное сопротивление, и взял остяцкий город Назым. После взятия города Сибирь (Кашлык) Ермак отправил гонцов к Строгановым и посла к царю, атамана Ивана Кольцо.

Иван Грозный принял его очень ласково, богато одарил казаков и в подкрепление им отправил князя Семёна Болховского и Ивана Глухова, с 300 ратниками. Царские воеводы прибыли к Ермаку осенью 1583, но их отряд не мог доставить существенной помощи сильно убавившейся в битвах казачьей дружине. Атаманы гибли один за другим: сначала в засаду попал Богдан Брызга; потом при взятии Назыма убит был Никита Пан; а весной 1584 г. татары убили Ивана Кольцо и Якова Михайлова. Атаман Матвей Мещеряк был осажден в своем стане татарами и только с большими потерями заставил отступить их предводителя Карачу, визиря Кучума.

6 августа 1585 погиб и сам Ермак Тимофеевич. Он шёл с небольшим отрядом в 50 человек по Иртышу. Во время ночёвки в устье реки

Вагай Кучум напал на спящих казаков и истребил почти весь отряд. Согласно одной легенде, мужественно сопротивлявшийся атаман был обременен своими доспехами, в частности, подаренным царем панцирем, и, пытаясь доплыть до стругов, утонул в Иртыше. Согласно татарским преданиям, Ермак был смертельно ранен копьем в горло татарским богатырем Кутугаем. Казаков оставалось так мало, что атаман Мещеряк должен был выступить обратно на Русь. После двухлетнего владения казаки уступили Сибирь Кучуму, чтобы через год вернуться туда с новым отрядом царских войск. Так же бытует мнение что в результате смуты среди казаков, Ермака убили сами казаки и позднее доложили царю о его позорной смерти (утонул при попытке бегства) во время боя, дабы не навлечь на себя гнев Ивана Грозного.

Оценка деятельности

Некоторые историки ставят очень высоко личность Ермака, «его мужество, предводительский талант, железную силу воли», но факты, передаваемые летописями, не дают указаний на его личные качества и на степень личного его влияния. Как бы то ни было, Ермак является «одной из самых примечательных фигур в русской истории» (Скрынников).

Смерть Ермака

Существует легенда о том, что, тело Ермака вскоре выловил из Иртыша рыбак-татарин «Яныш, Бегишев внук». Посмотреть на тело атамана съехалось много знатных мурз, а также сам Кучум. Татары несколько дней стреляли в тело из луков и пировали, но, по словам очевидцев, его тело пролежало на воздухе месяц и даже не начало разлагаться. Позже, поделив его имущество, в частности, взяв две кольчуги, подаренные царем московским, его захоронили в деревне, которая ныне называется Баишево. Захоронили в почетном месте, но за кладбищем, так как он не был мусульманином [31].

В настоящее время рассматривается вопрос о подлинности захоронения. Подаренный Ермаку царем Иваном панцирь с мишенями (бляшками), принадлежавший воеводе Петру Ивановичу Шуйскому, убитому в 1564 г. гетманом Радзивиллом, сначала попал к калмыцкому тайджи Аблаю, а в 1646 г. был отбит русскими казаками у «воровской самояди» – восставших селькупов. В 1915 г. при раскопках сибирской столицы Кашлыка были найдены точно такие же бляшки с двуглавыми орлами, что были на панцире Шуйского, которые мог обронить там сам Ермак [45].

Также в Казахстане, в преданиях казахского народа дошедших до наших дней из поколения в поколения повествуется о гибели Ермака. Этому повествованию нет доказательств, но она выглядит правдиво, тому свидетельства передачи повествования старыми и уважаемыми старцами казахов. Повествование гласит, как известно казаки, казачьи отряды наносили большой урон тюркоязычному миру Сибири и Азии. Казачьи отряды врываются в аулы, грабили, сжигали, насиловали казахских женщин, убивали без промедления мужское население казахского народа, угоняли без численные стада овец, коров, и лошадей. К примеру в одном среднем ауле могло находится до 20 тысяч голов коней, 50000 тыс. овец. Повесть гласит, что у побережья Иртыша находился казахский аул. Был в этом ауле охотник и батыр (Воин, прославленный воин, богатырь) Сатбек. В народе его звали Сатбек батыр. Вечером после охоты возвращаясь домой он услышал в своей юрте (дом, сделанный из войлока) плачь жены и дочери. Недолго думая он поткрался к юрте и начал глядеть через сделанное им отверстие. В юрте он увидел (Юрты были большими и вмещали до 20 человек) Ермака, который сидя сжимал одной рукой его дочь. Та лежала и стонала от боли. Вокруг стола сидели также знатные казаки из окружения Ермака. Сатбек батыр был здоровым и сильным человеком, не зря народ звал его батыром и отличным охотником. Ермак также был здоровым и мощным русским детиной. Не каждому было бы под силу одолеть его. Сатбек батыр смотря на это увидел, что на улицу начал собираться казак Ермака чтобы проверить коней, недолго думая Сатбек батыр начал выжидать его у дверей, пока остальные казаки пировали и ели награбленную пищу у народа. Как известно дверь юрты низкая, и чтобы выйти надо нагнуться. Таким образом казак Ермака нагнулся и начал выходить из дверей юрты, и в этот момент Сатбек батыр нанес мощный удар в шею, отрубив голову ментально. Спряча тело он начал выжидать остальных казаков. Так постепенно ничего не подозревая выходили раз за разом остальные казаки. Сатбек работал топором точно. И в итоге в юрте остался один грозный Ермак. Ермак тоже начал выходить из юрты. Так как Ермак был рослым и крепким войном, когда он высунул голову из юрты Сатбек батыр нанес ему удар в шею, но лишь ранил его в шею и плече. Завязалась драка. Ермак начал побеждать Сатбек батыра. Сатбек батыр прокричал дочери, чтобы она отпустила собаку с привязи (Как известно казахи славились охотничьими собаками для охоты в степи. Волкодавы, которые были научены охранять бесчисленные стада от натиска волков. Казахские волкодавы эффективно обороняли аулы и стада от волков и без страха

бежали на одного или несколько волков. Собаки были научены вцепляться в горло волков, чтобы быстрее одержать победу над волчьей стаей, если проигрывал вожак волчьей стаи.). Дочь Сатбек батыра отвязала собаку. Охотничья собака сразу вцепилась в горло Ермаку. Так Сатбек батыр и его верная собака убили Ермака. Защитив свою честь отца и честь дочери Сатбек батыр убил Ермака. Тело некогда могучего Ермака он сбросил в Иртыш. Так был убит завоеватель Сибири.

Память

Память об Ермаке живёт в русском народе в легендах, песнях (например, «Песня о Ермаке» входит в репертуар Омского хора) и топонимах. Наиболее часто населённые пункты и учреждения его имени можно встретить в Западной Сибири. В честь Ермака названы города и сёла, спорткомплексы и спортивные команды, улицы и площади, реки и пристани, пароходы и ледоколы, гостиницы и др. О некоторых из них см. Ермак. Многие сибирские коммерческие фирмы имеют в своём собственном названии имя «Ермак».

Памятники в городах: Новочеркасске [32], Тобольске (в виде стелы, 1848), на Алтае в Змеиногорске (перенесённый из казахстанского города Аксу, до 1993 носивший название Ермак), Сургуте (открыт 11 июня 2010 года; автор – скульптор К. В. Кубышкин) [8,17].

Горельеф на фризе памятника «Тысячелетие России». В Великом Новгороде на Памятнике «1000-летие России» среди 129 фигур самых выдающихся личностей в российской истории (на 1862 год) есть фигура Ермака.

Улицы в городах: Белове, Березниках, Железногорске (Красноярский край), Иваново, Новокузнецке, Новосибирске и Омске, Новочеркасске (площадь), Липецке и Ростове-на-Дону (переулки).

Сопка Ермака – одна из достопримечательностей г. Верхняя Тура (Свердловская область).

Художественный фильм (мини-сериал) В. Краснопольского и В. Ускова «Ермак» (1996) (в заглавной роли Виктор Степанов).

В 2001 году Банком России в серии памятных монет «Освоение и исследование Сибири», выпущена монета «Поход Ермака» номиналом 25 руб.

Среди русских фамилий встречается фамилия Ермак.

В 1899 году на верфи в Ньюкасле (Англия) по проекту адмирала С. О. Макарова был построен для России первый в мире линейный ледокол «Ермак», прослуживший до 1960 года. В 1974 году на финской вер-

фи Вяртсила был построен для Советского Союза новый дизель-электрический ледокол «Ермак».

Основные подходы к изучению похода Ермака

Одним из самых ярких событий поры начальной колонизации Урала – является организация похода «за Камень» казачьей дружины Ермака. Похода, завершившегося сокрушительным разгромом войска сибирского царя Кучума, фактически положившего начало быстрой русской колонизации сибирских просторов по всей их протяженности – от лесистых уральских круч и до самых тихоокеанских вод.

Вот уже четыре века Ермак – повсеместно признанный национальный герой русского народа. Его деяния внесены в скрижали летописей. Огромное число историков перерыли мегатонны архивных бумаг, охотясь за малейшими упоминаниями деталей его поразительной сибирской эпопеи. Писатели, поэты на самых разных языках прославили его дела. И что, наверное, выше всего, благодарная память русских и уязвленная память татар в бесчисленных песнях, легендах закрепила за ним навечно место в пантеоне самых значительных деятелей своего времени.

До наших дней дошли несколько портретов Ермака. На них изображен плотный чернобородый, уверенный в себе человек. Отблескивающая броня доспехов. Грозное оружие в сильных руках.

На портретах он спокоен, взгляд широко посаженных глаз сосредоточен, мудр и таинствен. Его таинственность не придумана живописцами. Она естественна для человека, о котором написаны эвересты тонких и толстых книжек, но в которых более или менее соотносятся описания только последних года-двух его невероятной судьбы. Однако, до сих пор вызывают споры исследователей и взаимоисключающие выводы многих читателей некоторые аспекты этого исторического и культурного события.

Действительно, Ермак приплыл на Иртыш, в нескольких жестоких сечах разметал Кучумовы рати. Но что было до того?! Откуда он взялся, этот герой? Как попал на Урал?.. Как занесло его в Сибирь?..

У историков об этом нет единого мнения, нет его и в толковании имени Ермака.

Величайший знаток русских летописей и архивов Николай Михайлович Карамзин посчитал необходимым предварить в своей «Истории государства Российского» описание Ермаковой сибирской эпопеи: «Начиная описание Ермаковых подвигов, скажем, что они, как все необыкновенное, чрезвычайное, сильно действуя на воображение людей, про-

извели многие басни, которые смешались в преданиях с истиною и под именем летописаний обманывали самих историков...»

В науке бытуют четыре основные точки зрения на появление Ермака на Урале.

1. Его привела в Сибирь неумная страсть к прикарманиванию чужих богатств, которую он до того успешно утолял, грабя всех, кого ни попадя, на нижневолжских просторах. И где ратники Ивана Грозного так прищемили ему хвост, что он вынужден был срочно перебираться в места, более для таких дел благоприятные.

2. Его призвали защищать от набегов инородцев свои владения прикамские богатеи Строгановы.

3. Казачий атаман Ермак самозванно возник на строгановских землях. И они, чтобы избавиться от присутствия у себя могучей шайки разбойников и в то же время, чтобы получить себе добрый навар, уговорили атамана направиться в Сибирь, где от богатств всяких у тамошних татар короба лопаются, а уж они Ермаку помогут и порохом, и едой, и проводниками.

4. Ермак Тимофеевич – один из военачальников казачьих формирований на правительственной службе, был в срочном порядке, по докладу приуральских властей, направлен с западного фронта, где он сражался с поляками, на восточные рубежи государства, где резко обострилось сопротивление местных жителей русским колонизаторам.

Первая точка зрения основана на старейшем из дошедших до нас письменных источников, описавшем Ермаковы подвиги, – так называемой Есиповской летописи. Эту летопись закончил составлять в 1636 году в Тобольске дьяк Савва Есипов. Эту работу ему приказал совершить архиепископ Тобольский Нектарий. Владыка повелел дьяку порасспросить оставшихся в живых казаков, сподвижников Ермаковых, почитать рукописи татарских летописцев и дал в пользование синодник казачьей дружины. (Синодник этот был составлен в 1622 году казаками Ермаковой дружины по просьбе предыдущего тобольского преосвященного – Киприяна, который попросил их тогда же и составить «Написание» о том, как они «приидоша в Сибирь».) Согласно есиповских записей, эти казаки действительно вволю наразбойничались на волжских струях, а потом присланное царское войско заставило их искать новое место для грабежа, и они, посоветовавшись, решили – давайте махнем в Сибирь, там уж московский царь нас не достанет, там уж мы вновь разгуляемся. О Строгановых Есиповская летопись совершенно не упоминает. И только в одном из ее позднейших списков глухо звучит фраза, что, мол, что-то

подобное где-то записано. Историки считают, что нападение казаков Ермака на Сибирь – их личная идея и присоединение Сибири – их личная заслуга.

Такая точка зрения устоялась. У нее были и есть сторонники среди известнейших дореволюционных и советских историков. Однако, такое описание событий похоже на рядовой былинный сюжет.

Вторую точку зрения обосновывают, прежде всего, так называемая Строгановская летопись и несколько царских грамот, тексты которых с ней согласуются. Главным моментом этой летописи является сообщение, что 6 апреля 1579 года Максим Яковлевич Строганов отправил гонца на Нижнюю Волгу к тамошним казакам, приглашая их к себе на службу и суля за то всякие блага. Понуждаемые царской погоней, казаки с радостью ухватились за такое предложение и почти немедля прибыли в строгановские владения. Строгановы их приняли очень радушно, и не только приветили и кормили два года и два месяца, но, истратив на их снаряжение, по некоторым источникам, около 20 тысяч рублей (деньги очень немалые), дав им и харч на дорогу, и проводников, отправили покорять Сибирь.

Все изложенное в версии Строгановской летописи очень возможно, и ей доверились и Н.М. Карамзин, СМ. Соловьев, и ряд других виднейших историков. Действительно, Строгановы страдали от набегов непокорившихся местных князьков и воинственных сибирских мурз. У царя не хватало войск защитить надежно все свои владения. Строгановы хорошо усвоили урок 1552 года, когда жители Соликамской молили государя о помощи от осадивших город ногайских татар. Тогда в ответ на их просьбу царь прислал... складной образ Николая Чудотворца. Другого защитника он им прислать не смог.

Когда сибирским царем стал Чингизид Кучум, в 1571 году написавший самому московскому царю, что, мол, больше дань ты от меня не получишь, а как жить дальше нам, сам решай – можем и воевать, можем и мирно бытовать, – Строгановы глубоко задумались о своей безопасности.

В 1572 году они формируют свой казачий полк в тысячу человек, который был ими собран по разрешению царя и тут же отправлен по цареву указу на фронт у Оки. Тем временем Кучум продолжал нападать на строгановские владения и уже в 1573 году организовал мощную экспедицию туда. Только предельная мобилизация Строгановыми своих ратников позволила им отстоять свои городки.

Строгановы поняли: покой на их землях настанет, только когда они утвердятся и за Камнем. Они надумали просить у царя разрешение на владение приобскими землями – и получили его в 1574 году. Таким образом Строгановы хотели решить все свои проблемы – да еще с немалым приварком. Для того, чтобы свершить задуманное, нужны силы. И нет ничего необычного в том, что они решили позвать защитников издали. В 1578 году истек двадцатилетний срок освобождения от податей, которое было даровано Строгановым и людям, что селились на их землях, в 1558 году. С 1578 года начался отток мобильных работников, особенно мужчин, которые не желали выплачивать предъявленные им налоги.

Однако в версии этой летописи слишком выпячено строгановское участие, вплоть до того – сколько, и как, и кому Максим дал, и как проводников подбирали и прочее.

По мнению некоторых исследователей, незачем им было, у себя держать ораву (не менее 500 человек) вооруженных бездельников целых два года. Не такие Строгановы были дураки, чтобы сначала пригласить людей, а потом придумать, чем бы их занять. Они уж, наверное, сразу бы и припас им приготовили да прикупили, чем зря два года деньги тратить на их прокорм.

Летом 1581 года на строгановские владения было совершено два очень грозных нападения пелымских князей – сначала Бегбелия, а потом Кихека. Как сообщает летопись, оба эти набега были отражены ратниками, собранными Максимом и Григорием Строгановыми. Причем второе нападение случилось день в день, когда Строгановы отпустили Ермака в Сибирь и он только-только погрузился в свои струги. Никто за ним в помощи послал, а сила тогда на Строгановых навалилась великая, еле-еле отбились.

Другие факты говорят о том, что дали Ермаку проводников, которые уже через 9 дней заблудились...

Это вызывает основательные сомнения в точности Строгановской летописи. Как заявил один критик Строгановской летописи, многое в ней было переработано «для прославления этой семьи».

Максим Строганов «отворил анбары» и снабжает Ермака с дружиной продовольствием и оружием перед походом в Сибирь

Третья точка зрения основывается на осмыслении обеих летописей и некоторых других исторических документов.

Так, Кунгурский летописец в седьмом разделе утверждает, что «...а в поход Ермак, на струги дружине своей у Максима взямая с пристра-

стием, а не вовсе в честь или займы, но убити хотеша и жита его разграбить и дом его и при нем живущих разорити в конец, и приступи к Максиму гызом.

Максим же увещеваше их Богом и государем, что числом их запасов дати, и о том прося у них кабалы: егда возвратитесь, на ком те припасы по цене взяты и кто отдаст точно или с лихвою? Из них же войска паче всего Иван Кольцов с есаулы крикнуша: «О мужик! не знаешь ли, ты и теперь мертв, возьмем тя и расстреляем по клоку...»

Этот разговор не похож на любовное соглашение. Историк П.С. Икосов (главноуправляющий имений у Строгановых и, следовательно, был знаком с их закрытыми архивами) утверждает, что нападения на строгановские земли пелымцев были спровоцированы бесчинством в тех местах Ермаковых казаков. Может, и поход-то Ермаков был начат в предзимье, 1 сентября, чтоб поскорее их спровадить. Чтобы воевать в Сибири, зима плохо годилась для конных казаков и была не совсем удобна для плавания на стругах, а Строгановым было доподлинно известно, что «в Сибирь зимним путем на конях пройти не мочно».

Вполне возможно, что сговор Строгановых с казаками был вынужденным и довольно немирным для уральских владык.

Четвертая точка зрения не так распространена. У нее очень немного сторонников. Но и она базируется на документальной основе. В 1867 году появилась на русском языке изданная переписка военачальников и Канцелярии Стефана Батория. Там есть рапорт, в котором некий пан Стравинский доносит своему королю, что под Могилевом, где польским войскам противостояли московские рати, среди военачальников русских находится «Ермак Тимофеевич, атаман казацкий».

Сторонники всех предыдущих точек зрения дружененько накинулись на это сообщение, критикуя, что атаман не так назван, что донесение датировано 27 июня 1581 года, а по Строгановским летописям, 1 сентября Ермак уже отплыл от Строгановых, что невозможно перебраться в столь короткий срок на такие дали. Такое понимание жизненной стези Ермака совершенно не согласуется с летописями.

В народной фольклорной традиции хранится и такая информация: воевал, Ермак Тимофеевич за царя-батюшку и когда тот Казань брал, и когда Астрахань осаживал. Надо было вельможам Ивана Грозного начать наконец реагировать и на мольбы о защите Строгановых, и на просьбы о помощи чердынского воеводы. Потому что Кучумовы орды стали тревожить уже всю восточную границу Московского государства...

Этот вопрос требует дальнейшего изучения, так же, как и вопрос о том, как звать Ермака Тимофеевича?

Поначалу ничего необычного не было в этом имени. В строгановских архивах всяких разных Ермаков указаны не один. Так, у младшего сына Аникия Строганова, Семена, в дворне было даже два Ермака по переписи 1583 года – Ермак Морок и Ермак-езовщик (рыбак). Но в святцах православных такого имени не было, так называют котел, в котором артели еду готовят. Вероятно, до атаманства Ермак был кашеваром. Кроме того Ермаком на Волге называли мельничный жернов, значит Ермак из мельников в разбойники подался?..

Было обнаружено, что подвиги Ермака в Сибири были занесены еще в одну летопись, составленную в 1760 году тобольским ямщиком Иваном Леонтьевичем Черепановым.

Черепановская летопись стала сенсацией, потому что в ней впервые отыскалась родословная Ермака. В ней подробно расписывалось, как его дед подрабатывал извозом у муромских разбойников, за то был изловлен и посажен в тюрьму. Потом сбежал с женой и двумя детьми, которые после смерти отца нашли себе приют в строгановских вотчинах. В действительности Ермак – это Василий Тимофеевич Оленин. И у него еще есть куча родных и двоюродных братьев.

Невероятно – казак – разбойник, человек, живущий фактически вне закона, вдруг во всеуслышанье объявляет о своих родственниках, ставя их тем под несомненный удар. Н.М. Карамзин эти «новости» назвал «сказкой», а историк Л.Н. Майков вообще категорически заявил в 1876 году: «...летопись И.Л. Черепанова не заслуживает того, чтобы она была напечатана...»

Есть свидетельства, что Черепановская летопись – просто добросовестная компиляция многих источников. И один из них – «Сказание Сибирской земли» – отыскал известный уральский краевед, Александр Алексеевич Дмитриев. В этом «Сказании» сведения о Ермаке практически полностью совпадали с черепановскими.

Конечно, и на А.А. Дмитриева тоже сразу накинудись критики. Они обвинили опубликованный им текст в том, что он «...представляет неумную и подчас нелепую подделку под славянский язык...» и что он вообще не имеет имени составителя. Однако у Дмитриева нашлись и защитники, доказавшие, что такие же биографические данные о Ермаке впервые записаны не так уж и далеко от 1633 года.

Это сразу укрепило позиции Черепановской летописи. С другой стороны, в одно и то же время и в одном и том же месте появилось мно-

го разноречивых сведений. Дмитриев нашел свое «Сказание» в Соликамском уезде.

Немалые сложности и в трактовке имени сибирского героя.

Заслуги этого человека перед Московским государством были признаны практически сразу же – сам Иван Васильевич Грозный пожаловал ему шубу со своего плеча.

На заседания «Исторического отделения» Санкт-Петербургской академии наук 3 и 6 июня 1748 года был вынесен вопрос происхождения имени.

В книге «Дом Строгановых в XVI –XVII веках» А.А. Введенский приводит сведения о том заседании: «...в протоколах... отмечено, что «господин профессор Ломоносов мнит, что подлинно неизвестно, для себя ли Ермак воевал Сибирь или для всероссийского самодержца, однако сие правда, что он потом поклонился ею всероссийскому монарху. Того ради, буде оные рассуждения, которые об его делах с некоторым похулением написаны, не могут быть переменены, лучше их всех выкинуть».

Академика смущало, что главный герой событий был разбойником. В.К. Тредьяковский, поддерживая М.В. Ломоносова, указывал: «Понеж благопристойность и некоторые политические опасности и предосторожности требуют, чтобы нечестным названием Ермака не оскорблять читателей, а особенно Российских, которые уже все к нему великую склонность имеют за учиненное им знатное и полезное дело... то... помянутые об нем описания все выключить вон, ежели поправлены и умягчены быть не могут».

До сих пор наука не может определенно утверждать – как, когда, по чьему желанию атаман Ермак появился на Урале. Однако, нам важно не то, как он здесь появился, а то, что он здесь совершил.

Исследователи едины в том, что Ермак совершил блистательный подвиг. По выражению Н.М. Карамзина, «...ни современники, ни потомство не думали отнимать у Ермака полной чести сего завоевания, величая доблесть его не только в летописаниях, но и в святых храмах, где мы еще и ныне торжественно молимся за него...».

В журнале «Родина» (№ 5 за 1990 год, с. 75) автор письма М.Х. Халитов по отношению к «...личности человека по кличке «Ермак»...» считает, что пришедшие в Сибирь атаман и его казаки – «профессиональные убийцы», которые «...расстреливали наших предков, как диких животных, в крови потопили их сопротивление. Привыкшие убивать всякого, кто попадет, к убийствам «туземцев»... относились как к тре-

нировкам по мишеням. И вот таких людей русская литература и русский народ в подавляющем большинстве представляют как народных героев, считая захват чужих земель и покорение других народов святым делом, подвигом. До настоящего времени я еще не встречал ни в печати, ни по радио, ни по телевидению, ни в кино ни слова осуждения злодеяниям этих так называемых «первопроходцев» и их атамана. Не первопроходцы они, а первоубийцы...».

Вот так жестко, резко М.Х. Халитов отвергает благолепное мнение Н.М. Карамзина.

Можно просто отмахнуться от мнения Халитова, через четыре сотни лет после сибирских событий пытающегося посчитаться с обидчиком «своих предков». Однако, он не первый поднимает голос против стереотипов, устоявшихся в истории. А уж относительно качества оценок автора «Истории государства Российского» мы имеем свидетельство самого Александра Сергеевича Пушкина:

Столкновение столь крайних оценок деятельности Ермакова воинства высвечивает проблему оценки русской колонизации восточных земель, а точнее – проблему оценки русского империализма, которые описаны с точки зрения «руководителей» этой империи, привитой и им, историкам, и большей части русского населения, которых тоже приучили считать, что христианнейшие русские правители, вдохновленные самим Господом, должны были использовать всю мощь крепнущей русской нации на приобщение «нехристей» к свету Господню. При этом как бы не замечалось, что попутно прибирались к рукам и территории этих «нехристей», что помимо их воли и желания строились там церкви и крестили «темных инородцев».

Так, во всяком случае, представлялось многим ученым. И во многих русских головах такое упрощенное понимание предназначенности Московского государства, выраженное краткой формулой «Москва – третий Рим», привилось. И этому поспособствовали и деяния Ермаковы.

С точки зрения русского человека, победы Ермака на берегах Иртыша – это великое свершение многовековых чаяний русского народа. Ермаку удалось блистательной победой завершить последнее действие великой исторической трагедии, начатой резней на Калке в 1223 году. Эту резню устроили нежданно свалившиеся на русские земли орды Чингисхана (тоже создавшего всемирную империю). И вот свершилось великое возмездие за трехвековое пребывание в состоянии унижительного страха, жизни в ожидании каждодневно возможного опустошительного татарского нашествия.

Этот страх не прошел и после Куликова поля, потому что почти сразу вслед за ним Москва была Тохтамышем. И не испарился после «стояния на Угре», потому что грозные татарские ханства продолжали окружать русские земли со всех сторон. И со всех сторон можно было ждать от них набега, разорений, неволи, гибели. Разгром Казанского и Астраханского ханств стоил многих кровавых усилий. Безвестная до того ватага громит наголову грознейшее и мощнейшее Сибирское ханство, рассеивает его воинство, в сотни раз большее по численности, которым в сечах руководил прямой потомок Чингисхана Кучум!

Это дает с полным основанием говорить о том, что Ермак Тимофеевич – национальный герой русского народа. Мы – наследники создателей и жителей одной из величайших империй в мире.

Н. Бердяев в «Судьбе России» предлагает следующее толкование понятия «империализм»: «В истории нового человечества происходит двойственный процесс – процесс универсализации и процесс индивидуализации, объединения в большие тела и дифференциация на малые тела. Национализм есть начало индивидуализации, империализм – начало универсализации. В то же время, как национализм склонен к обособлению, империализм хочет выхода в мировую ширь... Империалистическая воля пролила много крови в человеческой истории, но за ней скрыта идея мирового единства человечества, преодолевающего всякую национальную обособленность, всякий провинциализм... И очень наивна та философия истории, которая верит, что можно предотвратить движение по этому пути мировой империалистической борьбы, которая хочет видеть в нем не трагическую судьбу всего человечества, а лишь злую волю тех или иных кланов, тех или иных правительств...»

По тонкому наблюдению профессора Гарвардского университета Ричарда Пайпса у русского империализма многократно повторенный историей феномен стремления многих правителей к концентрации народов и государств вокруг какого-то одного народа или государства имел еще и более «субъективные» объяснения. Определяющее из них, по Пайпсу, – бедность природы исконных русских земель. Этот фактор многократно усиливался завистью московских правителей к образу жизни правителей и народов окружающих стран. Ведь купцы доводили до них и нежную мягкость сибирских соболей, и красоту кубков, блюд арабского чеканного серебра, и тонкие кипрские вина, и прочая, и прочая, и прочая... Простой, в военном отношении, им казалась возможность добратья посуху или водой в любой конец тогдашнего мира, где были эти богатства – в Европу, бухарские края, Сибирь и далее.

Потому-то в русской истории и столь чтимы герои-захватчики (как и в истории империалистической Испании – Кортес и Писарро, а в истории США – «пионеры» захвата у индейцев западных территорий Северной Америки).

Николай Бердяев констатирует: «...Человечество идет к единству через борьбу, распрю и войну. Это – печально, это может вызвать наше негодование, это – показатель большой тьмы, в которую погружены самые корни человеческой жизни, но это так...». Он убежденно заявляет: «Но империализм с его мировыми притязаниями вовсе не означает непременно угнетение и истребление малых народностей...»

Владимир Соловьев, дополняет Бердяева: «Всякая народность имеет право жить и развивать свои силы, не нарушая таких же прав других народностей».

В любой борьбе один народ целиком представляет добро, а другой зло, один народ может быть лишь относительно более прав, чем другой». (Это опять Бердяев).

Многие малые народы искренне тянулись к большой, великой культуре русского народа, а государственные структуры делали все, чтобы эту культуру сделать монокультурой. Заменяли арабский алфавит кириллицей, для всех вводили один обязательный государственный язык, одних и тех же святых и героев – Владимира Святителя, Степана Разина, Павлика Морозова...

Литература

1. «Дополнения к актам историческим», т. I, № 117;
2. Атаман Ермак Тимофеевич покоритель Сибирского царства. – М., 1905. 116 с.
3. Блажес В. В. О наименовании покорителя Сибири в исторической литературе и фольклоре // Наш край. Материалы 5 Свердловской областной краеведческой конференции. – Свердловск, 1971. – С. 247–251. (историография проблемы)
4. Бузукашвили М. И. Ермак. – М., 1989. – 144 с.
5. Грамота царя Ивана Васильевича в Югорскую землю князю Певгею и всем князьям Сорыкидским о сборе дани и о доставке её в Москву //Тобольский хронограф. Сборник. Вып. 4. – Екатеринбург, 2004. С. 6.
6. Грамота царя Ивана Васильевича на Чусовую Максиму и Никите Строгановым о посылке в Чердынь волжских казаков Ермака Ти-

мофеевича с товарищи //Тобольский хронограф. Сборник. Вып. 4. – Екатеринбург, 2004. С.7-8.

7. Грамота царя Ивана Васильевича Семёну, Максиму и Никите Строгановым о приготовлении к весне 15 стругов для людей и запасов, направляемых в Сибирь //Тобольский хронограф. Сборник. Вып. 4. – Екатеринбург, 2004. С. 8-9.

8. Гриценко Н. Воздвигнут в 1839 году // Сибирская столица, 2000, № 1. – С. 44-49. (памятник Ермаку в Тобольске)

9. Дергачёва-Скоп Е. Краткие повести о походе Ермака в Сибирь // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып. III. История и культура народов Сибири: Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции (13-15 октября 1981 г.). – Новосибирск, 1981. – С. 16-18.

10. «Дополнения к актам историческим», т. I, № 117

11. Жеребцов И. Л. Коми – сподвижники Ермака Тимофеевича и Семёна Дежнёва // НеВтон: Альманах. – 2001. – № 1. – С. 5-60.

12. Закшаускене Е. Знак с кольчуги Ермака // Памятники Отечества. Вся Россия: Альманах. № 56. Кн. 1. Первая столица Сибири. – М., 2002. С. 87-88.

13. Катанов Н. Ф. Предание тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Тобольский хронограф. Сборник. Вып. 4. – Екатеринбург, 2004. – С. 145–167. (впервые опубликовано: то же // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1895– 1896. – Вып. V. – С. 1-12)

14. Катаргина М. Н. Сюжет о гибели Ермака: летописные материалы. Исторические песни. Предания. Российский роман 20-50-х годов XX века // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1994. — Тюмень, 1997. – С. 232–239.

15. Козлова Н. К. О «чуди», татарах, Ермаке и сибирских курганах // Капля [Омск]. – 1995. – С. 119–133.

16. Колесников А. Д. Ермак. – Омск, 1983. – 140 с.

17. Копылов В. Е. Земляки в названиях минералов // Копылов В. Е. Окрик памяти (История Тюменского края глазами инженера). Книга первая. – Тюмень, 2000. – С. 58-60. (в том числе о минерале ермакит)

18. Копылов Д. И. Ермак. – Иркутск, 1989. – 139 с.

19. Крекнина Л. И. Тема Ермака в творчестве П. П. Ершова // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1994. – Тюмень, 1997. – С. 240–245.

20. Кузнецов Е. В. Библиография Ермака: Опыт указания малоизвестных сочинений на русском и частью на иностранных языках о по-

корителе Сибири // Календарь Тобольской губернии на 1892 год. – Тобольск, 1891. – С. 140–169.

21. Кузнецов Е. В. К сведениям о знамёнах Ермака // Тобольские губернские ведомости. – 1892. – № 43.

22. Кузнецов Е. В. Находка ружья покорителя в Сибири // Кузнецов Е. В. Сибирский летописец. – Тюмень, 1999. – С. 302–306.

23. Кузнецов Е. В. Начальная пиитика о Ермаке // Тобольские губернские ведомости. – 1890. – № 33, 35.

24. Кузнецов Е. В. Об очерке А. В. Оксёнова «Ермак в былинах русского народа»: Библиография известий // Тобольские губернские ведомости. – 1892. – № 35.

25. Кузнецов Е. В. Сказания и догадки о христианском имени Ермака // Кузнецов Е. В. Сибирский летописец. – Тюмень, 1999. – С. 9–48. (см. также: то же // Лукич. – 1998. – Ч. 2. – С. 92–127)

26. Миллер, «Сибирская история»;

27. Небольсин П. И. Покорение Сибири // Тобольский хронограф. Сборник. Вып. 3. – Екатеринбург, 1998. – С. 16–69.

28. Оксенов А. В. Ермак в былинах русского народа // Исторический вестник, 1892. – Т. 49. – № 8. – С. 424–442.

29. Панишев Е. А. Гибель Ермака в татарских и русских легендах // Ежегодник-2002 Тобольского музея-заповедника. – Тобольск, 2003. – С. 228–230.

30. Пархимович С. Загадка имени атамана // Лукич. – 1998. – № 2. – С. 128–130. (о христианском имени Ермака)

31. Ремизовская (Кунгурская) летопись, изд. археологической комиссией;

32. Рычков А. В. Режевские сокровища. – Уральский университет, 2004. – 40 с.

33. Скрынников Р. Г. Ермак. – М., 2008. – 255 с (серия ЖЗЛ)

34. Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. – Новосибирск, 1986. – 290 с.

35. Солодкин Я. Был ли двойник у Ермака Тимофеевича? // Югра. – 2002. – № 9. – С. 72–73.

36. Солодкин Я. Г. К изучению летописных источников о сибирской экспедиции Ермака // Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции «Словцовские чтения-95». – Тюмень, 1996. С. 113–116.

37. Солодкин Я. Г. К спорам о происхождении Ермака // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Вып. II. – Екатеринбург, 1999. – С. 128–131.
38. Солодкин Я. Г. Поминались ли «ермаковы казаки» вне Тобольска? (Как Семён Ремезов ввёл в заблуждение многих историков) // Сибирский исторический журнал. 2006/2007. – С. 86-88.
39. Солодкин Я. Г. Рассказы «Ермаковых казаков» и начало сибирского летописания // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9-11 декабря 2004 г., г. Тобольск). – Тобольск, 2004. С. 54-58.
40. Солодкин Я. Г. Редакции синодика «Ермаковым казакам» (к истории раннего сибирского летописания) // Словцовские чтения-2006: Материалы XVIII Всероссийской научной краеведческой конференции. – Тюмень, 2006. – С. 180– 182.
41. Солодкин Я. Г. Хронология «Ермакова взятия» Сибири в русском летописании первой половины XVII в. // Земля Тюменская: Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2005. Вып. 19. – Тюмень, 2006. – С. 9-15.
42. Софронов В. Ю. Кто же ты, Ермак Аленин? // Тобольский хронограф. Сборник. Вып. 3. – Екатеринбург, 1998. – С. 158–168. (см. также: то же // Родина. – 1994. – № 8. – С. 34-38)
43. Софронов В. Ю. Поход Ермака и борьба за ханский престол в Сибири // Научно-практическая конференция «Словцовские чтения» (Тезисы докладов). Сб. 1. – Тюмень, 1993. – С. 56-59.
44. Софронова М. Н. О мнимом и реальном в портретах сибирского атамана Ермака // Традиции и современность: Сборник статей. – Тюмень, 1998. – С. 56-63. (см. также: то же // Тобольский хронограф. Сборник. Вып. 3. – Екатеринбург, 1998. – С. 169–184.
45. Ср. Сибирские летописи, изд. Спасским (СПб., 1821);
46. Фиалков Д. Н. О месте гибели и захоронения Ермака // Сибирь периода феодализма: Вып. 2. Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. – Новосибирск, 1965. – С. 278–282.
47. Шкерин В. А. Сылвенский поход Ермака: ошибка или поиск пути в Сибирь? // Этнокультурная история Урала, XVI–XX вв.: Материалы международной научной конференции, г. Екатеринбург, 29 ноября – 2 декабря 1999 г. – Екатеринбург, 1999. – С. 104–107.
48. Щеглов И. В. В защиту 26 октября 1581 г. // Сибирь. 1881. (к дискуссии о дате похода Ермака в Сибирь)

3.6. ВОССТАНИЕ ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА

22 ноября 1772 г. в Яицком городке (ныне Уральск) в доме казака Дениса Пьянова остановился гость. За столом разговор зашёл о бедственном положении Яицкого казачьего войска после подавления недавнего бунта, о брожении среди казаков. Гость вызвался увести всех желающих в «турецкие земли», где они не будут терпеть притеснений, обещал снабдить деньгами. На вопрос изумлённого хозяина, где же он возьмёт столько денег, пришелец ответил, что он «заграничный торговый человек» и это для него пустяки. Пьянов, понизив голос, доверительно поделился распространённым на реке Яик слухом, будто в Царицыне объявился сам государь Пётр Фёдорович (т. е. император Пётр III, убитый по приказу императрицы Екатерины в 1762 г.). Одни говорят, будто схватили его там и засекали до смерти, а другие уверяют, что скрылся он. «Спасся государь!» – убеждённо ответил гость. Почуввав в Пьянове близкого по духу и настроению человека, он в конце концов перестал таиться и открыл совсем опешившему казаку, кто перед ним «на самом деле»: «Вот, слушай, Денис Степаныч, хоть поведаешь ты казакам, хоть не поведаешь, как хочешь, только знай, что я – государь Пётр III». Так произошло первое явление народу нового (то ли шестого, то ли восьмого по счёту) самозванца. Настоящее имя его было Емельян Пугачёв.

Жизнь и скитания мужицкого царя

Родом Пугачёв был из донской станицы Зимовейской, земляк Степана Разина. «Царскую кровь» он обнаружил в себе в 30 лет, хватив до этого в жизни немало лиха. До 17 лет будущий самозванный царь жил в доме своего отца казака Ивана Михайловича Пугачёва (фамилия пошла от деда – казака Михаила Пугача), Мать Емельяна, Анна Михайловна, вырастила трёх сыновей и двух дочерей. Жили Пугачёвы бедно. Когда пришёл срок, Емельяна записали в казаки на место отца. Он успел жениться на казачке Софье Дмитриевне Недюжевой и через неделю после свадьбы отправился с полком в Пруссию, где участвовал во многих сражениях Семилетней войны (1751–1763 гг.). Он быстро обратил на себя внимание храбростью и «отличным проворством», был зачислен ординарцем к казачьему полковнику Денисову и у него же впервые отведал плетей. С самого начала русско-турецкой войны Пугачёв вновь в дейст-

вующей армии, в команде полковника Кутейникова. За боевую доблесть он получил чин хорунжего.

В походах Емельян заболел (у него «гнили» грудь и ноги) и вернулся домой к семье. Служить ему больше не хотелось. Пугачёв попытался выйти в отставку, однако его не отпустили. Но молодой казак уже решил, видимо, сам распоряжаться собственной судьбой. Однажды, приехав в Таганрог, где жила его сестра Федосья, он договорился с её мужем, казаком Павловым, идти на Терек. Бегство не удалось, Пугачёва арестовали, он бежал и скрывался в собственном доме. Наконец пробрался на Терек, и жившие здесь донские казаки послали его ходатайствовать об их нуждах в Петербург. В Моздоке Емельяна схватили, он бежал, вернулся на родину, был вновь арестован и вновь бежал. На одном из форпостов Пугачёв явился к коменданту, назвал свое имя, но заявил, что он выходец из Польши.

В то время в Россию возвращалось много беглого люда. Пугачёв получил паспорт и добрался до Мечетной слободы к старообрядческому игумену Филарету, пользовавшемуся большой популярностью, где заявил о своём желании увести яицких казаков Кубань, в земли, тогда ещё России не принадлежавшие. Филарет одобрил план, и мятежный хорунжий двинулся на Яик. На постоялом дворе (умёте) пехотного солдата Степана Оболяева по прозвищу Ерёмин Курица он встретился с некоторыми казаками, которые тоже его поддержали. После этого Пугачёв появился у Пьянова. Тот рассказал о вновь объявившемся государе кое-кому из «хороших людей». Решили ждать сбора казаков на зимний лов рыбы и там объявить им радостную весть. Пугачёв вскоре был схвачен по доносу о намерении увести Яицкое казачье войско за российский рубеж.

Его отправили в Казань, где посадили в «чёрную тюрьму». «Где да где уж я не был и какой нужды не потерпел, – вспоминал впоследствии, набеглый царь». – Был холоден и голоден, в тюрьмах сколько сидел – уж только одному Богу ведомо». Но, похоже, не было в то время в России тюрьмы, способной удержать Пугачёва. Он опять бежал на Яик. Здесь вскоре отважный беглец предстал перед казаками. Первых явившихся к нему сподвижников Пугачёв обманывать не стал и «настоящего своего имени не таил». Яицким жожакам было всё равно, кто будет добывать им землю и волю. Но так думали не все. На умёт явились уважаемые среди казачества люди, желавшие удостовериться в подлинности государя. Их глазам предстал человек среднего роста и запоминающейся наружности. Лицом он был «продолговат, смугл, глаза карие, волосы тём-

но-русые, пострижены по-казацки. Борода чёрная с сединою». Нос у «царя» был с горбинкой, взгляд острый, левый глаз он щурил и часто мигал им. «В плечах хотя и широк, но в поясице очень тонок». Одна казачка запомнила Пугачёва несколько иначе: «Как теперь на него гляжу: мужик был плотный, здоровенный, плечистый, борода русая, окладистая, ростом не больно высок и не мал». Впрочем, пришедшим «смотреть государя» внешность его мало о чём говорила. Императора им доводилось видеть лишь на портретах, давно отовсюду снятых. Их интересовали «царские знаки», которые, по народным представлениям, должны быть на теле каждой августейшей особы. Пугачёв показал отметины, оставшиеся у него после болезни.

– Что же это, батюшка, двуглавый орёл, что ли? – полюбопытствовал один из приезжих.

– Не орёл, а царский герб, – ответил Пугачёв.

– А что же, все цари с таким знаком рождаются или это после как-нибудь Божьим произволением делается? – не унимался любопытный.

– А того, други мои, простым людям ведать не подобает, – отрезал недавний казанский узник.

Так мог сказать только царь. Казаки низко поклонились.

Начало восстания. Осада Оренбурга

Власти уже повсюду разыскивали беглеца. На хуторах и умётах появились воинские команды. Ждать сбора казаков на лов рыбы было нельзя. Утром 17 сентября 1773 г. Пугачёв на хуторе Толкачёвых произвёл смотр своему войску. Это были казаки и служившие вместе с ними калмыки и татары, всего человек 60. Молодой грамотей Иван Почиталин объявил написанный им «именной указ». В нём говорилось: «Самодержавного императора нашего, великого государя Петра Фёдоровича Всероссийскаго и прочая, и прочая, и прочая. Во имях-ном моём указе изображено Яицкому войску... Когда вы устоити за своё отечество, и ни истечёт ваша слава казачья от ныне и до веку и у детей ваших. Будити мною, великим государем, жалованы: казаки, и калмыки, и татары... и жаловаю я вас: рякою (Яиком) с вершын и до уся и землёю, и травами, и денежным жалованьям, и свиньцом, и порахам, и хлебным правиянтам. Я, великий государь амператор, жалую вас, Пётр Фёдаравич. 1773 году сентября 17 числа». Указ был встречен гулом одобрения. Развернули знамёна с нашитым на них раскольничьим крестом, и мятежное войско двинулось на Яицкий городок. Началось казацкое восстание, переросшее в длительную и кровавую гражданскую войну.

В исторической литературе встречаются утверждения, будто Пугачёвщина была не широким народным движением, а разбойничьим предприятием кучки уголовных элементов, стремившихся к грабежу и наживе и воспользовавшихся стеснённым положением государства, втянутого в войну с Турцией. Это не так. Можно по-разному относиться к самому Пугачёву. В его натуре, несомненно, была беспокойная, авантюристическая жилка, не дававшая ему примириться с незавидной долей бесправного казака. Он чувствовал в себе тягу и способности к иному, более высокому поприщу, хотел, по его словам, «произвесть себя отличным от других». Ещё на турецкой войне, хвастаясь перед казаками своей саблей, он заявил, что это подарок его крёстного отца – императора Петра Великого. Верно и то, что восстание в глубине России было на руку всем её недругам, в первую очередь султану и стоявшей за его спиной Франции, а также Польше. По Европе ходили слухи, будто при Пугачёве состоят турецкие шпионы-советники. В верхах петербургского общества также ходили слухи о «набеглом царе» как об агенте османов. Но Пугачёв не выбирал момента для восстания. Он поднял его, как только утвердился в своём предназначении и собрал горстку отчаянных и решительных людей. Он встал не за себя, а за «чернь бедную», которая, как он хорошо знал, всюду «великие притеснения терпит». По крайней мере так воспринимал появление долгожданного царя-избавителя народ, повсеместно бравшийся за оружие или готовый это сделать.

Россия напоминала пороховой погреб, который в любую минуту мог взорваться. Дворянская империя Екатерины II вступала в апогей своего внешнего величия и могущества. Территория государства росла. Слава русского оружия гремела на западе и юге континента. Умная дипломатия преумножала успехи и престиж императрицы, которую называли «философом на троне». В стране бурно развивались наука, искусство, культура. Но все эти достижения, этот расцвет помещичьей и чиновничьей России оплачивались другой Россией – трудящейся и эксплуатируемой, теми классами, слоями и группами населения, бесправием и унижением которых, изнурительной работой и полурабским существованием крепла дворянская монархия. Хуже всего приходилось, вероятно, главному кормильцу страны – русскому крестьянину, в особенности крепостному. Он трудился на помещичьем поле (отбывал барщину) три-четыре дня в неделю, иногда шесть! В некоторых местностях помещик вообще лишал его надела, переводил на «месячину» (ежемесячное содержание продуктами из барских закромов) и даже превращал в дворового человека. Барин мог сделать с мужиком всё, что было угод-

но его душе: купить, продать, проиграть в карты, обменять на собаку или приглянувшуюся вещь, насильно женить или, напротив, запретить жениться, запороть на конюшне, отдать в рекруты, упечь на каторгу.

Дотянулась рука чиновного Петербурга и до казаков – сибирских и яицких, волжских и терских, донских и украинских. Начали отбирать старинные казачьи права и вольности; стали стеснять самоуправление и устоявшийся веками уклад службы и быта. Правительство стремилось ввести в казачьих войсках «регулярство» – по армейскому образу и подобию. Не мудрено, что в России полыхали восстания. За десятилетие перед Пугачёвщиной произошло более 160 только крестьянских бунтов. В начале 1772 г. поднялись яицкие казаки. И вот они вновь бросили вызов царице.

Попытка атаковать Яицкий городок мизерными силами, без артиллерии не увенчалась успехом. Пугачёв принял решение идти вверх по Яику и захватить на форпостах и в мелких крепостях пушки. Он рассчитывал завоевать авторитет у населения, что было не менее важно для дальнейшего успеха мятежа. К концу сентября им были захвачены пять форпостов, Илецкий городок, крепости Рассыпная, Нижне-Озёрная, Татищева, Чернореченская. Под Татищевой пугачёвцы получили боевое крещение: они разбили посланный из Оренбурга отряд бригадира Билова (700 человек при 6 орудиях). 3 октября передовые отряды пугачёвцев появились в окрестностях Оренбурга – административного центра всей южной половины Заволжья и Урала.

Через день город облегло всё повстанческое войско – 2460 человек при 20 пушках. Оренбургский гарнизон вначале был сильнее осаждавших (вместе с подошедшей воинской командой в нём насчитывалось около 3700 человек при 70 орудиях), и губернатор И.А. Рейнсдорп 12 октября предпринял вылазку, надеясь нанести поражение противнику. Вылазку легко отбили. В свою очередь Пугачёв 22 октября и 2 ноября пытался взять город штурмом, но тоже потерпел неудачу. Между тем на помощь Оренбургу с разных сторон спешили правительственные войска под командованием генерал-майора Кара, бригадира Корфа, полковника Чернышёва и других военачальников. Кар боялся лишь того, что мятежники, узнав о приближении его 3-тысячного отряда, разбегутся. Однако ночью

8 ноября двигавшаяся ему на помощь гренадерская рота была окружена казаками атамана Овчинникова и перешла на сторону Пугачёва (причём два солдата даже признали в «набеглом царе» подлинного императора). А 9 ноября в поле у деревни Юзеевой войска Овчинникова и

Зарубина-Чижи (1 тыс. человек при 9 орудиях) атаковали самого генерала и нанесли ему тяжёлое поражение. 13 ноября повстанцы под руководством Пугачёва окружили отряд Чернышёва, который почти не оказал сопротивления. Полковник пытался скрыться, переодевшись извозчиком, но был схвачен. Лишь отряд Корфа сумел прорваться в город. И 14 ноября Рейнсдорп сделал вылазку с самыми решительными намерениями. В ней участвовали 2500 солдат (при 22 орудиях) под командой генерал-майора Валленштерна. Правительственные войска снова понесли большой урон, особенно от пугачёвской артиллерии, и вынуждены были ретироваться. После этого активные боевые действия под Оренбургом фактически прекратились. Пугачёв решил, что блокадой принудит гарнизон к сдаче. Он знал о скудости продовольственных запасов в городе.

Ставка Пугачёва находилась в Берде – слободе в 5 км от Оренбурга. В течение полугода Берда была столицей всей мятежной низовой России. «Императорским дворцом» стал дом казака Ситникова, стены которого изнутри оклеили золочёной бумагой. Караул во «дворце» несла яицкая «гвардия» (25 человек). Жизнь в Берде текла «по-столичному» шумно. Пугачёв постоянно устраивал смотры и учения своему войску, состязания в ловкости, удали и воинском мастерстве, на которых нередко отличался и сам. Армия повстанцев росла. Большими и малыми отрядами и поодиночке стекались в Берду русские крестьяне и заводские «работные люди», башкиры и калмыки, мещеряки и татары, всякого чина беглый «беспашпортный» народ, вливаясь вместе с казаками и перешедшими на сторону Пугачёва солдатами в состав Большой (Главной) армии «воскресшего» императора. Но восстание не было бы восстанием, если бы дело ограничилось только этим. Весть о приходе долгожданного избавителя явилась той искрой, которой недоставало, чтобы полыхнул пожар. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье, Прикамье, Приуралье, Урал и Зауралье, Западная Сибирь и казахские степи откликнулись на манифесты Пугачёва, Из-под Пензы и Воронежа шли крестьянские делегаты, чтобы разузнать правду о новом государе. Восстали крестьяне в Арзамасском уезде. Они захватывали помещичьи земли в Шацком, зажигая друг друга такими речами: «Всё теперь наше, царь жалует нам всю землю, у помещиков крестьян отнимает и даёт волю».

Перед Пугачёвым и его окружением встала задача возглавить и сплотить эту разношёрстную и разноязыкую вольницу. С этой целью 6 ноября была создана Государственная военная коллегия во главе с яицким казаком Андреем Витошновым. В её составе были судьи, секретарь и даже думный дяк. Военная коллегия Пугачёва представляла собой

что-то вроде военного министерства или даже целого кабинета министров. Она ведала всем: составляла и распространяла именные указы и манифесты «Петра III», рассылала собственные указы, принимала донесения и рапорты от повстанческих властей и командиров отрядов на всей обширной территории, подвластной пугачёвцам, вела переписку, следила за комплектованием и снабжением войск всем необходимым, руководила по мере возможности их передвижениями и действиями, налаживала на местах работу новых органов народного самоуправления, распоряжалась казной и заботилась о её пополнении, вершила суд, производила в чины, выдавал а жалованье. Руководство Большой армией осуществляла Походная канцелярия, которую возглавлял Андрей Овчинников. Чтобы внести в народное движение организацию и порядок, пресечь раздоры, грабежи и мародёрство, национальную и религиозную вражду, выполнить согласованный с Бердой план боевых предприятий и должный уровень командования, Пугачёв и его Военная коллегия отправляли в те или иные районы своих эмиссаров. Так, в середине декабря под Уфой появился в качестве главного военачальника осаждавших город повстанческих отрядов «граф Иван Никифорович Чернышёв». Титул графа, в народном понимании нераздельный с фамилией, получил один из самых первых и ближайших сподвижников Пугачёва, знавший тайну его «царского» происхождения, отважный казак Зарубин по прозвищу Чика, до этого отличившийся в боях с генералом Каром. Здесь, у деревни Чесноковки, постепенно сформировалась вторая по численности повстанческая армия, новый центр руководства народным мятежом. На уральские заводы – лить пушки и поднимать рабочих людей – отправился клеймённый каторжник Афанасий Тимофеевич Соколов, более известный по кличке Хлопуша. Когда началось восстание, он сидел в оренбургской тюрьме. Губернатору Рейнсдорпу, «тонкому психологу», пришла в голову «счастливая» мысль заслать Хлопушу в стан пугачёвцев с указами и воззваниями, чтобы склонить казаков отойти от восстания и выдать своего вождя (за свободу и деньги такой чего не сделает!). Хлопуша действительно сделал немало. Он пришёл к Пугачёву, рассказал ему обо всём и стал одним из деятельных вождей восстания. В конце года на северо-восток Башкирии уехал Са-лават Юлаев – самый популярный из предводителей воинственного полукочевого народа, кумир молодых егетов (джигитов). Он должен был возглавить восстание у себя на родине, а затем разжечь его пламя в Кунгурском уезде. Сам Пугачёв продолжал стоять под Оренбургом, время от времени предпринимая попытки ворваться в город. Одновременно он захватил крепость Ильин-

скую и разбил здесь отряд секунд-майора Заева. 30 декабря атаман Михаил Толкачёв ворвался в Яицкий городок, не сумев захватить только крепость. Вскоре на Руси появилась новая «государыня» – Устинья Петровна Кузнецова. Прибывшего в город Пугачёва яицкие казаки сумели женить на своей землячке.

В Оренбурге между тем уже начинался голод, не хватало дров. Воспользовавшись отсутствием Пугачёва, с которым ушла и часть повстанческого войска, Рейнсдорп решил атаковать Берду. После тщательной разведки генерал Валленштерн, бригадир Корф и премьер-майор Наумов 13 января 1774 г. вывели в поле тремя колоннами более 2 тыс. солдат при 27 орудиях. Правительственные командиры имели приказ «не выпускать злодейскую толпу из гнезда своего» и поражать её всеми средствами, «особливо» артиллерией. Однако пугачёвцы, которыми командовали Максим Шигаев и Дмитрий Лысов, сами открыли сильный пушечный огонь. Их пехота и конница «с великой отважностью с копьями» бросилась на врага. По свидетельству очевидца, «такой на всех (солдат напал страх, что не думали и спастись, и гнали их наподобие овец, кололи да в полон свой злодейский забирали, так что которые бросили ружья, те и живы остались». Оренбургские войска потеряли убитыми и пленными 281 человека, ранеными – 123. В итоге 13 орудий наполнили повстанческую артиллерию.

Оренбург спасло наступление правительственных войск. В Петербурге наконец осознали опасность для государства восстания Пугачёва. Командующим карательными отрядами был назначен умный и деятельный генерал-аншеф Александр Бибииков, одним из первых разгадавший главную опасность Пугачёвщины. «Что всего опаснее? – писал он в донесении Екатерине II. – Злодей (Пугачёв), конечно, не страшен своими силами. Но дух, так сказать, всеобщего в здешнем краю замешательства разнородной и разнообразной черни немало труда стоит успокаивать».

В районы, охваченные восстанием, двигались свежие воинские части. В январе и феврале под Кунгуром и Красноуфимском потерпели поражение отряды Салавата Юлаева, Канзафора Усаева, Ивана Кузнецова. 14 марта у Красноуфимска и 17 марта у деревни Бугалыш подполковник Папав разбил новое войско Салавата. Через неделю подполковник Михельсон, боевой офицер, участник Семилетней, русско-польской и русско-турецкой войн, особенно отличившийся в битвах при Ларге и Кагуле, освободил Уфу, разгромив в ожесточённом бою армию Чики. 22 марта под Татищевой и 1 апреля у Сакмарского городка генерал-майор Голицын сокрушил и самого Пугачёва. Повсюду повстанцы дрались

храбро, порой умело и искусно. Но, по мере того как гарнизонные команды заменялись опытными солдатами, а руководить ими стали закалённые в войнах командиры, успех правительства в борьбе с мятежом был уже лишь вопросом времени. Однако народное движение ещё отнюдь не исчерпало себя. Закончился только первый его этап. Лишившись почти всех своих войск, потеряв многих боевых соратников, с отрядом всего в 500 человек Пугачёв двинулся на Урал. Он не унывал. «Народу у меня как песку, – говорил император Пётр III своим приближённым, – и я знаю, что чернь меня с радостью примет».

Пугачёв на Урале

Его действительно ждали. Ждали работные люди и заводские мужики, ждали башкиры, уфимские и исетские казаки. За месяц пребывания на уральских заводах (Вознесенском, Авзяно-Петровском, Белорецком) войско Пугачёва вновь выросло до 2–4 тыс. человек, 6 мая, не имея ни одной пушки, повстанцы штурмом взяли крепость Магнитную. На другой день на помощь Пугачёву пришли Перфильев и Овчинников. Ещё через день присоединился многочисленный отряд Ивана Белобородова. Его появление вызвало в лагере Пугачёва лёгкий переполох. Отставной артиллерист Белобородов так вымуштровал своё войско, что его приняли за карательную команду. Пугачёв повёл победоносное наступление на крепости Оренбургской укреплённой линии: Карагайскую, Петропавловскую, Степную, Троицкую. Здесь его уже 8-тысячную армию настиг генерал-поручик Деколонг. Повстанцами руководил Белобородов, заменивший раненого под Магнитной «императора». В этом бою пугачёвцы потеряли всю свою артиллерию. На следующий день они потерпели поражение от Михельсона. Это, однако, не помешало им захватить Чебаркульскую крепость, Златоустовский и Саткинский заводы.

У деревни Верхние Киги Пугачёва, у которого оставалось около 6 тыс. человек, встретил с 3-тысячным башкирским отрядом Салават Юлаев, с начала мая неоднократно предпринимавший отчаянные попытки задержать продвижение корпуса Михельсона. Башкиры сражались мужественно и упорно. 3 июня объединёнными силами Пугачёв и Салават атаковали Михельсона у реки Ай. Утром башкирская тысяча под руководством Салавата подошла к лагерю, где солдаты строились для похода, и остановилась, вызывая огонь на себя. Михельсон ответил огнём из пушек, после чего на Салавата бросилась кавалерия – изюмские и казанские гусары, Санкт-Петербургские и Архангельские карабинеры, чугуевские казаки, верные правительству инородческие команды.

После короткой яростной схватки башкиры начали отступать в расходящихся направлениях, уводя за собой преследователей. В это время Пугачёв и его атаманы четырьмя отрядами атаковали пехоту и обоз Михельсона. Подполковник вернулся и начал собирать увлékшуюся погоней конницу. Положение Михельсона было критическим. Ему с большим трудом удалось отбиться и собрать войска. Пугачёвцы успели сделать то же самое. До новой схватки дело, правда, не дошло, а поле боя осталось за Михельсоном, отправившим начальству победный рапорт. Не хватило у подполковника мужества признать, что в этом жарком деле (он потерял, как и при освобождении Уфы, 23 человека) Пугачёв и Салават едва не провели его. И будь «злодеи» получше вооружены, неизвестно, чем бы на этот раз всё кончилось. Пугачёв считал, что как в сражении 3 июня, так и в новом, 5 июня на другом берегу Ая «ни Михельсон его не разбил, ни он, Емелька, Михельсо-ну вреда не зделал, а разошлись...». Имея в авангарде отряды Салавата Юлаева и Белобородова, Пугачёв двинулся на северо-запад, к крепости Оса. Он стремился вырваться из Башкирии на камские и волжские просторы. Два штурма, во время которых получили ранения Белобородов и Салават, не принесли успеха. Начали третий, когда из крепости в стан пугачёвцев явился отставной гвардейский солдат, видевший когда-то Петра III. Его послали выяснить подлинность «государя». Пугачёв переоделся в простой казачий наряд и встал в шеренгу с другими казаками. Гвардеец шёл вдоль строя, пристально всматриваясь в лица, и наконец остановил свой взгляд на вожде восставших.

– Што, старик, узнал ли ты меня? – спросил Пугачёв.

– Бог знает. Как теперь признаешь? В то время был ты помоложе и без бороды, а теперь в бороде и постарел.

– Смотри, дедушка, хорошенько, узнавай, коли помнишь!

– Мне кажется, что вы походите на государя, – сдался гвардеец.

На другой день он пришёл снова и торжественно заявил: «Теперь я узнаю, что ты... наш надёжа – государь».

Вскоре Оса капитулировала. Через день Пугачёв был за Камой. Его отряды захватили Боткинский и Ижевский заводы, Сарапул, Елабугу, Агрыз, Мензелинск, Заинек, Мамадыш. Высылаемые против него команды терпели поражения. 11 июля Емельян Пугачёв был под Казанью. Его войско, пополнившееся русскими крестьянами, работными людьми, татарами, удмуртами, марийцами, чувашами, мордвой, вновь стало грозным. Оно насчитывало 20 тыс. человек.

Пугачев на Южном Урале

Основными причинами восстания были тяжелое положение приписных и частновладельческих крестьян, заводских работных людей, простых казаков, а так же религиозных и национальных групп. Образцом идеального общественного устройства в народном понимании служила казацкая вольница с ее полным самоуправлением, решением общественных вопросов на сходе. Идеалом признавалось полное равенство, уравнительное распределение земли и прочей собственности между всеми. Свобода понималась как полная автономия от государства и освобождение от всех обязательств, налогов и повинностей.

Объявивший себя чудом спасшимся императором Петром III, Емельян Пугачев в своих манифестах шел навстречу этим ожиданиям и освобождал так называемых подданных от помещиков, повинностей, рекрутчины, принудительной работы, призывал убивать дворян, а имущество их забирать себе. Казаков, среди которых было много раскольников, Пугачев жаловал земельными наделами, денежным жалованьем и вечною вольностью, а так же возможность совершать религиозные культы. Тем не менее, многие простые люди вынужденно переходили на сторону Пугачева, или опасаясь истязаний и смерти в случае неповиновения восставшим, или просто под влиянием большинства. Кроме того, на определенном этапе восстания крестьянство вынуждено было искать "охранных грамот" от грабежа и убийств у мятежников, не находя защиты у правительственных войск.

Крестьянская война, начавшись в сентябре 1773 года в районе Яицкого городка, быстро распространилась по Уралу. В октябре того же года подняли бунт башкиры, которых возглавил старшина Шайтан-Кудейской волости Салават Юлаев. Они разъезжали большими группами по Уфимской и Исетской провинциям, одни – с целью грабежа и уничтожения русских сел и заводов, а другие пытались привлечь к бунту и русское население. В том же месяце к Емельяну Пугачёву перешли казаки Нагайбакской крепости. В ноябре восстание охватило рабочих железодельных заводов Златоуста и близ лежащих районов. К январю 1774 года почти вся Исетская провинция была готова признать самозванного императора Петра Федоровича.

Обстановка в конце 1773 года способствовала быстрому распространению смуты. Казак Кузнецов, отправленный в декабре на Южный Урал атаманом Иваном Никифоровичем Зарубиным-Чикой собирать повстанческую армию, сумел организовать восстания на Саткинский, Златоустовский и Катав-Ивановский заводах. В его отряд вступили бо-

лее 300 добровольцев с большим количеством вооружения. После ухода отряда Кузнецова к городу Кунгуру главой повстанцев в горно-заводской зоне стал пугачевский полковник, симбирский купец Иван Никифорович Грязнов. За несколько дней его отряд быстро увеличился до 700 человек. Повстанцы заручились поддержкой жителей Каслинского и Кыштымского заводов, а также присланными туда для охраны тобольских казаков. Иван Грязнов приступил к выполнению главной задачи, определенной ему Пугачевым – захвату Челябинска и всей Исетской провинции. Двинувшегося с отрядом к Челябинску Грязнова встречали делегации населения с хлебом-солью и священниками во главе. Так было в Кундравинской слободе и Чебаркульской крепости. Утром 8 января 1774 года войско четырехтысячное войско Грязнова прибыло под стены Челябинска, а ровно через месяц город попал в руки восставших. Здесь были организованы новые органы власти в лице выборных походных атаманов, есаулов, станичных атаманов и сотников.

Повстанцы стремились наладить набор людей в свое войско, организовать его снабжение продовольствием и боеприпасами. Они учредили охрану города, рассылали по окрестностям “прелестные письма” и вооруженные отряды. После отъезда Грязнова в Оренбург главным командиром восставших в Исетской провинции стал походный атаман Григорий Туманов. В течение января–февраля 1774 года на сторону Пугачева перешли крепости Уйская, Коельская, Кичигинская, Еткульская, Еманжелинская, Миасская и Санарская, а также почти все слободы с приписанными к ним деревнями и селами. Началась осада укрепленного Далматовского монастыря. На территории Исетской провинции активно действовали повстанческие атаманы М. Ражев, П. Шешенин, М. Тараканов и др. Во время нахождения войск генерала И.А. Деколонга в какой-либо местности спокойствие там временно восстанавливалось, но едва он переходил в другое место, мятеж вспыхивал снова и бунт ожесточался.

Были и другие примеры. Так вокруг Шадринска остались верны властям 9 деревень и 2 села. В селе Першинском священники не подписали присягу “Петру III”, поэтому першинские крестьяне, а также крестьяне деревень Бисерово и Ключевка отказались ее исполнять. Крестьяне села Мехонского зажгли в поле снопы соломы, создав видимость расположившихся лагерем правительственных войск. Эта уловка крестьянам удалась, и пугачевцы побоялись вступить в село.

С началом весны правительство собрало необходимое количество войск и перехватило инициативу. Настал период поражений повстанцев,

была снята осада Далматова монастыря, в сражении у Уксянской слободы восставшие потерпели жестокое поражение и были вынуждены очистить Шадринский и Куртамышский дистрикты Исетской провинции. Правительственные войска захватили Каслинский и Кыштымские заводы. 9 апреля 1774 года Челябинск без боя был взят командой секунд-майора Дмитрия Онуфриевича Гагрина. Разбитый в апреле под Оренбургом Пугачев бежал в Белорецкий завод с небольшим войском, которое вновь за короткий срок снова достигло численности 12–15 тысяч человек. В мае пугачевское войско возобновило поход на Челябинск. По пути следования им была взята крепость Магнитная, а затем Карагайская, Петропавловская, Степная, редуты Подгорный и Санарский. 19 мая 1774 года Пугачев штурмом взял хорошо укрепленную крепость Троицк. В захваченных крепостях он творил свою обычную расправу. Так, в крепости Магнитной были повешены комендант крепости, его жена, священник и жена офицера, истреблены многие простые жители. В Троицке многих солдат и горожан, поставив в шеренги и перекололи копьями. Коменданта крепости повесили, его жену привязав к хвосту лошади таскали по городу.

Генерал Деколонг, преследовавший Пугачева буквально по пятам, настиг его 21 мая 1774 года в лагере под Троицком и без какой-либо передышки вступил в бой и наголову разгромил. Ожесточившиеся солдаты не брали повстанцев в плен, а стремились разделаться с ними на месте. Бегущих пугачевцев преследовали на расстоянии до 4 верст, на поле боя осталось около 4 тысяч телег. Пугачеву с 500 человек удалось бежать. На пути бегства он совершал короткие остановки в Нижней Увелке, Кичигино, Коелге и Варламовой. В дороге он набрал до 2 тысяч человек. В конце мая близ Кундравинской слободы пугачевцы неожиданно встретились с отрядом подполковника Ивана Ивановича Михельсона, который состоял из 500 солдат и эскадрона Изюмских гусар. Скоротечный бой закончился разгромом повстанцев, а отряд Михельсона преследовал их на протяжении 14 верст.

Пугачев с остатками своей армии бежал в башкирскую деревню Байгазино, где встретился с предводителем восставших башкир Салаватом Юлаевым. Несмотря на поражения, Пугачеву в тот период удавалось в короткие сроки набирать все новых и новых бойцов. С отрядом в 2 тыс. человек, поддерживаемый башкирской конницей, Пугачев сжег Чебаркуль, Кудравы, Златоустовский и Саткинский заводы. После нескольких новых столкновений с Михельсоном Пугачев в начале июня 1774 года покинул территорию Южного Урала. Борьбу здесь продолжи-

ли башкирские отряды. Некоторые из них занимались грабежами и разбоем, ими были сожжены остальные заводы в горной зоне, множество сел и деревень. Правительственные войска теснили повстанцев, а власти обещали прощение всем рядовым участникам добровольно сложившим оружие. Применяя такую политику власти усмирили большую часть башкир и казаков. Добровольно сдались крепости Еткульская, Кичигинская, Чистоозерная, слобода Увельская и Нижне-Багарякская. К ноябрю только несколько башкирских старшин продолжали сопротивление. Пленением же 24 ноября 1774 года Салавата Юлаева активная фаза Крестьянской войны на Южном Урале завершилась.

Взятие Казани. Крестьянское войско в Поволжье

12 июля пугачёвцы четырьмя колоннами, которыми командовали сам «царь», Овчинников, Белобородов и Минеев, пошли на штурм. Генерал-майор П.С. Потёмкин, не в силах защитить город, ретировался в кремль, где укрылись губернатор Брандт, дворяне и купцы. Кремль уже горел и должен был пасть, когда к городу подошли войска Михельсона. Пугачёв выступил навстречу. У села Царицына произошёл пятичасовой бой. Повстанцы были разбиты. Пугачёв отступил, но 15 июля, доведя численность армии до 25 тыс. (!) человек, напал на Михельсона на Арском поле. По словам подполковника, пугачёвцы атаковали «с таким отчаянием, коего только в лучших войсках найти надеялся». Поражение восставших было сокрушительным. Когда 18 июля Пугачёв оказался на правом берегу Волги, у него снова осталось всего несколько сот человек. Начался последний этап народной войны, главными участниками которой стали крестьяне Поволжья (как русские, так и других национальностей).

«Пугачёв бежал, но бегство его казалось нашествием», – писал Пушкин. Действительно, как будто чья-то рука попеременно подносила спичку к стогам высохшего сена. Пожар мятежа вспыхнул с необыкновенной силой и стал распространяться со скоростью, опережавшей движение вновь многочисленной армии Пугачёва. Всюду возникали отряды «пугачей», пылали дворянские имения, вершились суд и расправа над помещиками. Города и сёла встречали «надёжу-государя» хлебом-солью и колокольным звоном. 20 июля Пугачёв вступил в Курмыш, 24 – в Алатырь, 27 – в Саранск. Здесь на соборной площади был зачитан его манифест: «Объявляется во всенародное известие. Жалуем... всех, находившихся прежде в крестьянстве, в подданстве помещиков, быть верноподанными собственной нашей короны рабами, и награждаем вольностию

и свободою и вечно казаками... владением земель... и прочими всеми угодами, и свободяем всех прежде чинимых от дворян и градских мздоимцев-судей всем крестьянам налагаемых податей и отягощений... повелеваем... кой прежде были дворяне в своих поместьях и вотчинах, – оных противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян, всячески стараясь ловить, казнить и вешать, и поступать равным образом так, как они, не имея в себе малейшаго христианства, чинили с вами, крестьянами. По истреблении которых противников злодеев-дворян всякий может почувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатца будет». Вот за это и боролись крестьяне.

Екатерина II форсировала мирные переговоры с Турцией. Как только мир был заключён, против бунтовщиков двинули ещё 7 полков и 3 роты пехоты, 9 лёгких полевых команд, 18 гарнизонных батальонов, а также донских и украинских казаков. Императрица послала и лучших своих военачальников – Александра Суворова и Петра Панина. Она удовлетворённо отмечала: «Противу воров столько наряжено войска, что едва не страшна ли такая армия и соседям была». Но всё это было уже излишне. Пугачёв шёл вниз по Волге, а за ним, не давая и минуты передышки, спешил неутомимый Михельсон. 1 августа Пугачёв был в Пензе, 5 – в Петровске, 6 – в Саратове, 11 – в Дмитриевске (Камышине). 21 августа он подошёл к Царицыну; 24 – у Сальниковой ватаги его настиг Михельсон. У Пугачёва было около 10 тыс. человек – из них 2 тыс. остались лежать на поле боя, 6 тыс. оказались в плену, пропала и вся артиллерия (24 орудия). Это был конец Большой армии.

Конец Пугачёвщины

Пугачёв с двумя сотнями яицких казаков и приближёнными переправился на левый берег Волги. 7 сентября у реки Малый Узень группа казацких заговорщиков (Творогов, Федульев, Чумаков, Железнов, Бурнов) арестовала своего вождя, чтобы купить прощение царицы. Пугачёв пытался ускакать на лошади, пытался защищаться саблей и пистолетом. Ничто не помогло. Казак Моденов, вступившийся за него, был жестоко избит. Пропал без вести башкирский старшина Кинзя Арсланов, на протяжении всего восстания хранивший непоколебимую верность «Петру III». С поимкой Пугачёва война не прекратилась. Очень долго, например, держались башкиры во главе с Салаватом Юлаевым. Они продолжали сражаться с отрядами подполковников Рылеева (не путать с декабристом К. Рылевым) и Аршеневского, майора Штерича и других

правительственных командиров. Но в конце ноября был схвачен и Салават. Крупнейшее народное движение в России к зиме

1774 г. фактически завершилось, хотя отдельные отряды продолжали борьбу и в следующем году. Это даёт учёным основание датировать Пугачёвщину 1773–1775 гг. 10 января 1775 г. Емельян Пугачёв был казнён в Москве на Болотной площади. Его участь разделили Зарубин и другие видные деятели восстания. Немало пугачёвцев попали на каторгу, подверглись жестоким наказаниям. Тысячи убитых и повешенных обозначали пути движения карательных команд. Но и восставшие, а среди них встречались мародёры, грабители, совсем не «благородные» разбойники, погубили немало ни в чём не повинных людей. Иначе, к сожалению, не бывает. Но это не ставит под сомнение право народа вооружённой рукой отстаивать свободу и справедливость.

На допросе в Симбирске 2 октября 1774 г. граф П.И. Панин, командовавший тогда правительственными войсками, грозно осведомился у Емельяна Пугачёва: «Как же смел ты, вор, назваться государем?». – «Я не ворон, – ответил Пугачёв. – Я воронёнок. А ворон-то ещё летает!». Он знал, что тягу народов России к вольности, добру и справедливости можно истребить лишь вместе с ними.

Литература

1. Энциклопедия для детей. Т.5, ч.2. История России. От дворцовых переворотов до эпохи великих реформ. – М.: Аванта +, 1997. – 704с., С.166–177

3.7. РОЛЬ ДЕКАБРИСТОВ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ УРАЛА

История декабристского движения

Тайные политические организации декабристов. «Их вечен с вольностью союз»

С декабристов начинается история освободительного движения в России: они первыми в истории Российской империи решились на вооружённое восстание против самодержавия. Декабристы первыми сформировали революционные организации, выработали программу действий и политические документы конституционного характера (конституция – основной закон государства, он обладает верховенством по отношению к любой власти, в том числе и монархической).

Какие же причины побудили блестящих молодых людей, хорошо образованных, с прекрасными перспективами военной и статской службы, выступить против своего же сословия и поддерживаемой им власти? Почему объединились они в тайные союзы вольнодумцев? Пётр Каховский коротко выразил общее мнение декабристов: «Начало и корень общества (тайной организации) должно искать в духе времени и положении, в котором мы находимся».

Декабристы, в основном участники Отечественной войны 1812 года и Заграничного похода русской армии, возвращались на родину в ожидании обновления России, освобождения крепостных, самоотверженно сражавшихся рядом с ними (дворянами) в армии и партизанских отрядах. Царствование Александра I (1801–1825 гг.) начиналось великими надеждами: молодой государь склонялся к проведению либеральных реформ, покровительствовал просвещению, не чужд был даже республиканских взглядов. Идея отмены крепостного права буквально носилась в воздухе в те годы. Теперь, после героической борьбы с Великой армией Наполеона, многим участникам войны, да и просто образованным людям казалось естественным вознаградить народ: дать ему волю, разрушить крепостничество и даровать право на участие в государственных делах. Ожидание перемен, осуществления давних благородных замыслов наполняло сердца вернувшихся на родину героев. Но дома их встретили политическая реакция, ужесточение крепостнических порядков, издевательства над солдатами, нарождающаяся аракчеевщина. Государь не торопился возвращаться к прежним либеральным намерениям. Напротив, опасаясь распространения европейского вольномыслия, он в большей степени желал не делиться властью, а укреплять её.

Беспокойство за народ, стыд за своё благополучие, неприятие пустой великосветской жизни звали «первенцев свободы» к борьбе. Матвей Муравьёв-Апостол писал: «Мы были сыны 1812 года. Порывом нашего сердца было жертвовать всем, даже жизнью, во имя любви к Отечеству. В наших чувствах не было эгоизма. Призываю в свидетели самого Бога».

Известный русский историк Сергей Фёдорович Платонов так описывал возникновение декабризма: «Отечественная война поставила в ряды армии на защиту отечества массу дворян, до того времени не доживших службой, особенно военной, а войны 1813–1814 гг., переброшив русскую армию за границу, познакомили эту массу дворян с западноевропейской жизнью и с умственным движением западноевропейского общества... Успехи французской гражданственности под влиянием

идей XVIII в. и немецкой философской мысли (знаменитой тогда именами И. Канта, Г. Гегеля, Ф. Шеллинга и др.) не могли пройти бесследно для русских умов, потрясённых и возбуждённых великой борьбой за собственную родину. Русские люди втягивались в умственные интересы Запада и начинали с новой точки зрения смотреть на родную действительность». Как вспоминал декабрист А. А. Бестужев, «войска от генералов до солдат, пришедши назад, только и толковали: «Как хорошо в чужих землях». Сравнение со своим, естественно, произвело вопрос: почему же не так у нас?».

Ответы на терзавшие будущих декабристов вопросы они искали и находили в политических и философских сочинениях русских и западноевропейских мыслителей, в конституционных основах жизни передовых стран.

«Знаменитые французские мыслители... так же знамениты в России, как и у себя на родине», – писал декабрист Н.И. Тургенев. Будущие декабристы знали почти наизусть книги Ж.Ж. Руссо, Ф. Вольтера, П. Гольбаха, К. Гельвеция, Д. Дидро, Ш. Монтескье. Читали они и произведения итальянских просветителей Ч. Беккариа и Г. Филанджери, изучали работы английских экономистов А. Смита, И. Бентама и других, а также конституции западноевропейских стран и Северо-Американских Соединённых Штатов. У П.И. Пестеля, руководителя одного из тайных обществ, по словам его товарища, вдоль всей комнаты «тянулись полки с книгами, более политическими, экономическими и вообще учёного содержания, и всевозможные конституции».

«Вольнодумцы» верили, что перемены в России возможны/и готовы были бороться за них.

Союз Спасения

Первой тайной политической организацией будущих декабристов стал Союз спасения. В феврале 1816 г. молодые офицеры Александр и Никита Муравьёвы, Матвей и Сергей Муравьёвы-Апостолы, Сергей Трубецкой и Иван Якушкин договорились «составить общество, цель которого была в обширном смысле благо России». Впоследствии в него вошёл и Павел Пестель. Небольшая – до 30 человек, – строго законспирированная группа заговорщиков своими главными задачами объявляла свержение тирании, уничтожение крепостничества, учреждение конституционной монархии.

Члены Союза называли себя «истинными и верными сынами Отечества». Каждый из них должен был действовать на общую пользу, под-

держивать все благие дела в стране, препятствовать злу, преследовать чиновников, радеющих лишь о собственной выгоде, и других бесчестных людей. Члены Союза спасения стремились вести себя так, чтобы «не заслужить ни малейшей укоризны», клялись на кресте и Евангелии в сохранении тайны.

Над уставом, или «статутом», Союза больше всех поработал Пестель, хотя для его составления была избрана комиссия, куда кроме Пестеля входили С.П. Трубецкой, И.А. Долгоруков и Ф.П. Шаховской. «Он (Пестель) имел пристрастие к формам масонским и хотел, чтобы некоторые подобные были введены для торжественности... Масонские формы, введённые в заседаниях и в принятии членов, затрудняли действия общества и вводили какую-то таинственность, которая была противна характерам большей части членов; они хотели действия явного и открытого, хотя и положили не разглашать намерения, в котором соединились, чтобы не вооружить против себя людей неблагонамеренных... И потому чрез непродолжительное время положено было изменить в этом отношении устав, как признанный неудобным к приложению», – вспоминал позднее князь Трубецкой.

На одном из совещаний Союза в Москве обсуждался ранее не поднимавшийся вопрос о том, какой видят «сыны Отечества» Россию после освобождения от тирании и как добиться преобразования страны. Здесь впервые была высказана мысль о необходимости физического устранения монарха, и один из заговорщиков, Якушкин, предложил себя в царевубийцы. Чёткого представления о том, как действовать после этого, у них не было. Но даже среди малого числа членов тайной организации выявились серьёзные разногласия в видении путей к свободе (уничтожать ли самодержавие и крепостное право, например), и в конце 1817 г. Союз самоликвидировался.

Союз благоденствия

На смену Союзу спасения пришёл Союз благоденствия, организованный в январе 1818 г. В него вступили почти все члены Союза спасения. Это более многочисленное (до 200 человек) и менее закрытое тайное общество имело своей эмблемой пчелиный рой. Оно намеревалось «по капле» и широко распространить свои идеи и влияние в образованном высшем обществе, среди мещан и купечества. Устав Союза благоденствия, известный как «Зелёная книга» (по цвету обложки), отражал настроения самой умеренной части организации: постепенно, мирными методами готовить общественное мнение как силу, способную добиться

преображения отчизны. На формирование «общего мнения» отводилось примерно 20 лет, после чего можно было подумать о революции, «безболезненной и мирной».

Направления деятельности Союза не выходили за рамки «человеколюбия», или благотворительной работы, «образования» (влияния на работу школ и воспитание юношества), «правосудия», «общественного хозяйства». Предусматривалось создание широкой сети легальных и нелегальных литературных, научных, педагогических, женских, молодёжных и других общественных организаций, а также издание журнала «Россиянин XIX века». Члены Союза благоденствия распространяли свои идеи через литературно-театральное общество «Зелёная лампа», Вольное общество любителей российской словесности, Вольное общество учреждения училищ по методу взаимного обучения. Многие декабристы создавали новые школы, в которых обучались грамоте множество солдат и крестьянских детей.

Члены Союза пытались бороться с судебным произволом, занимая непрестижные в их среде гражданские посты судей и заседателей. Армейские офицеры не позволяли прибегать к телесным наказаниям, гуманно обращались с солдатами.

Однако многим из них практическая деятельность Союза казалась недостаточной, а срок, необходимый для достижения конечной цели, – слишком длительным. Радикально настроенные члены организации требовали более активных действий.

В 1820 г. в Петербурге собралось совещание Союза для обсуждения его программы. Здесь впервые в России тайная организация высказалась единогласно за предложенное Павлом Пестелем республиканское будущее России. Вскоре декабристы узнали о том, что царь хорошо информирован о деятельности Союза благоденствия. На созванном в январе 1821 г. съезде Союза в Москве его немногочисленные делегаты договорились распустить организацию, чтобы, во-первых, избавиться от ненадёжных членов, а во-вторых, пересмотреть тактику борьбы.

Южное и Северное общества

На основе Союза благоденствия весной 1821 г. возникли сразу две крупные революционные организации: Южное общество на Украине и Северное общество в Петербурге. Более революционное и решительное Южное общество возглавил Павел Пестель, Северное, чьи установки считались более умеренными, – Никита Муравьёв.

Политической программой Южного общества стала «Русская правда» Пестеля, принятая на съезде в Киеве в 1823 г.

П.И. Пестель был сторонником революционной для того времени идеи верховной власти народа. «Народ российский, – писал он, – не есть принадлежность какого-либо лица или семейства. Напротив того, правительство есть принадлежность народа, и оно учреждено для блага народного, а не народ существует для блага правительства». В «Русской правде» Пестель описывал новую Россию – единую и неделимую республику с сильной централизованной властью. Федеративное устройство государства он отвергал, полагая, что «частное благо области, хотя и временное, однако ж всё-таки сильнее действовать будет на воображение её правительства и народа, нежели общее благо всего государства...».

Историческим прообразом демократической системы для Пестеля служило вече (общее собрание, решавшее все главные государственные дела) Новгородской республики. Конечно же, вече всего Российского государства собрать было невозможно, поэтому Пестель хотел разделить Россию на области, области – на губернии, губернии – на уезды, а самой мелкой административной единицей являлась бы волость. Все совершеннолетние (начиная с 20 лет) граждане мужского пола получали право голоса и могли участвовать в ежегодном волостном «народном собрании», где они выбирали бы делегатов «наместных народных собраний», т.е. местных органов власти. Каждая волость, уезд, губерния и область должны были иметь своё наместное народное собрание. Главой волостного наместного собрания становился выборный «волостной предводитель», а главами уездного и губернского собраний – выборные «посадники».

Все граждане имели право избирать и быть избранными в любой орган государственной власти. Пестель предлагал не прямые, а двухступенчатые выборы: сначала волостные народные собрания выбирали депутатов в уездные и губернские собрания, а последние из своей среды – представителей в высшие органы государства. Верховный законодательный орган будущей России – Народное вече – избирался сроком на пять лет. Только Народное вече могло издавать законы, объявлять войну и заключать мир. Распустить его не имел права никто, так как оно представляло собой, по определению Пестеля, «волю» и «душу» народа в государстве. Верховным исполнительным органом являлась Державная дума, состоявшая из пяти человек и избиравшаяся также на пять лет из членов Народного веча.

Помимо законодательной и исполнительной властей в государстве, по мнению Пестеля, должна быть и власть «блюстительная», которая контролировала бы точное исполнение законов в стране и следила бы за тем, чтобы Народное вече и Державная дума не выходили за рамки, установленные законом. Центральный орган блюстительной власти – Верховный собор – состоял из 120 «бояр», избравшихся пожизненно.

В России, о которой мечтал Пестель, не могло быть крепостного права, так как «обладать другими людьми» как своей собственностью «есть дело постыдное... противное законам естественным... Рабство в России должно быть решительно уничтожено...». Глава Южного общества предполагал освободить крестьян с землёй и закрепить за ними все права гражданства. Он собирался также уничтожить военные поселения и передать «поселенную землю» крестьянам в свободное пользование. Все земли волости, писал он, следует разделить на две равные половины: на «землю общественную», которая будет принадлежать всему волостному обществу и не может быть ни продана, ни заложена, и «землю частную». Общественная земля делилась бы на участки такого размера, чтобы каждый «необходимое для житья одного тягла (одного хозяйства) доставлять мог». Эти участки подлежали раздаче в пользование членам волостного общества сроком на год, по истечении которого земля переходила бы в другие руки или оставалась за прежним хозяином. «Земли же частные будут принадлежать казне или частным лицам, обладающим оными с полною свободою... Сии земли, будучи предназначены для образования частной собственности, служить будут к доставлению изобилия».

Правительство в новой России, считал Пестель, должно всемерно поддерживать предпринимательство. Предложил Пестель и новую налоговую систему. Он исходил из того, что всякого рода натуральные и личные повинности (например, продуктами или работой) следует заменить денежными. Налоги должны быть «взимаемы с имущества граждан, а не с лиц их».

Попытался Пестель разрешить в «Русской правде» и национальный вопрос. Он полагал, что право на независимость могут получить только сильные нации, способные противостоять захватчикам. Для малых же народов лучше и полезнее будет, если «они соединятся духом и обществом с большим государством и совершенно сольют свою народность с народностью господствующего народа...». В то же время Пестель часто подчёркивал, что люди совершенно независимо от их расовой и национальной принадлежности равны от природы, поэтому великий

народ, подчинивший себе малые, не может и не должен использовать своё превосходство для их угнетения.

Южное общество объявило неэффективной деятельность предшественников и признало опорой движения армию, считая её решающей силой революционного переворота. Члены Общества намеревались взять власть в столице, вынудив царя отречься. Новая тактика Общества потребовала организационных преобразований: в него принимались только военные, связанные преимущественно с регулярными частями армии; ужесточалась дисциплина внутри Общества; от всех его членов требовалось безоговорочное подчинение руководящему центру – Директории.

«Мы часто собирались вместе, рассуждали, спорили, толковали, передавали друг другу свои задушевные помыслы и желания, сообщали всё, что могло интересовать общее дело, и, натурально, нередко очень свободно, скажу более, неумеренно говорили о правительстве. Предложениям, теориям не было конца, – вспоминал декабрист Н.В. Басаргин. – Разумеется, в этих соображениях первенствовал Пестель. Его светлый логический ум управлял нашими прениями и нередко соглашал разногласия».

В Северном обществе программные и тактические вопросы обсуждались обычно на вечерах или обедах у Н. Муравьёва или на «русских завтраках» у Рылеева. Умеренное крыло северян поддерживало «Конституцию» Муравьёва, радикалы (Рылеев, братья Бестужевы, Оболенский, Пущин и другие заговорщики) склонялись к «Русской правде» (см. статью «Кондратий Рылеев, Никита Муравьёв, Павел Пестель»). Бесконечная полемика, несогласие, отсутствие общей позиции отталкивали от Общества недостаточно убеждённых его членов. Постепенно первую роль в нём стал играть К. Рылеев. Его авторитет и умение убеждать привлекли в Общество новых «вольнодумцев».

Постепенно между двумя организациями наладились контакты. Лидеры Южного общества стремились объединить все революционные силы России. Весной 1824 г. Пестель побывал в северной столице, где вёл переговоры о слиянии обществ и едином плане действий на будущее. Петербуржцы с интересом отнеслись к «Русской правде» как программе южан, хотя их не вполне устраивали положения, регламентирующие послереволюционное устройство России. В конце концов заговорщики запланировали работу над приемлемым для всех проектом конституции и совместное военное выступление летом 1826 г.

«Конституция» Никиты Муравьева

«Конституция» Н.М. Муравьева возникла как результат сравнения и творческой переработки западноевропейских, американских и русских правовых документов. До наших дней дошло несколько вариантов его проекта основного закона новой России, причём последний из них написан 13 января 1826 г. (т.е. уже после восстания) в каземате Петропавловской крепости по требованию Следственного комитета.

В первом варианте «Конституции» существует вступление, в котором Н. Муравьев изложил основные принципы будущего государственного устройства страны. Это полноправие народа и верховенство закона. «Русский народ, свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства, – писал Н. Муравьев и добавлял: – Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для самого себя». Будущая Россия, по мнению Муравьева, должна представлять собой федеративное государство, состоящее из крупных административных единиц (в первом варианте они назывались «державами», в последнем – «провинциями») со своими столицами, законодательными и исполнительными органами власти, правом самостоятельно решать внутренние дела. «Державы» Муравьев разделил на уезды, во главе которых поставил уездного «тысяцкого».

Н. Муравьев выделяет законодательную, исполнительную и судебную власти. Высший законодательный орган власти, Народное вече, по составу, полномочиям и формам деятельности напоминает Конгресс Соединённых Штатов Америки. Состоит оно (вече) из Палаты представительной, которая должна воплощать волю всей нации в целом, и Верховной думы, выражающей волю населения отдельных «держав». Вече издаёт законы, объявляет войну и заключает мир, руководит вооружёнными силами государства, устанавливает налоги, регулирует развитие народного хозяйства и, наконец, покровительствует наукам и искусству.

Высшая исполнительная власть в новой России будет принадлежать императору. Однако Россия – «общество людей свободных», а не царская «отчина», хотя «императорское звание учреждено наследственным». Император, по Н. Муравьеву, является всего лишь «верховным чиновником Российского правительства», а его функции напоминают функции американского президента. В «державках» органы законодательной и исполнительной власти устроены так же, как и общефедеративные, только императора там заменяет «державный правитель».

Н. Муравьёв провозгласил свободу слова и печати («Всякий имеет право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оные посредством печати своим соотечественникам»), свободу вероисповедания, равенство всех перед законом, неприкосновенность личности, священность права собственности и, наконец, обеспечения безопасности жизни и собственности судом присяжных. Судебную систему он заимствовал у англичан – предполагал ввести выборных и несменяемых судей. «Крепостное состояние и рабство» в России должно быть отменено; «раб, прикоснувшийся земли Русской, становится свободным...». Однако землю у помещиков и Церкви Н. Муравьёв отбирать не планировал. Причём «поселяне, которые вздумают оставить своё селение и переселиться в другое место», должны будут уплатить землевладельцу определённую сумму (выкуп) «за временное пребывание в порядке получения доходов с возделываемой поселянами земли». Правда, в последнем варианте Н. Муравьёв, вняв критике других декабристов, предоставлял освобождённым крестьянам не только усадебные участки с хозяйственным инвентарём («дома поселян с огородами оных»), но и полевые наделы в размере двух десятин на крестьянский двор. Кроме того, крестьяне получили «право приобретать землю в потомственное владение».

Общество соединённых славян

Ещё с лета 1823 г. Южное общество поддерживало связь с Польским патриотическим обществом. В 1825 г. к Южному обществу примкнуло Общество соединённых славян, которое возникло в Новоград-Волынске по инициативе братьев Петра и Андрея Борисовых и ссыльного поляка Юлиана Люблинского ещё в 1823 г. Соединённые славяне принадлежали в основном к малоимущему дворянству. Основной своей задачей они считали борьбу против крепостничества и деспотизма, за объединение всех славянских народов в демократическую федерацию.

Вот первые строки «Клятвы», которую давали члены этого Общества: «Вступая в число Соединённых Славян для избавления себя от тиранства и для возвращения свободы, столь драгоценной роду человеческому, я торжественно присягаю... на взаимную любовь, что для меня есть божеством и от чего я ожидаю исполнения всех моих желаний. Клянусь быть всегда добродетельным, вечно быть верным нашей цели и соблюдать глубочайшее молчание. Самый ад со всеми своими ужасами не вынудит меня указать тиранам моих друзей и их намерения. Клянусь, что уста мои тогда только откроют название сего союза пред человеком, когда он докажет несомненное желание быть участником оногo; клянусь

до последней капли крови, до последнего вздоха вспомоществовать вам, друзья мои, от этой святой для меня минуты. Особенная деятельность будет первою моею добродетелью, а взаимная любовь и пособие – святым моим долгом».

Общество соединённых славян стремилось вовлечь в движение местных жителей. Оно было против захвата власти в стране путём военного переворота. Несмотря на расхождение с южанами в последнем вопросе, все «славяне» (52 человека) вошли в Южное общество – во имя великой цели.

Планам революционеров не суждено было осуществиться. Ситуация междуцарствия подтолкнула активных членов Северного общества к тому, чтобы принять решение о немедленном выступлении в столице. Действовать северянам пришлось в изоляции от их южных единомышленников. Разгром восстания на Сенатской площади и выступления Черниговского полка на юге положил конец декабристским организациям. Выработанные декабристами основы освободительной борьбы, конституционные проекты и организационный опыт сыграли значительную роль в воспитании последующих поколений борцов с самодержавием.

Восстание декабристов. Сенатская площадь

14 декабря 1825 г. в Петербурге была предпринята попытка политического переворота, известная как восстание декабристов. В 20–30-е гг. XIX в. Европа буквально полыхала восстаниями, революциями и освободительными войнами. После того как дерзкие повстанцы Кирога и Риго сумели изменить государственный строй Испании, «в моду» вошёл заговор образованных военных, стремящихся освободить отечество от произвола монархов и либерализовать политические порядки. Восстание декабристов вошло в один ряд с подобными событиями в Европе. Но сколь удивительным было вооружённое выступление офицеров-дворян против монархии в России, где дворянство от века было верной опорой трона! В XVII в. недовольные аристократы могли взбунтовать против непопулярного государя чернь. В XVIII в. его скорее всего свергли бы в ходе дворцового переворота, нанеся удар гвардией. Но дворянин со шпагой в руке, угрожающий самим устоям монархии, – нечто немислимое в России до 14 декабря 1825 г.

Первоначально выступление с целью свержения самодержавия и отмены крепостного права намечалось руководителями Северного и Южного обществ на лето 1826 г. Но внезапная смерть Александра I и последовавший за ней период междуцарствия побудили декабристов пе-

решить свои планы. Сложившаяся ситуация взбудоражила население, особенно армию, которая не любила наследника престола великого князя Николая Павловича: он «полагал смысл военной службы во внешней дисциплине и в обучении солдат на прусский лад, устаревший и бесполезный». Члены Северного общества решили воспользоваться созданным положением и выступить в день принятия присяги Николаю Романову. «В последние дни перед 14 декабря, – вспоминал

Н.А. Бестужев, – всё оставшееся от ротных учений время было поглощено приготовлением солдат и беседе с ротными командирами».

Накануне 14 декабря на квартире у К.Ф. Рылеева обсуждался предложенный им план действий, распределялись обязанности. После долгих и бурных споров заговорщики пришли к такому мнению: необходимо собрать верные войска на Сенатской площади, где располагались правительственные здания, чтобы не допустить присяги сенаторов и вынудить их подписать революционный «Манифест к русскому народу», подготовленный Северным обществом. В документе объявлялось о свержении самовластия, отмене крепостного права, сокращении срока солдатской службы. Провозглашались гражданские свободы. «Манифест» предусматривал созыв Великого собора – Учредительного собрания – для решения вопросов о принятии конституции и форме правления в России. Доставку «Манифеста» в сенат для ознакомления с документом высших государственных чиновников взяли на себя К.Ф. Рылеев и И.И. Пущин. Диктатором восстания назначили князя С.П. Трубецкого – опытного и авторитетного военачальника, участника войны 1812 года. Часть готовых к выступлению войск под командованием А.И. Якубовича должна была ещё затемно захватить Зимний дворец и арестовать царскую семью. Рылеев настаивал на физическом уничтожении Николая, чтобы внести смятение в ряды его сторонников и тем обеспечить успех восставшим. Однако от цареубийства заговорщики отказались. Планировался также захват Петропавловской крепости. Декабристы и в конце 1825 г., и спустя много лет считали, что успешный исход восстания был вполне вероятен.

Того же мнения придерживался и Николай Романов. За несколько дней до восстания его предупредили о преступных намерениях Южного и Северного обществ начальник Главного штаба И.И. Дибич и декабрист Я.И. Ростовцев. Последний счёл восстание против царя несовместимым с дворянской честью. Николай с тревогой ожидал предстоящие испытания, его преследовали мысли о гибели, особенно беспокоила позиция гвардии – активной силы всех российских государственных переворо-

тов. Ранним утром 14 декабря он сказал генералу А.Х. Бенкендорфу: «Сегодня вечером, может быть, нас обоих не будет более на свете, но по крайней мере мы умрём, исполнив наш долг».

Решив опередить противника, Николай Павлович в семь часов утра привёл к присяге членов сената и Синода, затем они покинули здание. Таким образом, план восстания не удалось выполнить уже с самого начала. Якубович отказался командовать войсками, которые должны были брать Зимний дворец. Позже он объяснил свой поступок тем, что боялся кровавой расправы мятежных гвардейских моряков над императорской семьёй, а стало быть, и невольного участия в цареубийстве. Первый из восставших лейб-гвардии Московский полк прибыл на площадь к пустому сенату около 11 часов утра. Спустя некоторое время к восставшим подъехал верхом на коне петербургский генерал-губернатор М.А. Милорадович, пытаясь уговорить их вернуться в казармы и присягнуть Николаю I. Опасаясь влияния графа на солдат, знавших его как героя войны 1812 года, начальник штаба восстания Е.П. Оболенский ударил его штыком, а П.Г. Каховский выстрелом из пистолета смертельно ранил генерала.

Вот как описывал этот эпизод декабрист В.И. Штейнгель: «Один из членов тайного общества князь Оболенский, видя, что такая речь может подействовать, выйдя из каре, убеждал графа отъехать прочь, иначе угрожал опасностью. Заметя, что граф не обращает на него внимания, он нанёс ему штыком лёгкую рану в бок. В это время граф сделал вольт-фас (крутой поворот на коне лицом к противнику), а Каховский выпустил в него из пистолета роковую пулю... Когда у казармы сняли его с лошади и внесли в... квартиру... он имел последнее утешение прочитать собственноручную записку нового своего государя с изъявлением сожаления – и в 4-м часу дня его уже не существовало». Каховский в тюрьме горько сожалел о своём выстреле, а декабрист Трубецкой всегда вспоминал о Милорадовиче как о славном полководце, «который в этом случае действовал беспристрастно и любил Отечество».

Не удалось убедить восставших ни митрополиту, ни младшему из великих князей Михаилу Романову. К часу дня на Сенатскую площадь подошли лейб-гвардии Гренадерский полк и лейб-гвардии Морской экипаж. Всего на площади вокруг памятника Петру Великому выстроились около 3 тыс. восставших солдат и матросов под командованием 30 строевых офицеров-декабристов.

Площадь и прилегающие к ней улицы были забиты любопытными и сочувствующими. Декабрист А.Е. Розен вспоминал: «По мере увели-

чения числа войск для оцепления возмутителей полиция стала смелее и разогнала народ с площади, много народу потянулось на Васильевский остров вдоль боковых перил Исаакиевского моста. Люди рабочие и разночинцы, шедшие с площади, просили меня держаться ещё часок и уверяли, что всё пойдёт ладно». У восставших не было артиллерии и кавалерии. Не явился к зданию сената Трубецкой: он сидел в помещении Главного штаба рядом с Сенатской площадью и даже наблюдал иногда за развитием событий, но выйти к товарищам не решился. Причины такого поведения пытался впоследствии объяснить Н.А. Бестужев: «Храбрость солдата и храбрость заговорщика не одно и то же. В первом случае – даже при неудаче – его ждут почести и награды, тогда как в последнем при удаче ему предстоит туманная будущность, а при проигрыше дела – верный позор и бесславная смерть». Не будучи трусом, Трубецкой впервые в жизни смалодушничал, что послужило одной из причин провала всего дела. Отсутствие крепкого и грамотного руководства внесло растерянность и дезорганизацию в ряды восставших.

По словам Розена, «всего было на Сенатской площади в рядах восстания больше 2000 солдат. Эта сила в руках одного начальника, в виду собравшегося тысячами вокруг народа, готового содействовать, могла бы всё решить, и тем легче, что при наступательном действии много батальонов пристали бы к возмущившимся, которые при 10-градусном морозе, выпадавшем снеге с восточным резким ветром, в одних мундирах ограничивались страдательным положением и грелись только неумолкаемыми возгласами ...ура!». Не видать было диктатора, да и помощники его не были на местах... Было в полном смысле безначалие: без всяких распоряжений – все командовали, все чего-то ожидали и в ожидании дружно отбивали атаки, упорно отказывались сдаться и гордо отвергли обещанное помилование».

Николай I выставил против мятежных полков верные ему войска: 9 тыс. пехотинцев, 3-тысячную кавалерию, артиллеристов. Восставшие солдаты, голодные и замёрзшие, пассивно ждали, окружённые со всех сторон правительственными частями. Император приказал кавалерии атаковать бунтовщиков, но несколько таких попыток было отбито ружейным огнём. Народ старался подбодрить заговорщиков, некоторые бросали в правительственные войска и даже императорскую свиту камни и поленья. Приближалась темнота. Царь, боясь, чтобы волнение не передалось «черни», согласился применить против мятежников артиллерию. Пушки зарядили картечью. На площади после выстрелов остались убитые и раненые – и военные, и гражданские. Остальные начали

отходить: одни – по Галерной улице, другие – по замёрзшей Неве. Снаряды взрывали ледяной покров реки, многие тонули. К ночи восстание было разгромлено. Декабристы потерпели поражение. Николай I укрепился в Зимнем дворце, защищенном войсками и несколькими орудийными батареями.

События на Сенатской площади сразу же стали государственной тайной. Скрывали число погибших во время беспорядков. Объявили, что убитых самое большее 200 человек, хотя на самом деле их было около 1300 (из них 903 – «чернь»). В правительственных сообщениях декабристов называли «злоумышленниками», «изменниками», «скопищем мятежников», «горстью молодых безумцев», которые вознамерились «навлечь на Россию все бедствия безначалия». Примкнувших к ним на Сенатской площади характеризовали как лиц «гнусного вида во фраках», как «немногих пьяных солдат и немногих же людей из черни, также пьяных».

Все 30 лет правления Николая I декабристская тема была запретной во всех отношениях. Официальному объяснению событий 14 декабря 1825 г. противостояла версия самих декабристов. Она нашла отражение в следственных материалах по их делу, в мемуарах участников восстания и их современников. Уже во время первого допроса декабрист Г.С. Батеньков заявил царю: «Покушение 14 декабря не мятеж, но опыт политической революции».

Выступление черниговского полка

29 декабря 1825 г., узнав о поражении восстания в Петербурге, выступил расквартированный в районе города Василькова Черниговский полк. К тому времени по доносу унтер-офицера Шервуда и капитана Майбороды уже были арестованы П.И. Пестель и другие члены Южного общества. Выступление возглавил С. И. Муравьев-Апостол. Ещё до начала восстания С. Муравьев-Апостол и М. Бестужев-Рюмин составили революционный «Православный катехизис»: на основе текстов Священного писания в нём разъяснялась необходимость свержения самодержавия и установления республики. Авторы излагали свои мысли в форме вопросов и ответов, доступной для понимания солдат и простого населения: «Вопрос. Для чего Бог создал человека?

Ответ. Для того, чтоб он в него веровал, был свободен и счастлив.

Вопрос. Что значит быть свободным и счастливым?

Ответ. Без свободы нет счастья...

Вопрос. Для чего же русский народ и русское воинство несчастно?

Ответ. От того, что цари похитили у нас свободу...

Вопрос. Что же святой закон наш повелевает делать русскому народу и воинству?

Ответ. Раскаяться в долгом ра-болепствии и, ополчась против тиранства и нечестия, поклясться: да будет один царь на небеси и на земле Иисус Христос.

Вопрос. Что может удержать от исполнения святого сего подвига?

Ответ. Ничто...».

Документ распространился на юге России, был известен в Киеве и сыграл немалую роль в организации восстания черниговцев.

Выступление началось в селе Трилеса Киевской губернии. Вечером 29 декабря 5-я рота полка из Трилес соединилась в деревне Ковалёвке со 2-й гренадерской ротой. Ранним утром следующего дня восставшие вошли в Васильков, где их поддерживали другие роты Черниговского полка. Восемь офицеров командовали теперь тысячью солдат.

Утром 31 декабря Сергей Муравьёв-Апостол собрал полк на площади перед собором Святого Феодосия. Декабрист И.И. Горбачевский вспоминал позднее: «Роты были построены в густую колонну. Подошед к ней, С. Муравьёв приветствовал солдат дружелюбно и потом, в коротких словах, изложил им цель восстания и представил, сколь благородно и возвышенно пожертвовать жизнью за свободу. Восторг был всеобщий; офицеры и солдаты изъявили готовность следовать всюду, куда поведёт их любимый и уважаемый начальник Тогда С. Муравьёв обратился к священнику, просил его прочитать Политический катехизис, который состоял из чистых республиканских правил, приноровленных к понятиям каждого. Священник читал громким и внятным голосом правила и обязанности свободных граждан.

– Наше дело, – сказал Муравьёв по окончании чтения, обратясь снова к солдатам, – наше дело так велико и благородно, что не должно быть запятнано никаким принуждением, и потому кто из вас, и офицеры, и рядовые, чувствует себя неспособным к такому предприятию, тот пускай немедленно оставит ряды, он может без страха остаться в городе, если только совесть его позволит ему быть спокойным и не будет его упрекать за то, что он оставил своих товарищей на столь трудном и славном поприще, и в то время как отечество требует помощи каждого из сынов своих.

Как-то в году 1829-м или 1830-м Николай Бестужев по просьбе другого декабриста, Алексея Тютчева, написал песню к очередной годовщине 14 декабря. Посвятил её автор восстанию Черниговского полка.

Она исполнялась хором на мотив любимой декабристами песни «Уж как пал туман на сине море».

Что ни ветер шумит во сыром бору,
Муравьёв идёт на кровавый пир...
С ним черниговцы идут грудью стать,
Сложить голову за Россию-мать.
И не бурей пал долу крепкий дуб,
А изменник-червь подточил его.
Закатилася воля-солнышко,
Смертна ночь легла в поле бранное.
Как на поле том бранный конь стоит,
На земле пред ним витязь млад лежит.
«Конь! мой конь! скачи в святой Киев-град:
Там товарищи, там мой милый брат...
Отнеси ты к ним мой последний вздох
И скажи: «Цепей я снести не мог,
Пережить нельзя мысли горестной,
Что не мог купить кровью вольности!..».

...Никто не оставил рядов и каждый ожидал с нетерпением минуты лететь за славою или за смертью».

Во второй половине дня 31 декабря войска покинули Васильков, предприняв поход на Мотовиловку. Оттуда предполагалось идти на Брусилов и Житомир, где стояли войска под командованием членов Общества соединённых славян. Но замысел не удался из-за бегства части офицеров. С. Муравьёв-Апостол решил изменить маршрут и двинуться в Белую Церковь – там восставших обещал поддержать член Южного общества Ф.Ф. Вадковский. Однако его арестовали. Муравьёв-Апостол вынужден был возвратиться с полком в Трилесеы.

3 января 1826 г. между Устимовкой и Ковалёвкой восставших встретили правительственные войска под командованием генерала Гейсмара. «Местность оказалась самою невыгодною для пехоты, имеющей встретиться с кавалериею (у генерала Гейсмара был кавалерийский отряд, усиленный артиллерией. – Прим. ред.). Отряд, пушки в виду Мы продвигаемся вперёд. Раздаётся пушечный выстрел, за ним второй, ядро пролетело над головами. Мы всё шли вперёд, – писал в воспоминаниях декабрист Матвей Муравьёв-Апостол, брат Сергея. – Открылась пальба картечью, у нас несколько человек пало: убитыми, другие ранеными... Тогда Сергей Иванович решился прекратить неравный бой и спасти

свою команду от неминуемой гибели и приказал поставить ружья в козлы. Солдаты, повинаясь ему, не понимали, с каким намерением начальник остановил их на походе. Сергей Иванович сказал им, что виноват перед ними, что, возбудив в них надежду на успех, он их обманул. Артиллеристам Сергей Иванович стал махать белым платком и тут же упал, поражённый картечью». Сопrotивление черниговцев было подавлено картечью. С. Муравьёва-Апостола тяжело ранило в голову, его младший брат Ипполит, решив, что Сергей убит, застрелился. Были арестованы 5 офицеров и 869 солдат.

Следствие и суд

Аресты декабристов в Петербурге начались в ночь с 14 на 15 декабря 1825 г. Схваченных «злоумышленников» везли на допрос к Николаю I в Зимний дворец. Оттуда их, уже арестантов, с записками царя отправляли в казематы Петропавловской крепости.

Князь Трубецкой приводит в своих «Записках» типичный пример «высочайшего следствия»: «Меня позвали. Император пришёл ко мне на встречу в полной форме и ленте и, подняв указательный палец правой руки против моего лба, сказал: „Что было в этой голове, когда вы с вашим именем, с вашей фамилией вошли в такое дело? Гвардии полковник князь Трубецкой!.. Как вам не стыдно быть вместе с такою дрянью, ваша участь будет ужасная"». Трубецкому прочли «показание, что бывшее происшествие есть дело тайного общества» и что он, князь Трубецкой, «может дать полное сведение о помянутом обществе». Князь всё отрицал. «Император... – вспоминал далее Трубецкой, – подав мне лист бумаги, сказал: «Пишите показание» – и показал место на диване, на котором сидел и с которого встал теперь. Прежде, нежели я сел, император начал опять разговор:

– Какая фамилия! Князь Трубецкой, гвардии полковник и в каком деле! Какая милая жена! Вы погубили вашу жену! Есть у вас дети?

– Нет.

– Вы счастливы, что у вас нет детей! Ваша участь будет ужасная! Ужасная!

И, продолжав некоторое время в этом тоне, заключил: «Пишите, что знаете» – и ушёл в кабинет».

Трубецкой сообщил в показаниях о своей принадлежности к «тайному обществу, которое имело целью улучшение правительства». Обстоятельства, последовавшие за смертью государя, показались Обществу благоприятными для исполнения его намерений, и оно избрало... Тру-

бецкого диктатором, но князь, увидев, что нужно больше его «имя, нежели лицо и распоряжения, удалился от участия». Когда император прочёл показания Трубецкого, он сразу вызвал его.

Николай I встретил князя в сильном гневе:

– Эх что на себя нагородили, а того, что надобно, не сказали... Вы знаете, что могу вас сейчас расстрелять!

– Расстреляйте, государь! Вы имеете право.

– Не хочу. Я хочу, чтоб судьба ваша была ужасная!

Высочайшим указом от 17 декабря 1825 г. был создан тайный Следственный комитет для «изыскания» соучастников злоумышленного общества под председательством военного министра А.И. Татищева. Следственные комиссии работали также в Могилёве, Белостоке, Варшаве, Белой Церкви, в отдельных полках. Через полгода, 30 мая 1826 г., комиссии представили императору всеподданнейший отчёт. Из 579 человек, привлечённых к следствию, виновными признали 289, из которых 121 предали суду (61 – из Северного общества, 37 – из Южного, 23 – из Общества соединённых славян).

Декабристы содержались в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, а также в других тюремных замках России. Их лишили общения друг с другом и родственниками. Многим запрещалось даже читать и писать. По-разному переносили люди тяготы несвободы и следствия. Мало кто из декабристов держался стойко, с достоинством, не выдавая товарищей (М.С. Лунин, И.Д. Якушкин, П.И. Борисов и некоторые другие). «Я никем не был принят в число членов тайного общества, но сам присоединился к оному, – гордо отвечал следователям Лунин. – Открыть имена их (членов общества) почитаю противным моей совести, ибо должен бы был обнаружить братьев и друзей». Большинство же были откровенны с императором и следователями, писали подробные признания, покаянные письма, некоторые молили о прощении. Историки объясняют это по-разному: некоторые из бывших заговорщиков руководствовались кодексом дворянской чести, предписывавшим быть откровенными с государем, другие желали обратить внимание властей на необходимость решения проблем, подвигших декабристов на восстание, третьи были уверены в неприменении смертной казни в России.

Манифест от 1 июня 1826 г. учредил Верховный уголовный суд из трёх «государственных сословий»: представителей Государственного совета, сената, Синода, а также «нескольких особ из высших воинских и гражданских чиновников». Значительную работу по организации деятельности суда выполнил М.М. Сперанский. Председателем стал князь

П.В. Лопухин, его заместителем князь А. Б. Куракин, генерал-прокурором назначили министра юстиции Д.И. Лобанова-Ростовского. В состав суда вошли 72 человека.

Суд разделил всех арестованных на 11 разрядов по степени виновности. Пятерых самых опасных преступников – Павла Пестеля, Кондратия Рылеева, Сергея Муравьева-Апостола, Михаила Бестужева-Рюмина и Петра Каховского – вынесли «вне разрядов», их приговорили к страшной, мучительной мере наказания – казни четвертованием. 31 декабря первого разряда осудили на отсечение головы, 17 – из второго – к политической смерти и т. д. Николай I указом от 10 июля 1826 г. смягчил приговор почти всем разрядам. «Внеразрядной» пятёрке четвертование заменили на повешение. Против этого жестокого приговора из 72 членов суда выступил только один – адмирал Н.С. Мордвинов, ссылаясь на отмену смертной казни в России со времён Елизаветы Петровны, что подтвердил указ Павла I от 13 апреля 1799 г. Приговор привели в исполнение 13 июля 1826 г. на кронверке (одно из укреплений) Петропавловской крепости. У каждого осуждённого на груди висела доска с надписью: «Цареубийца».

Начальник кронверка позднее рассказывал: «Когда были отняты скамьи из-под ног, верёвки оборвались, и трое преступников... рухнули в яму, прошибив тяжестью своих тел и оков настланные над ней доски. Запасных верёвок не было, их спешили достать в ближайших лавках, но было раннее утро, всё было заперто, почему исполнение казни промедлилось. Однако операция была повторена и на этот раз совершилась удачно». Санкт-петербургский же генерал-губернатор П.В. Голенищев-Кутузов во «всепопданнейшем донесении» Николаю I лаконично сообщал: «Экзекуция кончилась с должной тишиной и порядком как со стороны бывших в строю войск так и со стороны зрителей, которых было немного. По неопытности наших палачей и неумению устраивать виселицы при первом разе трое, а именно Рылеев, Каховский и Муравьев – сорвались, но вскоре были опять повешены и получили заслуженную смерть».

Осуждённые по первому разряду (Никита Муравьев, Сергей Трубецкой, Иван Пущин, Евгений Оболенский, Вильгельм Кюхельбекер и др.) были приговорены к каторжным работам. На разные сроки каторги осудили около 100 обвиняемых; 9 офицеров были разжалованы в рядовые. Будущих каторжан выстроили во дворе крепости, лишили дворянства и чинов, сожгли в кострах сорванные с них мундиры, сломали над их головами шпаги. Такой же унижительной процедуре подвергли моря-

ков на флагманском корабле в Кронштадте, их эполеты и мундиры бросили за борт.

Тяжёлая участь ждала и других осуждённых, но на самое бесчеловечное наказание обрekli солдат: 178 человек прогнали через тысячный строй со шпирутенами от 1 до 12 раз (что по сути дела равнялось смертной казни), многих избили палками и розгами. Немалое число солдат попали в действующую армию на Кавказ.

В июле 1826 г. осуждённых начали отправлять на каторгу в Сибирь. Один день надежды был оплачен десятилетиями страданий...

Декабристы и их жёны в ссылке

14 декабря 1825 г. в столице Российской империи произошло вооружённое восстание с целью свержения самодержавия и изменения государственного строя. Вскоре второе восстание вспыхнуло на юге России. Оба выступления были подавлены картечью, а их участники, декабристы (из Северного и Южного тайных обществ), отправились в ссылку, на каторгу и вечное поселение в Сибирь.

По истечении сроков каторги освобождёвшимся декабристам предстояло остаться в Сибири на поселении или (на выбор) отправиться рядовыми на войну с кавказскими горцами.

В Сибирь кроме 99 приговорённых попали некоторые члены Общества соединённых славян – участники восстания, которые были осуждены военным трибуналом в Могилёве, а также те, кого даже не судили. Общее количество сосланных превышало 120 человек.

Кандалный тракт

17 июля 1826 г. начальник Главного штаба И.И. Дибич разработал секретную директиву, в которой по повелению государя подробно определил порядок «рассылки по назначению» осуждённых декабристов. Особо опасных для трона преступников предполагалось везти по «кандалному тракту» от Петербурга до Иркутска через Ярославль, Вятку, Пермь, Екатеринбург, Томск, Красноярск. Следующие с ними жандармы и фельдъегери должны были соблюдать всевозможные предосторожности. Арестантов заковали в «железа», переодели в серые куртки и штаны грубого солдатского сукна.

21 июля 1826 г. на четырёх телегах в сопровождении фельдъегеря и четырёх жандармов в Сибирь отправилась первая партия ссыльных: В.Л. Давыдов, А.З. Муравьёв, Е.П. Оболенский, А.И. Якубович. 23 июля со второй партией по этапу уехали С.Г. Волконский, С.П. Трубецкой,

братья Борисовы. До 4 августа увезли ещё 19 декабристов, затем высылка временно прекратилась – не хватало сопровождающих, а гнать декабристов с колоннами других каторжников правительство боялось. Три месяца добирались до своих «каторжных нор» первые сосланные декабристы. В конце октября 1826 г. они были доставлены на Благодатский рудник.

Декабрист М.А. Бестужев вспоминал, в каких тяжёлых условиях везли в Читинский острог его брата Н.А. Бестужева, И.И. Горбачевского, А.П. Барятинского и его самого: «Фельдъегерь, вёзший нас (Чернов), был существо гнусное, который из корыстолюбия, чтоб не отдавать прогонов (дорожных денег), где их у него требовали или где он подозревал, что их потребуют, загонял лошадей, а... загнать курьерских лошадей нелегко, и для этого он гнал и в хвост, и в голову, и часто наша жизнь висела на волоске... Кормил он нас одним молоком и простоквашей, нигде не останавливался для отдыха, так что мы, наконец, потребовали от него, чтобы он нам показал инструкцию, и ежели в ней нет ему положительного приказа убить нас, то мы будем на него жаловаться в первом городе. Он присмирел, дал нам временный отдых, тем более что у некоторых из нас, особенно у меня, не имеющего и доселе способности спать дорогой, начали показываться признаки белой горячки. Но его кротость продолжалась недолго: снова он начал неистовствовать и трижды чуть не раздробил нас вдребезги.

Не доезжая до Тобольска, не помню в каком городе, нас ожидал сенатор Куракин, имевший, по его словам, приятное поручение узнать о наших нуждах, не имеем ли жалоб... Когда мы объявили, что ни в чём не нуждаемся, ни на кого не жалуемся, ничего не хотим просить у него, я объявил просто, без жалобы, что кузнец в Шлиссельбурге второпях заковал мои ноги вперевёрт, что железа растёрли мне ноги и я не могу ходить.

– Чего же вы хотите? – спросил он с удивлением.

– Как чего, ваше сиятельство? Чтобы вы приказали меня заковать как следует: это должен бы сделать наш фельдъегерь, но он не хотел.

– Извините, я этого сделать не могу, – ответил он, вежливо кланяясь».

Большая часть ссыльнокаторжных (около 70 человек) были собраны в Читинском остроге. Другие декабристы оказались на Зерентуйском руднике. Условия работы на всех рудниках были тяжёлыми, особенно досаждали оковы (их сняли только в 1829 г.). Кормили каторжников скверно, в каземате приходилось спать «в три этажа», донимали насеко-

мые. Но сильнее всего страдали бывшие заговорщики – офицеры, дворяне, образованные люди – от оскорблений и унижений, чинимых комендантом и охраной.

Жёны декабристов

За осуждёнными декабристами последовали в Сибирь их отважные жёны, невесты, матери, сестры. Они шли на добровольное изгнание, несмотря на слёзы родственников, многочисленные препятствия, противодействие властей.

Дамы, принадлежавшие к благородному сословию, получившие нередко аристократическое воспитание, вечно окружённые многочисленной прислугой, бросили уютные усадьбы ради того, чтобы жить рядом с близкими им людьми, невзирая на любые лишения, как простолюдинки. На протяжении полутора столетий Россия хранит светлую память о них.

Женщинами-декабристками двигала не только любовь к мужьям, братьям, сыновьям, но и высокое сознание общественного долга, представление о чести. Выдающийся врач-терапевт Н.А. Белоголовый, воспитанник декабристов, говорил о них как о «высоких и цельных по своей нравственной силе типах русских женщин». Он видел в них «классические образцы самоотверженной любви, самопожертвования и необычайной энергии, образцы, какими вправе гордиться страна, вырастившая их».

Однако мало было решиться навсегда уехать за близкими в Сибирь – женщинам приходилось долго и упорно добиваться у царя разрешения на отъезд. Николай I опасался общественного резонанса, вызванного героизмом родовитых дворянок. Царь полагал, что это возбудит «слишком много участия» к сосланным. Выезжающие в Сибирь супруги декабристов были обязаны подписать документ, в котором говорилось, что они превращаются в жён ссыльнокаторжных с потерей всех дворянских прав и привилегий. «Дети, которые приживутся (родятся) в Сибири, поступят в казённые заводские крестьяне», – гласила подписка. Детей, родившихся до восстания, брать с собой не разрешалось. Но и эти зловещие предостережения не остановили женщин. Доброжелателям, изумлённым стремлением М.Н. Волконской последовать за мужем в каторжные места, она отвечала: «Что же тут удивительного? Пять тысяч женщин каждый год делают добровольно то же самое». Она имела в виду жён крестьян и рабочих, сосланных в Сибирь.

Е.И. Трубецкой первой из 19 героических женщин-декабристок удалось получить разрешение выехать в Сибирь. Она добралась до Иркутска в начале сентября 1826 г. и пробыла там почти пять месяцев.

Гражданский губернатор Цейдлер в соответствии с инструкцией из столицы изъял у неё все деньги и драгоценности, а за дорогу до Благодатского рудника, где находился Сергей Трубецкой, нужно было платить из собственных средств. Екатерина Ивановна выехала из Иркутска 20 января 1827 г., а в ночь на 21 января на той же квартире остановилась княгиня Волконская (ей удалось в затейливой причёске спрятать 700 рублей ассигнациями). 28 января в Иркутск прибыла жена «неистового Никиты» – А.Г. Муравьёва. Женщины встретились. Муравьёва везла всем каторжным декабристам пушкинское стихотворение «Во глубине Сибирских руд...», а лицейскому другу поэта И.И. Пущину – стихи «Мой первый друг, мой друг бесценный!..». Муравьёва переписала послания А.С. Пушкина на носовой платок, выучила их наизусть. Она же рассказала, что поэт с грустью говорил ей: «Я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в своё общество: я не стоил этой чести». Спустя несколько дней верные жёны встретились с мужьями.

За ними прибыли на каторгу А.И. Давыдова, Н.Д. Фонвизина, Е.П. Нарышкина, А.В. Ентальцева (Читинский острог), М.К. Юшневская, А.В. Розен (Петровский Завод). Кроме жён декабристов пожелали стать изгнанницами и другие женщины: в 1838 г. в Селенгинске обосновались мать и сестра декабриста К.П. Торсона; в 1847 г. – немолодые уже сестры ссыльных Бестужевых Елена, Ольга, Мария. Их мать, не получив царского дозволения на переезд с дочерьми, от горя скончалась. П.М. Муравьёва приехала к мужу в Верхнеудинск со своими сестрами – княжнами Шаховскими (Варвара была невестой декабриста П.А. Муханова, а Марфа стала второй женой А.Н. Муравьёва после смерти старшей сестры). Огромные сложности на пути к своим женихам преодолели француженки П. Гебль (в замужестве П.Е. Анненкова) и К. Ле-Дантю (после венчания К.П. Ивашёва).

В поэме Некрасова «Русские женщины» в уста Марии Волконской вложены такие слова:

Теперь перед нами дорога добра,
Дорога избранников Бога!
Найдем мы униженных, скорбных мужей.
Но будем мы им утешеньем,
Мы кротостью нашей смягчим палачей,
Страданье осилим терпеньем.

Опорою гибнущим, слабым, больным
Мы будем в тюрьме ненавистной
И рук не положим, пока не свершим
Обета любви бескорыстной!
Чиста наша жертва – мы всё отдаём
Избранникам нашим и Богу.
И верю я: мы невредимо пройдем
Всю трудную нашу дорогу...

Декабристки старались скрасить тяжкую жизнь всем обитателям острогов, были им утешением, брали на себя труд писать сотни писем от имени лишённых права переписки арестантов, через родных выписывали в столицах необходимую литературу, врачевали раны от кандалов. Женщины образовали небольшую колонию. «Всё было общее – печали и радости, всё разделялось, во всём друг другу сочувствовали. Всех связывала тесная дружба, а дружба помогала переносить неприятности и заставляла забывать многое», – писала впоследствии Анненкова. Особенно много внимания уделяли они тем, чьи жёны так и не смогли добиться разрешения на переезд в Сибирь или отреклись от ссыльных.

К Артамону Муравьёву рвалась его супруга, но из-за болезни не была отпущена. Она тосковала, все стены её комнаты были увешаны картинами с изображениями темниц, узников, истязаний.

Ссыльные, поддерживаемые «секретными барынями» (так звали декабристок в народе), испытывали чувство внутренней свободы. И это несмотря на каторжные работы и нищенский быт. Они жили сознанием величия дела, за которое пошли на жертвы, стремились к новым знаниям. В Читинском остроге декабристы устроили «каторжную академию», в которой учились друг у друга: лекции по военной истории и стратегии читал Н.М. Муравьёв; математике обучали И.И. Горбачевский, Н.В. Басаргин, П.С. Бобрищев-Пушкин; физике, химии и анатомии – доктор Ф.Б. Вольф; астрономии – Ф.Ф. Вадковский; занятия по истории русской литературы проводил поэт А.И. Одоевский; по философии – Е.П. Оболенский; по русской истории – А.О. Корнилович и П.А. Муханов. В казематах была коллективная библиотека. Желаящие изучали иностранные языки. Уже тогда умственная работа стала законом жизни ссыльных, они пытались продолжать научные изыскания.

Постепенно декабристы налаживали свой быт: для неимущих выделялись средства из общей казны, распределялись обязанности по обслуживанию общих нужд. Наивысшего расцвета эти начинания достигли в Петровском Заводе, куда в 1830 г. перевели большую часть ссыль-

ных. Им несколько улучшили условия жизни: сняли оковы, разрешили жёнам (бездетным) жить в каземате, позволили отдыхать от работы на руднике. Но и здесь приходилось терпеть лишения, бороться за улучшение положения. Муравьёва так писала отцу о каземате для 100 заключённых в Петровском Заводе: «Во-первых, тюрьма выстроена на болоте, во-вторых, здание не успело просохнуть, в-третьих, хотя печь и топят два раза в день, но она не даёт тепла; и это в сентябре. В-четвёртых, здесь темно: искусственный свет необходим днём и ночью; за отсутствием окон нельзя проветривать комнаты». Это и другие сообщения декабристских жён, хотя и задерживались властями, но всё-таки попадали в столицу и вызывали возмущение. Император велел исправить тюремное строение – в нём прорубили небольшие окна под потолком. Узники сколотили подставки под ними и могли читать при дневном свете.

Кружки, библиотеки, артели

В Петровском Заводе, где из двух с небольшим тысяч жителей три четверти составляли каторжники, сосланные за особо тяжкие преступления, поротые и клеймённые, сотня образованных людей начала новую эпоху. Продолжались занятия науками в кружках по интересам. Работал, например, кружок «Конгрегация» во главе с умным и прекрасно образованным Бобрищевым-Пушкиным. Его участники, среди которых была прелестная Фонвизина, увлекавшаяся богословием, обсуждали религиозно-нравственные проблемы. В библиотеке декабристов имелось более 6 тыс. томов. Выписывали 22 периодических издания. Для декабристов это было необходимо: они не только светло и печально отмечали ежегодно 14 декабря, но и стремились осмыслить восстание, его последствия. В память о Сергее Муравьёве-Апостоле, который завещал запечатлеть историю восстания, обитатели Завода решили написать воспоминания. Мемуары многих декабристов читатели так и не увидели, но сочинения Завалишина, Горбачевского, Пущина, Бестужевых и других авторов хорошо известны. Они представили свою, декабристскую, трактовку этого великого исторического события.

Вместе с тем декабристы изучали историю края. В их библиотеке было большое собрание атласов и географических карт.

В Петровском Заводе сформировалась Большая артель, которая заботилась о содержании и пропитании узников. Артельщики покупали скот и откармливали его, шили одежду и сапоги, открыли свою аптеку и цирюльню. Провожая товарищей на поселение, выдавали денежное пособие тем, кто не имел богатых родственников. Помогали рабочим Заво-

да деньгами и одеждой, научили местных жителей разводить огороды. Большая артель жила по Уставу из 13 разрядов и 106 параграфов. Её возглавлял избравшийся на определённый срок «хозяин» – главный артельный распорядитель. Каждый вносил свой вклад в общее дело: Бестужевы шили фуражки, Артамон Муравьёв был токарем, Трубецкой лучше других штопал чулки, Оболенский кроил одежду. В «соревновании» огородников лучшим оказался Раевский, который едва ли не первым в Прибайкалье вырастил на своём огороде арбузы. Эти князья и графы, ранее никогда не занимавшиеся физическим трудом, превратились в превосходных мастеров. Самые состоятельные из них, например Волконский, Трубецкой, Никита Муравьёв, добровольно вносили в фонд артели по 1–3 тыс. рублей в год, не ожидая благодарности, – так они понимали свой товарищеский долг. Полученная в артели закалка помогла многим декабристам на поселении. Находясь тогда вдалеке друг от друга, они уже умели в одиночку «держат оборону» от нужды и невзгод.

Путь просвещения

Декабристы не замыкались в своём кругу, тесно общались с местным населением. Они открывали школы для детей, куда стремились и взрослые (даже женатые). В их домах воспитывались сироты и дети из совсем бедных семей. Декабрист В.Ф. Раевский в одном из писем заметил: «Чтобы исправить, спасти народ, необходима повсеместная обязательная грамотность». Так думали все декабристы в Сибири. Многие из них, создавая библиотеки и музеи, готовили своих школьных учеников к поступлению в высшие учебные заведения, к государственной службе. Декабристки на поселении открывали даже музыкальные школы. Превосходным врачом был Вольф, ему помогал Артамон Муравьёв, немного знавший тибетскую медицину. О больных заботились также жёны и сестры декабристов: приносили им лекарства и продукты.

Власти запрещали декабристам писать портреты своих товарищей (равно как и другим художникам – портреты декабристов). Это не остановило необычайно одарённого Н.А. Бестужева. Он создал целую галерею превосходных портретов-миниатюр декабристов и их жён. Ему прочили всероссийскую славу как литератору и учёному, а он, кроме того, преуспел в столярном и токарном деле, стал часовых и оружейных дел мастером, даже изобретателем (придумал новый ружейный замок). Всеми, что делал этот необыкновенный человек, окружающие давали самую высокую оценку.

И.Д. Якушкин не только «затеял» в Ялуторовске школу, прославившую декабристскую педагогику, но и сам с товарищами писал учебные пособия, разработал методики преподавания, обучал детей латинскому и греческому языкам. Горбачевский перевёл для учеников некоторые произведения Руссо и Вольтера, «Орлеанскую деву» Шиллера. В школе, открытой им в Петровском Заводе, он преподавал алгебру, учредил общественную библиотеку из книг, оставленных ему отъезжающими на поселение товарищами. Он же устроил потребительскую кооперацию для бедных.

Дочь енисейского исправника М.Д. Францева вспоминала: «Декабристы в тех местностях Сибири, где они жили, приобретали необыкновенную любовь народа. Они имели громадное влияние на сибиряков: их прямота, всегдашняя со всеми учтивость, простота в обращении и вместе с тем возвышенность чувств ставили их выше всех, а между тем они были доступны каждому». Известный современный специалист по истории культуры России того времени Ю.М. Лотман писал, что «декабристы проявили значительную творческую энергию в создании особого типа русского человека, по своему поведению резко отличавшегося от того, что знала вся предшествовавшая русская история. В этом смысле они выступили как подлинные новаторы, и, быть может, именно эта сторона их деятельности оставила наиболее глубокий след в русской культуре».

Освобождение

Тридцать лет отдали декабристы подневольной жизни. В дни коронации Александра II (1856 г.) была объявлена амнистия ветеранам революционного движения. Из 34 живших в Сибири декабристов в Европейскую Россию осенью 1856 – весной 1857 г. вернулись немногие: Волконский, Трубецкой, Пущин, Басаргин, Якушкин, М. Муравьев-Апостол, Оболенский, Батеньков, Штейнгель. Остальные ссыльные к тому времени умерли или решили остаться на поселении. «Появление в центре России этой в сущности горстки старых, измученных невзгодами, но полных духовных сил и нравственного обаяния людей стало событием крупного политического значения», – пишут современные исследователи. Декабристы участвовали в общественной жизни и подготовке реформ, выступали с политическими докладами. Лев Толстой, видевший этих «проживших на каторге и в изгнании духовной жизнью... бодрых, умных, радостных» стариков, писал, что «счастье было не в Сибири и не в Петербурге, а в духе людей и что каторга и ссылка, неволя

было счастье, а генеральство, и богатство, и свобода были великие бедствия...».

Тяжёлая жизнь изгнанников, оторванных от родных мест, детей, родителей и друзей, ранние смерти, потери близких, предательство, нездоровье, а нередко и безумие, – ничто не смогло убить в декабристах сильного духа и благородства. Они жили по правилам своей этики: «Призваны словом и примером служить делу, которому себя посвятили». Поэтому вот уже почти 200 лет образы декабристов так притягательны для образованных людей России. Их историей занимались А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, Н.А. Некрасов. «Первенцам свободы» посвящены оперы, картины, фильмы, тысячи и тысячи книг и статей.

Против самовластия.

Кондратий Рылеев, Никита Муравьёв, Павел Пестель

Почти два века дело декабристов, их образы вызывают огромный интерес, о них написано более 15 тыс. научных и множество художественных произведений. «Бунт образованных людей», нравственный подвиг дворян-революционеров, восставших против тирании, десятилетие за десятилетием оставались близки сердцам просвещённых людей.

«Первенцы свободы» представляли собой небольшую часть дворянской интеллигенции. «Рождённые в среде палачества и раболепия», по выражению А.И. Герцена, эти люди возвысились над интересами своего сословия во имя благородных целей: свержения самодержавия и уничтожения крепостничества в России. Они заявляли: «Не для наград, не для приобретения почестей хотим мы освобождения России, сражаться до последней капли крови: вот наша награда». Это вызывало удивление и негодование основной массы дворянства. Член Государственного совета граф Ф.В. Ростопчин иронизировал: «Во Франции сапожники и тряпичники хотели сделаться графами и князьями, а у нас же графы и князья хотели сделаться сапожниками и тряпичниками».

Декабристы пользовались репутацией образованнейших людей своего времени. Они увлекались политическими науками, экономикой, юриспруденцией, историей, литературой, искусством. Многим из них прочили блестящее будущее государственных и военных деятелей, учёных, писателей.

Благородство помыслов и дел, настоящее рыцарство, чувство товарищества и братства объединяли декабристов очень разных по положению в обществе, интересам, личным качествам, в фалангу героев. Судь-

бы декабристов стали для многих их современников и потомков критерием высокой нравственной силы, примером для подражания.

Ореолом мучеников за свободу окружены трагические фигуры пятерых декабристов, жизненный путь которых завершила виселица у Петропавловской крепости. Руководители тайных обществ, авторы политических документов, активные организаторы и участники восстания – за свои идеалы они положили жизнь.

Мария Волконская (супруга одного из декабристов) в своих воспоминаниях заметила: «Если даже смотреть на убеждения декабристов, как на безумие и политический бред, всё же справедливость требует признать, что тот, кто жертвует жизнью за свои убеждения, не может не заслуживать уважения соотечественников. Кто кладёт голову свою на плаху за свои убеждения, тот истинно любит отечество, хотя, может быть, и преждевременно затеял дело своё».

«Главнейший виновник возмущения».

Кондратий Фёдорович Рылеев (1795-1826)

Почти все декабристы, знавшие К.Ф. Рылеева, преклонялись перед памятью мятежного поэта, посвящали ему страницы своих воспоминаний, стихи, называли в его честь сыновей. Его именовали «великим гражданином» и «пророком».

Будущий поэт-заговорщик родился в семье небогатого и незнатного помещика, образование получил в Первом кадетском корпусе, откуда был выпущен в 1814 г. прапорщиком в артиллерию и направлен в действующую армию. Участвовал в Заграничном походе, побывал в Швейцарии, Франции, Германии и Польше. В 1815–1818 гг. служил в России, вышел в отставку в чине подпоручика.

В начале 1819 г. Кондратий Рылеев с молодой женой поселился в Петербурге. Там он начал публиковать первые стихотворения, посвященные войне 1812 года. В 1820 г. появилась в печати его сатира «К временщику», в которой обличался А.А. Аракчеев. Вся Россия повторила заключительные строки стихотворения:

Всё трепещи, тиран!

За зло и вероломство

Тебе свой приговор

Произнесёт потомство!

Рылеев близко сошёлся с Грибоедовым и Пушкиным, ценившими его поэзию. Оба бывали на рылеевских «русских завтраках» – около двух-трёх часов дня в доме Рылеева собирались знакомые. Там подавали

«графин очищенного вина (водку), несколько кочней кислой капусты и ржаной хлеб». Поэт читал элегии из своего исторического цикла «Думы», навеянного «Историей государства Российского» Н.М. Карамзина, – о Вещем Олеге, Андрее Курбском, Иване Сусанине, Наталье Долгоруковой. Многие вспоминали потом, как Рылеев «воспламенял всех своим поэтическим воображением». Пушкин был высокого мнения о его литературных опытах, особенно о поэмах «Войнаровский» и «Наливайко» (посвященных ярким личностям казаков-бунтарей). В поэмах содержалось немало характерных для русского гражданского романтизма политических ассоциаций. Пророческими для автора оказались строки его «Исповеди Наливайки»:

*..Известно мне: погибель ждёт
Того, кто первый восстаёт
На утешителей народа, –
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной, –
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю.*

В 1821 г. Рылеев был избран от столичного дворянства заседателем Петербургской судебной палаты. Он заслужил популярность как дельный чиновник и поборник справедливости. «Сострадание к человечеству, нелицеприятие, неутомимое защищение истины сделало его известным в столице. Между простым народом имя и честность его вошли в пословицу», – вспоминал декабрист Н.А. Бестужев.

В 1823 г. по рекомендации декабриста И.И. Пущина Кондратий Фёдорович стал членом Северного общества, почти сразу заняв в нём руководящее положение. Он принадлежал к радикальному крылу декабристов, был сторонником учреждения в России республиканского правления, разделял в этом идеи одного из вождей восстания – П.И. Пестеля.

Рылеев сыграл решающую роль в подготовке восстания 14 декабря на Сенатской площади как его инициатор и организатор. Накануне выступления в его квартире проходили заседания северян, где вырабатывались детали переворота. М.А. Бестужев вспоминал: «Как прекрасен в этот вечер был Рылеев! Он был нехорош собой, говорил просто, неглад-

ко; но когда он попадал на свою любимую тему – на любовь к Родине, – физиогномия его оживлялась, чёрные как смоль глаза озарялись неземным светом, речь текла плавно, как огненная лава...».

14 декабря 1825 г. больной Рылеев пришёл на площадь перед сенатом, узнал о провале плана выступления, тщетно искал устранившегося от дел диктатора восстания С.П. Трубецкого. Увидев Николая Бестужева, приведшего на площадь Морской гвардейский экипаж, Кондратий Фёдорович сказал ему: «Предсказание наше сбывается, последние минуты наши близки, но это минуты нашей свободы: мы дышали ею, и я охотно отдаю за них жизнь свою». Потом Рылеев покинул площадь. В семь часов вечера у него собрались товарищи, обсуждали причины поражения, договаривались о тактике поведения на допросах, прощались. Рылеев поручил декабристу Н. Оржицкому предупредить членов Южного общества о неудаче северян, «измене Трубецкого и Якубовича». Рылееву удалось передать захвавшему к нему писателю Ф.В. Булгарину рукописи литературных сочинений (впоследствии тот передал их историку и издателю Семеvскому). Поздним вечером Кондратия Фёдоровича арестовали и препроводили на допрос к императору. В полночь поэта с запиской Николая I отправили в Петропавловскую крепость. Царь велел не связывать подсудимому руки и дать ему бумагу для письма.

На следствии Рылеев был довольно откровенен. Известие о предстоящей казни встретил мужественно: он сам признавал себя «главнейшим виновником возмущения». Исповедовавший смертников духовник протоиерей П.Н. Мысловский вышел из его камеры в слезах, а позже говорил о Кондратий Фёдоровиче: «Истинный христианин и думал, что делает добро, и готов был душу положить за други своя».

К.Ф. Рылеев был казнён 13 июля 1826 г. вместе с Пестелем, Каховским, С. Муравьёвым-Апостолом и М. Бестужевым-Рюминым.

«Неистовый Никита». Никита Михайлович Муравьёв

Н.М. Муравьёв был одним из самых блестящих представителей дворянской интеллигенции своего времени. Однако жизнь привела его не в академию и не в кабинет учёного. Он руководил тайными организациями декабристов, вынес тяжкие испытания каторжной Сибири.

Судьба как будто готовила ему прекрасное будущее: семейное счастье, возможность заниматься любимой наукой, материальное благополучие. Его отец был сенатором, товарищем (заместителем) министра просвещения, писателем, попечителем Московского университета, воспитателем великих князей Александра и Константина. Никита Муравьёв

получил превосходное образование: сначала их с братом Александром, тоже будущим декабристом, учили дома, потом в Московском университете. Никита Михайлович с детства серьёзно увлекался русской и зарубежной историей, хорошо знал французскую просветительскую литературу, разбирался в проблемах права. В 16 лет пытался бежать на войну – сражаться против Наполеона, но его задержали в подмосковной деревне и возвратили домой. В 1812г. Муравьёв окончил университет и начал службу в Министерстве юстиции.

В 1813 г. он попал на войну – состоял при генерале Бенningсене порученцем. За участие в Заграничном походе 1813–1814 гг. Муравьёв получил ордена Святой Анны 4-й степени и Святого Владимира 4-й степени. До ноября 1815 г. он оставался в Вене. С августа 1824 г. Муравьёв служил в Генеральном штабе.

После возвращения на родину молодой офицер увлёкся военной историей, в 20-летнем возрасте подготовил записку «Некоторые мысли о воспитании и словесности», в которой предлагал издать «Сокращённую русскую историю, заключающую в себе главные черты добродетели и геройства». Тогда же он опубликовал содержательное «Рассуждение о жизнеописаниях Суворова». сетовал на то, что «муза истории дремлет у нас в России».

Никита Михайлович был одним из основателей тайных обществ – Союза спасения и Союза благоденствия. Занимаясь политической деятельностью, он не оставлял изысканий в области истории. В начале 1818 г. вышли в свет первые восемь томов «Истории государства Российского» Карамзина. Муравьёв высоко оценил «великость труда» и талант историка, но возражал против политических принципов Карамзина, утверждавшего: «История народа принадлежит царю». «История принадлежит народам. В ней находят они верное изображение своих добродетелей и пороков, начала могущества, причины благоденствия или бедствий», – писал будущий декабрист.

Среди его бумаг при обыске были обнаружены многочисленные заметки на французском и латинском языках о древних славянах, античной истории, различных исторических сюжетах. Научные изыскания не только не отрывали Муравьёва от работы в декабристских организациях, но и способствовали осознанию традиций вольности в России. Так, Никита Михайлович, как и другие декабристы, чрезвычайно интересовался Новгородской вечевой республикой. Изучение её истории помогло Муравьёву в подготовке «Любопытного разговора» (1822 г.) – текста в виде вопросов и ответов, предназначенного для агитации среди солдат. В нём

излагались основные идеи декабристов о свободе и борьбе с насилием. «Разговор» содержал призыв к возрождению на Руси вечевого строя.

В 1822 г. Муравьёв возглавил Северное общество, продолжил подготовку проекта «Конституции», начатую год назад. Он рассматривал «Конституцию» как главный труд своей жизни. Слушая критику и читая письменные замечания к проекту, он совершенствовал своё детище. Муравьёв был сторонником ограниченной монархии, федерального устройства послереволюционной России, отмены крепостного права.

Никита Михайлович – более умеренный политик, чем Рылеев, Пестель или Каховский. Он полагал, что для введения конституционного строя необходимо свержение самовластия при участии армии, но выступал против цареубийства, спорил с Пестелем о целесообразности уничтожения царской семьи, доказывал, что «люди, обагрённые кровью, будут посрамлены в общем мнении». Но, несмотря на это, Муравьёв участвовал в переговорах с весьма радикально настроенными членами Южного общества о совместной деятельности и даже склонялся к тому, чтобы принять идею республиканского правления.

В 1825 г. он был произведён в капитаны, часто уезжал из столицы. Северное общество становилось всё более радикальным, и Муравьёв начал отдаляться от него. Накануне и в день восстания Никита Михайлович находился в отъезде.

Его искали, сообщали приметы: «Лицо смугловатое, глаза карие, нос большой, продолговатый, волосы на голове... чёрные с сединой, на шее подле подбородка от золотухи несколько шрамов». Арестовали Муравьёва 20 декабря в имении тестя Г.И. Чернышёва – селе Тагине Орловской губернии.

Следственный комитет отнёс Никиту Михайловича к первому разряду «злумышленников». В каземате он продолжал работать и за несколько дней до оглашения приговора представил следствию «Историческое обозрение хода общества», где первым из декабристов попытался проанализировать развитие тайных революционных организаций в России.

10 декабря 1826 г. Никита вместе с братом Александром, И.А. Анненковым и К.П. Торсоном был отправлен в Сибирь, куда осуждённые добирались почти месяц. 28 января 1827 г. началась каторга Муравьёва в Читинском остроге. Через неделю к нему приехала жена Александра Григорьевна).

В 1830 г. декабристов перевели в Петровский Завод. Никита Михайлович, человек широких, разнообразных интересов, и в Сибири мно-

го читал (мать постепенно переправила туда большую часть его прекрасной библиотеки), изучал развитие общественной мысли России и Европы, осмысливал историю декабристского движения. Вместе с двоюродным братом М.С. Луниным написал аналитический обзор правительственной версии событий 14 декабря. В противовес официальному толкованию авторы изложили идейную платформу декабризма, восстановили истинную картину событий, связанных с выступлением декабристов. В 1859 г. А.И. Герцен опубликовал это сочинение в «Полярной звезде».

В Сибири Муравьёв перенёс множество несчастий. Самое тяжёлое – потеря в 1832 г. обожаемой жены, ещё совсем молодой, горячо любимой всеми ссыльными. Их маленькая дочь Софья осталась без матери в трёхлетнем возрасте. Она стала единственным утешением отца. Мария Волконская вспоминала: «Никита Муравьёв проводил время в занятиях и чтении... воспитание дочери было его самым любимым занятием».

В 1835 г. братьев Муравьёвых, Лунина и доктора Вольфа отправили на жительство в село Урик Иркутской губернии. Никита Муравьёв, терзаемый болезнями и тоской по жене, тем не менее продолжал исторические изыскания, подготовил оригинальный проект судоходства по многочисленным рекам и озёрам Сибири.

Дочь радовала его успехами в учёбе. В 1842 г. император разрешил детям декабристов-поселенцев поступать в казённые учебные заведения при условии отказа их от фамилии родителей. Никита Муравьёв, как и Волконский с Трубецким, не принял этой «милости».

В 1843 г. Никита Михайлович умер. Похоронили его в селе Урик.

«Он был один из замечательнейших людей».

Павел Иванович Пестель

Павел Иванович Пестель был сыном известного государственного деятеля, который при Павле I занимал посты московского и петербургского почт-директора и президента Главного почтового правления, при Александре I заседал в сенате, исполнял обязанности генерал-губернатора Западной Сибири. Будущий декабрист получил блестящее образование: до 12 лет он обучался дома, затем два года – в Дрездене, а завершил учёбу в Пажеском корпусе, откуда был выпущен прапорщиком. За отличные успехи его имя занесли на мраморную доску корпуса (после событий 1825 г. доску уничтожили). Ещё в детские годы Павел Пестель имел склонность к общественно-политическим наукам.

Павел Иванович участвовал в Отечественной войне 1812 года и Заграничном походе русской армии. За храбрость, проявленную в Бородинском сражении, его наградили золотой шпагой. 19-летний офицер был ранен, но продолжил службу адъютантом фельдмаршала П.Х. Витгенштейна и ещё не раз отличился в боях при Лейпциге, Барсюр-Об и Труа, имел высокие награды России, Австрии и Пруссии.

По возвращении в Россию из Заграничного похода Пестель служил в резервной армии у Витгенштейна в Митаве, поэтому в Петербурге бывал лишь наездами. В августе 1816 г., в один из таких визитов, его брат по масонской ложе «Избранный Михаил» М.Н. Новиков принял Пестеля в Союз спасения. Образовалось общество совсем недавно – в феврале того же года. Так Павел Пестель связал свою судьбу с будущими декабристами. И в Митаве, и позже на Украине он был активным членом Союза спасения и Союза благоденствия, организатором Тульчинской управы (органа управления тайного общества), основателем и главой Южного общества.

Республиканские убеждения Павла Ивановича нашли отражение в «Русской правде» – разработанной им конституции.

Декабристы уважали Пестеля «за необыкновенные способности», «честность, бескорыстие, равнодушие к материальным выгодам». В 1821 г. во время одной из служебных командировок Пестель встретился с Пушкиным. Поэт характеризовал его как человека «замечательного ума, образования... в сердце которого гнездились... пылкие и высокие чувства патриотизма». Пушкин записал в дневнике о Пестеле: «Умный человек во всём смысле этого слова... Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный... Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...».

Павел Иванович был талантливым командиром и воспитателем: переведённый в чине полковника в Вятский пехотный полк, находившийся в крайне расстроенном состоянии, он в течение года привёл его в образцовый порядок, за что в 1822 г. получил от Александра I благодарность и 3 тыс. десятин земли. Но почти все знавшие Пестеля отмечали наряду с холодным логическим умом, волей и смелостью надменную уверенность в правоте собственного суждения, непомерное честолюбие. «Его не любили, – писал М.П. Бестужев-Рюмин. – Чрезмерная недоверчивость его всех отталкивала».

Пестель принадлежал к числу самых решительных декабристов. Он последовательно выступал за цареубийство, считал ошибкой английской и французской революций сохранение жизни Стюартам и членам

династии Бурбонов, что привело к реставрации монархии в Англии и Франции. В 1823–1824 гг. П. Пестель много и плодотворно работал над планом военного государственного переворота, объединением всех декабристских организаций, устраивал обсуждения «Русской правды».

13 декабря 1825 г., за день до выступления на Сенатской площади, Пестель был арестован в Тульчине. Павла Ивановича выдал провокатор, его сослуживец капитан А.И. Майборода. Обыск в доме Пестеля и в полковом цейхгаузе не дал результатов – «ничего подозрительного не оказалось», так как подозреваемый «содержал себя в большой осторожности». Это соответствовало действительности: Пестель и его товарищи получили предупреждение о готовившемся аресте и сожгли все относившиеся к революционной деятельности бумаги, а текст «Русской правды» надёжно спрятали. Тем не менее Павла Ивановича взяли под стражу и препроводили в столицу.

На первых допросах он отрицал свою причастность к тайным обществам, но после того, как узнал о показаниях других арестованных против себя, стал подробно отвечать на вопросы следователей. Обнаруженная в дальнейшем «Русская правда» послужила дополнительным аргументом не в его пользу. В обвинительном акте имя Павла Ивановича Пестеля стоит на первом месте. В каземате Петропавловской крепости Павел Пестель не отступил от своих почти атеистических взглядов и не очень охотно беседовал с духовником Рейнботом (семья Пестелей придерживалась лютеранства).

13 июля 1826 г. Пестель был повешен вместе с Рылеевым, С. Муравьёвым-Апостолом, Каховским и Бестужевым-Рюминым.

«С умыслом на цареубийство...».

Пётр Григорьевич Каховский (1799–1826)

Пётр Григорьевич Каховский – одна из самых загадочных фигур в декабристском движении. С именем этого человека связаны таинственные истории, а полная научная биография ещё не написана из-за отсутствия документов о некоторых периодах и событиях его жизни. Мало информации дают и воспоминания других членов Северного общества, потом}' что Каховский вступил в него лишь в 1825 г. и был знаком немногим заговорщикам. Товарищи вспоминали Каховского как «обрёкшего самого себя на жертву», так как он вызвался на цареубийство.

Родился Пётр Григорьевич в 1799 г. в семье небогатого смоленского дворянина, получил образование в Благородном пансионе Московского университета. В детстве увлекался историей, жизнеописаниями

знаменитых людей. По окончании пансиона Каховского зачислили весной 1816 г. юнкером в лейб-гвардии Егерский полк, а спустя восемь с небольшим месяцев великий князь Константин Павлович разжаловал его, тогда 17-летнего юношу, в рядовые. Подлинные причины этой суровой акции неизвестны. Сохранилось туманное свидетельство о его провинностях: «шуме и разных неблагопристойностях в доме коллежской асессорши Вангерсгейм», «неплатеже денег в кондитерскую лавку и лености к службе». Последнее не кажется убедительным, потому что отправленный тут же на Кавказ Пётр Каховский через полгода получил юнкера за отличие в службе, ещё через год стал корнетом, а в 1819 г. его произвели в поручики.

Расстроенное здоровье вынудило Каховского выйти в отставку и лечиться дома, на Кавказе и в Дрездене. Несколько месяцев будущий декабрист провёл в Париже, откуда вернулся в Россию, посетив Швейцарию, Италию и Австрию. Позже, отвечая на вопросы Следственного комитета по делу декабристов, он писал: «Мысли формировались с летами; определительно я не могу сказать, когда понятия мои развернулись. С детства изучая историю греков и римлян, я был воспламенён героями древности. Недавние перевороты в правлениях Европы сильно на меня действовали. Наконец, чтение всего того, что было известным на свете по части политической, дало наклонность мыслям моим. Будучи в 1823 и 1824 гг. за границею, я имел много способов читать и учиться: уединение, наблюдение и книги были мои учителя».

Некоторые современники утверждали, что Каховский стал «злумышленником» из-за безответного чувства к некоей роковой женщине... На родине Пётр Григорьевич познакомился с Софьей Михайловной Салтыковой. Очень долго история их любви оставалась тайной для окружающих. Много десятилетий прошло, прежде чем учёные обнаружили письма Салтыковой к подруге с рассказом о том глубоком впечатлении, которое романтичный, умный и тонко чувствующий Каховский сразу же произвёл на девушку, об их взаимной любви. Он читал ей, чуть картавя, стихи, чаще всего – любимого Пушкина, с которым, по его рассказам, был знаком. Софья приняла предложение Каховского, но родственники её сочли небогатого и незнатного жениха недостойной партией. Каховский мучительно переживал отказ, замкнулся в себе. Известно, что в 1825 г. он собирался в Грецию, чтобы бороться за её освобождение из-под ига Турецкой империи.

Но судьба распорядилась иначе. Переехав в декабре 1824 г. в Петербург, Пётр Григорьевич встретился с членами Северного общества и

в начале 1825 г. по рекомендации К.Ф. Рылеева вступил в него. «Невзрачный с виду, с обыкновенным лицом и оттопыренной губой, придававшей ему вид дерзости», Каховский «показал себя образованнейшим человеком, вполне на уровне своего века». Несмотря на слабое здоровье, постоянную нужду и долги, он с головой погрузился в дела заговорщиков. Организовал ячейку северян в гренадерском полку, вовлёл в Общество несколько новых членов, участвовал в обсуждении планов переворота. На одном из заседаний Пётр Каховский сам вызвался убить царя. Впоследствии он писал: «Для блага общего я не видал преступления». В обвинительном заключении Следственного комитета отмечалось, что «по решительности... характера» Каховский «предназначался в случае переворота для нанесения удара императору». Действительно, в канун «возмущения 14 декабря» на квартире Рылеева он требовал самых решительных действий, в частности истребления всей царской семьи. Рылеев просил Каховского взять на себя эту миссию. Пётр Григорьевич потом вспоминал: «Рылеев, видя во мне страстную любовь к родине и свободе, пылкость и решительность характера, стал действовать так, чтобы приготовить меня быть кинжалом в руках его». Каховский, поддавшись уговорам Александра Бестужева, как будто решил не быть цареубийцей. Впрочем, он объяснял это и нежеланием упустить «возможность действовать на площади» (императора собирались убить в Зимнем дворце).

Утром 14 декабря 1825 г. Пётр Каховский «возмущал нижних чинов» гвардии Морского экипажа к восстанию, за что был арестован. Его освободили по приказу офицеров-заговорщиков. С Московским полком он пришёл на Сенатскую площадь и побуждал солдат не повиноваться царю-самозванцу. Когда к выстроеным в каре восставшим подъехал генерал-губернатор столицы граф М.А. Милорадович и стал уговаривать их образумиться, Каховский смертельно ранил боевого генерала выстрелом из пистолета. Следующей его жертвой стал командир лейб-гвардии Гренадерского полка Н.К. Стюрлер. Рассказывали, что после этого «злоумышленник» выбросил оружие со словами: «Уж будет с меня мясничать!». На допросах он не скрывал своего намерения убить императора, если бы тот появился рядом с восставшим полком. Пётр Каховский неоднократно подчёркивал, что в его мыслях и действиях отсутствовала личная корысть, он понимал «умерщвление тирана как акт высшей нравственности», ибо процветание России невозможно при сохранении монархии. Он готов был на любую жертву ради народного благоденствия.

Глубоко переживая трагический исход кровавых событий на Сенатской площади, Каховский долго бродил по городу, зашёл к Рылееву, подарил декабристу Штейнгелю свой кинжал. 15 декабря он был арестован, попал на допрос к Николаю I, довёл царя – «лицедея» до слёз страстными обвинениями в адрес власти, горькими и обидными истинами. 16 декабря его препроводили в Петропавловскую крепость с запиской самодержца, в которой коменданту велено было дать арестанту бумагу – «пусть пишет, что хочет». Видимо, под впечатлением встречи с царём, думая, что тот хочет понять действительные причины восстания, Каховский сделал признания, за которые потом нещадно себя корил: «Легко погибнуть самому, но быть причиной гибели других – мука нестерпимая». Император же, уверовав в силу собственного влияния на этого «врага трона», распорядился: «Каховского содержать лучше обыкновенного содержания, давать ему чай и прочее, что пожелает, но с должною осторожностью». Однако Каховский изменил тактику. С удивительной смелостью и дерзостью он писал царю и членам Следственного комитета «о недостатках русской жизни и мерах их исправления». Его послания содержали тонкий анализ российской политики, экономики и права. Поражают широта кругозора и возвышенный патриотизм их автора. Историки считают, что Каховский особенно силён был в юриспруденции, его предложения по реформированию судебного дела предвосхитили нововведения Александра II.

Залогом достойного будущего России Каховский, «согретый пламенной любовью к отечеству», считал патриотизм и свободу. Вот несколько его высказываний, сделанных накануне жестокого приговора: «Ум русский ясен, гибок и твёрд»; «Юноши, пламенея чистой, сильной любовью к благу отечества, к истинному просвещению, делаются мужами»; «Жить и умереть – для меня одно и то же. Мы все на земле не вечны; на престоле и в цепях смерть всё равно берёт свои жертвы. Человек с возвышенной душой живёт не роскошью, а мыслями — их отнять никто не в силах».

«Государственного преступника» Петра Григорьевича Каховского «с умыслом на цареубийство» вместе с П. Пестелем, К. Рылеевым, С. Муравьёвым-Апостолом и М. Бестужевым-Рюминым отнесли к особо опасным обвиняемым и приговорили к смертной казни. Одиноким, без свиданий и передач, хлопот близких, он встретил приговор мужественно. 13 июля 1826 г. Каховский шёл к эшафоту впереди своих товарищей. Все пятеро были повешены. Тайны сопровождали П.Г. Каховского в жизни, тайна коснулась и обстоятельств его смерти. Известно, что трое

из повешенных сорвались с виселицы, и их казнили второй раз, «удачно». Но нет точных фактов, находился ли Каховский среди этих троих. Некоторые очевидцы утверждали, что находился, и приписывали ему саркастические слова: «В России и повесить-то не умеют».

В российскую историю Пётр Григорьевич Каховский вошёл как отчаянно смелый и энергичный заговорщик, образованный человек, искренний патриот, готовый пожертвовать жизнью за свои идеалы.

Декабристы на Урале

Несмотря на противоречивые оценки событий декабря 1825 г. на Сенатской площади, жители Урала и Сибири хранят благодарную память о людях, выступивших против гнета самодержавия и крепостничества. Оказавшись в ссылке, они внесли огромный вклад в развитие дальних уголков российской провинции. Именно декабристы стали ядром возникших здесь «культурных гнезд», много сил, средств и времени они отдали просвещению местного населения.

«Это были люди, в которых не было ни капли ненависти, – одна любовь; люди, которые ничего не хотели для себя, – все для других; это были люди, в которых не было ни капли корысти, – одна жертва. И вот почему в наши времена вспоминать о декабристах благотворно»...

Дом-музей декабристов в Кургане

10 декабря 1975 года в Кургане открылся Дом-музей декабристов, филиал областного краеведческого музея. Это одно из немногих мест, куда стремятся туристы, горожане, историки-краеведы, творческая интеллигенция, Музей расположен в доме, где в 1833 – 1837 гг. жил декабрист М.М. Нарышкин со своей семьей.

В письме от 21 апреля 1833 г. Елизавета Петровна Нарышкина, жена М.М. Нарышкина, сообщает матери: «Мы решили купить дом, который, несмотря на то, что нуждается во многих исправлениях, нам подходит более всего... Мы имеем сад, необходимые постройки во дворе, место для огорода, и мы условились заплатить за дом пять тысяч шестьсот пятьдесят рублей.»

После реставрации дом сохранил не только внешний облик, но и внутреннюю планировку, архитектурно-декоративные элементы фасада и интерьеров комнат. Благодаря подробностям, изложенным в письмах, в музее с максимально возможной степенью достоверности были восстановлены интерьеры кабинета Михаила Михайловича, комнаты хозяйки, гостиной, столовой и библиотеки.

Знакомство с музеем начинается в столовой, где память о прошлом сохранили мебель и предметы быта: голландское столовое белье, переданное музею потомками хозяев дома, шкаф-горка, стол-сороконожка, стулья, посуда из серебра, фарфора российского и иностранного производства. Уникальная лампа из розового стекла и бронзы освещает комнату.

Один из залов музея освещает идеологию декабристского движения, восстание на Сенатской площади и последовавшие за ним события – годы каторги и заключения. Это иллюстрируют исторические документы, карты-схемы, картины и подлинные предметы XIX века. Здесь же представлены акварельные портреты женщин, последовавших за своими мужьями в Сибирь.

В Кургане с 1830 по 1857 гг. жили И.Ф. Фохт, В.Н. Лихарев, М.А. Назимов, А.Е. Розен, М.М. Нарышкин, Н.И. Лорер, А.В. Бригген, И.С. Повало-Швейковский, П.Н. Свистунов, Н.В. Басаргин, Ф.М. Башмаков, Д.А. Щепин-Ростовский, В.К. Кюхельбекер.

В музее представлены портреты декабристов, документы, отражающие основные события жизни декабристов на поселении. В витринах – вещи, принадлежавшие декабристам: набор для письма в футляре, курительная трубка из слоновой кости, саше для носовых платков, книги с автографами декабристов, костяной нож для разрезания бумаги, рисунки, среди которых – выполненные рукой Елизаветы Петровны и многое другое.

Всего в доме собрано более 1300 экспонатов, в числе которых гравюры, литографии с видами Москвы и Петербурга, военная форма русской армии времен Александра I и Николая I.

1837 год был поворотным для М. Нарышкина, А. Розена, М. Назимова, Н. Лорера, В. Лихарева, Царской милостью путь домой для них лежит через Кавказ, где искупив свою вину кровью, можно заслужить прощания.

В Кавказском зале представлены записки трех курганских декабристов – это воспоминания о прожитых годах.

Яркое представление о быте первой половины XIX века дают кабинет Михаила Михайловича и комната Елизаветы Петровны, где все пропитано атмосферой тепла и уюта.

Для этого времени характерно включение в интерьер мелких предметов и сувениров. На столах, тумбах, этажерках появляется большое количество так называемой изящной мелочи: часы, бюсты, статуэтки, акварельные портреты в настольных рамках. Наборы для рукоделия,

шкатулки, письменные принадлежности, веера, лорнеты, страусовые перья, пудреницы, мушечницы и другие предметы создают в Доме-музее декабристов впечатление подлинности обстановки того времени.

В конце 1825 года произошло первое открытое революционное выступление против царизма – восстание декабристов. Однако действия декабристов, дворянских революционеров, были отмечены печатью классовой ограниченности. Страшно далеки они от народа, подчеркивал В.И. Ленин. Но декабристы помогли разбудить народ. Декабристы остались верны своим идеям до конца жизни. В ссылке и на каторге они продолжали борьбу против самодержавия.

По указанию царизма Южное Зауралье было превращено в место политической ссылки. С Курганом связана жизнь и деятельность тринадцати декабристов: Н.В. Басаргин, Ф.М. Башмаков, А.Ф. Бригген, В.К. Кюхельбекер, В.Н. Лихарев, Н.И. Лорер, М.М. Нарышкин, М.А. Назимов, И.С. Повало-Швейковский, А.Е. Розен, П.Н. Свистунов, И.Ф. Фохт и Д.А. Щепин-Ростовский.

Декабристы отбывали ссылку в Кургане в разное время на протяжении 27 лет – с 1830 по 1857 год. Условия их жизни были крайне тяжелыми. Каждый шаг ссыльного находился под бдительным контролем царских чиновников. Запрещалось отлучаться из города. Переписка подвергалась цензуре. Надзор за ссыльными возглавлял сам царь Николай I.

Хорошо запомнили курганцы антиправительственные выступления бывшего полковника декабриста Ф.М. Башмакова, прожившего в нашем городе с 1838 по 1853 год. Во время воскресной обедни, когда дьякон прославлял царя и его семью, 78-летний Башмаков громко, на всю церковь, кричал: «Знаем мы этих благочестивейших!» и демонстративно уходил.

Тяжела была участь Вильгельма Карловича Кюхельбекера. Поэта поселили в Смолинской слободе, близ Кургана. Здесь он прожил 11 месяцев (1845–1846 годы). Ему было запрещено встречаться с товарищами. От горя и лишений поэт почти ослеп, но это не помешало ему продолжать заниматься литературой. В Смолинской слободе он написал свои лучшие стихотворения: «Марии Николаевне Волконской», «Участь русских поэтов», «Курганиада» и другие.

Особой популярностью среди ссыльных декабристов пользовался Михаил Александрович Назимов, который жил в Кургане с 1830 по 1837 год. В кругу близких людей, собиравшихся обычно в доме М.М. Нарышкина, он рассказывал о стойкости, с какой приняли смерть пять мужественных вождей декабристов.

Михаил Михайлович Нарышкин в период пребывания в Кургане (1833–1837 годы) широко занимался благотворительностью. В доме Нарышкина обсуждались злободневные политические вопросы.

Неизгладимый след оставила в памяти курганцев политическая демонстрация декабристов, связанная с чествованием А.С. Пушкина. 26 мая 1845 года в домике Кюхельбекера декабристы отметили день рождения А.С. Пушкина. На этот праздник пришли ссыльные польские революционеры.

Деятельность А.Ф. Бриггена в Кургане (с 1836 года) свидетельствовала о попытке декабристов расширить свои связи с народом, с крестьянством. Находясь на службе в Курганском окружном суде, декабрист Бригген старался помочь обездоленным и угнетенным. Его заступничество за крестьян приводило в ярость царских чиновников. С согласия Николая I они поспешили упрятать его подальше: в 1850 году он был сослан в Туринск. Здесь Бригген провел пять долгих лет. Только в 1855 году ему разрешили вернуться в Курган, где он прожил еще два года.

Деятельность декабристов в Кургане способствовала пробуждению и развитию сознания горожан. Близки к декабристам были смотритель училища Т.К. Каренгин, землемер Федоров, чиновник К. Голодников, служащий винокуренного завода Кельдыбин и другие.

Особенно велики заслуги декабристов в деле народного просвещения. Они дарили книги, делали денежные пожертвования на культурные нужды уральцев. Многие из ссыльных революционеров оказывали медицинскую помощь местному населению.

Первым в Курган прибыл Иван Фохт. Он был приговорен к бессрочной ссылке в Сибирь, сокращенной до 20 лет. Сначала его отправили в Тобольскую губернию, но позже, из-за ухудшающегося здоровья, по его просьбе перевели в наш город. Здесь Иван Фохт стал изучать медицинскую литературу, открыл аптеку и начал оказывать медицинскую помощь горожанам. Причем бедных лечил бесплатно, хотя сам находился в тяжелом финансовом положении. 1 февраля 1842 г. И.Ф. Фохт умер и был похоронен на приходском кладбище.

В 30-м году в Курган приехали Владимир Лихарев и Михаил Назимов. В сентябре 1832 г. сюда прибыли Андрей Розен вместе с женой Анной и двумя сыновьями, Кондратием и Василием. В марте 1833 года в Кургане поселились Михаил Нарышкин вместе с супругой Елизаветой и Николай Лорер. Дом Нарышкиных стал центром культурной жизни города. По пятницам здесь собирались декабристы и местная интеллиген-

ция, проходили споры по вопросам истории и философии, читались стихи, устраивались музыкальные вечера.

В 36-м году в Кургане появился полковник Александр Бригген. Через два года он работает канцеляристом в суде. Через восемь лет Александр Федорович произведен в коллежские регистраторы, а затем назначен на должность заседателя Курганского окружного суда.

После визита в Курган наследника престола цесаревича Александра, сопровождаемого Василием Жуковским, на Кавказ были отправлены все ссыльные декабристы. В Кургане остались И. Фохт и А. Бригген.

В 1838 году в Курган прибыли сначала Петр Свистунов, позже Флегонт Башмаков.

Через два года приезжает полковник Саратовского пехотного полка Иван Повало-Швейковский. В апреле 45-го года Иван Семенович умер и был похоронен на кладбище рядом с могилой Ивана Фохта.

В 1842 г. прибыл поручик, старший адъютант Главного штаба второй армии Николай Басаргин вместе с женой и сыном, и приезжает Дмитрий Щепин-Ростовский. Последним в наш город был отправлен Вильгельм Кюхельбекер. Он прожил у нас меньше года и уехал с семьей в Тобольск, где 11 августа 1846 года умер.

В дни двойного юбилея в – 185-летия декабрьского восстания и 35-летия курганского музея декабристов – в Курган приехала делегация московского общества «Наследие декабристов»: председатель общества Алексей Пономаренко (потомок А. Бриггена), Виктория Маркова (потомок А. Розена), Эльвира Лихарева (потомок рода В. Лихарева), доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Раиса Киреева и заместитель директора школы № 933 г. Москвы Людмила Шипилова.

Их тепло принимали в Курганском Доме-музее декабристов.

В 50-е годы во Всероссийском обществе памятников истории и культуры была создана Комиссия исторической секции, а затем из нее родилось декабристское общество. Александр Нарышкин (потомок рода Нарышкиных) предложил на должность председателя Раису Кирееву. Потом сам Александр Кириллович встал во главе. За годы работы членами общества было написано множество научных трудов, посвященных жизни декабристов.

Александр Нарышкин приехать не смог, но в музее прошла презентация трех его книг: «В родстве с Петром Великим», «Жизнь Михаила Нарышкина на Кавказе» и «Декабрист Михаил Михайлович Нарышкин» (биография до каторги).

Алексей Пономаренко подарил курганскому музею книги и документальные фильмы о жизни декабристов.

В свое время Раиса Киреева была приглашена консультантом художественного фильма «Звезда пленительного счастья». Раиса Александровна принимала участие не только в работе над сценарием, но и в подборе актеров. Она вспоминала, как ей предложили выбрать актера на роль Ивана Анненкова. Перебирала фотографии одну за другой – все не тот тип внешности! И вдруг – фотография молодого человека с большими открытыми глазами, вьющимися волосами. Ну точно портрет юного Анненкова! Раиса Александровна на него указывает и... слышит вздох облегчения за спиной. Поворачивается, а в дверном проеме стоит скромный молодой человек – как оказалось, молодой артист Игорь Костелевский.

Руководитель курганского отделения Союза литераторов России Владимир Филимонов рассказал грустную историю со счастливым концом. Мемориальные доски в предполагаемых местах захоронения декабристов Ивана Фохта и Ивана Повало-Швейковского были украдены в конце 80-х годов. Местные чиновники заказали новые надгробия на одном из свердловских заводов. Во времена перестройки о мемориальных досках все забыли. В этом году члены курганской писательской организации нашли их на заброшенном складе в Рябково. Весной следующего года надгробия будут установлены на могилах декабристов.

Нарышкин Михаил Михайлович (1798-1863)

М.М Нарышкин, полковник Тарутинского пехотного полка, принадлежал к знатной и богатой дворянской семье, Его влиятельные связи окрепли и расширились после женитьбы на дочери генерала П.П. Коновницина, участника Отечественной войны 1812 года. М.М. Нарышкин, член «Союза благоденствия», а затем Северного общества, после подавления восстания на Сенатской площади был осужден на каторжные работы, которые отбывал в Читинском остроге и Петровском заводе, В марте 1833 года с женой Елизаветой Петровной, разделившей его участь, прибыл на поселение в Курган.

Михаил Михайлович Нарышкин (4 (15) февраля 1798 – 2 (14) января 1863) – из дворян Московской губернии, полковник Тарутинского пехотного полка. Член Союза благоденствия (1818) и Северного общества.

Отец – подполковник Михаил Петрович Нарышкин (17.12.1753 – 23.8.1825). В 1802 в Московской, Нижегородской, Казанской и Калуж-

ской губерниях имел 8275 душ, мать – княжна Варвара Алексеевна Волконская (6.11.1760 – 1.3.1827).

Воспитывался дома (учителя – немцы Гесслер и Кастнер), в 1815 посещал занятия в Московском учебном заведении для колонновожатых, в 1818–1819г. в Петербурге слушал частные лекции профессоров Куницына, Германа и Соловьева.

В службу вступил подпрапорщиком в Псковский пехотный полк 6 апреля 1815 года:, пройдя все ступени военной карьеры:

- портупей-прапорщик — 20 июня 1815
- прапорщик – 4.10.1815
- подпоручик – 30.4.1817
- переведен в лейб-гвардии Московский полк – 23.10.1817
- поручик – 26.1.1818
- штабс-капитан – 24.8.1819
- капитан – 1.1.1822
- полковник с переводом в л.-гв. Измайловский полк – 12.12.1823
- переведен в Бородинский пехотный полк – 6.6.1824
- переведен в Тарутинский пехотный полк – 17.12.1825 (стоял в Москве).

Участвовал в переговорах Северного и Южного обществ, участник подготовки восстания в Москве в декабре 1825.

Приказ об аресте – 30.12.1825, арестован в Москве и доставлен в Петербург на гл. гауптвахту – 8.1.1826, в тот же день переведён в Петропавловскую крепость («посадить по усмотрению, где удобнее») в № 16 куртины между бастионами Екатерины I и Трубецкого.

Осужден по IV разряду и по конфирмации 10.7.1826 приговорен в каторжную работу на 12 лет, срок сокращен до 8 лет – 22.8.1826.

Отправлен из Петропавловской крепости в Сибирь – 2.2.1827 (приметы: рост 2 аршина 8 4/8 вершков, «лицо белое, круглое, глаза карие, нос широкий, остр, волосы на голове и бровях темнорусые, на бороде на левой стороне небольшая природная бородавка и глазами близорук»), доставлен в Читинский острог – 20.3.1827, прибыл в Петровский завод в сентябре 1830. По указу 8.11.1832 обращен на поселение в г. Курган Тобольской губернии, куда прибыл в 1833 (первоначально местом поселения был определен Селенгинск).

По высочайшему повелению, объявленному военным министром 21.6.1837, определен рядовым в Кавказский корпус, выехал из Кургана – 21.8.1837, зачислен в Навагинский пехотный полк – 14.10.1837, унтер-

офицер – 6.12.1838, переименован в юнкера – 30.9.1840, подпрапорщик – 1.1.1841, за отличие прапорщик – 25.6.1843, уволен в отпуск на 6 месяцев – 29.3.1844, уволен от службы – 25.9.1844 с обязательством безвыездно жить в с. Высоком Тульского уезда, причем для всяких отлучек требовалось особое разрешение, освобожден от надзора – 12.11.1855. От всех ограничений освобожден по манифесту об амнистии – 26.8.1856, в 1859 ездил в Париж и на юг Франции. Похоронен в Москве в Донском монастыре.

Жена (с 12.09 1824) – графиня Елизавета Петровна Коновницына.

Братья: Кирилл (1785 – 07.01.1857), генерал-майор, женат на Анне Николаевне Сутгоф (1800–1886), сестре декабриста А. Н. Сутгофа; Александр, штабс-капитан л.-гв. Московского полка, первая жена – Александра Васильевна Беклемишева (1812–1834), дочь – Варвара, замужем за кн. Петром Николаевичем Туркестановым; вторая жена – Анастасия Яковлевна Казаринова. Сестры: Маргарита (в монашестве Мария), основательница Спасо-Бородинского монастыря (1782–1852), в первом браке за Павлом Михаловичем Ласунским, во втором (при жизни первого мужа) – за генерал-майором Александром Алексеевичем Тучковым (погиб при Бородине 26.08.1812); Варвара (1787–1834); Софья (1788–1829); Евдокия (1790 – 05.03.1862), за кн. Петром Алексеевичем Голицыным (1796–1849); Мария; Наталья (1804–1817).

Андрей Евгеньевич (фон) Розен (1799-1884)

Барон Андрей Евгеньевич (фон) Розен (3 (14) ноября 1799, Ментак Эстляндской губернии – 18 (30) апреля 1884, Окнино, укр. *Вікнине*, Изюмского уезда Харьковской губернии) – декабрист.

Учился в кадетском корпусе, служил в лейб-гвардии Финляндском полку. За участие в заговоре декабристов (членом тайных обществ не был, но присутствовал на совещаниях у Рыльева и Оболенского и отказался усмирять восстание 14 декабря) был сослан в каторжные работы в Читу на 6 лет, затем 5 лет жил на поселении в городе Кургане Тобольской губернии, а остальное время до воцарения Александра II – на Кавказе.

Возвращённый в 1855 году в имение своей жены (Изюмский уезд Харьковской губернии), Розен устроил здесь сельскую школу, в которой сам преподавал, и на собственные средства открыл крестьянский банк. В 1861 году и следующих годах состоял мировым посредником.

В 1869 году появился в Лейпциге немецкий перевод его «Записок» (хотя немецкий был родным языком Розена, но он отвык от него в Си-

бири и написал воспоминания по-русски), под заглавием: «Aus den Memoiren eines Russischen Dekabristen», в том же году переведённые на английский язык. Но русский оригинал в России при жизни автора был допущен только в извлечениях, напечатанных в «Отечественных Записках» за 1876 год, кн. 2–11, и «Биржевых Ведомостях» за 1869 г., №№ 269 и 274. Полное издание в России вышло в 1907 году под редакцией П. Е. Щёголева, в 1984 году записки Розена переизданы в Иркутске, в 2007 году – в Петербурге. Розен пишет в них о своём воспитании, первоначальной службе, последних годах царствования Александра I (о чём очень мало упоминали другие декабристы), тайных обществах, следствии и своей жизни до 1839 года.

С большим интересом встреченные людьми 1860-х годов (Некрасовым, Львом Толстым, Лесковым) и некоторыми сверстниками декабристов (Вяземским), «Записки» Розена вызвали, однако, критику со стороны других оставшихся в живых участников восстания.

С 1870 года он стал помещать статьи и воспоминания в «Русской Старине»:

«Поправки к Запискам М. А. Бестужева» (т. II),

«Стихотворения П. Бобрищева-Пушкина» (1871, т. III и 1873, т. IV),

«Ник. Ник. Раевский» (1873 год, т. VII),

«Елена Александровна Бестужева» (1874, т. IX),

«Иван Александрович Анненков» (1878, т. XXII),

«Декабрист», заметка (1881, т. XXX),

«П. Фаленберг, рассказ из эпохи 1826 года» (1883, т. XXXVIII),

«М. Н. Муравьев и его участие в тайном обществе» (1883, т. XLI),

«Декабристы на Кавказе» (1884, № 2),

«П. И. Пестель» (1884, № 4).

Отдельно издан им «Очерк фамильной истории баронов фон Розен» (СПб., 1876). После его смерти появились: «Мнение об эстляндских делах» («Русский Архив», 1885, № 4) и «Очерк действий мирового посредника Харьковской губернии, Изюмского уезда, 2-го участка» («Русская Мысль», 1885, кн. 9).

Розен также составил собрание стихотворений А. И. Одоевского.

Свистунов Петр Николаевич (1803-1889)

Свистунов, Пётр Николаевич (27.07.1803г. Санкт-Петербург–15.02.1889г.), декабрист, корнет лейб-гвардейского Кавалергардского полка.

Отец – камергер Николай Петрович Свистунов, мать - Мария Алексеевна Ржевская.

Воспитывался в иезуитском пансионе и пансионе барона Шабо, затем в Пажеском корпусе, выпущен из камер-пажей корнетом в лейб-гвардейский Кавалергардский полк 20.04.1823г. Член петербургской ячейки Южного общества (1823г.), участвовал в деятельности Северного общества. Приказ об его аресте отдан 19.12.1825г., арестован в Москве в ночь на 21.12.1825г., после чего 23.12.1825г. доставлен в Петропавловскую крепость. В июне 1826г. пытался покончить жизнь самоубийством. 10.7.1826г. приговорен к 20 года каторжных работ, 22.08.1826г. срок сокращен до 15 лет. 18.01.1827г. отправлен из Петропавловской крепости в Сибирь, 03.03.1827г. доставлен в Читинский острог. После возвращения из ссылки в 1863–1889 жил в Москве, где и умер. Похоронен в Алексеевском монастыре, в 1929 прах перенесен в Донской монастырь.

Лорер Николай Иванович (1794-1873)

Николай Иванович Лорер (1794 – май 1873, Полтава); из дворян Херсонской губернии, участник Отечественной войны 1812 и заграничных походов. Декабрист, член Северного (с мая 1824) и Южного (с 1824) обществ. Автор мемуаров.

Родился в большой семье (у Николая было еще два брата и пять сестёр) помещика Херсонской губернии – Ивана Ивановича и Екатерины Евсеевны Лорер (урождённой Цициановой). После смерти отца с 1812 года воспитывался в имении П. В. Капниста в Полтавской губернии. Год рождения 1794 по ЭСБЕ.

Предки Н. И. Лорера – французы Лорейны из Лотарингии, переселившиеся вследствие религиозных гонений в Германию, где быстро онемечились. Отец декабриста, Иван Иванович Лорер – полковник, приехал в Россию начале 1750-х с небольшим отрядом голштинских солдат Петра III. После отставки – дворянин Херсонской губернии, коллежский советник, советник Вознесенского губернского правления, впоследствии херсонский вице-губернатор. И. И. Лорер женился на грузинке, княжне Екатерине Евсеевне Цициановой. Цициановы (Цицишвили) – род, происходящий от древнейших карталинских и кахетинских князей, находившихся в родстве по женской линии с грузинскими царями. Смешение различных национальностей ярко отразилось на характере Николая и всей его семьи. Братья – Александр – кавалерист, улан, раненый под Аустерлицем; Дмитрий – отставной ротмистр; сестры – Вера, Евдокия, Екатерина, Елизавета, Надежда – мать знаменитой Александры

Смирновой-Россет. Жена – Надежда Ивановна (урожденная Изотова). Дети – Вера, Екатерина, сын.

С 03.1812 г. – в Дворянском полку при Втором кадетском корпусе, откуда выпущен прапорщиком по армии 11.1812, переведен в л.-гв. Литовский полк – 7.1813. Участвовал в войнах и походах 1812 – 1814 годов (Дрезден, Кульм, Лейпциг, Париж). Подпоручик – 8.1817, поручик – 7.1818, в 1825 г. – майор Вятского пехотного полка. Был близок с Пестелем.

По воспоминаниям современников Лорер был: "неисправимым оптимистом, «пламенным романтиком», «веселым страдальцем». Чрезвычайно живой и многосторонне одаренный, Лорер писал стихи, сочинял рассказы, был музыкально одарен, тонко чувствовал природу. Он был изумительным рассказчиком и чрезвычайно веселым, остроумным, живым собеседником.»

Зачитывался сочинениями Франклина, Филанджери, Сея. Член Северного и Южного тайных обществ. В тайное общество был принят Оболенским. Арестован в Тульчине 23.12.1825 г., доставлен в Петербург 03.01.1826 г. и заключен в Петропавловскую крепость. Осужден по IV разряду и приговорен в каторжную работу на 15 лет и пожизненной ссылке на поселение. Позже приговор был смягчен, срок каторги уменьшен до 12-ти, а потом и до 8-и лет. Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе, после 1832 года находился на поселении в г. Курган Тобольской губ вместе с М. М. Нарышкиным. (1833–1837). Из Сибири с некоторыми другими декабристами переведен рядовым в Кавказский корпус (1837).

Декабрист М. Бесстужев рассказывает в своих «Записках», что Н. Лорер: «был такой искусный рассказчик, какого мне не случилось в жизни видеть. Не обладая большою образованностью, он между тем говорил на четырех языках (французском, английском, немецком и итальянском), а ежели включить сюда польский и природный русский, то на всех этих шести языках он через два слова в третье делал ошибку, а между тем какой живой рассказ, какая теплота, какая мимика!.. Самый недостаток, т. е. неосновательное знание языков, ему помогал как нельзя более: ежели он не находил выражения фразы на русском, он ее объяснял на первом попавшемся под руку языке и, сверх того, вставляя и в эту фразу слова и обороты из других языков. Иногда в рассказе он вдруг остановится, не скажет ни слова, но сделает жест или мину – и все понимают».

В 1839 г. вышел в отставку прапорщиком. Поселился сперва в Херсоне, а затем переехал в имение брата Д.И. Лорера с. Водяное Херсонского уезда. Прощен в 1856 г., освобожден от всех ограничений по манифесту об амнистии. Поселился в Полтаве, где и умер в 1873 г.

Повало-Швейковский Иван Семенович (1787-1845)

Повало-Швейковский Иван Семенович (около 1787 – 22 (10) мая 1845, г. Курган) – декабрист, полковник (1816), командир Саратовского пехотного полка (с 1821).

Родился сельцо Буловицы нынешний Починковский район. Дважды награжден золотым оружием с надписью «за храбрость» дважды (редкий случай в русской армии) и несколькими орденами. В войде 1812 года дошел до Парижа в 1814 году.

С 1801 на военной службе. Участник Отечественной войны 1812 и заграничных походов 1813–14. В 1823 в Бобруйске принят в Южное общество декабристов, по поручению которого ездил в Петербург. Вёл переговоры с Польским патриотическим обществом. Выражал согласие на царевбийство и участие в вооруженном выступлении; однако в декабре 1825 во время восстания Черниговского полка отказался в нём участвовать. Приговорён к 20 годам каторги; с 1839 –на поселении в Кургане.

Щепин-Ростовский Дмитрий Александрович (1787-1845)

Князь Дмитрий Александрович Щепин-Ростовский (1798 –22 октября (3 ноября) 1859, Шуя) –декабрист.

Родился в 1798 году, происходил из древнего княжеского рода Щепиных-Ростовских. Отец –капитан Александр Иванович Щепин-Ростовский; мать – Ольга Мироновна (в 1826 – вдова, умерла в январе 1851).

Образование получил в Морском кадетском корпусе, куда поступил 5 марта 1810, гардемарин – 9 сентября 1813, мичман – 18 февраля 1816, в 1817 и 1818 в плавании от Кронштадта до Кадиса на корабле «Нептунус» и обратно на испанском транспорте, переведён в Гвардии экипаж – 16 октября 1819, лейтенант – 22 апреля 1821, уволен от службы капитан-лейтенантом – 29 ноября 1822, вновь определён на службу в лейб-гвардии Московский полк поручиком – 1 декабря 1823, штабс-капитан – 12 декабря 1824, командир 6 фузилерной роты (1825).

Не будучи формально членом тайного общества, присутствовал на совещаниях у К.Ф. Рылеева и Е.П. Оболенского, где обсуждались планы восстания. 14 декабря 1825 года во время восстания декабристов вместе

с А.А. и М. А. Бестужевыми вывел солдат Московского полка на Сенатскую площадь, причём ранил пять человек, пытавшихся остановить полк, в том числе двух генералов – В.Н. Шеншина и П.А. Фредерикса). В своих воспоминаниях В.И. Штейнгель отмечал, что «участие князя Щепина-Ростовского в предварительных совещаниях ничем не доказано. Он твёрдо стоял в том, что защищал присягу {Константину Павловичу} по долгу».

Арестован в доме Кусовниковой на Сенатской площади, привезён на главную гауптвахту, затем в 10 часов вечера в Петропавловскую крепость в № 6 Алексеевского рavelина, 17 декабря повелено заковать в ручные железа, раскован – 30 апреля 1826.

Вслед за тем Щепин-Ростовский, в числе прочих декабристов, был судим Верховным уголовным судом, по важности предъявленных к нему обвинений отнесён к первому разряду государственных преступников и приговорён к смертной казни отсечением головы. 10 июля 1826 года ему Всемиловейше была дарована жизнь и, по лишении чинов и дворянства, он определён был к ссылке на вечные каторжные работы, а 22 августа того же года последовала ещё новая милость: срок каторги был сокращён ему до 20 лет. Доставлен в Читинский острог 25 августа 1827 года, переведён в Петровский Завод в сентябре 1830 года. Участник казематского хора декабристов.

Ещё до истечения срока, в 1839 году, Щепин-Ростовский был освобождён от каторжных работ и водворён на поселение сперва в селе Тасевском Канского округа Енисейской губернии (ныне Тасеево Красноярского края), а затем, с 1842 года, в Кургане, в Западной Сибири. Здесь он прожил 14 лет, ничем определённым не занимаясь; материальное же его положение было обеспечено теми денежными средствами, которые он получал от своей матери, проживавшей в своём имении в Ярославской губернии.

Праздная жизнь, какую вёл Щепин-Ростовский в Кургане, подавала повод местной полиции аттестовать его как лицо «ничем особенно не занимающееся» или (в 1850 г.) «занимающееся чтением книг», а неровный, частью вспыльчивый и несдержанный характер поднадзорного нередко бывал причиной столкновений его с чинами Тобольской администрации. Со стороны недоброжелателей последовал целый ряд доносов, обвинявших его в противоправительственном образе мыслей, результатом чего в 1849 г. было установление за ним особенно строгого надзора; последний поручен был курганскому городничему Тарасевичу, который некоторыми полицейскими мерами настолько стеснил свободу Щепина-

Ростовского, что тот вынужден был обратиться с жалобой к Тобольскому губернатору. Назначенное губернатором следствие установило основательность этой жалобы, городничему было сделано замечание за превышение данной ему власти, и с 1851 года доносы на Щепина-Ростовского и неодобрительные отзывы о нём прекратились. Сперва, правда, его аттестовали ещё лицом «не совсем спокойного характера», затем в ведомости было занесено, что в поведении его «ничего предосудительного не замечено», а в последние два года его пребывания в Сибири аттестация администрации о нём была даже хорошая. В это время, однако, Щепин-Ростовский подвергался уже постоянным заболеваниям вследствие поразившего его нервного удара.

По Всемилоштивейшему манифесту 26 августа 1856 года ему было разрешено вернуться из Сибири. Он выехал на родину, поселился в родовом имении своём Иваньково Ростовского уезда Ярославской губернии, получал выплаты от государства в связи с материальными трудностями. В 1859 году умер в городе Шуе Владимирской губернии, не оставив потомства.

Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797-1846)

Вильгельм Карлович Кюхельбекер (10 (21) июня 1797, Санкт-Петербург, Российская империя – 11 (23) августа 1846, Тобольск, Российская империя) – русский поэт, писатель и общественный деятель, друг и одноклассник Пушкина по Царскосельскому лицей, декабрист.

Вильгельм Кюхельбекер родился 10 (21) июня в Петербурге, в семье обрусевших немцев-дворян.

Отец – статский советник Карл Кюхельбекер (28 декабря 1748 – 6 марта 1809), саксонский дворянин, агроном, первый директор Павловска (1781–1789).

Мать – Юстина Яковлевна Ломен (Lohmen) (20 марта 1757 – 26 марта 1841).

Младший брат – Михаил Карлович Кюхельбекер.

Старшая сестра – Устинья Карловна Глинка (1786–1871).

Его детство прошло в Лифляндии, на берегу реки Авенорм. В 1808 году поступил в частный пансион в городе Верро (Эстляндия), который закончил с серебряной медалью. В 1811 году был принят в Императорский Царскосельский лицей (лицейские прозвища – «Кюхля», «Гезель», «Бехеркюхель») воспитанником первого курса. Товарищ А.С. Пушкина по Лицею. Рано проявил интерес к поэзии и начал печататься в 1815 году в журналах «Амфион» и «Сын Отечества». Окончил лицей в 1817 го-

ду с чином IX класса. На выпускном акте 9 июня 1817 года удостоен серебряной медали за успехи и ученость.

По окончании Лицея в 1817 году зачислен вместе с А.С. Пушкиным в Коллегию иностранных дел. С 1817 по 1820 год преподавал русский и латинский языки в Благородном пансионе при Главном Педагогическом институте, где среди его учеников были Михаил Глинка и младший брат А.С. Пушкина, Лев. 9 августа 1820 года вышел в отставку. 8 сентября выехал за границу в должности секретаря оберкамергера А.Л. Нарышкина. Побывал в Германии и Южной Франции. В марте 1821 года приехал в Париж, где читал публичные лекции о славянском языке и русской литературе в антимонархическом обществе «Атеней». Лекции были прекращены из-за их «вольнoлюбия» по требованию русского посольства. Кюхельбекер вернулся в Россию.

С конца 1821 года до мая 1822 года служил чиновником особых поручений при генерале Ермолове на Кавказе, где сошёлся с Грибоедовым.

После дуэли вышел в отставку и вернулся в Россию.

После отставки год прожил в имении своей сестры в Смоленской губернии. 30 июля 1823 года переехал в Москву. Преподавал в Университетском пансионе, давал частные уроки.

В апреле 1825 года переехал в Санкт-Петербург. Жил у своего брата Михаила Карловича, а с октября 1825 года у князя А. И. Одоевского.

С 1817 года член тайной преддекабристской организации «Священная артель». За две недели до восстания 14 декабря 1825 г. был введён Рылеевым в Северное общество. Был на Сенатской площади с восставшими, покушался на брата царя (великого князя Михаила Павловича). После поражения восставших предпринял побег за границу, но был опознан и арестован 19 января 1826 года в Варшаве.

25 января доставлен в Санкт-Петербург в кандалах. Помещен в Петропавловскую крепость 26 января 1826 года.

Осужден по I разряду 10 июля 1826 года. Приговорён к каторжным работам сроком на 20 лет. 27 июля 1826 года переведён в Кексгольмскую крепость.

22 августа 1826 года срок каторги был сокращён до 15 лет. 30 апреля 1827 года переведён в Шлиссельбургскую крепость. 12 октября 1827 года по указу царя вместо Сибири отправлен в арестантские роты при Динабургской крепости (ныне в Даугавпилсе, Латвия). 15 апреля 1831 года Кюхельбекер был отправлен в Ревель через Ригу. Из Ревеля 7 октября 1831 года отправлен в Свеаборг.

По указу от 14 декабря 1835 года определён на поселение в заштатный город Баргузин Иркутской губернии (ныне село Баргузин Баргузинского района Бурятии).

Прибыл в Баргузин 20 января 1836 года. В Баргузине уже жил его младший брат – Кюхельбекер, Михаил Карлович. Братья Кюхельбекеры завели большое хозяйство, выращивали новые для Сибири сельскохозяйственные культуры. Михаил Карлович открыл в своём доме для местных жителей бесплатную школу. По предположениям В.Б. Бахаева, Вильгельм Карлович преподавал в этой школе.

Продолжал заниматься литературной деятельностью: писал стихотворения, поэмы, элегии, критические статьи, переводил с европейских и древних языков, завершил «Дневник», этнографический очерк «Жители Забайкалья и Закаменья», поэму «Юрий и Ксения», историческую драму «Падение дома Шуйского», роман «Последний Колонна» и другие. В письме Пушкину сообщил интересные наблюдения о тунгусах.

15 января 1837 года женился на дочери баргузинского почтмейстера Дросиде Ивановне Артеновой (1817–1886).

Дети: Федор (родился мертвым – 12.6.1838), Михаил (28.7.1839–22.12.1879), Иван (21.12.1840 – 27.3.1842) и Юстина (Устинья, родилась 6.3.1843) в замужестве Косова.

По собственной просьбе был переведён в Акшинскую крепость. Выехал из Баргузина в январе 1840 года. В Акше давал частные уроки. В 1844 году получил разрешение на переезд в деревню Смолино Курганского округа. 2 сентября 1844 года выехал из Акши.

Жил в Кургане, где потерял зрение. 28 января 1846 года Кюхельбекеру было разрешено выехать в Тобольск на лечение. Прибыл в Тобольск 7 марта 1846 года.

Вильгельм Карлович умер в Тобольске 11 (23) августа от чахотки. Похоронен на Завальном кладбище.

В честь В. К. Кюхельбекера получила название железнодорожная станция Кюхельбекерская в посёлке Янчукан на Байкало-Амурской магистрали

С 1815 года Кюхельбекер публикует стихи в разных журналах, с 1823 года по 1825 год издаёт с В.Ф. Одоевским альманах «Мнемозина». В начале 20-х годов активно выступает против сентиментализма. Его перу принадлежат следующие сочинения: трагедия «Аргивяне» (1822—1825), «Смерть Байрона» (М. 1824), «Шекспировы духи» (1825), «Ижорский» (1825), отрывки из дневника и поэма «Вечный жид».

Кюхельбекер был сотрудником Вольного общества любителей российской словесности с 10 ноября 1819 года, и действительным членом общества с 3 января 1820 года.

Сочинения: «Смерть Байрона», 1824; «Тень Рылеева», 1827), «Ар-гивяне», 1822—1825, «Прокофий Ляпунов», 1834, «Ижорский» (опубл. 1835, 1841, 1939), «Вечный жид», (опубл. 1878), «Последний Колонна», роман (1832—1843; опубл. в 1937 году); «Дневник» (написан в заключении, опубл. в Ленинграде в 1929 году), см. также: Дневник В.К. Кюхельбекера. // Русская старина, 1875. – Т. 13. - № 8. – С. 490-531; Т. 14. - № 9. – С. 75-91.; Собрание стихотворений декабристов– Лейпциг, 1862.– Т. 2; Избранные произведения: В 2 т.– М., 1939; Избранные произведения: В 2 т. – М.; Л., 1967;

Стихотворение «Участь русских поэтов» (1846 г.)

*Горька судьба поэтов всех племён;
Тяжеле всех судьба казнит Россию;
Для славы и Рылеев был рождён;
Но юноша в свободу был влюблён...
Стянула петля дерзостную выю.
Не он один; другие вслед ему,
Прекрасной обольщённые мечтою,
Пожались годиною роковою...
Бог дал огонь их сердцу, свет уму,
Да! чувства в них восторженны и пылки, -
Что ж? их бросают в чёрную тюрьму,
Морят морозом безнадежной ссылки...
Или болезнь наводит ночь и мглу
На очи прозорливцев вдохновенных;
Или рука любезников презренных
Шлёт пулю их священному челу;
Или же бунт поднимет чернь глухую,
И чернь того на части разорвёт,
Чей блестящий перунами полёт
Сияньем облил бы страну родную.*

Дом декабриста Вильгельма Кюхельбекера

Простому деревянному дому по соседству повезло гораздо больше, чем бывшему зданию иностранного торгового дома. Благодаря усилиям краеведа Б.Н. Карсонова, сумевшего доказать, что в свое время этот дом

принадлежал лицейскому другу А.С. Пушкина, декабристу Вильгельму Кюхельбекеру, снос ему больше не угрожает.

Член Северного общества декабристов, отставной коллежский асессор, литератор, происходивший из рода саксонских дворян В.К. Кюхельбекер прибыл на поселение в Курган позднее других декабристов, сосланных на поселение в Курган, и прожил здесь меньше других. В.К. Кюхельбекер был приговорен к смертной казни «отсечением головы», замененной двадцатью годами каторги. Впоследствии срок был сокращен до 15 лет. 22 марта 1845 года Кюхельбекер прибыл в Курган из Иркутской губернии вместе с семьей - женой Дросидой Ивановной, шестилетним сыном Михаилом и двухлетней дочерью Устиньей.

В Кургане В.К. Кюхельбекер сначала жил у Н.П. Рихтера, учителя русского языка Курганского уездного училища, а 21 сентября 1845 года семья Кюхельбекеров переехала в собственный дом, купленный у жительницы Кургана М.Ф. Киниженцевой на имя Д.И. Кюхельбекер.

Почти все время пребывания в Кургане Вильгельм Кюхельбекер вел дневник, который впоследствии был опубликован, и благодаря которому нам многое сейчас известно о жизни в Кургане как самого Кюхельбекера, так и других ссыльных декабристов – Н.В. Басаргина, А.Ф. Бриггена, Ф.М. Башмакова, И.С. Повало-Швейковского, Д.А. Щепина-Ростовского.

Ко времени прибытия в Курган здоровье В.К. Кюхельбекера было уже безвозвратно подорвано, он страдал чахоткой, зрение его постоянно ухудшалось, ему грозила слепота. В начале 1846 года Вильгельм Карлович получает от тобольского губернатора разрешение выехать в Тобольск для лечения. 28 февраля 1846 г. Кюхельбекер с семьей выехал из Кургана, рассчитывая после поправки здоровья вернуться назад, однако этим надеждам не суждено было сбыться. 11 августа 1846 года В.К. Кюхельбекер скончался и был похоронен в Тобольске на Завальном кладбище. После его смерти Дросида Ивановна с детьми уехала в Ялуторовск, где проживал друг Кюхельбекера И.И. Пущин. 7 июля 1849 года Дросида Ивановна продала остававшийся в Кургане дом, а еще через год уехала к родственникам в Иркутскую губернию.

Недавно здание по улице Куйбышева, 19 было отреставрировано, и в нем разместился дом-музей В.К. Кюхельбекера.

Ни ссылка, ни лишения не сломили волю и мужество декабристов. Курганцы благодарно хранят память о верных сынах России, о первых борцах против самодержавия. Дома декабристов А.Е. Розена,

М.М. Нарышкина и В.К. Кюхельбекера превращены в исторические памятники.

Туринский дом-музей декабристов

Тема декабристов стала главной в экспозиции Туринского дома-музея декабристов, открытого в 1993 г. в воссозданном доме ссыльного декабриста В.П. Ивашева. В музее находятся рисунки, документы и мемориальные вещи декабристов. Интерьеры рабочего кабинета Василия Петровича Ивашева и комнаты его супруги, Камиллы ле Дантю, воссоздают атмосферу жизни и деятельности декабристов в изгнании.

Александр Федорович Фон Дер Бригген (1792 -1859)

Участник Отечественной войны 1812 года, полковник, член «Союза благоденствия» и «Северного общества». Осужден к 2 годам каторги и вечному поселению. Каторжные работы отбывал в Читинском остроге. Обращен на поселение в Пелым Туринского округа Тобольской губернии. Переведен в Курган. За «неуместные его суждения и заносчивое поведение» в 1850 году переведен из Кургана в Туринск. В 1855 году возвращен в Курган. Амнистирован 26 августа 1856 года. Жил в Петергофе. Похоронен на Волковском кладбище в Петербурге.

Анненков Иван Александрович (1802 -1878)

Поручик Кавалергардского полка. Член Петербургской ячейки «Южного общества», участвовал в деятельности «Северного общества». Видный участник восстания 14 декабря 1825 года. Осужден к каторжным работам на 20 лет, срок каторги сокращен до 10 лет. Обращен на поселение в с. Вельское Иркутской губернии. 28 января 1839 года переведен в Туринск. Служил в канцелярии. Амнистирован 28 августа 1856 года. Принимал участие в подготовке крестьянской реформы 1861 года. Скончался в Нижнем Новгороде, похоронен в Крестовоздвиженском монастыре.

Анненкова Прасковья (Полина) Егоровна (1800 -1876)

Урожденная Гебль. Дочь наполеоновского офицера. Служила в Москве в модном магазине Десконси. С 1823 года состояла в гражданском браке с И.А. Анненковым. В 1828 году обвенчалась с Иваном Александровичем в Чите. После амнистии 1856 года вернулась в Европейскую Россию. Скончалась в Нижнем Новгороде.

Басаргин Николай Васильевич (1799 -1861)

Поручик лейб-гвардии Егерского полка, член «Союза благоденствия» и «Южного общества». Арестован в Тульчине. Осужден на 20 лет каторжных работ. Отбывал каторгу в Читинском и в Петровском заводе. В 1835 году обращен на поселение в Туринск. Выстроил двухэтажный дом, сохранившийся и поныне. В 1842 году переведен в Курган. Амнистирован 22 августа 1856 года. Скончался в Москве.

Ивашева Камилла Петровна (1808-1839)

Урожденная Ле Дантю. Дочь французского эмигранта-республиканца, уехавшего в Россию при Наполеоне. Мать Камиллы служила гувернанткой у симбирского помещика генерала П.Н. Ивашева, отца декабриста. Осенью 1831 года приехала в Петровский завод как невеста Василия Петровича Ивашева. Умерла во время родов на поселении в Туринске.

Ивашев Василий Петрович (1797-1840)

Сын помещика, ротмистр Кавалергардского полка, адъютант генерала П.Х. Витгенштейна, член «Союза благоденствия» и «Южного Общества». Осужден на 20 лет каторжных работ. Срок сокращен до 15 лет, затем до 10 лет. Отбывал каторгу в Читинском остроге и в Петровском заводе. В 1835 году обращен на поселение в Туринск. Выстроил дом, в котором сейчас расположен музей декабристов. Умер в Туринске, где и похоронен.

Декабрист Ивашев Василий Петрович (13.10.1797 - 28. 12. 1840). Сын генерал-майора Петра Никифоровича Ивашева, ротмистра лейб-гвардии Кавалергардского полка, дворянина.

В.П. Ивашев воспитывался до 14 лет дома, под присмотром французского уроженца Динокура. В 1812 году по высочайшему велению он был отправлен ко двору пажом. Молодой Ивашев был для пажеского корпуса хорошо подготовлен и, очевидно, поступил в одно из высших его отделений, ибо из корпуса, имевшего 5-летний курс, он был выпущен в офицеры после двух с небольшим лет (16-летним юношей).

Еще в корпусе Ивашев готовил себя к военной службе, но у него были хорошо развиты и другие наклонности. Он занимался словесностью (по свидетельству декабриста Розена Ивашев в ссылке написал несохранившуюся поэму «Стенька Разин», навеянную, очевидно, волжскими воспоминаниями). Другой склонностью Ивашева была музыка, он

обладал хорошими музыкальными способностями, учился музыке у известного Фильда, который очень гордился своим учеником.

Из пажей старшего отделения назначались камер-пажи к особам царской фамилии, и Ивашев был назначен пажом ко вдовствующей императрице Марии Федоровне.

По формуляру Ивашев был выпущен корнетом в кавалергардский полк 28 февраля 1815 года. Ему таким образом не пришлось участвовать в наполеоновских войнах. До 1819 года В. П. Ивашев служил в Петербурге, был произведен в поручики, а затем в штаб-ротмистры, следовательно повышался по службе очень быстро.

В июле 1819 года Ивашев получил назначение адъютантом к командующему 2 армией князю Витгенштейну, сослуживцу отца Ивашева по 13 году (Тульчин Подольской губернии). Именно в Тульчине он познакомился с членами тайного общества и встретил там своего однополчанина Бурцева, Пестеля, давно состоявшего адъютантом Витгенштейна, который ценил его выдающиеся способности. Эти офицеры были старше Ивашева и политически грамотнее. Как раз во время приезда Ивашева на Юг разразилась кровавая расправа Аракчеева с возмущившимися поселенными около Чугуева войсками, где много людей было засечено до смерти. Пестель и Бурцев, деятельные пропагандисты, успели собрать и в Тульчине кружок единомышленников. В этом маленьком городке, где не было никаких развлечений, ни общества, военная молодежь в свободное время сходилась вместе обмениваться мыслями, обсудить происходившие события.

В августе 1821 года Ивашев для поправления здоровья уехал на Кавказ и возвратился в Тульчин в сентябре 1822 года. В 1823 году в октябре был смотр войск, после которого В.П. Ивашев был отпущен на продолжительный отпуск в Симбирск к родителям. В это время с родителями жили три его сестры. Старшая Елизавета была в полном расцвете счастливой юности (19. лет). Между ней и братом установилась очень тесная дружба, которая соединяла их всю жизнь. В ее глазах Василий Петрович был совершенством, и даже выйдя замуж, она ставила брата выше всех, в письмах всегда повторяла, что любит его больше всех на свете. В семье Ивашевых вообще были идеальные отношения, но мать, при всей своей нежности к другим детям, питала особую слабость к своему единственному сыну.

Находясь в армии, молодой Ивашев старался как можно чаще приезжать в отпуск к родителям. Именно в доме родителей увидел он свою будущую жену и любовь всей своей жизни Камиллу Петровну Ле-

Дантю. Мать Камиллы, Мария Петровна, овдовев, приехала в начале века в Россию и вскоре вышла замуж за Пьера Ле-Дантю, богатого человека, бежавшего в годы наполеоновских войн из Франции в Голландию, а потом в Россию. Но в это время в Москве и Петербурге к французам относились плохо и Дантю решил уехать с семьей в глубь России, в Симбирск. В семье Дантю в то время было уже 6 детей: 4 дочери и два сына. Старшая дочь вышла замуж за отставного майора В.И. Григоровича, сын которых Дмитрий стал впоследствии известным русским писателем. Две другие дочери поступили на службу гувернантками, а младшая, Камилла, оставалась при матери, служившей у Ивашевых.

Дружба между Василием Ивашевым и Камиллой переросла в любовь, но общественное положение было настолько различно, что девушка должна была подавить свое глубокое чувство. Между тем наступило 14 декабря 1825 года. Ротмистр Ивашев был членом Южного тайного общества. Ивашев был арестован и в последствии приговорен к 20 годам каторги. Камилла уже в то время служила гувернанткой и жила в Петербурге. Узнав о Василии Петровиче, Камилла тяжело заболела и открылась матери в своем чувстве. Мария Петровна колебалась, но болезнь Камиллы приобретала опасный характер, и она решается написать обо всем отцу В.П. Ивашева Петру Никифоровичу.

П.Н. Ивашев – симбирский помещик, боевой генерал, бывший начальник штаба Суворовской армии. Мать Камиллы писала: «Я предлагаю Ивашевым дочь с благородной, чистой и любящей душой. Я сумела бы даже от лучшего друга скрыть тайну дочери, если можно было бы заподозрить, что я добиваюсь положения и богатства. Но она хочет лишь разделить его оковы...». Письмо произвело огромное впечатление и тронуло стариков Ивашевых. Они написали теплое и дружеское письмо в ответ. Копии этих писем они направили в Читу коменданту Лепарскому с просьбой переговорить с их сыном и возможно скорее переслать ответ. Ивашев в это время отбывал каторгу в Петровском заводе. Настроение у него было подавленное, он обдумывал вопрос о побеге. Все уже было подготовлено к этому. Друзья отговаривали его – это было слишком опасно, да и не предвещало никакой удачи. Басаргин упросил его отложить побег хотя бы на неделю, чтобы обдумать все хорошенько. Через три дня Ивашева вызвал к себе комендант Лепарский. Ему сообщили, что Камилла желает разделить с ним его тяжелую участь и просит разрешения направиться к нему в Сибирь. Известие об этом потрясло Ивашева, что пришло в такой нужный для него момент. Василию в это время было 33 года, а Камилле 22. Она стала добиваться разрешения. С

большим трудом, но добилась. В Москве в 1830 году разразилась холера, и она смогла выехать лишь в 1831 году. Приехав на завод, она несколько дней прожила у Волконской и у нее впервые встретила с Ивашевым. Оба были потрясены, Камилла потеряла сознание, но скоро пришла в себя. Через неделю состоялась их свадьба. Семья декабристов встретила милую и образованную девушку очень приветливо. Декабрист Одоевский посвятил ей стихи. Комендант разрешил новобрачным прожить месяц в их собственном доме, который выстроил Ивашев еще до приезда Камиллы, а затем она перешла в темный тюремный каземат мужа и оставалась там в течение года, пока женатым декабристам не разрешили жить в своих домах. В годовщину свадьбы Камилла писала своей матери: «Год нашего союза прошел как один счастливый день».

Срок пребывания на каторге у Ивашева заканчивался 10 мая 1836 года. Родители декабриста и мать Камиллы, желают навестить семью своих детей, долго добиваются этого, но им все время отказывают. Они не теряют надежды, считая, что как только Василия переведут на поселение, они смогут приехать к ним.

Ивашеву назначено было жить в Туринске Тобольской губернии, и он сразу туда выехал вместе с семьей. Ивашев уезжал из тюрьмы вместе с женою и дочерью ровно через десять лет после своего осуждения (первенец Ивашевых Сашенька умер в возрасте 1 года 4 месяцев в Петровском заводе). Вместе с Ивашевыми уезжает их большой друг декабрист Басаргин, живший с Ивашевым в одной камере.

Василий Петрович впервые мог написать письмо домой собственноручно, до этого им самим писать запрещалось, переписку со всеми вели жены. Было большим счастьем для родителей читать первое письмо от сына. Но надежда на встречу у стариков Ивашевых рухнула, их так и не пустили к сыну. Вскоре умерла мать Василия Петровича (1837 г.), а через полтора года отец.

В июле 1838 года тайно приехала к Ивашевым сестра Василия Петровича – Елизавета Петровна Языкова. В 1839 году приехала мать Камиллы, а в декабре того же 1839 года умирает Камилла. Она простудилась на прогулке, заболела и через 10 дней умерла. Ей было 32 года. Ивашев глубоко переживал смерть жены. Весь отдался заботам о детях, но пережил жену только на один год. В годовщину смерти жены он почувствовал себя плохо и неожиданно скончался от кровоизлияния в мозг. В день памяти Камиллы состоялись его похороны. Дети остались на попечении бабушки – матери Камиллы: Марии – 6 лет, Петру – 4 года, Вере – 2 года. Мать Камиллы с большим трудом добилась разреше-

ния вывезти детей из Сибири в Россию. Им разрешили поселиться только в Симбирской губернии. Дети были занесены в купеческое сословие под фамилией Васильевы и лишь через 15 лет после смерти Николая 1 получили разрешение именоваться по фамилии отца – Ивашевы. Старшая дочь Ивашевых Мария Васильевна Трубникова в 50-х годах XIX века являлась инициатором движения за женское равноправие.

Оболенский Евгений Петрович (1796 -1865)

Князь, поручик лейб-гвардии Финляндского полка. Член «Союза Благоденствия», «Северного общества». Осужден на вечные каторжные работы. Срок сокращен до 20 лет, до 15 и 13 лет. Отбывал наказание в Читинском остроге и в Петровском заводе. В 1839 году обращен на поселение. В 1841-1842 годах проживал в Туринске. Амнистирован 26 августа 1856 года. Скончался в Калуге.

Пуцин Иван Иванович (1798 -1859)

Лицейский друг А.С. Пушкина, судья Московского надворного корпуса, коллежский асессор, член «Священной артели», «Союза спасения», «Союза благоденствия», «Северного общества». Осужден к каторжным работам навечно. Отбывал каторгу в Читинском остроге и в Петровском заводе. В 1839 году обращен на поселение в Туринск. Переведен в Ялуторовск. Амнистирован 26 августа 1856 года.

Автор мемуаров «Записки о Пушкине». Похоронен в Бронницах Московской губернии.

Семенов Степан Михайлович (1789-1852)

Выпускник Орловской духовной семинарии и Московского университета. Член «Союза благоденствия» и «Северного общества». Осужден на вечное поселение. Служил в канцелярии Туринского суда. В 1831 году выстроил в Туринске дом, сохранившийся и поныне. В 1836 году переведен в Тобольск, где и скончался.

Декабристы в Ялуторовске

В Ялуторовске на поселении с 1829 года по 1856 год проживали девять декабристов (В.К. Тизенгаузен, А.В. Ентальцев, В.И. Враницкий, А.И. Черкасов, И.Д. Якушкин, М.И. Муравьев-Апостол, И.И. Пуцин, Е.П. Оболенский, Н.В. Басаргин).

Первым в городе был поселен Василий (Вильгельм-Сигизмунд) Карлович фон Тизенгаузен (1779 или 1780–25.10.1957 г.) Полковник, командир Полтавского полка. Член Южного общества с 1824 г.

В город препровожден из Тобольска в конце мая 1829 года. Место для проживания ему выделили на окраине города около кладбища. В 1830 году государственный преступник построил обширный деревянный дом, который неоднократно загорался и вновь отстраивался.

Так как Тизенгаузен жил один, был католиком, и в доме его не было икон, а в нижнем подвальном этаже стояло несколько больших статуй нимф, фавнов и олимпийских богов, ялуторовцы называли его чернокнижником и чародеем.

Именно он был одним из первых агрономов Ялуторовска. Около дома разбил на пустыре фруктовый сад. И каждый день вместе с наемными рабочими работал с заступом в руках. Он рассаживал яблони, устраивал аллеи, вскапывал клумбы и катил тачку с дерном, причем шутил: «На каторге выучился».

В августе 1830 г. из Пельма в Ялуторовск перевели декабриста Василия (Вацлава) Ивановича Враницкого (1785 или 1786–2.12.1832 г.) Полковник квартирмейстерской части. Член Южного общества с конца 1824 г.

Он приехал в город очень больным и поправиться уже не мог. Материальное положение его было тяжелым. В Пельме он еще как-то пытался противопоставить себя серой убогой действительности: играл на скрипке, делал зарисовки Пельма. Но уже в Ялуторовске, когда в декабре 1831 г. Враницкого поселили жандармские власти и спрашивали больного, не будет ли он о чем-либо просить высшее начальство, услышали в ответ, что «собственной воли иметь не желаю, так как давно морально мертвый человек».

2 декабря 1832 г. декабрист скончался. Государственных преступников до 1837 года на городских кладбищах не хоронили. Когда в 1836 г. в Ялуторовск приехал М.И. Муравьев-Апостол, могилы Враницкого он уже не нашел. Но город в память о декабристе в 1992 году поставил на старом кладбище надгробный памятник в виде скорбящего ангела.

Летом 1830 г. в Ялуторовск из Березово перевели Андрея Васильевича Ентальцева (1788–27.1.1845). Подполковник, командир 27-й конно-артиллерийской роты. Член союза благоденствия с 1820 г. и Южного общества.

Приехал он в город с женой Александрой Васильевной. В истории России есть замечательная страничка о русских женщинах, 11 женах,

невестах декабристов. Они выходили замуж за князей, военных, командиров. И когда декабристов лишили всех чинов, званий, они не бросили своих мужей, последовали на каторгу за государственными преступниками, чтобы облегчить их участь.

В Ялуторовске Ентальцевы у коллежского советника Шеншина купили большой дом за 1300 руб. В Сибири у Андрея Васильевича явилось влечение к медицине. Андрей Васильевич и характером больше соответствовал обязанностям врача: всегда ровный, со всеми одинаково приветливый. Ялуторовцы всегда долго вспоминали этого благодушного бессеребренника.

16 сентября 1836 года в Ялуторовск с каторги был переведен Иван Дмитриевич Якушкин (28.12.1793–11.8.1857). Отставной капитан, один из основателей Союза спасения, член Союза благоденствия, участник Московского заговора 1817 г., вызвавшийся совершить цареубийство.

Все свободное время И.Д. Якушкин занимался чтением книг по ботанике, философии, истории, математике. Летом он собирал в окрестностях города растения для гербария. Один из них, состоящий из 300 растений, отправил Свистуну в Курган, другой гербарий – в Москву. Результаты многолетнего изучения природы были изложены декабристом в трактате «Что такое жизнь?».

Среди просветительных начинаний сосланных декабристов особенное внимание современников и потомков привлекает к себе Ялуторовская школа И.Д. Якушкина. Никто бы не разрешил открыть училище государственному преступнику. Неоценимую услугу декабристам оказал священник Стефан Яковлевич Знаменский. Он с большим уважением относился к людям, пострадавшим за свои убеждения, и был горячим поборником просвещения народных масс. Знаменский взялся устроить при соборе церковно-приходскую школу. Школа после многих препятствий со стороны городничего и смотрителя 6 августа 1842 г. была открыта. Уже к маю 1846 года в этом приходском училище обучалось 200 мальчиков из Ялуторовска, его округа и некоторых соседних городов. И.Д. Якушкин с открытием школы смог реализовать еще одно доброе качество своей души – он не только видел в каждом человеке какие-нибудь способности, но обычно прилагал все силы, чтобы развить эти способности.

Декабристы, отбывая наказание в Сибири, продолжали добиваться своей главной цели – благоденствия России. Они развивали сельское хозяйство, торговлю, просвещение, медицину, метеорологию, юридиче-

скую службу и многое другое. В большом и малом старались сделать доброе дело для конкретного человека.

Иван Федорович Мамонтов – купец 3-й гильдии, переехал в Ялуторовск из Шадринска в конце 30-х годов XIX века. Он поселился на самой элитной улице города – Вознесенской (ныне Первомайская), недалеко от церкви Вознесения Господня. Иван Федорович делал карьеру, богател, обзаводился имуществом. Но при всем этом он был человеком гуманным и народу сочувствовавшим. Декабристы посещали его дом. 15 октября 1841 года у Мамонтовых родился сын Савва. Его крестили в церкви Вознесения Господня. В семье было семеро детей, но именно Савве суждено было стать знаменитым промышленником и меценатом. Ребенок невольно впитывал духовную атмосферу, которая окружала его в детстве. Это определило очень многое в дальнейшем его развитии. Со временем Ялуторовск стал тесен для предпринимательской деятельности Ивана Федоровича, и он переехал сначала в Чистополь, потом в Псков и в 1850 году навсегда обосновался в Москве.

В разное время в Ялуторовске проживало несколько ссыльных поляков. Они были репрессированы за участие в восстании в Польше 1830-1831 гг.

Так, Юлиан Росцишевский после подавления восстания был лишен дворянства и отправлен в Сибирь на поселение. В Тобольск он приехал в 1834 году. Затем жил в Таре, Кургане, ненадолго приезжал в Ишим и Ялуторовск.

В Ялуторовске проживали из ссыльных Готард Собаньский, студент Виленского университета Чернявский и варшавский гимназист Роман Цеховский. Граф Г.М. Собаньский был прекрасным музыкантом. Он был общительный и находчивый человек. Без него не проходил ни один вечер, устраиваемый ссыльными.

С ссыльными поляками тесные связи поддерживали польские декабристы. Особенно был дружен с декабристами Собаньский - полноправный член их тесного кружка, участвовавший в подготовке открытия школы.

В июле 1841 г. Готард Собаньский трагически погиб от рук грабителей в своем собственном доме. Декабристы тяжело пережили смерть друга. В Ялуторовск приехала мать Собаньского. На кладбище она установила памятник сыну – он и сейчас стоит там.

В 1855 году в Ялуторовске проживало несколько человек сосланных на поселение поляков. В это время все ялуторовские поляки были сосланы за основанное в Варшаве в 1848 г. общество, которое не имело

никакого политического характера: за границей печаталось много книг на польском языке, в самой Польше запрещенных цензурой. Несколько человек решили складываться и выписывать эти книги, читать их передавая друг другу. Нашелся среди них и доносчик. Их схватили, судили и заперли по крепостям, после чего сослали в Сибирь: одних на каторжные работы, других - на поселение. Поляки в Ялуторовске проживали в крайней нужде. Один из них в 1855 году нашел место учителя за 3 рубля серебром в месяц. Декабристы оказывали большую помощь этим людям.

Роман Петрович Цеховский оставил потомкам рисунок кабинета И.Д. Якушкина. По нему в наши дни в музее достоверно воссоздан этот интерьер.

После восстания в Польше в 1863 году в Ялуторовск прислали в ссылку 108 польских повстанцев и разместили их в доме Мясникова. Полякам приходилось отбывать ссылку тяжелее, чем все другим политическим ссыльным когда-либо бывшим в Ялуторовске. Они и умом и сердцем жили в Польше и ждали свободы каждый год, каждое лето, каждый час. И дождались общей амнистии только в 1896 году, в коронацию Николая II. Прибывши в Сибирь юношами, уезжали белобородыми старцами. Уезжали далеко не все, многие остались в Сибири навсегда.

Главным в жизни Саввы Ивановича Мамонтова было искусство. «Надо приучить глаза народа к красивому на вокзалах, в храмах, на улицах», – говорил Мамонтов. Двери его московского дома и двери его имения Абрамцево были широко открыты для людей, по-настоящему одаренных. Савва хорошо чувствовал талантливых людей. Он материально поддержал в трудную минуту и помог развить творчество Федора Ивановича Шаляпина, Михаила Александровича Врубеля, Виктора Васнецова, Константина Коровина и многих других.

Василий (Вильгельм-Сигизмунд) Карлович фон Тизенгаузен (1779 или 1780 – 1857)

Первым в Ялуторовск в 1829 году прибыл Василий (Вильгельм-Сигизмунд) Карлович фон Тизенгаузен – полковник, командир Полтавского пехотного полка, член Южного общества, осужденный по 7 разряду. Тизенгаузен был знаком с Пестелем, в его полку служил один из пятерых казненных декабристов – Михаил Бестужев-Рюмин. Тизенгаузен не принимал участия в восстании, находясь в это время в Бобруйске. Однако вскоре он был арестован и приговорен к каторжным работам и дальнейшему поселению в Сибири. Поселившись в Ялуторовске, Тизенгаузен построил собственный дом на окраине города. По воспоминаниям современников он жил несколько обособленно от других ссыльных.

Многое в образе жизни Тизенгаузена смущало местных жителей. Будучи лютеранином, он не имел в своем доме икон и даже по самым большим праздникам не принимал у себя местное духовенство. Был большим поклонником античной скульптуры, несколько раз, во время пожаров, в первую очередь спасал произведения искусства, хранящиеся в его доме. Отличительными чертами Тизенгаузена было крепкое здоровье и трудолюбие. Несмотря на то, что он был самым старшим среди декабристов, живших на поселении в Ялуторовске, Василий Карлович активно занимался физическим трудом. Неподалеку от своего дома им был посажен плодовый сад, дававший местным жителям первые сибирские яблоки. Тизенгаузен прожил в Ялуторовске более 20 лет. В 1853 году, в возрасте 72 лет он получил разрешение вернуться на родину – в Нарву, где скончался в 1857 году.

Пуцин Иван Иванович (1798 – 1859)

Иван Иванович Пуцин прибыл на поселение в Ялуторовск в 1843 году. Пуцин происходил из знатного рода – был внуком адмирала и сыном сенатора. Учась в Царскосельском лицее вместе с А.С. Пушкиным, Пуцин принадлежал к числу самых близких друзей поэта. Оставив карьеру в гвардейской артиллерии, Пуцин поступил на службу в уголовную палату, чтобы иметь возможность принять участие в общественной жизни страны. Пуцин активно участвовал в работе тайных декабристских обществ в Петербурге и Москве, непосредственно руководил восстанием на Сенатской площади. Был осужден по первому разряду к смертной казни, которая была заменена более чем на десятилетнюю каторгу в Чите и Петровском заводе. В Ялуторовске Пуцин вместе с Оболенским снимали дом купца Бронникова, который вскоре превратился в излюбленное место общения декабристов. Будучи юридически образованным человеком Пуцин неоднократно оказывал помощь местным жителям в сложных судебных тяжбах. В ссылке Пуцин вел обширную переписку. Им было сохранено более 1500 писем, среди которых – автографы и стихи Пушкина, Рылеева и Кюхельбекера. В доме Пуцина неоднократно находили приют дети и члены семей ссыльных. В его доме проживала вдова и дети поэта и декабриста Вильгельма Кюхельбекера. В 1840 году в Ялуторовске появился первый клавесин, выписанный из Москвы Пуциным, и впоследствии подаренный им Муравьеву-Апостолу, в доме которого устраивались музыкальные вечера. В 1856 году Пуцин покинул Ялуторовск. Вскоре он сочетался браком с вдовой декабриста Фонвизина – Натальей Дмитриевной, выдающейся женщи-

ной, общение с которой во многом вдохновило А.С. Пушкина на создание образа Татьяны Лариной. Супруги поселились в имении Фонвизинных, расположенном в селе Марьино Московской губернии. Однако здоровье Пущина было серьезно подорвано за годы ссылки. В 1859 году он скончался. В последние годы жизни Пущиным был написан ряд воспоминаний, среди которых особую ценность представляют «Записки о Пушкине», воссоздающие события лицейской дружбы декабриста с великим русским поэтом.

Якушкин Иван Дмитриевич (1793-1857)

В 1836 году в Ялуторовск был переведен Иван Дмитриевич Якушкин – отставной капитан, участник битвы при Бородино, один из основателей Союза спасения и член Союза благоденствия. Якушкин был осужден по самому строгому – 1 разряду и до прибытия в Ялуторовск пробыл 8 лет на каторге в Чите и Петровском заводе. В Ялуторовске Якушкину довелось пережить один из самых тяжелых ударов судьбы. Его супруга, воспитывавшая детей, так и не получила разрешения проследовать за мужем в Сибирь. На протяжении четырнадцати лет Иван Дмитриевич вел с ней оживленную переписку. В письмах родственников и друзей все чаще появлялись упоминания о болезни жены. В 1846 году Анастасия Васильевна скончалась. Якушкин тяжело пережил это известие. Отвлечься от горестных дум ему помогли лишь заботы о создании образовательных учреждений в Ялуторовске. В 1842 году, несмотря на многие трудности, Якушкиным была открыта Ялуторовская мужская школа. В 1846 году в память о жене им была организована женская школа. Открытие этих общедоступных для разных сословий учебных заведений стало важным событием в деле народного образования в масштабах всей Сибири. В период Ялуторовской ссылки Якушкин занимался изучением местной природы. В своих трудах по истории и философии он стремился предугадать пути будущего общественно-политического развития России. Значительный след оставил Якушкин и в истории русской литературы. Он являлся автором «Записок декабриста», опубликованных Герценом в Лондоне. Именно ему Петром Ершовым впервые был передан текст знаменитого пушкинского стихотворения «Во глубине сибирских руд...». Александр Сергеевич Пушкин упоминает имя Якушкина в поэме «Евгений Онегин», а Александр Грибоедов, вместе с которым декабрист учился в Московском университете, наделил многими чертами своего товарища героя «Горя от ума» – Чацкого. После амнистии 1856 года Якушкин, чье здоровье пошатнулось за

годы ссылки, покинул Ялуторовск и поселился в подмосковном селе Новинки, где скончался спустя год – в августе 1857.

Враницкий Василий (Вацлав) (1782(?)-1832)

Василий (Вацлав) Враницкий – полковник, член южного общества, осужденный по 8 разряду. По воспоминаниям современников — человек разносторонних интересов, хорошо умевший рисовать и играть на скрипке. Прибыл в Ялуторовск в 1830 году. До этого, в течение четырех лет он находился на поселении в Пелыме, где тяжело заболел. Не имея родственников в России, Враницкий был лишен какой-либо поддержки в суровых материальных лишениях. Ему выдавался лишь скудный солдатский паек. Несмотря на то, что в Ялуторовске друзья-декабристы прилагали усилия, чтобы облегчить участь Враницкого, его физическое и душевное состояние продолжалось ухудшаться. Он полностью утратил интерес к жизни, и почти не выходил на улицу. Незадолго до смерти на вопрос о пожеланиях, касающихся условий его содержания в Ялуторовске, Враницкий отвечал: «Собственной воли иметь не желаю, так как давно морально мертвый». Враницкий скончался в Ялуторовске в 1832 году. Ввиду того, что в те годы было запрещено хоронить государственных преступников на городских кладбищах, его могила была утеряна. В 1992 году на старом ялуторовском кладбище, где покоятся декабристы, был установлен памятник Враницкому в виде скорбящего ангела.

Черкасов Андрей Иванович (1799 – 1861(?))

Андрей Иванович Черкасов – поручик квартирмейстерской части, член Южного общества, осужденный по 7 разряду. После года Читинской каторги и Березовского поселения был переведен в 1833 году в Ялуторовск. Будучи сыном богатого тульского помещика, Черкасов получал от отца значительное денежное довольствие, и при случае всегда стремился помочь находящимся в бедственном положении товарищам. В 1837 году Черкасов наряду с некоторыми другими декабристами, отбывавшими ссылку в Сибири, был определен рядовым в отдельный Кавказский корпус. За отличия в боях ему был присвоен чин прапорщика. После увольнения с военной службы Черкасов жил в селе Володькове Белевского уезда.

Басаргин Николай Васильевич (1800-1861)

Последним на поселение в Ялуторовск прибыл Николай Васильевич Басаргин – поручик лейб-гвардии Егерского полка, старший адью-

тант главного штаба 2-ой армии расквартированной на Украине, один из активных деятелей самого радикального крыла декабристского движения – Южного общества. Николай Басаргин был приговорен к политической казни – символическому положению головы на плаху и дальнейшей пожизненной каторге. После десяти лет каторжных работ и дальнейших скитаний по сибирским городам в 1848 году Басаргин поселился в Ялуторовске. После многочисленных просьб о поступлении на государственную службу он получает скромную должность писаря Ялуторовского земского суда. В Ялуторовске Басаргин сочетается браком с Ольгой Ивановной Менделеевой – сестрой великого ученого. Будучи разносторонне образованным человеком, Басаргин, находясь на поселении в Ялуторовске, посвящал значительное время исследованиям социально-экономического устройства Сибири. В его «Записках» есть немало размышлений о выдающейся роли в будущем страны, Сибири — богатого природными ресурсами и незаурядными людьми края, которого не коснулось бремя крепостного права, сдерживавшее, по мнению Басаргина, развитие России. Николай Басаргин покинул Ялуторовск в 1857 году, последним из декабристов. Последние годы жизни он провел в деревне Вреево Владимирской губернии. Скончался Басаргин в 1861 году за несколько месяцев до официальной отмены крепостного права, против которого он выступал на протяжении всей своей жизни.

Ентальцев (Янтальцев) Андрей Васильевич (1788-1845)

Ентальцев (Янтальцев) Андрей Васильевич (1788 – 27.1.1845). Подполковник, командир 27 конно-артиллерийской роты. Из дворян. Отец – выслужившийся из «купеческих детей» коллежский асессор. Василий Ентальцев, мать – Варвара Григорьевна Черешникова (ум. 3.1.1847, дочь убитого в 1771 под Журжей генерал-майора Черешникова). Воспитывался в Петербурге в пансионе Мейера в 1798 – 1800. В службу вступил юнкером во 2 артиллерийский полевой батальон – 20.8.1801, переведен в 1 артиллерийский полк – 1.6.1803, переведен в 6 артиллерийскую бригаду – 23.8.1806, участник войн 1806 – 1807, подпоручик киевского артиллерийского гарнизона – 25.9.1807, переведен в с.-петербургскую резервную артиллерийскую бригаду – 5.10.1809, адъютант артиллерии при генерал-майоре Бухгольце – 31.3.1811, поручик – 20.1.1812, участник Отечественной войны 1812, за отличие в сражении при Смоленске штабс-капитан – 5.8.1812, за отличие в сражении под Красным награжден орденом Владимира 4 ст., переведен в 22 артиллерийскую бригаду – 3.6.1816. переведен в 26 легкую роту 13 артиллерий-

ской бригады – 17.5.1817, капитан – 17.6.1817. за отличие по службе подполковник – 15.9.1819, бригада переименована в 17 артиллерийскую бригаду – 20.5.1820, командир 7 понтонной роты – 20.10.1820, переведен в 20 артиллерийскую бригаду – 28.7.1822, командир 27 конно-артиллерийской роты – 25.1.1823. Крестьян не имел. Масон.

Член Союза благоденствия (1820 или 1821) и Южного общества.

Приказ об аресте – 30.12.1825, затребован в главную квартиру 2 армии – 6.1.1826, доставлен в Петербург из Тульчина на главную гауптвахту адъютантом генерал-майора Байкова гвардии поручиком Могучим – 20.1, 21.1 переведен в Петропавловскую крепость («посадить и содержать строго, но хорошо») в №4 Кронверкской куртины.

Осужден по VII разряду и по конфирмации 10.7.1826 приговорен в каторжную работу на 2 года, срок сокращен до 1 года – 22.8.1826. Отправлен из Петропавловской крепости в Сибирь – 7.2.1827 (приметы: рост 2 аршина 5 $\frac{6}{8}$ вершков, «лицо белое круглое, глаза голубые, нос небольшой, широкий, волосы на голове и бровях светлорусые, на левой ноге в колене имеет шрам от штыковой раны»), доставлен в Читинский острог – 4.4.1827. По отбытии срока по высочайше повелению водворен на поселение в г. Березов Тобольской губернии, куда прибыл в июне 1828, по ходатайству сестры Е.В. Сикстель разрешено перевести в Ялуторовск – 2.11.1829, задержался в Березове до вскрытия рек и для ликвидации выстроенного им там дома и прибыл в Тобольск (по дороге в Ялуторовск) – 8.7.1830, ходатайство о дозволении вступить рядовым в Кавказский корпус высочайше отклонено – 17.5.1831, дальнейшее пребывание Ентальцева в Ялуторовске было сопряжено с целым рядом неприятностей – сперва по доносам из Березова, затем в связи с делом о находившихся при его жене крепостных людях и по доносам городского Смирнова и губернского секретаря Портнягина. Результатом этого было психическое заболевание, для лечения которого разрешено временно перевести его в Тобольск – 26.5.1842, выехал вместе с женою обратно – 29.9.1842, «ибо медики объявили, что болезнь его – помешательство ума – неизлечима». Умер в Ялуторовске, где и похоронен.

Жена – Александра Васильевна Лисовская.

Ентальцева (Лисовская) Александра Васильевна (1790 - 24.07.1858.

Александра Васильевна Ентальцева, урожденная Лисовская, жена Ентальцева А.В., приехала за мужем в Читинский острог в мае 1827, после его смерти ей было запрещено покинуть Сибирь, она осталась в Ялуторовске и получала на свое содержание на общем основании из казна-

чейства 400 р. ассигнациями в год и по особому высочайшему повелению из Кабинета по 250 руб. асс. Это пособие (185 р. 70 коп. серебром) было сохранено за ней пожизненно и по возвращении в Европейскую Россию после манифеста об амнистии 26.8.1856, жила затем в Москве, где и умерла.

Сестра – Екатерина Васильевна, замужем за подполковником артиллерии, впоследствии генерал-майором Василием Христиановичем Сикстелем. Матери Ентальцева почти ежегодно, начиная с 1827, выдавались единовременные пособия из III отделения, на ее похороны пособие получила дочь Е.В. Сикстель.

Ялуторовский музейный комплекс – музей в Ялуторовске (Тюменская область), посвященный участникам движения декабристов.

Открыт 9 ноября 1927 года. Создан на основе краеведческого кружка при городской библиотеке. Первым директором стал член кружка, агроном по специальности Иван Юрьевич Озолин (1864–1948). В первые годы музей размещался в мемориальном доме Матвея Ивановича Муравьева-Апостола, в нём было три отдела: «Природа», «Труд», «Общество». В 1935 году получил название Краеведческий музей Памяти декабристов.

24 сентября 1996 года переименован в «Ялуторовский музейный комплекс». Комплекс включает мемориальные дома Матвея Ивановича Муравьева-Апостола и Ивана Дмитриевича Якушкина, Краеведческий музей и Дом природы. В доме Муравьева-Апостола воссоздан интерьер первой половины XIX века, собраны предметы той эпохи: книги с автографами хозяина, часы и мебель и др.

Историко-мемориальный музей Дом декабриста М.И. Муравьева – Апостол.

Дом русского дворянина, декабриста, участника войны 1812 г. Матвея Ивановича Муравьева-Апостола является главным экспонатом историко-мемориального музея. Он стоит на том же месте в городе Ялуторовске, на котором был построен местным купцом Белоусовым в конце XVIII в. Здесь воссозданы три мемориальные комнаты – гостиная, зала и кабинет. Музей обладает уникальными экспонатами: мебелью, книгами, гравюрами и другими вещами декабристов, которые помогают окунуться во времена той далекой эпохи. Здесь проводятся литературно-музыкальные салоны.

Историко-мемориальный музей Дом декабриста И.Д.Якушкина

В этом 2-х этажном доме жил в 19 столетии декабрист Иван Дмитриевич Якушкин, поселенный в Ялуторовск после отбывания каторги в Чите и Петровском заводе. В доме – памятнике федерального значения, размещена экспозиция, повествующая о жизни и деятельности декабриста.

В годы сибирской ссылки приезжали к своим друзьям в Ялуторовск М.Н. Волконская и С.Г. Волконский, П.А. Анненкова, С.П. Трубецкой, В.К. Кюхельбекер, М.А. Фонвизин и Н.Д. Фонвизина, которая после кончины мужа соединила свою судьбу с И.И. Пушциным, лицейским товарищем великого русского поэта. Некоторые исследователи считают, что А.С. Пушкин писал свою Татьяну Ларину с Натальи Дмитриевны Фонвизиной. В литературоведческих кругах также бытует мнение, что образ Чацкого навеян А.С. Грибоедову личностью И.Д. Якушкина.

Площадь декабристов

Гостей Ялуторовска на площади Декабристов (координаты N56°39.636' E66°18.566') встречает единый архитектурный ансамбль, состоящий из здания железнодорожного вокзала, станционных построек (начало 20 века) и мемориала, увековечивающего образы 9 декабристов, находившихся на поселении в Ялуторовске в 1829-1856 годах. В центральной части композиции – стела с устремленными ввысь мечами, которые держат руки, скованные цепями. На постаменте – известные строки поэта и декабриста А. Одоевского «К мечам рванулись наши руки, но лишь оковы обрели». Автор памятника – скульптор, лауреат Ленинской премии В.Е. Матросов, который в составе группы Е.В. Вучетича работал над созданием монумента на Мамаевом кургане в Волгограде. Портрета одного из декабристов – В.И. Враницкого, полковника квартирмейстерской части, члена Южного общества – не сохранилось. Его образ воспроизведен по словесному описанию следственной комиссии.

Роща Декабристов

Роща Декабристов» – памятник природы областного значения. Это лесной массив в 90 гектар, расположенный в черте города. Здесь гуляли и изучали Сибирскую природу декабристы, нередко здесь бывал знаменитый купец И.Ф. Мамонтов с маленьким сыном Саввой, приезжал в Ялуторовск в гости и любовался рощей Григорий Распутин.

Из переписки декабристов можно узнать, какое большое значение придавали они общению с природой и исследованиям в окрестностях Ялуторовска. В письме И.Д. Якушкина И.И. Пущину от 06.03.1840 года говорится: «Летом я исключительно занимаюсь ботаникой, с ранней весны до глубокой осени скитаюсь по окрестностям Ялуторовска и собираю травы. Для меня вся прелесть этой науки состоит в том, что, занимаясь ею, необходимо быть ежедневно и много на воздухе. Под чистым небом живется как-то удобнее, нежели под кровлей». Ссылным декабристам не разрешалось уходить от города далее двух верст. Поэтому находящаяся рядом березовая роща, как и окружающая природа, стала островком спасения.

Мемориально-духовный комплекс

Пантеоном памяти и скорби можно назвать целый комплекс архитектурных сооружений на старом кладбище, где соединилось сразу несколько исторических эпох.

До 1837 года государственных преступников не разрешалось хоронить на городском кладбище. О точном местоположении могилы декабриста В.И. Враницкого, который умер в Ялуторовске в 1832 году, можно говорить лишь предположительно. Память о нем увековечена в 1992 году, когда на старом кладбище установлен надгробный памятник «Белый ангел» работы скульптора В.Н. Шарапова. Рядом – памятное надгробие на могиле

Музейный комплекс участвует во Всероссийской конференции «Словцовские чтения» (Тюмень), Всероссийском фестивале «Тобольский музей встречает друзей», издаёт научные труды: сборник статей «Грани истории» (2002), книги «Ялуторовск: след в истории» (2003), «Ялуторовский район: люди и судьбы» (2004), историко-краеведческий альманах «Явлутур-городок» (2006).

Вышел во второй тур конкурса «Семь чудес России» (2007–2008) по Уральскому федеральному округу вместе с такими известными достопримечательностями, как Аркаим и Тобольский кремль.

В 1935 году во время ремонта в доме Муравьёва-Апостола под полом, на котором стоял печь, была обнаружена бутылка. Внутри находилось послание потомкам, написанное Муравьёвым-Апостолом. В нём автор кратко описал историю дома, перечислил жителей-декабристов и закончил его словами:

Для пользы и удовольствия будущих археологов, которым желаю всего лучшего в мире, кладу эту записку 18 августа 1849 года.

Послание стало одним из самых ценных экспонатов коллекции. Александр Городницкий, побывавший в музее в ноябре 1982 года, позже писал о нём:

Незадолго до смерти Матвей Иванович, забытый всеми и умиравший в одиночестве, положил в эту бутылку записку о себе и уже ушедших из жизни друзьях-декабристах, а бутылку спрятал под половицу около печки. Как будто не умирал в заснеженном сибирском городке, а тонул в бурном штормовом океане.

Литература

1. Афанасьева Л.И. Роль личности И.Ю. Озолина в становлении Ялуторовского музея в 1936-1944 годах //Словцовские чтения: Материалы докладов и сообщений XVI Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. Часть 1. Тюмень, 2004. С.70-72.
2. Базанов В.Г., Поэты-декабристы, М. – Л., 1950;
3. Ваганова Е.В. «В.К. Кюхельбекер на поселении в Сибири 1836–1846 гг.» – Улан-Удэ, 2001.
4. Воспоминания («Русское Богатство», 1904, № 3, 6, 7 (с сокращениями));
5. Декабристы и их время. – М.; Л., 1951;
6. Декабристы и тайные общества в России, изд. В. М. Саблина. М., 1906 г., стр. 63, 85, 112.
7. Декабристы. 86 портретов, изд. М. М. Зензинова. М., 1906 г., стр. 270–271
8. Дмитриев-Мамонов А. И., Декабристы в Западной Сибири. М., 1895 г., гл. XXVIII, стр. 159–161.
9. Записки В. И. Штейнгеля // Мемуары декабристов. Северное общество. – М.: Издательство МГУ, 1981, с. 236
10. Записки декабриста («Восточно-Сибирское книжное издательство», 1984, Серия «Полярная звезда»);
11. Зубарев Николай Васильевич (1917-1994) //Ежегодник Тюменского обл. краевед. музея: 1994. Тюмень, 1997. С. 266-267.
12. Кавказские воспоминания («Русский Архив» кн. I—II);
13. Королева Н. «В. К. Кюхельбекер: Вступительная ст. // В. К. Кюхельбекер. Избр. произведения: В 2 т.» – М.; Л., 1967. – Т. 1;
14. Котляревский Н., Декабристы. СПб., 1907 г., прил. II, стр. 414–415.
15. Литературное наследие. – М., 1954. — Т. 59;
16. Мамсик Т. С. «Декабрист В.К. Кюхельбекер: Типологиче-

ский портрет героического романтика (по материалам сибирской ссылки)» // Немецкий этнос в Сибири. Новосибирск, 1999. Вып. 1

17. Мамсик Т. С. «Хозяйство ссыльных декабристов братьев Кюхельбекеров» // Ссыльные декабристы в Сибири. Новосибирск, 1985.

18. Нечкина М. В. «Движение декабристов». – М., 1955. – Т. 1;

19. Полетаева Л. Г. «Любимец первый мой» // Лит. Чита. – 1999. – Янв.;

20. Своей судьбой гордимся мы // Декабристы в Сибири. – Иркутск, 1975.

21. Семенко И. М., Поэты пушкинской поры, М., 1970;

22. Терентьев И.С. Скромное пристанище Ивана Якушкина //Грани истории. Сборник краеведческих статей научных сотрудников Ялуторовского музейного комплекса. Ялуторовск, 2002. С. 10-13.

23. Тынянов Ю. Н. Кюхля, Л., 1925 (Текст: Ю. Тынянов. «Кюхля» в Библиотеке М. Мошкова);

24. Тынянов Ю. Н. Пушкин и Кюхельбекер (1934) (Текст: Ю. Тынянов. «Пушкин и Кюхельбекер» в Библиотеке М. Мошкова)

25. Тынянов Ю. Н. Французские отношения Кюхельбекера (1939) (Текст: Ю. Тынянов. «Французские отношения Кюхельбекера» в Библиотеке М. Мошкова)

26. Шестакова Н.М. История дома декабриста Матвея Ивановича Муравьёва-Апостола //Ежегодник Тюменского обл. краевед. музея: 1993. Новосибирск, 1997. С. 42-47.

27. Щеголев П., Записки декабриста бар. А.Е. Розена. СПб., 1907, стр. 62, 64, 65, 104, 109, 155, 279, 358.

ГЛАВА 4. ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙШЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ УРАЛА

4.1. СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ПРИРОДЫ И КУЛЬТУРЫ

Природа и культура с позиций современного научного понимания феномена культуры – противоположные антонимы, взаимодополнительные составляющие мира человеческого бытия. Биосоциальный дуализм сущности самого человека не мог не привести и к такого же рода дуальности организации среды обитания людей (пространственной, временной, интеллектуальной, символической и пр.), совмещения в ней естественной природной компоненты, обеспечивающей витальный аспект че-

ловеческого существования (солнечное излучение, атмосфера, вода, продукты питания, минеральные ресурсы), и мира искусственных порядков (в виде материальных объектов, символов, идей, социальных структур, языков коммуницирования и пр.), созданных самими людьми и обеспечивающих коллективный (социальный) характер их жизнедеятельности. Этот мир искусственных порядков как результат целенаправленной человеческой деятельности и принято определять в качестве культуры, противопоставляя его природе. С подобных позиций культура нередко определяется как совокупность элементов природы, переработанных людьми в своих интересах (понимая при этом в числе элементов природы и самого человека, в частности его мозг и способность к сознанию). Иначе говоря, природа – это все, что еще не культура, а культура – это все, что уже не природа.

Вместе с тем у ряда специалистов такого рода категорическое противопоставление природы и культуры не встречает поддержки (Лоренц, Холлоуэлл и др.). При этом они апеллируют к данным социобиологии, дающей достаточно оснований для определения социального поведения животных как функционального (а иногда и непосредственно технологического) аналога человеческой культуры в ее сегментах жизнеобеспечения, социальной организации, регуляции и коммуникации и некоторых других. С этой точки зрения, нет жестких границ между социальным поведением животных (как явлением природы) и социальным поведением людей (как явлением культуры), а основное различие природы и культуры заключается преимущественно в уровне сложности используемых способов и средств адаптации, консолидации, саморегуляции, трансляции опыта следующим поколениям (обучения) и прочее. При этом отмечается, что разрыв в уровнях сложности технологий жизнедеятельности между приматами и верхнепалеолитическими людьми во много раз меньше, чем между теми же верхнепалеолитическими и поздненеолитическими культурами (особенно в более поздних городских цивилизациях). При таком подходе противопоставление природы и культуры в значительной мере утрачивает смысл, и культура начинает рассматриваться как особый этап общей эволюции природы, на котором адаптация к среде посредством изменения видовой морфологии (у растений) и сочетания процессов видовой изменчивости со сменой стереотипов поведения (у животных) полностью вытесняется адаптивными реакциями посредством изменения и усложнения технологий и форм жизнедеятельности (у людей), включая и формирование искусственной сре-

ды обитания (что частично имеет место и у животных – жилища, тропы, плотины).

Так или иначе, но все специалисты согласны с тем, что культура обладает таким специфическим свойством, как ненаследуемость социального опыта генетически, а освоение его следующими поколениями только методом обучения и подражания (что свойственно и многим видам высших животных). Именно здесь, в вопросе о механизме накопления, обобщения и трансляции опыта жизнедеятельности пролегает основная грань между природой и культурой.

Важным аспектом соотнесенности природы и культуры является культура природопользования (экологическая культура) людей (включая культуру физического воспроизводства и реабилитации самого человека как биологического существа). По мере развития технических средств и роста эффективности технологий переработки материалов природы в человеческих нуждах все острее становится вопрос о нарушении баланса воспроизводства природных экосистем, разрушении жизнеобеспечивающих возможностей ландшафтов, вмешательстве в естественный отбор, поддерживающий «биологическое качество» человеческой популяций. Хотя эта проблема встала «в полный рост» только во второй половине XXв., на самом деле разрушительное вмешательство человека в природную среду имело место и в далеком прошлом (верхнепалеолитический продовольственный кризис в связи с массовым истреблением мамонтов и др. крупных животных; деградация ландшафтов, вызванная масштабным скотоводством, гибель лесов в Греции, молодая поросль которых поедалась многочисленными козами, опесчанивание Сахары и ряда районов Евразийской степи как результат кочевого скотоводства номадов; изменение ландшафтов Европы и Китая в связи с массовой распашкой, вырубкой и выжиганием лесов под земледельческие нужды и т.п.). Таким образом, проблема культуры природопользования, обобщения исторического опыта в этой сфере и выработки принципов неразрушающей эксплуатации ландшафтов по существу один из «вечных» вопросов бытия человека на Земле и норм его социокультурного функционирования, пока что еще не нашедших сколь-либо комплексного позитивного решения. Одна из сторон этой проблемы – мера допустимости искусственного (культурного) вмешательства в биологическую природу самого человека, лишения его жизни или каких-либо частных природных свойств, да и вообще «оборотная сторона» медицины, препятствующей природной «выбраковке» нежизнеспособных особей (аборты, эвтаназия, смертная казнь, стерилизация, трансплантация органов или

замена их искусственными, генная инженерия, зачатие в состоянии интоксикации и пр.). Все это вопросы не только социальные, но и прямо связанные с соотносительностью природы и культуры в самом человеке.

Литература

1. Давыдов Ю.Н. Культура – природа – традиция // Традиция в истории культуры. М., 1978
2. Кульпин Э.С. Бифуркация Запад – Восток. Введение в социальную историю. М., 1996
3. Маркарян Э.С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973;
4. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М., 1990
5. Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика исторического прогресса). М., 1996
6. Флиер А.Я. Культурогенез. М., 1995.
7. Хайнд Р. Поведение животных: синтез этологии и сравнительной психологии. М., 1975

4.2. ПОНЯТИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Цивилизация – (от лат. *civilis* – гражданский) – межкультурная культурно-историческая общность людей, основания и критерии для выделения которой, как правило, разнятся в зависимости от контекста и целей применения этого термина. Понятие цивилизации появилось еще в античную эпоху как определение качественного отличия античного общества от варварского окружения. Позднее, в эпоху Просвещения и в XIX в., термин цивилизация также использовался как характеристика высшей стадии социокультурного развития («дикость-варварство-цивилизация»). В XX в. в трудах Шпенглера, а затем Тойнби сформировалось иное значение этого термина как локальной моно- или полиэтнической общности с выраженной социокультурной спецификой, т.е. концепция «исторической цивилизации» (древнеегипетской, вавилонской, греческой, римской, китайской, индийской, византийской, мусульманской, средне-вековой, западно-европейской и т.п.). Были разработаны различные теории и концепции исторического процесса на основе идей саморазвития и саморазрушения автономных и самодостаточных локальных цивилизаций, противопоставляемые теориям глобальной исторической эволюции всего человечества. Именно в подобном значении

термин цивилизация, как правило, используется в современной научной литературе.

Вместе с тем, несмотря на наличие определенных эмпирических оснований для выделения локальных цивилизаций, в науке до сих пор не разработаны единые методологические принципы и критерии для классификации той или иной исторической общности в качестве автономной цивилизации, что представляется наиболее очевидной слабостью всех теорий цивилизаций. В последние годы получает распространение определение цивилизации как локальной межэтнической общности, формирующейся на основе единства исторической судьбы народов, проживающих в одном регионе, длительного и тесного культурного взаимодействия и культурного обмена между ними, в результате чего складывается высокий уровень сходства в институциональных формах и механизмах их социальной организации и регуляции (правовых и политических системах, специализированных компонентах и формах хозяйственного уклада, религиозно-конфессиональных институтах, в философии, науке, системах образования, стилистике литературы и художественного творчества и т.п.), при сохранении большого или меньшего разнообразия в чертах этнографических культур народов, составляющих ту или иную цивилизацию. Чаще всего такого рода цивилизации складываются на основании длительного вхождения разных народов в состав единого многонационального государства, что задает всем им однотипную традицию институтов социальной регуляции (например, цивилизация «римского мира», китайская цивилизация, российская цивилизация) или на основании религиозного единства, формирующего такого же рода единообразие системы ценностей и механизмов регуляции социальной практики (мусульманская цивилизация, средневековая, восточная и западно-христианская цивилизация) и т.п. Во всех перечисленных случаях элементы культурного единообразия складывались не стихийно, а под воздействием именно институциональных средств социальной организации и регуляции, детерминировавших уже и специфику ценностных ориентаций, и принципы социальной консолидации, и пр.

Использование категории цивилизации представляется наиболее операциональным при проведении компаративных и кросскультурных исследований различных региональных исторических сообществ как культурно-исторических типов.

Литература

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991

2. Ерасов Б.С. О статусе культурно-цивилизационных исследований // Цивилизации и культуры. Вып. 1. М., 1994.
3. История европейской цивилизации в русской науке: Античное наследие. М., 1991
4. Маркарян Э.С. О концепции локальных цивилизаций. Ереван, 1962
5. Новикова Л.И. Цивилизация как идея и как объяснительный принцип исторического процесса // Цивилизации. Вып. 1. М., 1992
6. Тойнби А. Постижение истории. М., 1991
7. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М., 1993

4.3. ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ КАМЕННОГО ВЕКА

Самая древняя страница истории Урала – эпоха камня, которая подразделяется на древний каменный век (палеолит), средний каменный век (мезолит) и новый каменный век (неолит).

Период палеолита

Палеолит Урала - эпоха в археологической периодизации (около 2,5 млн. – около 10 тыс. лет назад). Палеолит подразделяется на ранний (около 2,5 млн-около 200 тыс. лет назад), средний (около 200 тыс.- около 40 тыс. лет назад) и поздний, или верхний (около 40 тыс.- около 10 тыс. лет назад). На Урале известно около 50 памятников всех периодов палеолита.

Ранний палеолит представлен на Южном Урале (стоянка Мысовая) и Среднем Урале (стоянки Ельники II, 6-й слой грота Большой Глухой). Предполагаются связи с ранним палеолитом Средней Азии и Казахстана. Вероятный возраст раннепалеолитических памятников Урала около 200 тыс. лет.

Стоянки среднего палеолита (мустье) известны на Южном Урале (Богдановка) и Среднем Урале (Пещерный Лог). Каменный инвентарь Пещерного Лога характеризуется преобладанием изделий с двусторонней обработкой и близок по основным технико-морфологическим показателям памятников Южной Русской равнины и Крыма. Предположительный возраст среднепалеолитических стоянок местонахождений Урала около 50 тыс. лет.

Поздний (верхний) палеолит на Урале представлен памятниками раннего (32-24 тыс. лет) и позднего (15-10 тыс. лет) этапов. К ранней

поре верхнего палеолита относятся стоянки Приполярного (Бызовая), Северного (Медвежья пещера, Гарчи I), Среднего (им. Талицкого, Заозерье) и Южного (Горного) Урала.

Стоянки конца верхнего палеолита известны только на Среднем и Южном Урале. На Южном Урале к заключительному этапу верхнего палеолита относятся уникальные пещерные памятники с настенными рисунками: Капова и Игнatieвская пещеры. Выявлены изображения мамонтов, лошадей, абстрактные фигуры. Возраст настенных росписей 14-13 тыс. лет.

Пещерные настенные изображения – первые, наиболее ранние проявления изобразительной деятельности древнего населения Урала. Известны 4 пещеры на Южном Урале, в которых обнаружены настенные росписи: Каповая, Игнatieвская, Серпиевская II и Мурадымовская II.

Памятники эпохи палеолита на Урале

Пещера Шульган-Таш (Капова)

В настоящее время принадлежность пещеры Шульган-Таш к кругу древнейшего наскального искусства Европы не вызывает ни малейших сомнений. Широко признанная всеми специалистами как памятник природы и как памятник культуры она не уступает по своей важности и репрезентативности так называемым «гигантам» - пещерам с палеолитическими росписями и гравюрами Франко-Кантабрийского региона.

Известно, что в Западной Европе насчитывается более 280 местонахождений палеолитического наскального искусства, сосредоточенных в таких крупных центрах как Пиренеи, Аквитанский бассейн, в первую очередь Дордонь-Перигор, затем Керси, занимающий промежуточное положение между Арьежем и Дордонью, долина Роны, Ардеш. Следует заметить, что любое из западных подземных святилищ имеет свои, присущие только ему особенности. До сих пор сравнение с ними пещеры Шульган-Таш, также обладающей большим своеобразием, могло идти лишь по отдельным направлениям. Так, по протяженности и величине залов она так же монументальна как Нио (Арьеж), но стиль изображений, техника исполнения и сюжеты в Нио совсем иные. В другой арьежской пещере – Фонтане росписи расположены в труднодоступном втором этаже, но количество и способ передачи фигур во многом уступает Шульган-Таш. Если искать соответствия в красочной манере исполнения, то привлекается испанская пещера Альтамира, но там представлены иные сюжеты и иная стилистика. Если опираться на сюжеты, то наиболее многочисленные в Шульган-Таш изображения мамонта можно со-

поставить с их количеством в Перигоре, и в первую очередь в пещере Руффиньяк, но там большинство фигур представлено в технике гравюры и лишь несколько легких контуров нанесены черной краской. Использование естественных рельефов на верхнем этаже Шульган-Таш для передачи объемов фигур или деталей широко применялось и на Западе, в частности в пещерах Куньяк и Пеш-Мерль в Керси.

Наибольший интерес для сопоставлений представляют недавно открытые произведения искусства на стенах Большого Грота в Арси-сюр-Кюр в Бургундии. Он отстоит на 300 км от Руффиньяка и почти на 4 000 км от Шульган-Таш, но именно в нем последняя находит наиболее определенные черты сходства.

Капова пещера (Шульган-Таш) расположена в Белорецком районе республики Башкортостан, в горной части Южного Урала на правом берегу реки Белой. Вход в пещеру обращен на юго-восток и находится в логу, в 150 м от реки. Пещера протяженностью более 2 км имеет три основных яруса, по нижнему протекает небольшая речка Шульган. На третий ярус можно попасть, преодолев 14-метровый вертикальный отрезок скальной стены. В литературе Капова пещера упоминается с XVIII века, со времен первых академических экспедиций П. Рычкова. В 1959 году А.В. Рюминым в пещере были обнаружены древние изображения. С 1960 по 1978 год памятник изучался экспедицией О.Н. Бадера, после его смерти с 1982 года экспедицией В.Е. Щелинского. В пещере обнаружено более 50 изображений, выполненных охрой различных тонов. Размеры рисунков от 6 см до 1,06 м. Они размещены в четырех залах пещеры: в Купольном, Знаков и Хаоса (на среднем ярусе) и зале Рисунков (на верхнем ярусе). Изображения включают фигуры мамонтов, лошадей, носорога, бизона, антропоморфного существа, пятна краски и геометрические знаки. Фигуры животных переданы контуром, иногда с частичной заливкой фона, и силуэтом. Символические знаки представлены различными геометрическими фигурами в виде трапеций, прямоугольников и треугольников, осложненных другими элементами.

Главная галерея Большого Грота длиной около 500 м, покрытая обильными кальцитовыми натечками, известная с XVI века, рассматривалась как памятник природы. В 1990 году после очистки стен от копоти факелов и карбидных ламп многочисленных посетителей были обнаружены палеолитические росписи. После детального, но еще не законченного исследования установлены изображения или следы краски на протяжении почти 200 м различной степени сохранности.

Большая часть сохранившихся фигур располагается в двух смежных залах: Хаоса и Знаков. Фигуры переданы преимущественно красной охрой в виде простого линейного контура, сопровождающегося иногда красочным пятном внутри. По предварительному подсчету сюжетов обнаружено 8 мамонтов, носорог, бизон, лошадь (?), 2 оленя, горный козел, различные знаки и 7 отпечатков рук, из которых одна позитивная и 6 негативных.

Этот репертуар достаточно оригинален на фоне франко-кантабрийского искусства. Исследователи подчеркивают, что именно мамонт, составляющий более половины животных, является своеобразным иконографическим мотивом в Большом Гроте.

Что касается стиля фигур, то животные представлены в абсолютный профиль. Линия шеи-спины дифференцирована для каждого вида. Объемы тел хорошо переданы. Животные имеют характерные черты, близкие к анатомической реальности.

В зале Знаков обнаружен культурный слой, исследованный на площади около 50 кв.м. В нем найдены мелкие угольки, кусочки охры, украшения, костяные и каменные изделия, образующие коллекцию из 201 предмета. Сырьем для изготовления орудий служили кремь, яшма, известняк и песчаник. Среди изделий выделяются острия, скребки, выемчатые орудия, пластинки с притуплённым краем и некоторые другие единичные формы орудий. Найдены также 4 бусины из зеленоватого серпентина и блок известняка с красочным изображением. По углю из слоя имеются две радиоуглеродные даты, определяющие время создания изображений в этом подземном верхнепалеолитическом святилище: $14\ 680 \pm 150$ и $13\ 930 \pm 300$.

Уникальное наследие Каповой пещеры притягивает к себе внимание многих людей. О Каповой пещере сложено множество легенд, рассказов, стихотворений и др.

Игнатиевская пещера

Игнатиевская пещера - одна из крупнейших карстовых полостей на Южном Урале, в которой обнаружены верхнепалеолитические росписи. Пещера находится в Катав-Ивановском районе Челябинской области в северо-западных предгорьях Южного Урала со средними высотами от 200 до 700 м над уровнем моря, на правом берегу реки Сим - притоке реки Белой. Вход в пещеру размерами 12х12 м обращен на юго-восток и находится на высоте около 12 м над водой. Эта пещера одна из крупнейших в своем карстовом районе: общая длина ее ходов более 600 м. Пещера горизонтальная, просторная коридорного типа: ее средняя высота около 2,5 м, средняя ширина около 3 м; имеет 4 основных отде-

ла: Входной грот, Основной коридор, Большой зал и Дальний зал, попасть в который можно из Большого по двум узким лазам.

Игнatieвская пещера была известна башкирам с незапамятных времен под названием Ямазы-Таш. Первое ее описание составлено П.С. Палласом в XVIII веке. Позднее русские называли ее Игнatieвской, по имени христианского отшельника старца Игнатия, жившего поблизости. С начала XX века Игнatieвская пещера становится объектом археологических исследований, проведенных СИ. Руденко, С.Н. Бибиковым, О.Н. Банером. В 1980 году В.Т. Петриным, СЕ. Чаиркиным и В.Н. Широковым в Игнatieвской пещере были открыты настенные росписи. Изучение памятника проводилось с 1980 по 1986 год экспедицией В.Т. Петрина, в 1995 году - В.Н. Широкова.

За время работ удалось обнаружить и скопировать более 50 рисунков, сконцентрированных только в Большом и Дальнем залах, на расстоянии, превышающем 120 м от входа. В Большом зале фигуры нанесены на вертикальные и наклонные стены, на полусводы, в многочисленных нишах и на выступах стен, показывая пример интеграции скальной основы в изобразительный ансамбль. Изображения равномерно распределены в пространстве этого зала вокруг огромной колонны, на которой есть рисунки. В Дальнем зале основное количество изображений, образующих Красное и Черное панно, исполнено на потолке, и лишь немногие рисунки сделаны на стене. Практически все фигуры в пещере наносились с пола или блоков у стен, и только несколько мотивов выполнены с каких-то конструкций.

Размеры рисунков варьируют от 1,5 см (знак) до 2,3 м (животное), ширина линий, использованных для создания изображений, составляет от 1 до 5 см.

Цветовая схема изображений Игнatieвской пещеры включает краски двух цветов: красную с различными оттенками и черную. В Большом зале количественно преобладают красные рисунки (черные знаки отмечены только в трех местах), тогда как в Дальнем зале количество черных фигур значительно.

Репертуар изображений составляют животные, знаки, люди и неопределенные изобразительные мотивы. Среди животных преобладают воспроизведения мамонтов - 6 или 7, и лошадей - 4, две из которых не закончены. Кроме них есть рисунки быка, носорогообразного существа, составленного животного с туловищем верблюда, и фантастического создания, напоминающего мамонта.

Все животные в Большом зале показаны с определенной степенью схематизма, тонированными силуэтами, размерами от 20 до 30 см. Рисунки отдельных мамонтов практически лишены шейных перехватов, только один мамонт снабжен бивнями. Рисунок лошади исполнен без гривы и ушей. Конечности всех животных, за исключением одного, прямые, их количество у разных фигур отличается и составляет от двух до четырех.

В Большом зале имеется мотив красного цвета, который характеризуется либо как совмещающий черты человека и птицы в геральдической позе (человек-знак?), либо как авиаформа (около 20 см), что более предпочтительно. Все эти персонажи выполнены линейным способом.

Знаки очень многочисленны, их примерно в три раза больше, чем человеческих существ и животных. Размеры знаков варьируют от 1,5 см до более 1 м. Среди них имеются группы линий и отдельные черты, различного рода пунктуации, меандры, крестообразные и стреловидные формы, трезубец, треугольник, расчерченный параллелограмм, мотивы в виде лесенки и якоря, отдельные пятна. Один из знаков в виде круга, обрамленного с трех сторон отрезками, напоминает след носорога.

В Дальнем зале более натуралистичны изображения животных черного цвета, особенно это касается черного мамонта и лошади Черного панно. Однако они нарисованы с двумя прямыми конечностями - передней и задней, что придает им известную условность; какое-то движение ощущается лишь в фигуре мамонта, ноги которого изогнуты в коленных суставах. Пропорции лошадей «утяжелены», у большой черной лошади акцентировано ухо. Верблюжье туловище составленного животного очерчено тремя-четырьмя линиями. Определенную напряженность образам всех черных животных придают характерные прямые конечности; хотя у красного «носорога» четыре конечности, они также схематичны и напряжены, как и у остальных фигур. Корпус красного «носорога» контурный с частичной тонировкой, черные животные контурные и только одно, может быть, силуэтное (?); оба мамонта нарисованы с бивнями. Размеры черных зверей от 0,3 м до 1,3 м, красного «носорога» - 2,3 м.

Антропоморфные изображения в Дальнем зале представлены черным рисунком мужского существа (около 32 см) и красным рисунком женщины (около 1,2 м), составляющим великолепную комплексную композицию с большой фигурой «носорога». Есть также один черный рисунок фантома.

Согласно специальным анализом установлен состав некоторых красных красок. Их основу составляли оксиды железа: гематит, гетит, магнетит. Интересно, что, как и в Ляско, в пигмент делались добавки кальцита, гипса, кварца и полевого шпата, а также апатита органического происхождения, характерного для костных тканей. Такие же добавки характерны и для черных красок, которые подкрашивались, вероятно, углем. В некоторых образцах красной краски оказались и чешуйки слюды. Согласно выводам проведенного эти анализы специалиста: «Эти чешуйки являются украшением краски, поскольку при распределении красок на поверхности они укладываются все параллельно плоскости и красиво блестят от источников света». Каких-либо иных органических наполнителей красок не обнаружено.

Стратиграфические наблюдения в Большом зале позволяют синхронизировать культурный слой и изображения на стенах полости. По углю из слоя получены радиоуглеродные даты: 14 240±150; 13 335±192; 10 400±465; по костям животных - 14 038±490; 14 200±660.

Проведенные раскопки в разных частях пещеры позволили обнаружить культурный слой эпохи верхнего палеолита с многочисленными частицами угля от факелов и светильников, каменными и костяными изделиями, кусочками охры, украшениями и костями животных.

Кроме находок эпохи верхнего палеолита во Входном гроте и Низком переходе были обнаружены вещи более поздних эпох - бронзы и железа. В этой части пещеры древних рисунков нет.

Серпиевская II пещера

Пещера находится в 10-12 км выше по течению от Игнatieвской пещеры, возле села Серпиевка. О.Н. Бадером были сделаны интересные археологические находки. Серпиевская пещера в отличие от Каповой и Игнatieвской не обладает входом внушительных размеров: его высота не превышает 2,5 м.

Большая часть поверхности стен пещеры покрыта слоем сажи, как и почти во всех других горизонтальных и легкодоступных уральских пещерах. Отмывая сажу со стен, В.Н. Широков обнаружил в восьми местах остатки древних изображений. Все рисунки были выполнены краской красного цвета - охрой. Первые следы ее встречаются в 40 м от входа, в той части пещеры, куда не попадает ни один солнечный луч. Несмотря на настойчивые поиски изображений животных, удалось отыскать остатки только одной такой фигуры, но сохранность ее настолько плохая, что животное невозможно определить с точностью до вида. В

остальных семи группах сохранились остатки каких-то геометрических фигур, овальные пятна, группы линий.

Внутри пещеры возле одной из групп изображений были проведены раскопки. Данные раскопок весьма близки по составу и соотношению видов материалам, полученным в ходе раскопок культурного слоя Игнatieвской пещеры. Значит, посещение древними людьми Серпиевской II пещеры происходило тоже в конце палеолитической эпохи. Об этом свидетельствует и схожесть групп параллельных линий этих двух соседних пещер.

Заметна некоторая бедность репертуара Серпиевской II пещеры, но этому есть примеры и в Западной Европе. Возможно, Серпиевская II пещера была подчиненным объектом в проведении определенных обрядов, кульминация которых приходилась на Игнatieвскую пещеру. Но не исключено, что абстрактные рисунки могли иметь и самостоятельное значение с непонятным для нас смыслом и вообще представлять затухание изобразительной традиции в самом начале послепалеолитического периода, когда еще не прошла полная перестройка послеледниковых ландшафтов, на фоне которых продолжали жить приспособленные к ним виды животных.

В настоящее время большинство специалистов разделяет мнение о большой сложности и комплексности настенного искусства верхнего палеолита. Что касается пещерных памятников, можно твердо считать изображения, расположенные вдали от входа и часто в труднодоступных местах, не связанными с простой прихотью древних людей украшать подземное пространство. Жить в пещерах можно только во входных частях, о чем свидетельствуют и археологические исследования карстовых объектов. Поэтому подземные залы и галереи, скорее всего, имели священное значение и служили местом проведения неких сложных обрядовых действий. Восстановление во всем многообразии их и конкретных мифолого-религиозных представлений людей ледниковой эпохи вряд ли когда-нибудь будет возможно. Только отдельные стороны этой пещерной жизни поддаются реконструкции с той или иной степенью полноты.

Такое сочетание музыки, танцев, настенных изображений, часто в очень труднодоступных местах и вдали от дневного света, а также отпечатки ног на полу пещер более всего напоминают обряды посвящения, или инициации многих народов мира, стоящих на уровне первобытного развития. Примечательно, что следы ног на полу ни разу не принадлежали только взрослым, а были оставлены либо только детьми, в возрасте

от 8 до 15 лет, судя по размерам отпечатков, либо и детьми, и взрослыми.

Обряд инициации представляет один из частных случаев обрядов перехода, цель которых, согласно наблюдениям этнологов, дать возможность члену коллектива перейти от одной общественной позиции, роли к другой. К этим обрядам относятся родильные, похоронные, свадебные, возрастные, связанные с перемещением с одной территории на другую, от болезней и многие другие. Обряд перехода состоит из трех частей. Первая связана с отделением человека от старого, привычного окружения и его разрывом с прошлым. Вторая часть - это некое промежуточное состояние, «пустыня бесстатусности», по В. Тернеру. Третья часть обряда связана с включением посвящаемого в коллектив, уже в новом качестве. Главным содержанием инициации является приобщение неофитов (*так называют посвящаемых*) к тайным знаниям о миропорядке и включение в замкнутую общность. Обряды инициации не связаны жестко с возрастным периодом и могут проводиться у одних групп в 8 лет, у других - в 18. По словам М.В. Гендряковой: «Обряды возрастных инициации многоступенчаты, продолжительны, каждый последующий обряд ориентирован не столько на физический возраст, сколько на то, какие таинства открылись посвящаемому в предыдущий раз, и к каким церемониям он был допущен. Смена имени неофитов в ходе инициации также связана не с их физической зрелостью, а со степенью посвящения в таинства».

Самая главная часть обряда происходит, когда неофит совершает путешествие в сакральный мир, которое приравнивается к временной смерти. К обретенным во время этого «путешествия» знаниям люди относятся как к особому дару, который наделяет неофита качествами, недоступными «простым смертным», которые дают ему право занять более высокий социальный статус. Тема истории, вечного прошлого, которое всегда присутствует в настоящем, связана со становлением у посвящаемых представлений о времени и его циклическом движении. Деяния культурных героев и их жизнеописания - своего рода повествование о сотворении мира, о введении племенных законов и объяснение необходимости следовать традициям, корни которых скрыты в глубине времен.

Юноши во время обряда усваивали сведения о взаимоотношении полов, о брачных и общественных нормах поведения, о жизни тотемических предков. Обряд оказывал на мальчиков такое сильное психологическое воздействие, что с ними происходили поразительные перемены. Они «словно вырастали из своих прежних детских интересов, менялось

их отношение к самим себе, к окружающим, они переставали общаться с девочками, с женщинами, не позволяли себе капризничать, плакать, настойчиво что-то требовать у взрослых. Они сами становились взрослыми - не просто провозглашались ими, а именно становились».

Даже из этого поверхностного обзора ясно, насколько важное место в жизни первобытного общества принадлежит обрядам инициации.

Итак, уральские пещеры с древнейшими росписями предстают перед нами как места концентрации графической информации, важность которой заключена в способе ее размещения - во мраке подземного мира, вдали от солнечного света и часто в труднодоступных местах. Есть все основания считать такие места древнейшими святилищами, где проводились обряды, напоминающие те, что описаны этнографами. Эти обряды составляли важнейшую часть традиции передачи священных знаний о происхождении мира и его устройстве, явлениях природы, о человеке и его месте в этом мире, истории коллектива, к которому принадлежал посвящаемый, деяниях предков, культурных героев, об общественных нормах, регулирующих взаимоотношения людей и полов и многое другое, что составляло сущность представителя той замкнутой группы, в которую переходил после обряда иницируемый.

Значительная доля фигур мамонтов и лошадей среди анималистических образов роднит Каповую и Игнatieвскую пещеры с искусством Восточной Европы. Это же показывает и женская фигура из Игнatieвской пещеры, близко напоминающая некоторые скульптурки женских существ с восточноевропейских параллелей в пещерном искусстве Урала. Это может означать единство культуры населения от Атлантики до Урала во второй половине верхнего палеолита, ярко проявившееся в создании декорированных пещерных святилищ того времени.

Период мезолита

Мезолит – эпоха каменного века, занимающая промежуточное положение между *палеолитом* и *неолитом*. Ее основное содержание – адаптация человеческих коллективов к природным условиям послеледниковья – голоцена. Грандиозная перестройка всего комплекса природных условий (климат, гидрология, ландшафты, фауна) привела к крупным передвижениям населения, освоению новых территорий, изменению форм хозяйства, образа жизни и социальной организации. Материальная культура мезолита характеризуется высоким уровнем кремнеобработки, господством пластинчатых индустрии, широким распространением ряда технических новшеств – вкладышевой техники, крупных ру-

бьющих орудий, лука и стрел, лыж, саней, лодок и др. Основа хозяйства мезолитического населения – охота, формами и приемами во многом отличающаяся от палеолитической, и рыболовство, возникшее как самостоятельная отрасль только в эту эпоху.

На Урале эпоха мезолита – это время массового заселения региона. Количество открытых памятников исчисляется многими десятками. Особенно много их в бассейнах Камы и Вятки, Уфы и Белой, в верховьях рек Урала, Туры и Исети. В Северном Приуралье памятники обнаружены в бассейнах Вычегды и Печоры, в Большеземельской тундре. Слабо изучено Северное Зауралье, но и здесь выявлены отдельные мезолитические комплексы. Подавляющее большинство памятников – поселения; известны также кремнеобрабатывающие мастерские (*Голокаменная мастерская*), святилища (*Шайтанская пещера*, *Дыроватый Камень*). Поселения располагаются на речных террасах и по берегам озер. Особый интерес представляют торфяниковые стоянки (*Висский I торфяник*) в Северном Приуралье, где обнаружены разнообразные предметы из дерева, коры, травы, *Кокшаровско-Юрьинская стоянка* и *Шингирский торфяник* в горнолесном Зауралье, давшие богатые коллекции костяных изделий.

По современным представлениям, эпоха мезолита на Урале охватывает период с IX по VI(V) тыс. до н.э. Основная часть памятников на всей рассматриваемой территории датируется развитым и поздним мезолитом (VII-VI тыс. до н.э.). Мезолитическое население вело довольно подвижный образ жизни, что устанавливается по характеру поселений: выделяются как долговременные базовые поселения, так и сезонные, кратковременные стоянки.

Число жилищ в поселениях не превышало двух-трех. Зимние жилища – неглубокие полуземлянки – изучены в Среднем и Северном Приуралье, в Среднем и Южном Зауралье. Повсеместное распространение имели наземные каркасные постройки типа шалашей, чумов, служившие сезонными жилищами. В постройках и рядом с ними располагались очаги, хозяйственные ямы, рабочие площадки. Отсутствие прочной оседлости объясняется особенностями комплексного хозяйства, важнейшей отраслью которого была охота, а также существенную роль играла рыбная ловля.

Небольшие размеры поселений свидетельствуют о малочисленности производственных коллективов, состоявших, по-видимому, из нескольких родственных семей. Установлены факты обмена сырьем и изделиями между ними.

Исследование *святилищ* вскрывает сложную систему верований мезолитического населения. Многие деревянные и костяные изделия украшались орнаментом; известны и скульптурные изображения.

Предполагаются тесные контакты населения внутри региона. Этот фактор, в частности, считают одной из причин значительного сходства между культурами Среднего Приуралья и Зауралья. Роль мезолита в сложении уральских неолитических культур еще недостаточно изучена, но несомненно, что она была значительна.

4.4. ПАМЯТНИКИ ПЕРИОДА НЕОЛИТА

Неолит - заключительная стадия каменного века (VI - IV тыс. до н.э.) совпала с теплым и влажным атлантическим периодом. Оптимальное соотношение тепла и влаги определило наивысший расцвет растительного и животного мира Урала. Лесные пространства занимали значительную часть лесостепной и тундровой зон Урала. На Южном Урале граница между лесом и степью достигала положения, близкого к современному.

В неолите были освоены технология изготовления глиняной посуды и широко распространились такие способы обработки камня, как шлифование, пиление, сверление. Население Урала широко использовало богатые природные ресурсы, особенно разнообразные породы камня. Наряду с кремнем и яшмой употреблялись кварц, кварцит, гранит, слоистые породы - тальк, сланец, зеленокаменная порода, а также поделочные камни - халцедон, горный хрусталь и др. Сырье добывали в основном на поверхности. На Южном Урале исследованы кремнеобрабатывающие мастерские - *Усть-Юрюзанская, Учалинская, Карагайлы I, Синташтинские*, расположенные у выходов сырья.

Рыболовство и охота в условиях возникшей технической оснащенности и благоприятной географической среды оставались наиболее рациональными видами деятельности. Только на южной окраине лесостепной зоны (современная Оренбургская область) осваивается животноводство.

Различные географические условия Урала (степь, лесостепь, тайга) определили специфику культурогенеза Южного, Среднего и Северного районов Урала. В степной и лесостепной зонах междуречья Волги и Урала Л.Н. Моргуновой выделена волго-уральская неолитическая куль-

тура, сформировавшаяся на основе местного мезолита. Наиболее изучена *Ивановская стоянка*.

Керамика раннего неолита разделена на две группы. В первую включают остродонные, иногда с шиловидным дном сосуды, неорнаментированные или с редким прочерченным орнаментом. Во вторую - круглодонные сосуды с уплощенным дном и прочерченно-накольчатый орнаментом. Поздний неолит составляют комплексы с керамикой, орнаментированной гребенчатым штампом. В коллекциях, наряду с каменными, много костяных изделий: проколки, шилья, гарпуны, наконечники стрел.

В неолите увеличилась плотность населения, освоены пространства, особенно в северных районах Урала (*сумпаньинская группа памятников*). Охотники и рыболовы создали своеобразную материальную культуру, религию, искусство, образцы которого известны по археологическим источникам (графические изображения на сосудах и предметах быта, наскальные рисунки и т.д.).

Рассмотрим некоторые памятники эпохи неолита.

Памятники эпохи неолита на Урале

Писаницы Урала

Писаницы (камни-писанцы) - монументальные изображения, выполненные на скальных обнажениях. В настоящее время они известны более чем в ста двадцати странах мира в самых разных местах - от подземных пещер до высокогорных плато, от тундры до пустынь. Это хрупкое наследие наскального искусства, оставленного древними людьми.

На Урале рисунки на скалах после палеолитического времени называют также «писаницы», «писаные скалы», «камни-писанцы». Слова эти - производные от глагола «писать». По В.Далю, под писанцами понимали «неизвестные начертанья, чуждые письма, встречаемые на береговых скалах». Уральские писаницы, за редкими исключениями, расположены на обнажениях горных пород по берегам рек и реже - озер. Их можно встретить в долинах рек Вишеры, Туры, Тагила, Режа, Нейвы, Ирбита, Исети, Серги, Уфы, Ая, Юрюзани, Зилима, Белой, а также на озерах Большие Аллаки и Аргазы и др. Известно около 70 пунктов, где находятся эти памятники. Больше всего наскальных изображений открыто на реке Тагил.

В Сибири, на Европейском Севере известно множество технических приемов для создания изображений - рисунок краской, выбивка, гравировка и шлифовка. На Урале встречаются только росписи. Изо-

бражения выполнены красной краской различных оттенков: основу составляют оксиды железа - гематит и др. Пигмент готовился из порошка путем растирания оксидов. Затем в него добавлялась склеивающая основа - растопленный жир животных и (или) кровь. В зависимости от того, какие оксиды использовались для приготовления красящего пигмента, изменялся и оттенок. Например, бурый железняк давал желтовато-коричневые или близкие к бордовому цвета, если использовался гематит, то цвет получался ближе к сиреневому, с «холодной тональностью». На Урале обычно рисунки на плоскостях расположены группами из двух-трех и более фигур, но известны и одиночные изображения.

Часто рисунки наносились на скалу на протяжении до нескольких десятков метров. Как правило, фигуры выполнялись на светлом напек на горной породе, на плоскостях с отрицательным наклоном или под карнизом, что свидетельствует о стремлении создателей росписей сохранить их от разрушительного воздействия внешней среды. Плоскости с изображениями обращены преимущественно на юг, иногда с отклонением к востоку или западу. Только на отдельных памятниках наблюдается северная ориентировка панелей. Рисунки выполнялись либо пальцем, либо каким-то инструментом, практически все линии имеют ширину от 1 до 2 см, только в некоторых случаях достигают ширины 4-5 см. Наносились изображения либо непосредственно с земли, либо с искусственных сооружений, которые позволяли рисовать на высоте более 3 м. В некоторых случаях можно утверждать, что изображения создавались в то время, когда реки были скованы льдом.

Все фигуры на писаницах Урала выполнены в контурной, линейной и силуэтной манерах или их комбинациях, часто встречаются изображения в т.н. «рентгеновском» или «скелетном» стиле (показаны ребра или внутренние органы существ). Тематически в наскальных изображениях Урала представлены рисунки зверей, птиц, человеческих и человекообразных существ, различные геометрические фигуры.

Из зверей в основном воспроизведены копытные - лоси, косули, олени. Косули изображены исключительно на Южном Урале, а лоси и олени - на Среднем и Северном. Это полностью совпадает с территориями, где данные виды животных преобладают и в настоящее время. Кроме копытных известны рисунки медведя: четыре на тагильских скалах, по одному на реках Уфа и Юрюзань. В некоторых композициях имеются обобщенные фигуры каких-то более мелких зверей, изображения змеи.

Птицы представлены главным образом водоплавающими, в первую очередь утками и гусями. Фигуры птиц и зверей всегда изображены в профиль, только на отдельных писаницах есть животные в распластанной, «жертвенной» позе.

Антропоморфные существа показаны обычно в фас. Туловище рисовалось одной линией, реже силуэтом или контуром, иногда показывались ребра. Голова бывает округлой или раздвоенной. Немногочисленны персонажи с многолучевыми головными уборами, а также с головой в виде ромба. У многих показан хвост. Руки очень часто согнуты в локтях и опущены на пояс или бедра. Ноги у абсолютного большинства фигур изображены полусогнутыми, что придает этим существам динамику движения, пляски.

Характерной особенностью писаниц Урала является обилие геометрических фигур. Среди них есть как простейшие, в виде пятен, отрезков, прямых и ломаных линий, кругов, так и более сложные, состоящие из комбинаций различных элементов.

Создание писаниц Урала связано с циклическими календарными обрядами предков уральского населения - финно-угров. Связь писаниц с календарной символикой и охотничье-промысловым культом отразила те идеи населения Урала, которые известны из этнографии обских угров: привлечение добычи в ловушки и удержание ее в них; весеннее оживление природы и увеличение количества объектов промысла - зверя, птицы и рыбы. Некоторые композиции отражают тотемистические воззрения и мифологические представления, а также воспроизводят ритуальные сцены.

Возраст памятников различен, большая часть их создана на завершающих этапах каменного века (*неолит-энеолит*), но некоторые создавались и в *эпоху железа*, вплоть до начала II тыс. н.э. В письменных источниках содержатся сведения о том, что многие писанные скалы пользовались почитанием манси в XVII-XIX веках.

Среди авторов, обращавшихся к изучению писаниц Урала - участники первых академических экспедиций Ф.И. Страленберг, Д.Г. Мессершмидт, Г.Ф. Миллер. В XIX веке существенный вклад в изучение наскальных росписей внесли члены Уральского общества любителей естествознания, особенно М.В. Малахов, а также В.Я. Толмачев. В XX веке исследованиями писаниц Урала занимались археологи С.Н. Бибииков, О.Н. Бадер, В.Ф. Генинг, А.А. Формозов, В.Н. Чернецов, В.Т. Петрин и др. Важнейшая работа проделана В.Н. Чернецовым: его 2-

томный свод «Наскальные изображения Урала» наиболее полный как в описании, так и в анализе и обобщении материала.

Далее более подробно рассмотрим некоторые писаницы Урала.

Шайтанская писаница

Название памятник получил по скале Шайтан-Камень. Он расположен в Режевском районе Свердловской области, в трех километрах от поселка Октябрьский, на правом берегу реки Реж. Шайтанская писаница открыта в ноябре 1976 года В.Т. Петриным, А.Ф. Шориным, В.Н. Широковым.

Все скальное обнажение рассечено надвое широким вертикальным разломом. Древние изображения обнаружены только на правой, верхней по течению и более протяженной части Шайтан-Камня. Расстояние между крайними изображениями сто семьдесят метров. Все рисунки нанесены на высоте, не превышающей двух метров над осыпью.

Весь графический материал локализован пятью группировками, расстояние между которыми измеряется, как правило, десятками метров. Внутри группировок обособленные изображения выделены в группы. Большей частью это формально объединенные фигуры. Внутри групп и композиций выделяются составляющие их элементы, или фигуры - образные, знаковые.

Намеченная линия развития изобразительных особенностей зооморфных фигур памятника характеризуется тенденцией к схематизации. Наиболее ранними представляются выполненные в скелетном стиле - с ребрами или с передачей внутренних органов. Следующий этап - лишённые этих признаков изображения копытных. Причем такая деталь, как прерванная линия головы между ушами животного позволяет напрямую сопоставить такие рисунки с изображением лося на Ирбитском Писаном Камне. Таким образом, выявляется определенная пространственно-временная связь между двумя пунктами, подчеркиваемая единством характерного стилистического приема.

Поскольку связь археологического материала, обнаруженного на вершине Шайтан-Камня с изображениями проблематична, наиболее приемлемой попыткой датирования писанины является сравнение с графическими изображениями на вещах. Из такого сопоставления следует, что наиболее ранний пласт рисунков, выполненных в скелетном стиле можно соотнести с материалами раннего железного века. В то же время, антропоморфные фигуры с раздвоенной головой близки изображениям эпохи неолита и бронзы. Они сочетаются в отдельных сценах с живот-

ными, у которых показаны ребра. Ученые считают, что либо фигуры антропоморфных существ с раздвоенной головой «доживают» на писаницах до железного века, либо изображения животных с ребрами появляются на скалах ранее I тыс. до н.э.

Шайтанская писаница по богатству материалов не уступает лучшим наскальным изображениям реки Тагил. Но есть повод для тревоги. На Шайтан-Камне регулярно проводят свои тренировки по скалолазанию спортсмены из Режа и Екатеринбурга, что приводит к разрушению поверхностного слоя скального обнажения, на который нанесены древние рисунки.

Северская писаница

Памятник находится в Первоуральском районе Свердловской области, приблизительно в 3 км к северо-востоку от железнодорожной станции и поселка Северка. Северская писаница обнаружена в мае 1985 года группой свердловских школьников и их учителем В.Н. Прониным.

Древние изображения нанесены на пять горизонтальных блоков с западной стороны обнажения, расположенных вертикально один над другим. В целом рисунки имеют плохую сохранность, цвет краски очень бледный.

Все рисунки Северной писаницы можно разбить на 5 групп, каждая из которых находится на отдельном блоке.

Композиции Северной писаницы в целом хорошо вписываются в сюжетную схему, предложенную В.Н. Чернецовым. К третьему варианту первого сюжета можно отнести первую композицию третьей группы: копытное, заключенное в сетку. Аналогичные сцены зафиксированы на ряде уральских писаниц и находят интересные параллели в этнографических материалах.

Вторая композиция третьей группы Северной писаницы иллюстрирует один из вариантов второго сюжета, связанного, по В.Н. Чернецову, с загонной охотой на птиц. Вероятно, отрезками прямых и изогнутых линий показаны орудия, которыми птицы загонялись в какое-то охотничье сооружение. Еще более ярким примером к этому сюжету является вторая композиция четвертой группы. Здесь, кроме поражающих орудий и птицевидных фигур фиксируются остатки трех условно-антропоморфных существ. Изображения массивны, особенно выделяется центральная фигура с широким туловищем и каким-то странным головным убором. В руках этого существа находятся предметы, которые, вероятно, также можно интерпретировать как поражающие ору-

дия. Данных персонажей можно рассматривать как непосредственных участников облавной охоты. Подобные сцены также известны на Среднем Урале, например, по композициям Писаного Камня на реке Тагил.

Датировка писаницы затруднена. Ее нестандартное топографическое положение – значительное удаление от воды, необычная западная экспозиция скальных плоскостей с рисунками, очевидная индивидуализация антропоморфных фигур как будто указывает на относительно позднюю дату. В то же время выдержанные, канонические воспроизведения птиц со строго геометрическими туловищами близки аналогичным изображениям на сосудах позднего неолита – раннего металла.

Писаницы реки Нейва

Наскальные изображения в долине Нейвы известны в настоящее время в 6 пунктах, (не считая скалу с пещерой «Писанец») на участке, протяженностью около 12 км между поселком Зыряновским и городом Алапаевском.

Писаница Устьянчики расположена в Алапаевском районе Свердловской области, близ одноименной деревни на левом берегу реки, напротив рабочего поселка Зыряновского. Русло Нейвы проложено здесь с запада на восток. Скальная гряда, сложенная молочно-серыми известняками, начинается непосредственно за последними домами д. Устьянчики и тянется вдоль реки на 700-800 метров. В центре гряды, на отдельном обнажении высотой 7-8 м, обнаружена гребневидная фигура. Она нанесена на высоте около 3 м от подошвы скалы и примерно в 5,5 м над водой темно-бордовой краской и состоит из шести хорошо видимых вертикальных линий, соединенных между собой снизу одной горизонтальной немного изогнутой полосой несколько худшей сохранности. Размеры рисунка 17х15 см, ширина линий не превышает 1 см. Судя по высоте расположения, писаница была нанесена со специально созданной для этих целей конструкции или же просто суковатого бревна.

Далее вниз по течению по списку В.Н. Чернецова следует «группа больших скал, носящих название Коптелов Камень... Одиночные изображения, выполненные красной краской, обнаружены на верхней и нижней (по течению) скалах. На одной из них имеются две гребневидные фигуры и одна типа уточки. На другой – довольно сильно крушившаяся композиция, состоящая из ромбической решетки, в которую вписано изображение, возможно зверя, несколько выше – остатки параллельно расположенных косых черточек». Эти писаницы не следует объединять в одну, так как они находятся на разных скалах, расстояние ме-

жду которыми около 70 м, и носят следующие названия: Коптеловые I-й и II-й Камни.

Коптелов Камень I находится примерно в 2 км от поселка Зыряновского, в Алапаевском районе Свердловской области, на правом берегу реки. На высоте около 4 м над землей нарисована фигура копытного с прямоугольным туловищем, линейными шеей и головой с двумя ушами. Корпус пересекают две линии, параллельные линиям спины и живота, между которыми видны следы краски, две задние и одна передняя ноги животного плохой сохранности. Слева сверху на голову и шею копытного спускается сетка с почти квадратными полями. Примерно в полуметре выше этого рисунка изображен квадрат, поставленный на угол, размерами 11x11 см с вписанным в него косым крестом. Рядом с ним справа Ю.П. Чемякиным отмечен слабо окрашенный участок и полукруг с двумя отростками. Примерно в 30 см ниже и левее ромба с крестом на разрушенном сколами и трещинами блоке сохранилась фигура в виде половины ромба с вписанным в него ромбом меньших размеров и пятном в его центре. Длина рисунка около 30 см. Несколько выше и правее фигуры копытного находится сильно разрушенное изображение – неопределенный изобразительный мотив. Кроме перечисленных изображений еще в нескольких местах видны следы краски. Цвет ее на писанице различный: рисунок копытного светло-красный, квадрат с крестом более насыщенного тона, мотивы справа и слева от копытного близки к бордовому. Ширина линий, которыми выполнены рисунки, от 1 до 2 см.

Коптелов Камень II находится примерно в 70 м ниже по течению от предыдущей скалы и не отличается от нее ни по составу, ни по структуре, ни по высоте, только его фасадная часть уже, чем у Коптелого Камня I. На высоте около 3 м от подошвы скалы находится рисунок птицы, размерами 16x10 см. Корпус птицы контурный, почти правильной прямоугольной формы, разделен продольной линией, голова и шея линейные. На копии В.Н. Чернецова этот рисунок ориентирован горизонтально, в действительности птица изображена вертикально, головой вверх. Пропорции фигуры позволяют считать этот рисунок воспроизведением утки. В 12 см выше нее небольшой гребневидный знак с тремя зубцами, еще выше второй такой же знак с четырьмя зубцами. Сохранность этих знаков плохая, фигура птицы сохранилась значительно лучше. Она оранжевато-желтого цвета, ширина линий, которыми исполнена птица, не превышает 1 см.

Примерно в 2 км вниз по течению от Коптеловых Камней, на правом берегу излучины реки находится *Косой Камень*, получивший свое

название из-за крутого падения пластов известняка - около 45°. У подошвы обнажения падающие пласты образуют навес, шириной около 6 м и высотой до 4,5 м. На одном из блоков карниза навеса, на высоте около 3 м над землей нанесены несколько фигур. Верхняя представлена силуэтным рисунком копытного размерами 21x19 см, средняя часть туловища которого испорчена сколом. Хорошо видны только две конечности - одна передняя и одна задняя, подогнутые под брюхо, от двух других остались небольшие фрагменты. Интересной технической особенностью рисунка является то, что голова зверя была нарисована на небольшом выступе камня, который придавал ей объем; в настоящее время голова едва читается по двум небольшим фрагментам краски. Немного ниже видна гребневидная фигура с пятью «зубцами», обращенными кверху. Размер этого знака 24x10 см. Крайние «зубцы» представляют собой простые, немного изогнутые линии, а заключенные между ними, во-первых, расширяются к основанию, во-вторых, раздвоены вверху. Этими деталями данное изображение отличается от гребневидной фигуры писаницы Устьянчики. Вниз от левого края гребня опускается зигзаг, который, судя по расположению, соединялся с одной из четырех извилистых линий в нижней части композиции. Еще два параллельных зигзага, вернее их фрагменты видны примерно в 30 см справа от гребневидного знака.

Рисунки нанесены на плоскость, покрытую кальцитовым натёком, его потеки частично перекрывают поверхность изображений, изменяя при этом их цвет: если гребневидная фигура в средней части имеет цвет охры красной насыщенной, или близкой к бордо, то на периферийных ее участках тон цвета ослаблен. Еще бледнее фигура зверя.

Писаница «Двуглазый Камень» находится примерно в 300 метрах ниже по течению от предыдущего пункта и в 4-х километрах от пос. Зыряновского, в Алапаевском районе Свердловской области, на правом берегу р. Нейвы.

В своем труде В.Н. Чернецов пишет: «По словам Чернавина, скала, на которой Фроловым были открыты писаницы, названия не имеет... Д.Н. Эдинг, желая увековечить память Фролова... назвал в своем отчете скалу его именем...». В.Н. Чернецову показалось, что писаница исполнена на Двуглазом Камне. В действительности Двуглазый Камень находится на левом берегу Нейвы в 1-1,5 км ниже по течению от скалы с древними рисунками. Это высокое (более 20 м) обнажение, в средней части которого расположена небольшая пещера с двумя выходами. Со

стороны реки они напоминают глаза. В таком случае справедливее писать название писаницы в кавычках.

В.Н. Чернецовым выделено три группы изображений. Первая и третья группы незначительны по количеству рисунков, представленных в них. Первая, «самая левая... находится на высоте 3 м... и состоит из большого количества мелких черточек и пятен». В третьей группе отмечена схематичная антропоморфная фигура возле пяти параллельных зигзагов, ориентированных диагонально, а также остатки других геометрических фигур на некотором отдалении - меандра с отрезками и как будто остатки сотового и полусотового рядов. По количеству фигур самая большая средняя группа. По мнению Валерия Николаевича, она «не представляет собой единой композиции, а состоит из нескольких, в том числе и повторных». Несмотря на довольно яркий цвет краски и хорошую сохранность некоторых фигур, из-за многократного нанесения рисунков в этой части очень трудно выделить композиции. В целом, давая характеристику изображений две группы, можно отметить фигуры следующих типов. Зигзаги с отростками, ориентированные и вертикально, и горизонтально; есть зигзаги как одиночные, так и сдвоенные. Один из сдвоенных зигзагов с наклонными и иногда изогнутыми отрезками (протяженность 37 см) опускается от передней ноги копытного с прямоугольным туловищем и отвислым брюхом (размеры 27x18 см), в контур которого вписано множество точек, а на спине - сдвоенная дуга с отрезками; В.Н. Чернецов видел здесь вписанное «в загородку... изображение оленя или косули», а в фигуре над спиной животного - «изображение сторожевого лука». В этой части находится интересная композиция, которая, кроме упомянутых рисунков включает: две «антропоморфных» (по В.Н. Чернецову) фигуры без ног (правильнее рассматривать эти знаки как авиаформы) (размеры каждого рисунка около 5 см); окружность с отрезками - солярный знак (диаметр около 6 см); ряды точек и черточек, вертикально ориентированный зигзаг с отростками. Над фигурой животного находится шестиугольный знак и несколько отрезков. На писанице сделаны очень ценные наблюдения, касающиеся сохранности фигур и их подновления. Это относится к рисунку копытного, на длинных ушах которого отчетливо видны следы повторного нанесения краски, после чего они оказались наполовину короче первоначальных. Значит, создатели писаниц не только наносили новые композиции поверх старых, но и заботились о сохранности по крайней мере отдельных фигур, ретушируя их, что расходится с некоторыми важными выводами В.Н. Чернецова. Остается добавить, что это единственная из известных

на Нейве писаниц с таким большим количеством хорошо сохранившихся фигур, что резко контрастирует с уже рассмотренными выше писаницами с одним-двумя рисунками.

Писаница Старинная расположена на территории г. Алапаевска Свердловской области, в 3,5 км на юго-запад от д. Алапахихи. Камень Старичный высится на левом берегу Нейвы, в 80 м ниже впадения в нее речки Старичной. Левый борт долины Нейвы достигает здесь высоты около 20 м и залесен сосной и березой. Высота скалы 17-19 м, ширина около 24 м, форма близка треугольной.

Изображения находятся в восточной части скалы над уступом, на высоте около 5 м над рекой. На площади 0,5x0,4 м на высоте 1,5 м над уступом сохранились немногочисленные фигуры. Внизу справа расположен рисунок птицы, напоминающий пропорциями утку. Туловище контурное, его форма промежуточная между прямоугольником и треугольником, в него вписано три округлых пятна. Голова и прямая шея показаны двумя линиями. Размеры птицы 8x9 см, ширина линий около 1 см. Цвет краски - охра красная, близкая к бордо. Изображение частично перекрывает антропоморфную фигуру в скелетном стиле, верхняя часть головы которой разрушена. Судя по сохранившимся фрагментам рук, они были согнуты в локтях и опущены на пояс. С каждой стороны линейного туловища видны по два отрезка-ребра. Размеры сохранившейся части 7x8 см, ширина линии 1 см. Цвет краски - охра желтовато-красная, бледнее, чем фигура птицы. В 1 см слева от птицы находится еще одна фигура, напоминающая антропоморфную: нижняя часть согнутых в коленях ног и верхняя часть туловища с руками разрушена сколами. Венчает этот рисунок гребневидная форма с обращенными кверху шестью зубцами. Максимальные размеры существа 4x7 см, размеры гребня 9x4,8 см. В 2 см выше имеется еще одна такая же гребневидная фигура, но по тону светлее первой. В 9 см слева от этих рисунков расплывшееся пятно краски цвета желто-красной охры. Под ним видны еще несколько фрагментов краски, а слева - плохо сохранившийся вертикально ориентированный зигзаг. Складывается впечатление, что птица и антропоморфная фигура с гребневидной головой нанесены позднее остальных фигур.

Древнее святилище на озере Большие Аллаки (Каменные палатки)

В начале XX века на озере Большие Аллаки было найдено древнее святилище. Позднее выяснилось, что таких святилищ на этом озере было четыре. Местные жители называют эти места Каменными Палатками. За

тысячелетия ветра и дожди придали этим гранитным скалам фантастический вид. 7-5 тыс. лет назад на поверхности этих скал впервые появились рисунки. Они выполнялись природной краской – охрой. Изображения разнообразны. Ученых удивила одна из групп рисунков. Под скальным «козырьком» была изображена вереница пляшущих мужчин в странных головных уборах, снабженных как бы отростками-антеннами, но, скорее всего, схематично изображенными рогами животных – покровителей этой общины. Подобные головные уборы, чаще шаманские, у других древних народов Сибири дополнялись масками. Ученые считают, что в святилище у озера Большие Аллаки шаманы-жрецы изображали своих предков, могучих шаманов, пляшущими потому, что таким образом и они включаются в их волшебный танец, охраняющий от злых духов и помогающий достичь благополучия в делах.

Рядом со скалами святилища в начале XX века был найден «идол» в виде птицы из меди – вместилище чьей-то души. Археологи извлекли из раскопа каменные ножи и бронзовые наконечники стрел. Если судить по ним, то святилище действовало с перерывами на протяжении нескольких тысячелетий.

Святилище находится на севере Челябинской области. Примерно на расстоянии 100 км от города Челябинска. Располагается оно на восточном берегу озера Большие Аллаки. Рядом с поселком Красный Партизан и Аллаки.

4.5. ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Эпоха бронзы

Эпоха бронзы – второй крупный период в археологической периодизации первобытной истории, характеризующийся массовым освоением металлургии бронзы, изготовлением из нее орудий труда, оружия и украшений, употреблявшихся наряду с каменными или вместо них. Точные хронологические рамки эпохи бронзы указать трудно. Раньше всего, в середине IV тыс. до н.э., бронза стала известна в Южном Иране и Месопотамии. На рубеже III-II тыс. до н.э. бронзовая индустрия распространилась в Малой Азии, Сирии, Палестине, на Кипре и Крите, а в течение II тыс. до н.э. – по всей Европе и Азии. На Урале начало эпохи бронзы относится к первой четверти или к первой трети II тыс. до н.э., а конец – первым векам I тыс. до н.э. (обычно к VIII– началу VII в. до н.э.). Историческая значимость освоения бронзовой металлургии состо-

ит в том, что это открытие повысило производительность труда, обогатило производственный процесс в целом, дало лучшие возможности для распространения и закрепления положительного технического опыта, обеспечило серийное производство наиболее рациональных форм изделий, создало возможности для выделения ремесленников как особой социальной прослойки общества, изменило характер торгово-экономических связей.

Горный Урал, безусловно, являлся одним из важнейших центров развития металлургии бронзы. Здесь выявлен ряд крупных месторождений меди, разработка которых велась древним населением уже в эпоху бронзы: Каргалинские рудники Приуралья, Таш-Казган в Зауралье, Еленовка и Уш-Камта на севере Мугоджар и др. Металл из этих месторождений распространялся на широкой территории Волго-Уральского региона. Всплеск в развитии бронзолитейного производства приходится на период второй четверти II тыс. до н.э. и связан с активным производством в степной зоне Урала бронзовых изделий пластинчатого типа населения, оставившем памятники типа Синташта, Аркаим, Новый Кумак, Потаповка, петровской и абашевской культур. С этим населением исследователи связывают изобретение боевых колесниц и тактики колесничного боя.

На Урале сохранилось достаточно много памятников бронзового века. Мы рассмотрим некоторые из них.

Памятники бронзового века на Урале

«Страна городов»

«Страна городов» – условное название территории на Южном Урале, в пределах которой расположена компактная группа укрепленных поселений эпохи бронзы – памятников XVIII-XVI веков до н.э. «Страна городов» протянулась вдоль восточных склонов Урала с севера на юг на 400 км и примерно на столько же – с запада на восток. В настоящее время известно 17 пунктов с 21 укрепленным поселением, а также многочисленными селищами и могильниками. Укрепленные поселения Южного Урала древнее гомеровской Трои на пять-шесть столетий. Они современники первой династии Вавилона, фараонов Среднего Царства Египта и крито-микенской культуры Средиземноморья. Время их существования соответствует последним векам знаменитой цивилизации Индии – Мохенджо-Даро и Хараппы. Площадь одного укрепленного центра в пределах оборонительных стен составляла от 8 (Исиной I) до 34 тыс. кв. м (Черноречье). Несмотря на небольшие размеры, укреп-

ленные центры можно называть протогородами. Их отличают мощные оборонительные сооружения, монументальность архитектуры, сложные системы коммуникаций. Территория очень компактна и тщательно продумана. При характеристике «Страны городов» можно с уверенностью применять такие термины, как «ранняя государственность», «протоцивилизация», «протогород». Наиболее полную информацию об устройстве «города» – крепости представляет поселение Аркаим.

Аэрофотоснимки показывают, что поселения «Страны городов» имеют различную планировку – овал, круг и квадрат (прямоугольник). Самыми ранними из обследованных памятников «Страны городов», вероятно, являются поселения с овальной планировкой, затем появляются круговые и квадратные поселки. Все они относятся к одному культурно-историческому пласту. Различная геометрическая символика, выраженная в архитектурно-пространственных характеристиках «городов», отражает, скорее всего, отличительные особенности мировоззрения. Овальных поселений на территории «Страны городов» известно пять или шесть. Наиболее яркие памятники – Берсуат, Аландское, Исинея I, Кизильское. Примерно столько же круглых поселений. В качестве эталонных круглых памятников можно назвать поселки Синташта, Аркаим, Сарым-Сакла (Зингейка), Исинея II. Поселений, близких по форме прямоугольнику, насчитывается около десятка. Среди наиболее выразительных – Степное, Андреевское, Устье, Родники. Почти все прямоугольные поселки имеют сильно скошенные углы, что роднит их с овалами, однако ранние поселения имеют четко выраженную круговую внутреннюю планировку, а поздние – линейную. Отдельные укрепления фиксируются на современной поверхности как ромбы или многоугольники. Круги Аркаима и Синташты, квадраты Устья и Чекатая – это, безусловно, модели Вселенной. Вселенная в представлении индоиранцев повторяла магическую фигуру Мандалы – круг, вписанный в квадрат. Круг – небесное и женское начало, квадрат – земное и мужское.

Все укрепленные центры занимают ровные сухие площадки по берегам небольших степных рек, редко – озер. Эти участки обязательно вписаны в какие-то границы, обозначенные природой. Обычно они окружены водными протоками или прогибами старых русел, которые вода заполняет во время весенних паводков. В случае необходимости вырывали специальный канал, который соединял русла и создавал замкнутую водную систему. И в наше время в период весенних половодий многие площадки аркаимских поселений возвышаются как острова над водной стихией. Островное положение укрепленных центров связано скорее с

ритуальной организацией пространства, чем с потребностями обороны. Судя по материалам палеоклиматологии, и в глубокой древности наши малые степные реки не могли быть серьезным препятствием при ведении военных действий.

Поселения аркаимского типа отличаются друг от друга не только общими планировочными решениями при ведущих геометрических символах. Они отличаются также по разному количеству одновременно функционирующих стен и рвов, по наличию или отсутствию замкнутых внутренних укреплений («цитадели», «акрополя») или сооружений на центральной площади.

Планировочные решения «городского» пространства диктовали свои особенности сооружения входов, фланкирующих и привратных башен «города», расположения жилищ относительно оборонительных стен, а также создавали свою специфику в системе коммуникаций (организация ливневых потоков, перемещение людей и т.д.).

Однако независимо от того, какой план содержит в себе «город», в архитектуре и строительной практике различных укрепленных центров содержится столько общих черт, что не возникает никаких сомнений, что «Страна городов» отражает единый этнокультурный мир. На археологических данных это единство можно наблюдать в строительных материалах (кирпичах, блоках), в технологиях (глиняных заливках, каменных кладках), в традиции планировки жилого пространства аркаимского дома, в деталях бытовых сооружений, архитектурных модулях и, вероятно, в системе мер.

Оборонительные укрепления «Страны городов» поражают своей монументальностью и сложностью. Толщина основных стен по основанию составляет 5–5,5 м, дополнительных или стен цитадели 2-3 м. Их сооружали из крупных глинобитных блоков и частично облицовывали камнем (Аландское, Ольгинское). Обычно в основе стеновых конструкций находятся бревенчатые срубы или две продольные деревянные стены, связанные поперечными бревнами. Промежутки между стенами заполняли жидким грунтом (заливкой) либо сырцовыми блоками (Аркаим). Снаружи деревянные стены-срубы обмазывали глиной, обкладывали сырцовыми блоками, иногда в сочетании с камнем.

Реконструируемая высота бревенчато-грунтовых сооружений составляет около 3,5 м.

Перед оборонительной стеной проходил ров, стенки которого закреплялись деревом, сырцовой кладкой и плетнем, обмазанным глиной. Его глубина составляла 2-3 м при ширине от 4 до 6,5 м. Ров предназна-

чался для усиления защитной мощи стены и как бы увеличивал ее высоту (вертикальную составляющую). Ров содержался сухим.

За пределами рва с его внешней стороны может располагаться еще одна стена, сложенная из сырца (Аландское), или обваловка из грунта с деревянным бруствером-частоколом (Берсуат, Синташта). Перед обваловкой обычно прослеживается неширокое канавообразное углубление для отвода паводковых и ливневых вод.

Протогородская цивилизация («Страна городов») Южного Зауралья – это «супер-» и «метакультурный» (с точки зрения категории археологической культуры) феномен, являющийся составной частью динамической системы «культурной непрерывности» степного мира эпохи бронзы. При наличии большого разнообразия в проявлении культурно-образующих элементов керамика, домостроительство, фортификация, погребальный обряд и т.д. «Страна городов» характеризуется ярко выраженным единством стиля культуры. Этот стиль культуры формируется на раннем этапе существования «Страны городов» и переживает свой расцвет и свой упадок в пределах исторического и культурного пространства «Страны городов».

К настоящему времени раскопки были проведены на пяти укрепленных центрах. Однако они охватывали незначительные площади и были связаны с охраной разрушающихся участков культурного слоя. Одним из наиболее изученных остается поселение Аркаим, где археологическими раскопками вскрыта почти половина жилой площадки.

Аркаим

Поселение Аркаим расположено на юге Кизильского и Брединского районов Челябинской области, на левом берегу р. Б. Караганка, близ поселка Александровский. Открыто в 1987 году во время археологического обследования долины реки перед строительством Караганского водохранилища была организована аэрофотосъемка, в результате которой была получен снимок – план города. Круглый, как Стоунхэндж, имеющий тоже три сферических круга. Два года археологи, историки боролись за Аркаим... Благодаря решительным действиям ученых из Российской академии наук и Челябинского государственного университета, строительство оросительной системы было прекращено.

Раскопки Аркаима производились в 1987-1995 годы Урало-Казахстанской и Северо-Казахстанской археологической экспедицией под руководством Г.Б. Здановича. Поселение датируется рубежом III-началом II тыс. до н.э.

Архитектура Аркаима отличается четкостью планировочных решений. Поселение состоит из двух концентрических кругов жилищ, каждый из которых был окружен оборонительной стеной и рвом. В центре поселения находилась прямоугольная незастроенная площадь – ровная, хорошо утрамбованная площадка с центральным кострищем.

Внутреннее кольцо фортификационных сооружений (стена цитадели) имело диаметр 85 м и толщину 3-4 м. Оно было, вероятно, приспособлено для астрономических наблюдений. По своим параметрам стена цитадели близка кольцу менгиров Стоунхенджа (Англия) – древнейшей обсерватории Старого Света.

Внешняя оборонительная стена имела диаметр 145 м и ширину по основанию 4-5 м. Она состояла из бревенчато-грунтовой части и деревянного бруствера. На входах возвышались привратные башни, у основания стены проходил обводной ров глубиной до 2 м.

Внутри оборонительных стен зафиксированы остатки помещений и ниш. В эти помещения можно было попасть из жилых домов. Детали внутренних помещений на Аркаиме фиксируются нечетко из-за плохой сохранности сырцовых стен, сложенных из песчаного грунта.

Во внешнем круге поселка Аркаим хорошо выделяются четыре радиальные стены, делящие внешнее кольцо жилищ на четыре сектора и соответствующие четырем входам в поселок. Входы ориентированы по сторонам света с небольшими отклонениями, главный вход обращен на запад. Конструкции входов отличались особой сложностью. Только левые «ворота» главного входа напрямую выходили на круговую улицу поселка и имели ширину 5-6 м. Остальные входы представляли собой лабиринты, сооруженные внутри массивных радиальных стен. Длина лабиринтов – до 20 м, они начинались за пределами поселка и выводили к круговой магистрали внешнего жилого кольца. Проникнуть в поселок через тайные лабиринты входов, преодолевая значительное расстояние в сплошной темноте, безусловно, было опасно для чужака.

На аэрофотоснимках просматривается также третья линия защитных сооружений, которая представляла собой простую грунтовую обвалку и охватывала значительную территорию.

На поселении Аркаим выявлено 66-67 жилищ, из которых раскопано 29. Во внешнем кольце было 39-40 жилых сооружений (раскопано 17), во внутреннем – 27 (раскопано 12). Жилища располагались по кругу, имели в плане трапециевидную форму, площадь построек составляла 110-180 кв.м. Ширина жилых сооружений равна 6-8 м, длина – до 20 м. Дома пристраивались вплотную друг к другу и имели общие длинные

стены; окон у таких домов быть не могло. Жилища имели только два выхода: один – наземный – в короткой торцовой стене, другой вел по лестнице на кровлю со стороны противоположного торца.

По своему функциональному назначению в каждом жилом доме можно было выделить несколько зон. Почти все жилища начинались с небольших дворишков, где располагалась печь и яма со стоком в ливневую канализацию. Далее, через две-три ступеньки человек попадал в дом и шел по коридору, по обе стороны которого расположены небольшие помещения для отдыха малых семей. В этих помещениях могли располагаться только нары, здесь полностью отсутствуют очаги и какие-либо хозяйственные сооружения.

Примерно одну треть дома занимало помещение для общих сборов семьи и хозяйственной деятельности. В общем отсеке располагались: колодец, колодец-холодильник (хозяйственная яма, погреб), металлургические печи, печи общего назначения. В одном из углов этой площадки находился камин, в противоположном – лестница на кровлю. В жилищах обнаружены следы ритуальных действий и остатки предметов быта, в т.ч. из костей животных, фрагменты и целые керамические сосуды, бронзовые и каменные орудия, украшения и пр.

Из каждого дома можно было выйти на круговую улицу, мощеную бревнами. Под мостовой находился канализационный сток. К внутренней стене примыкало 25 домов, не имевших дворишков и выходивших прямо на центральную площадь. Центральная площадь, скорее всего, была общественным центром. Возможно, на ней помещался алтарь, а может, и универсальная солнечно-лунная обсерватория. В городе могло проживать от одной до двух с половиной тысяч человек.

Недалеко от города археологи нашли курганные и грунтовые захоронения (могильники) и погребальные храмовые сооружения, где были захоронены жрецы, воины и общинники. В погребениях оказались боевые колесницы, кони, оружие, предметы труда и быта, украшения. Среди украшений – пуговица из Египта. Значит, были какие-то связи с этой далекой страной.

Для археологов Аркаим стал счастливой находкой. В Средиземноморье или в Египте (а Аркаим «ровесник» крито-микенской цивилизации и Среднего Царства на Ниле) города строились на руинах ранее существовавших построек. Жители Аркаима, по-видимому, добровольно покинули город. Причины могли быть и природного и социального характера. Полуразрушенные постройки «страны городов» со временем покрылись песком и дерном, на травяном покрове снова, как в древно-

сти, стали пастись стада. Благодаря этому нетронутыми сохранились культурные слои, по которым можно судить о внешнем виде города, о быте его жителей. Кто же они были? Как выглядели? Исследования найденных останков свидетельствуют, что они принадлежали к индоевропейской расе. Об этом же говорит гранитная скульптурка, найденная при раскопках: человек сидит на земле, руки свободно лежат на согнутых коленях, а большая голова запрокинута к небу. Прямой нос, узкие губы, глубокие глазницы, лицом похож на гигантов с острова Пасхи.

Есть основания полагать, что жители Аркаима были огнепоклонниками. Об этом свидетельствует и тот факт, что, покидая город, жители подожгли его, и встречающийся на вещах символ огня – свастика.

С давних времен историки и лингвисты искали прародину народа, создавшего самобытную индоевропейскую культуру. Где, когда возникло племя, которое стало родоначальником европейских, иранских, индийских народов? Одни ученые связывали его с Малой Азией, другие – с Украиной, третьи уверены, что зародилось оно в долинах Дуная, называют Прибалтику, также существует «арктическая» теория... Однако установлено только то, что примерно в XVII-XVI веках до нашей эры арии (или арьи) вторглись в Индию и Иран. Данные Аркаимских раскопок позволяют думать, что пребывание ариев в «стране городов» предшествовало их разделению. Именно отсюда они ушли искать новые земли. Одни – в Индостан, неся с собой атрибуты цивилизации, более развитой, чем у аборигенов: бронзовое оружие, боевые колесницы, а главное – книгу «Веды», в которой записаны гимны богам, законы и философские рассуждения. Теперь их называют индоариями. Другие остались на месте, но позже, собрав вещи и предав город огню, тоже покинули родные пределы и снова разделились: одна половина пошла от Урала на запад, вторая – на восток, а затем в Иран. Последних ученые называют ирано-ариями. Именно ирано-арии являются создателями священной книги «Авеста».

Если русские сумеют почувствовать себя преемниками людей, которые возвели когда-то Аркаим, – никто не сможет ни оборвать, ни опустить в забвение эту нить.

Аркаим – это степи поют.
Аркаим – сердце ищет приют.
Аркаим – это город-кольцо,
Это ветер в лицо,
Это сказочный мир.

Аркаим – это звездная ночь.
Аркаим – это солнечный дождь.
Аркаим – это чья-то мечта,
И всю ночь до утра
Разговор у костра.

Аркаим – это эхо веков.
Аркаим – это пламя костров.
Аркаим – это мысли полет,
Это сердце поет,
Это вечная Жизнь.
Аркаим, снова солнце встает.

Аркаим, нам сегодня в поход.
Аркаим, и прощаясь с тобой,
Мы посмотрим вокруг.
Через призму веков. Аркаим...
Л. Семенова

Переходное время от эпохи бронзы к железному веку характеризуется археологическими культурами с крестовой орнаментацией глиняной посуды на Урале: лебяжской, лозьвинского типа памятников и гамаюнской (каменогорской) и сдвигом некоторых групп этого населения в лесостепную и северостепную зону Урала. В этническом плане население эпохи бронзы Урала связывают с ранними этапами формирования и активного взаимодействия между собой народов финно-угорской (лесная зона) и индоиранской (индоарийской) языковых семей.

4.6. ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Период раннего железного века

Железный век - третья и последняя стадия по археологической периодизации эпохи в развитии человечества, начавшаяся с распространения металлургии железа, массового изготовления железных орудий труда и оружия. Сменила бронзовый век. В эту эпоху происходит разложение первобытнообщинного строя и переход к классовому обществу.

Хронологические рамки железного века варьируют в зависимости от конкретного региона, при этом определяющим фактором является переход к массовому производству орудий из железа.

Для уральского региона и прилегающих к нему территорий начало железного века, в значительной степени условное, определяется VIII-VII веками до н.э. К этому времени железные изделия появляются только в приуральских степях у кочевых племен *савроматской* культуры. У охотников, рыболовов и скотоводов лесостепной и южно-таежной зон собственное производство железа зарождается не ранее V-IV веков до н.э. и связано с развитием двух мощных очагов цветной металлургии и металлообработки: *иткульского* - в Зауралье и *ананьинского* - в Волго-Камье. У рыболовов и охотников северной тайги (Северное Приуралье, Северо-Западная Сибирь) изделия из нового металла известны с конца I

тыс. до н.э., а следы собственной черной металлургии относятся к I тыс. н.э.

На стадии раннего железа (VII в. до н.э.- II в. н.э.) на Урале обитают различные по уровню развития, антропологической и этнолингвистической принадлежности общества, впервые освоившие металлургию железа и стоявшие на грани перехода к классовым отношениям. В степной зоне - это европеоидное население, принадлежавшее к североиранской ветви индоевропейского языка, в лесостепи, тайге и тундре - финно-пермское (Приуралье), угорское и угро-самодийское (Зауралье, Западная Сибирь).

В VII-VI веках до н.э. ведущими для южно-зауральских племен были взаимоотношения с кочевниками Центрального и Северного Казахстана и Восточного Приаралья. В этот период население Южного Зауралья получало от центральноказахстанских племен цветной металл и изделия из него. Вещи из погребений этого времени на юге Челябинской области очень близки предметам, находимым в азиатских степях - в Казахстане, на Алтае, в Туве (*Варненские курганы; случайная находка у села Маринское; Николаевка II, курган I, могильник Путиловская Заимка I и др.*).

С конца VI века до н.э. активно функционируют торговые пути, связывающие Южный Урал со Средней Азией, лесостепным Подоньем и Приднепровьем, степной Скифией. В обмен на медь, золото, пушнину южнозауральские кочевники получали предметы, изготовленные в ремесленных центрах Средней Азии и греческих городах Северного Причерноморья или поступавшие в них из более отдаленных стран - Индии, Ирана, Малой Азии, Сирии, Египта, Финикии и т.п. (*курган Темир; Варненские курганы, курган III, курган у села Мирное, Дружное; курган Саржан-Ксшау; Мавринский увал, курган II*).

Следствием постоянных военных столкновений в пограничье лесостепи и степи явилось массовое строительство городищ в лесостепи и лесной зоне, формирование комплексов вооружения, захоронения воинов и рядовых общинников с оружием, многочисленные следы разрушений первобытных поселений, украшения в *зверином стиле*, упоминания античных и римских авторов о военно-племенных союзах сарматов и многих др. Ускоренными темпами шло имущественное и социальное расслоение в кочевых обществах степи и лесостепи.

В лесной зоне культура трансформировалась медленнее, но с явными различиями зауральского и приуральского ареалов.

Во второй половине раннего железного века в Прикамье получают дальнейшее развитие скотоводство, земледелие, черная и цветная металлургия, охота. Формируется пушной торговый путь, связывающий цивилизации юга, скифо-сарматский мир и таежные общества Урало-Сибирского региона. С этого времени пушная торговля становится главным фактором имущественной и социальной дифференциации лесных сообществ. Происходят существенные изменения в мифологических представлениях местных племен (*пермский звериный стиль*). В Среднем и Северном Прикамье появляются большие и малые культовые центры - костища (*Гляденовское костище, костища в Прикамье*).

Памятники железного века на Урале

Пермский звериный стиль

Звериный стиль - так археологи условно назвали распространенное в древнем искусстве направление, признаком которого являлось изображение животных, частей их тела, а также композиции в сочетании с человеческими фигурами. Среди разнообразных звериных стилей особое место занимает пермский звериный стиль. Находки предметов, относящихся к этому направлению, сделаны не только в Пермской области, но и в соседних землях ниже по Каме, по реке Вятке, в верховьях Печоры. Они имеют много общего со скифо-сарматским стилем, но все же существенно отличаются в художественных приемах, в характере самих изделий.

Искусство пермского звериного стиля принадлежит загадочно исчезнувшей чуди, предкам современных коми-пермяков, удмуртов, ханты и манси, и связано с видом их деятельности - охотой, а также с языческим верованием в обожествляемое животное или растение, считающееся предком рода. Искусство это зародилось приблизительно в середине первого тысячелетия до нашей эры и дожило до начала второго тысячелетия нашей эры. Название это условно. Оно принято в период первых исследований предметов этого стиля (вторая половина XIX в.), найденных на территории бывшей Пермской губернии, главным образом в бассейне Верхней Камы.

Все предметы пермского звериного стиля можно условно разделить на две большие группы.

Часть из них «фигурки зверей и птиц» встречаются на всех типах археологических памятников (в могильниках, на поселениях, культовых местах). Анализ их расположения в погребениях показывает, что, наряду с бусами, гривнами, разнообразными подвесками и пронизками, эти

предметы являлись украшениями и после смерти владельца попадали в погребение как «сопровождающий инвентарь». В то же время несомненно, что украшения выполняли не только эстетическую функцию, но и несли определенную смысловую нагрузку.

Украшения, выполненные в зверином стиле, довольно разнообразны и представлены подвесками и пронизками, отлитыми из различных медных сплавов. Многие из них после отливки отшлифованы до блеска, обработаны резцом. Наиболее часто встречаются украшения с изображениями птиц водоплавающих (лебедь, утка) и лесных (тетерев, глухарь), а также хищных птиц, клюющих добычу. Многочисленны и разнообразны коньковые подвески. В основе некоторых изображения медведя, пушных зверьков (соболя, куницы). Украшения часто характеризуются реалистичностью образов.

Другая часть предметов, выполненных в зверином стиле - это разнообразные вотивные (культовые) бляшки с зоо- и зооантропоморфными образами и сложными композициями из них. В зооморфные изображения входят фигурки летящих птиц, изображения медвежьих голов, ящеров, композиции из различных животных. В антропоморфные изображения - антропоморфные идолы, личины, бляшки с изображениями человеко-лосей. Все они выполнены в технике плоского и полурельефного литья с последующей гравировкой, чеканкой, напайкой деталей. Многие имеют отверстия, скобочки для подвешивания, подставочки.

Все исследователи сходятся в том, что в этих бляшках отражены представления древнего населения об устройстве мира и месте человека в нем, закреплены знания о природе и человеческом обществе. Именно поэтому они являлись коллективной собственностью и играли важную роль в древних обрядах. Этим объясняется тот факт, что все бляшки найдены, в отличие от украшений, на поселениях и в основном на культовых памятниках - жертвенниках, священных местах. Исключение составляют фигурки летящих птиц, которые встречаются и в могильниках. В двух известных случаях они были воткнуты в землю перед керамическим сосудом, в котором лежали обгорелые кости. Очевидно, подобные фигурки играли особую роль в погребальном обряде, отражающем представления древнего населения о смерти, душе и загробной жизни.

Классификация богатого и разнообразного материала позволила исследователям выявить ряд семантических и художественных особенностей пермского звериного стиля, определить ареал распространения различных типов изображений.

Для пермского звериного стиля характерны следующие образы: водоплавающие, лесные, хищные птицы, медведь, соболь, конь, лось, фантастическая птица со звериной мордой, летящая птица с личиной на груди, фантастическое ящероподобное существо, антропозооморфные фигуры с признаками человека, птицы, лося. Сложные образы составляют главную особенность пермского звериного стиля.

Для пермского звериного стиля характерен ряд художественных особенностей: стилизованный реализм изображения, вписывание композиций в круг, высокая техника объемного и плоского литья, отсутствие сложных орнаментальных мотивов. Орнамент чаще всего играет подчиненную роль: линии веревочного и точечного орнамента, насечки подчеркивают детали, обрамляют композиции.

Ареал распространения предметов пермского звериного стиля включает территорию Верхнего и Среднего Прикамья, бассейны Вычегды и Печоры вплоть до морского побережья. Основная масса изображений найдена в Прикамье. Вероятно, это объясняется лучшей изученностью данного района. Для всей очерченной территории характерны одинаковые сюжеты и образы. На Европейском Северо-Востоке известны лишь бляхи и подвески с изображением медвежьих голов, лежащих между лап.

С середины I тыс. появляются и новые образы и мотивы - «кричащая» птица, борьба хищной птицы со зверьком. Наиболее богат и разнообразен комплекс вещей VI-VII веков. Не зря это время исследователи называют «золотым веком» пермского звериного стиля.

В дальнейшем ряд образов, по-видимому, утрачивает свой первоначальный смысл, и происходит неизбежная смена реалистично выполненных образов схематичными, стилизованными. Вотивные образы (медвежья голова между лап) переходят на украшения, усиливается декоративность украшений. Многие сюжеты исчезают. Первая четверть II тыс. – это время заката своеобразного искусства металлической пластики.

Однако пермский звериный стиль оказал значительное влияние на все последующее развитие изобразительного творчества северных приуральских народов: его характерные черты были унаследованы и сохранены в вышивке, ткачестве, меховой мозаике, деревянной скульптуре.

Курган Темир

Весной 1982 года в лабораторию археологических исследований Челябинского госуниверситета поступило известие о распашке кургана

в Чесменском районе Челябинской области. При снятии насыпи бульдозером были обнажены деревянные конструкции и вывернуты два бронзовых котла.

Курган Темир находился на землях Березиновского совхоза между поселками Новотемирский и Березиновка, на водоразделе рек Урала и Тобола и занимал вершину одного из увалов в 2-2,5 км от озер Зингейка и Рыбное. До начала распашки он имел диаметр 24-26 м и высоту около 2,5 м.

Погребальная камера обнаружена в южной половине подкурганной площадки. В основе ее плана лежит пятиугольник с округлыми углами, размеры сторон которого от 3,5 до 5 м. На полу три ступени высотой 25 см. Пол четко отделяется от материка тонкой черной прослойкой органического происхождения.

Глубина погребальной камеры 0,6 м, стенки вертикальные, ровный пол подсыпан белым материковым грунтом.

В погребальной камере были обнаружены копье, раздробленные кости человеческого скелета и разбросанные в беспорядке вещи: бронзовые наконечники стрел, один костяной, черешки и полуистлевшие лопасти железных наконечников, железный колчаный крюк, фрагменты железного ножа, спекшиеся куски железа. На дне погребальной камеры зафиксированы кости ног человека. Судя по их положению, умерший был ориентирован головой на юг. На голени положен колчан со стрелами. Это был берестяной футляр, внутри него кожаный чехол, где остриями вниз кучкой лежали стрелы - 86 экземпляров. Сверху на крышке колчана обнаружено железное кольцо очень плохой сохранности и фрагменты железного крючка. Под северной стеной погребальной камеры расчищен костяк женщины, лежащей вытянуто на спине, головой на запад. Справа у локтевого сустава - колчан со стрелами. Колчан содержит бронзовые и железные наконечники стрел - 146 экземпляров. На запястьях рук - бронзовые спиральные браслеты. Под черепом обнаружены бусы: две сердоликовые, две стеклянные.

Часть сопровождающего инвентаря размещена на краю могильной ямы на древней поверхности вдоль северной стенки. У северо-западного угла стояла гончарная фляга. Над скелетом женщины располагались керамический плоскодонный сосуд, бронзовое зеркало в кожаной сумочке, рядом раковина, в северо-восточном углу - колчан с бронзовыми наконечниками стрел - 30 экземпляров.

Материалы кургана Темир, несмотря на разрушенную грунтовую часть надмогильного сооружения, представляют редкий пример для ре-

конструкции бревенчатой постройки шатрового типа, а также для восстановления ряда интересных деталей погребального обряда.

Бревенчатое надмогильное сооружение представляло собой усеченную семиугольную пирамиду, нижнее основание которой поставлено на грунтовый фундамент, а верхнее подведено под горизонтальные суги и перекрытия. Последнее опиралось на 7 столбов, вкопанных в дно погребальной камеры. Ямы в плане совпадают с вершинами почти правильного семиугольника со сторонами 2-2,3 м.

Вещевой комплекс кургана Темир позволяет делать некоторые выводы о времени появления памятника. Основанием для датировки служат прежде всего колчаные наборы. Состав их в целом определяет время кургана как IV век до н.э.

Курган Темир является погребальной усыпальницей семейно-родственного коллектива, где захоронения совершались в течение нескольких десятилетий. Погребальная камера, судя по составу и размещению вещей, содержала четыре-пять умерших.

Рубеж V-IV веков до н.э. - это время своеобразного всплеска в распространении в степях Южного Урала погребальных памятников, аналогичных кургану Темир. Характерными чертами их являются: размещение на междуречьях, крупные размеры насыпей, наличие полых сложных деревянных конструкций, специально оформленных дромосов, коллективные захоронения с ориентировкой на запад и юг, обязательное присутствие погребения женщины с предметами культа и вооружения и в целом состав сопровождающего инвентаря. Такие памятники вскрыты в бассейне рек Илека и Урала.

В настоящее время экскурсионный объект курган Темир располагается на территории исторического парка заповедника «Аркаим» и представляет собой макет-реконструкцию в натуральную величину родовой усыпальницы кочевников V-IV веков до н.э.

На стадии позднего железа в регионе завершается разложение первобытного строя. Этому способствовали массовое освоение производства железа и выделение кузнечного ремесла, переход к пашенному земледелию в Приуралье и многоотраслевому хозяйству (скотоводство, охота, рыболовство) в Зауралье, интенсивное развитие торговых связей. Процессы осложнялись политическими событиями на юге Урала - *Великим переселением народов*.

4.7. ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Средневековая история евразийских степей необычайно динамична и разнолика. Авторы китайских, арабских, византийских и других хроник и историко-географических трактатов зачастую не успевали проследить и объективно интерпретировать этнополитические процессы в среде средневековых номадов. Евразийская степь и южная кромка лесостепи превратились в своеобразную артерию, в недрах которой непрерывно смешивались, пульсировали волны миграций и завоевательных походов. Коммуникационные способности данного ареала были фактически безграничны.

В настоящее время в пределах Заурало-Казахстанских степей исследовано 512 погребальных комплексов из 88 памятников, 43 жертвенно-поминальных комплекса и святилища, 23 каменных изваяния и более 50 случайно найденных предметов, относящихся к эпохе средневековья.

Эпоха средневековья Урало-Ишимья условно делится на три культурно-исторических периода: гунно-сарматский (II–VII вв.); угро-тюркский (VIII–X вв.); кыпчакский (XI–XIV вв.).

Наиболее известны памятники гунно-сарматского времени – Болыпека-раганский и Друженский могильники. Материалы данных погребальных комплексов имеют широкие аналогии среди памятников Приаралья и бассейна Сырдарьи раннегуннского времени. Наземные погребальные сооружения этих памятников имеют различную форму: сложные грунтовые ограды, фигурные насыпи и пр.

Основное количество памятников угро-тюркского периода сосредоточено в лесостепной зоне, что связано с резким усыханием степей и регрессией водных бассейнов Арала, Алакуля, Сары-Су. Небольшие грунтовые курганы содержат значительное число погребений (до 50), в которых обнаружено большое количество керамики, предметов вооружения (сабли, стрелы), конской упряжи (удила, стремяна, сбруя) и предметов поясной гарнитуры (пряжки, накладки, подвески из оловянистой бронзы, серебра), имеющих аналогии среди памятников Приуралья, Поволжья и средневековых материалов Венгрии.

Интересны немногочисленные памятники селенташского типа, расположенные в степной зоне – каменные насыпи и ограды, содержащие остатки трупосожжений, кости, лошади, различные предметы (керамику, пряжки, стрелы и др.).

Раннекыпчакские комплексы X-XII веков представлены немногочисленными памятниками в степной и лесостепной зонах (Синеглазово, Кайнсай).

Кыпчакские комплексы небогаты по инвентарю – вооружение: сабли, ножи, стрелы-«срезни»; конская упряжь: стремена, кольчатые удила, подпружные пряжки; кресала, зеркала и пр. Интерес представляют святилища этого времени – каменные прямоугольные и круглые ограды, вымостики, набросы с установленными на них каменными изваяниями.

Кочевники Центральной Монголии в IV-V веках н.э. прошли по уральским степям в Причерноморье и далее – на юг Европы. На Урале макро- и микромиграции происходили до VI века, а в некоторых районах – до VIII-X веков.

Степи Урала послужили коридором, по которому вслед за гуннами проследовали волны кочевников: аваров, сарагулов, савыров, печенегов, огузов, кипчаков. В условиях разложения первобытного строя, притока нового населения и передвижений аборигенного происходило становление новых этнических образований.

Стабилизация уральских обществ VI-X веков способствовала развитию хозяйства, расцвету культур и восстановлению древних торговых связей.

С конца XI века славянские дружины эпизодически проникают к народам Северного Урала для сбора дани «мягкой рухлядью». С XII века начинается активное продвижение славян в земли Перми Вычегодской и освоение бассейна Вятки. В конце XIV-XV веков русское население проникает в Верхнее Прикамье, Зауралье и затем – в Западную Сибирь. Тюркское население Южного Урала с XIII века (1236 г.) входило в состав различных татаро-монгольских улусов. Во второй половине XIV века эти территории были присоединены к Русскому государству.

На Урале сохранилось довольно много памятников эпохи Средневековья, но особого внимания заслуживает мавзолей Кесене.

Мавзолей Кесене

Из глубины веков до нас дошли замечательные архитектурные сооружения, свидетельствующие о таланте порой безвестных мастеров из народа. К числу таких и относится «мавзолей Кесене», что находится недалеко от районного центра Варна в Челябинской области. Это загадочное шестнадцатиметровое сооружение окружено таинственностью, порождающей легенды о дочери грозного властителя востока Тимура –

Тамерлана и ее трагической любви к простому воину Менгирею. В различных вариантах этой легенды по-разному раскрывалась суть произошедшей на берегу степного озера трагедии. По одному варианту, дочь Тамерлана, сбежавшая от своего отца с простым воином из его отряда, была разорвана дикими зверями (тигром, вепрем), по другим – покончила с собой, увидев гибель своего возлюбленного, схваченного посланной по их следам погоней и убитого по приказу отца. На месте гибели единственной дочери хан, как это утверждается в легенде, приказал выстроить величественный памятник – «Башню Тамерлана», где и была погребена Кесене. По легенде кирпич изготавливался в районе города Троицка и передавался по цепочке воинами до места строительства мавзолея.

Существует и другая версия легенды. Когда-то, очень давно, здесь проходили отряды Тамерлана. У одного из приближенных была красавица дочь по имени Кирка. Она хорошо ездила верхом и владела оружием. Отец очень любил Кирку и хотел выдать замуж ее за Тамерлана. Но дочь полюбила простого воина. Они выбрали самых хороших лошадей, взяли луки и стрелы и оставили родные места. Ехать нужно было темной ночью, вокруг озера, через заросли камыша, где водились тигры. Один из них напал на девушку и растерзал ее. Отец снарядил погоню. Воина-жениха поймали и убили; а над могилой дочери построили из каленого кирпича башню, которую называли Киркой.

Московский архитектор Иван Петрович Иловайский записал еще один вариант легенды, в котором Тимур, великий эмир, решив закрепить северную окраину своего государства, спешил породниться с наместником северного удела. Он отослал ему в жены свою дочь Кисене, а сам стал готовиться в далекий поход на золотоордынского хана Тохтамыша. Ему нужен был надежный союзник, который смог бы остаться в крепости, что на реке Аят, наместником-военачальником всего ополчения, всех туменов. По прибытии Кисене в улус шатер ее был раскинут на берегу большого озера около реки Нижний Тогузак. Летние дни позволяли Кисене входить в воду по нескольку раз. Так было в каждый погожий, жаркий день. Но окружающий лес таил непредвиденное. Случилось то, чего не ожидала стража. В один из солнечных дней, когда Кисене выходила из воды, из лесу выскочили тигры и напали на нее и служанок. С печальным донесением послал в Самарканд военачальник туменов. Они сообщили великому эмиру о гибели дочери. Тот решил похоронить Кисене на высоком берегу озера. Для строительства мавзолея было расставлено в один ряд многочисленное войско. Воины стояли друг около друга на расстоянии в девяносто с лишним верст и из рук в руки переда-

вали обожженные кирпичи. Вскоре вырос на берегу озера каменный шатер ярко-белого цвета. В башне три двери. В боковых установлены кованые решетки. Похоронили тело Кисене посредине башни, головой на юг, в позе спящего на правом боку человека. Прикрыли погребение плитой с арабской надписью. Переднюю дверь замуровали. Так закончилась свадебная поездка дочери великого эмира, повелителя Средней и Малой Азии.

На рубеже XIX-XX веков, после публикации в периодической печати и в специальных этнографических сборниках казахского эпоса легенды о Козу-Керпече и Баянь-Слу, появилась еще одна легенда о Тамерлане. В этой легенде речь шла о любви между бедным пастухом Козу и красавице Баянь. Узнав о грозящей им разлуке, родственники девушки решили выдать ее замуж за богатого бая – возлюбленные бежали в степь. Погоне удалось их настигнуть, и пастух был убит джигитами. Красавицу Баянь силой заставили дать согласие на свадьбу с нелюбимым старым баем, но она выдвинула одно условие – свадьба должна состояться только после того, как над могилой Козу будет поставлен памятник – мавзолей. Бай согласился, и для его строительства было собрано большое количество рабочих. От Аягуза до Аганактинских гор была выстроена цепочка людей, которые передавала необходимый для строительства памятника камень. После того, как мавзолей возвели и тело Козу было помещено в яму, Баянь опустилась в склеп и ударом кинжала покончила с собой...

Нет сомнений, что собиратели устного народного творчества записали еще немало вариантов легенд и преданий, связанных с многовековыми тайнами загадочного мавзолея. Однако никаких научных доказательств причастности Тамерлана к сооружению мавзолея Кесене нет ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. Самого названия «Башня Тамерлана» нет ни в одном дореволюционном печатном издании, хотя мавзолею посвящено немало страниц в фундаментальных трудах выдающихся ученых и путешественников. В своей «Поэтической летописи заводов Урала» доктор филологических наук, профессор А.И. Лазарев пишет: «Много разноречивых слухов и толков ходит на Южном Урале в связи с древнейшим местным сооружением, так называемой «Башней Тамерлана». Говорят, что башня построена по воле Тамерлана. Но историческая наука не знает истинного повода для сооружения мрачного мавзолея, некоторые историки вообще отрицают его связь с восточным правителем. Возможно, никакой трагедии и не было. Народ, услышав имя Кисене, популярное в татарском и башкирском эпосе; сра-

зу же – по ассоциации – перенес на женщину, захороненную в башне, все обстоятельства смерти сказочной героини».

Отрицают причастность Тамерлана к сооружению мавзолея и историки архитектуры народов Средней Азии и Казахстана. По их мнению, он не может относиться к памятникам зодчества эпохи Тимура и Тимуридов хотя бы потому, что известные шедевры среднеазиатской архитектуры, возведенные по велению Тимура, такие, как дворец Ак-Сарай в Шахрисябзе, мечеть Ходжа-Ахмеда-Яссеви в городе Туркестане, мечеть Биби-Ханым, мавзолей Тур-кан-Ака в комплексе Шах-и-Зинда в Самарканде, поражают не только грандиозностью комплексов и богатством декоративного убранства, но и своими размерами. Они значительно отличаются от культовых и мемориальных сооружений предков современных казахов и башкир, которые не могли так расточительно тратить средства, добытые тяжелым трудом кочевников-скотоводов.

Мавзолей Кесене – архитектурный памятник восточной культуры, о котором до сих пор спорят ученые: о времени происхождения, о его первоначальном виде и даже о названии... Каждый ученый делает свои выводы, но все единогласно относят его к лучшим образцам народной архитектуры.

Следует заметить, что казахские «кесене» – это измененное иранское «кашанэ» (кашана). Значение его на тюркских и иранских языках сводится к одному: жилье, дом, обитель. Только у одних подразумевается богатый дворец, украшенный изразцами (кашин – изразцы, кафель; кашинкар – украшенный изразцами), а у других – наоборот, убогое жилище, зимовка. Но в большинстве случаев этим словом обозначались мавзолеи (обитель усопших, усыпальница). Однако мавзолеи почитались в народе и как молельни и служили приютом, пристанищем для путников.

Исторически достоверным названием памятника следует считать: Мавзолей Кесене. К имени деспотического правителя некогда могущественного государства Тимура он никакого отношения не имеет.

Впервые о мавзолее как о памятнике древней архитектуры опубликовал работу член-корреспондент императорской Академии наук, коллежский советник Петр Иванович Рычков (1712-1777 гг.) в своем историко-географическом труде «Топография Оренбургская».

Обстоятельное описание мавзолея Кесене в 1786 году опубликовал Петр Симон Паллас (1741-1811 гг.): «Молитвенный дом имеет свое положение почти посередине между Тогузаком и далее к югу в Тобол вливающимся Каятом... окрест сего здания вырыт кругообразный ров, кото-

рый по причине песковатой земли неглубок и обширностью сажен во сто будет, во рве приуготовлено кладбище для усопших ...».

В 1892 году в «Отчете Императорской археологической комиссии за 1889 год» в разделе VII «Раскопки в Оренбургской губернии и Тургайской области» был опубликован отчет о раскопках, произведенных в мавзолее Кесене профессором Санкт-Петербургского университета Э.Ю. Петри (1854-1889 гг.): «Развалины Кисяня представляют собой четырехугольное с надломленным верхом здание, приблизительно в 8 сажень вышины, с 12-гранной пирамидальной башней. Оно сложено из плоских и почти квадратных кирпичей большего и меньшего размера... Кирпич не глазурован, превосходного качества... Внутри здание представляет собою квадрат, стороны которого равны восьми шагам. Потолок куполообразный, покрытый известью; в центре его находится деревянная втулка, а в ней металлическое черное кольцо; по легенде, к черному железному кольцу в прежнее время привешено было большое золотое кольцо. В каждом углу здания находится по нише, с изящным филленчатым потолком. От одной ниши к другой, в основании их проходит желоб в стене с отдушинами, ведущими в промежутки между стенами. Единственная входная дверь здания обращена на юг, одно окно обращено на восток, другое – на запад». Для раскопок Петри выбрал северную сторону. Был обнаружен женский скелет, длиной 2 аршина 6 вершков. При черепе найдены две золотые серьги с двумя жемчужинами и одним яхонтом на каждой. На пальцах рук оказались два золотых перстня, гнезда которых украшены золотым арабеском и небольшими зеленовато-голубыми камнями, похожими на бирюзу. Череп монгольского склада, не особенно типичный. При дальнейших раскопках в различных местах был обнаружен у западного окна целый череп более характерного монгольского типа. Ближе к центру найдено несколько обломков третьего черепа.

Исследованиями мавзолея Кесене занимались и советские архитекторы. Так, в 1939 году В.А. Матвеев произвел эскизные замеры памятника. Его пояснительная записка хранится в Челябинском областном краеведческом музее. В 1944 году старший инспектор областного отдела по делам архитектуры В.Г. Грин произвел обследование и фотографирование мавзолея.

В 1950 году М.М. Мендикулов в сборнике «Известия Академии наук Казахской ССР» опубликовал обстоятельную статью «Некоторые данные об исторической архитектуре Казахстана». На следующий год в сборнике «Архитектура республик Средней Азии» он выступил вторич-

но по вопросу архитектуры с коническими или пирамидальными куполами. Несмотря на некоторые досадные опечатки, обе статьи М.М. Мендикулова являются ценным пособием для исследователей. Мендикулов впервые в нашей отечественной историко-архитектурной литературе обратил внимание на уникальный памятник зодчества, классифицировал его как архитектурный тип портално-купольного сооружения и сделал попытку установить приблизительную дату его сооружения.

По анализу исследований и архитектурных особенностей сделан вывод, что памятник сооружен в XIV веке. Неповторимость мавзолея Кесене, его архитектоника, конструктивные особенности дают нам право отнести памятник к лучшим образцам народной архитектуры.

На основании исследований ученых Палласа, Сальникова, Стоколова до сооружения мавзолея Кесене на этом месте существовал древний некрополь, насчитывающий несколько сот курганских захоронений. На протяжении четырех тысяч лет возвышенность, расположенная между озерами, служила погребальным полем. В наиболее чтимой центральной части некрополя был сооружен мавзолеем Кесене. В мавзолее хоронили знатных феодалов. По анализу исследований и архитектурных особенностей сделан вывод, что памятник сооружен в XIV веке.

Постройка при всей кажущейся простоте достаточно сложна, и в ее формах чувствуется уверенная рука мастера, имевшего большую строительную практику. Неповторимость мавзолея Кесене, его архитектура, конструктивные особенности позволяют отнести этот памятник к лучшим образцам народной архитектуры.

Сквозь сетку седого тумана
Среди уральских ковылей
Чернеет башня Тамерлана
Безмолвный памятник полей.
Когда-то здесь промчались орды
Под гром копыт и шелест стрел.
Их предводитель варвар гордый
Построить башню повелел.

Чтобы себя увековечить
В холодной груди кирпичей
Немало жизней человеческих
Сгубил палач из палачей...
И башня – спутница преданья
Ветрам открытая стоит
Как символ назиданья
Завоевателям иным!

Дмитрий Смагин

В настоящее время на территории Урала сохранились памятники древнейшей и средневековой истории, по которым мы можем судить о жизни людей живших на территории Урала в IV веке до н.э.-XIV веках.

Литература

- 1 Анненский, Л. Пятая цивилизация./ Л. Анненский.// Родина. – 1999. – №2. – С.7-9.
- 2 Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия./ Науч. ред. Зданович Г.Б., Сост. Иванова Н.О. – Челябинск: Творческое объединение «Каменный пояс», 1995. – 224 с.
- 3 Бадер, О.Н. Следы палеолита в пещере Ямазы-таш (Игнатьевской) на Южном Урале./ О.Н. Бадер.// Первобытная археология – поиски, находки. – Киев: Наукова думка, 1980.
- 4 Боталов, С.Г. Номады./ С.Г. Боталов. – Челябинск: Челябинский дом печати: Рифей, 2000. – 335 с.
- 5 Быструшкин, К. Аркаим – великая обсерватория древности./ К. Быструшкин.// Наука и жизнь. – 1996. – №12. – С.52-60.
- 6 Быструшкин, К. Аркаим – суперобсерватория древних ариев?/ К. Быструшкин.// Урал. – 1996. – №1. – С. 164-174.
- 7 Быструшкин, К.К. Народ богов. Земля забытых предков./ К.К. Быструшкин. – Екатеринбург: Банк культурной информации.; РАН Урал, отделение. Ин-т истории и археологии., 2000. – 330 с.
- 8 Виноградов, Н.Б. Страницы древней истории Южного Урала./ Н.Б. Виноградов. – Челябинск.: Южно-Уральское книжное издательство, 1997. – 160 с.
- 9 Врата Рифея: Сборник. Эссе, документы, справочная информация, воспоминания, хроника, рассказы, стихи. – М.: Московский писатель, 1996. – 448 с.
- 10 Генинг В.Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен./ В.Ф. Генинг.// Советская археология. – 1997. – №4.
- 11 Дегтярев, А.Г. На берегах Яика./ А.Г. Дегтярев. – Магнитогорск: Магнитогорский Дом печати, 1995. – 100 с.
- 12 Древности Урало-Казахстанских степей. Каталог выставки. – Челябинск, 1991. – 60 с.
- 13 Древность Урала: Учебное пособие./ Под. ред. Миненко Н.А. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1996. – 109 с.
- 14 Древняя история Южного Зауралья. Том I. Каменный век. Эпоха бронзы. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. – 532 с.
- 15 Духовная культура Урала./ Под ред. Миненко Н.А. – Екатеринбург: Банк культурной информации; ИДЛ: «Сократ»,1998. – 101 с.
- 16 Загребин, СИ. Родники истории./ СИ. Загребин – Челябинск, 1996.
- 17 Зданович, Г.Б. Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья./ Г.Б. Зданович.// Российская археология. – 1997. – №2. – С.47-62.
- 18 Зданович, Г.Б. Страна городов. Археологическое и культурное событие XX века. Г.Б. Зданович.// Родина. – 2001. – №11. – С. 10-13.
- 19 Зданович, Д.Г. Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Материалы к конференции./ Д.Г.Зданович, И.О. Иванова. – Челябинск: Челяб. гос.ун-т., 1999. – 362 с.

- 20 Кузьмина, Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. докт. дисс/ Е.Е. Кузьмина. – Новосибирск, 1988.
- 21 Кузьмина, Е.Е. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев./ Е.Е. Кузьмина.// Переднеазиатский сборник. – М., 1986. Вып.4.
- 22 Ляхницкий, Ю.С. Шульганташ./ Ю.С. Ляхницкий. – Уфа: Китап, 2002. – 200 с.
- 23 Мальцева, СП. Три слова об Аркаиме./ СП. Мальцева. – Челябинск: Челябинский дом печати, 2001. – 336 с.
- 24 Никулина, М. Аркаим – древнейшая история человечества./ М. Никулина.// Наука и жизнь. – 1995. – №1. – С.42-48.
- 25 Окладников, А.П. Новая пещера на Урале с палеолитическими росписями./ А.П. Окладников, В.Т. Петрин.// Природа. – 1982. – №1.
- 26 Окладников, А.П. Палеолитические рисунки Игнатьевской пещеры на Южном Урале./ А.П. Окладников, В.Т. Петрин.// Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск, 1983.
- 27 Петрин, В.Т. Новые наскальные изображения Урала./ В.Т. Петрин.// Проблемы археологии Северной и Восточной Азии. – Новосибирск: ВО «Наука», 1986. – 160 с.
- 28 Петрин, В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале./ В.Т. Петрин. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1992. – 207 с.
- 29 Пятков, В.В. «Страна городов»./ В.В. Пятков. – Челябинск, 2001. – 78 с.
- 30 Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд. – Екатеринбург: Академкнига; УрО РАН, 2000. – 624 с.
- 31 Уральское краеведение: Ист. лит. альм./ Под ред. Тагильцевой Н.Н. – Екатеринбург: Издательство Уральского ун-та, 1996. – 138 с.
- 32 Широков, В.Н. Древнейшее искусство Уральских пещер./ В.Н. Широков. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1995. – С.29-41, 62.
- 33 Широков, В.Н. Писаницы./ В.Н. Широков.// Родина. – 2001. – №11.
- 34 Шувалов, Н.И. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области./ Н.И. Шувалов. – Челябинск, 1989.
- 35 Янгузин, Р.З. Караван-Сарай – национальная святыня башкирского народа./ Р.З. Янгузин.// Оренбургской губернии – 250 лет: проблемы истории и культуры. – Оренбург, 1994.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Урал всегда играл в истории России значительную, выдающуюся роль. Неслучайно территория Урала привлекала и привлекает внимание многих людей. Со страниц сотен исследований предстает перед нами его прошлое, богатое и не похожее на историю других регионов России. Урал, отличаясь уникальными особенностями этнической истории, колониционного освоения, культурного развития, претендует на особое место и роль в российском геопространстве.

Урал богат археологическими памятниками, которые характеризуют сложные процессы взаимодействия человека и природы, начиная с эпохи палеолита и кончая периодом нового времени: поселениями каменного века, уникальными наскальными изображениями, пещерными историко-природными комплексами. Особое положение среди памятников различных эпох в древней истории Урала занимают древние святилища и жертвенные места. В конце эпохи бронзы и в раннем железном веке появляются многочисленные открытые поселения. Не менее яркими памятниками древности являются могильники.

Список литературы

1. Александрова, Е.Я., Быховская И.М. Апология культурологии // Обществ. науки и современность, 1997. № 2
2. Арутюнов, С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989
3. Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983
4. Давыдов, Ю.Н. Культура – природа – традиция // Традиция в истории культуры. М., 1978
5. Духовная культура и этнич. самосознание наций. Вып. 1-2. М., 1990-1991
6. Ерасов, Б.С. О статусе культурно-цивилизационных исследований // Цивилизации и культуры. Вып. 1. М., 1994
7. Ерасов, Б.С. Социальная культурология. М., 1996
8. Ерасов, Б.С. Предисловие: О статусе культурно-цивилизационных исследований//Цивилизации и культуры. В. I. Россия и Восток: Цивилизационные отношения. М., 1994
9. Здравомыслов, А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986
10. Каган, М.С. Философия культуры. СПб., 1995
11. Новикова, Л.И. Цивилизация как идея и как объяснительный принцип истор. процесса // Цивилизации. Вып. 1. М., 1992
12. Орлова, Э.А. Социальная и культурная антропология. М., 1997
13. Орлова, Э.А. Динамика культуры и целеполагающая активность человека // Морфология культуры: структура и динамика. М., 1994
14. Орлова, Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. М., 1994
15. Садохин, А.П. Этнология. – М.: Гардарики, 2000.
16. Соколов, Э.В. Понятие, сущность и основные функции культуры. Л., 1989
17. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989
18. Флиер, А.Я. Этнические функции культуры // Культурология: Научно-образоват. вестник. 1996. № 5
19. Флиер, А.Я. Современная культурология: Объект, предмет, структура //Обществ. науки и современность. 1997. № 2
20. Флиер, А.Я. Основания исторической культурологии //Культура России на рубеже столетий. Тез. докл. В. I. М., 1996
21. Художественная культура и народное творчество. М., 1994
22. Художественная культура и просвещение России XX века. Екатеринбург, 1995
23. Художественная культура русской усадьбы. М.. 1995
24. Чавчавадзе, Н.З. Культура и ценности. Тб., 1984
25. Эстетика: Словарь/Под общ. ред. А.А. Беляева и др. – М.: Политиздат, 1989.– 447 с.